ОСНОВАНІЯ

ЛОГИКИ.

РИЧАРДА УЭТЛИ,

АРХІЕПИСКОПА ДУБЛИНСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ДЕВЯТАГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. И. Шимкова,

ДОКТОРА ФИЗИКИ, ПРОФЕССОРА ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ А. В. ЗАЛЕНСКАГО

1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6 Іюня 1873 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сущность предлагаемаго сочиненія содержится въ статьѣ «Логика», помѣщенной въ Encyclopoedia Metropolitana. При составленіи статьи я пользовался, съ согласія Д-ра Коплестона (*) (теперь Епископа Ландафскаго), рукописями, составленными преимущественно изъ того, что я слышалъ отъ него при разговорахъ объ этомъ предметѣ и которыми я пользовался при своемъ преподаваніи. Излагая содержащіяся въ нихъ мысли въ формѣ годной для Энциклюпедіи и дополняя впослѣдствіи эту статью для составленія этой книги, я не стѣснялся пользоваться тѣмъ, что казалось мнѣ особенно хорошо изложеннымъ у прежнихъ писателей; — главнымъ же образомъ пользовался краткимъ, но вообще обстоятельнымъ трактатомъ Олдрича (Aldrich). Но отдавая полную дань признательности моимъ предшественникамъ, трудами которыхъ я въ такой

(*) Ему же и посвятилъ авторъ это сочиненіе.

степени пользовался. я долженъ сказать, что меня не удовлетворяетъ ни одно изъ сочиненій, вышедшихъ до сихъ поръ, и что я считалъ нужнымъ указать на тѣ ошибки, которыя, на мой взглядъ, они содержатъ. Каково бы ни было уваженіе какого либо автора къ трудамъ и авторитету его предшественниковъ, — то одно, что онъ издаетъ сочиненіе по тому же самому предмету, показываетъ уже, что онъ считаетъ нужнымъ исправить ихъ. Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходится критиковать нѣкоторыя положенія и толкованія Логиковъ и Олдрича въ особенности, то я желалъ бы чтобы это приписывали не дурному мнѣнію о компеніумѣ названнаго автора, а напротивъ, его популярности, невозможности указать отдѣльно на всѣ пункты, въ которыхъ я соглашаюсь съ нимъ и тому еще, что ошибки должны быть указываемы тѣмъ старательнѣе, чѣмъ большимъ авторитетомъ пользуется лицо, которому онѣ принадлежатъ.

Каждое новое изданіе подвергалась тщательному пересмотру. Хотя это дѣлалось не только мною и нѣкоторыми изъ моихъ друзей, но, кромѣ того, сочиненіе это подвергалось болѣе строгому разбору несогласныхъ со мною критиковъ, однако я былъ такъ счастливъ, что въ немъ не нашли никакихъ существенныхъ ошибокъ и не понадобилось поэтому подвергать его какимъ бы то ни было значительнымъ измѣненіямъ.

О пользѣ Логики были высказаны многими писателями такія мнѣнія, съ которыми я не могу согласиться, и вслѣдствіе которыхъ занятія Логикою

стали предметомъ незаслуженнаго презрѣнія. Представляя Логику какъ науку, доставляющую единственное средство для *открытія истины* во всѣхъ областяхъ знанія и научающую пользоваться *умственными способностями* вообще, они возбудили ожиданія и породили требованія, которыя не могли быть удовлетворены и потому, естественнымъ образомъ, вызвали реакцію противъ нея. Подъ вліяніемъ этой реакціи распространилось мнѣніе о безполезности и безсодержательности науки, неосновательныя притязанія которой были обнаружены. Такъ было съ нѣкоторыми изъ лучшихъ лекарствъ, которыя, при первоначальномъ введеніи ихъ въ употребленіе, выставлялись каждое какъ всецѣлебное средство отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней; впослѣдствіи на нѣкоторое время они иногда совершенно выходили изъ употребленія, хотя позже, когда свойства ихъ были изслѣдованы, они снова стали употребляться для произведенія тѣхъ дѣйствій, которыя они дѣйствительно могутъ производить.

Въ одномъ изъ писемъ лорда Дедлэ къ Епископу Коплестону (1814) онъ указываетъ въ доказательство безполезности занятія Логикою на то обстоятельство, что ею съ особенною любовью занимались въ тотъ темный періодъ, когда умственныя способности людей были повидимому парализованы, въ теченіи котораго не сдѣлали ни одного открытія и когда многія ошибки были распространяемы и пустили глубокіе корни; что напротивъ того занятія Логикою пришли въ упадокъ и стали предметомъ все-

общаго презрѣнія, когда умственная дѣятельность міра оживилась, когда стало процвѣтать и приносить плоды философское изслѣдованіе. Это мнѣніе я привелъ въ «Основаніяхъ Реторики» (ч. II, гл. III, § 2.) какъ примѣръ допущенія, которое само по себѣ не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но которое можетъ быть отвергнуто на основаніи противоположнаго допущенія. Коль скоро какая нибудь отрасль знаній была развиваема не такъ какъ слѣдуетъ, на счетъ другихъ знаній, коль скоро ее распространяютъ на тѣ области, которыя не имѣютъ къ ней непосредственнаго отношенія, то можно допустить, что это вызоветъ реакцію, вслѣдствіе которой она станетъ предметомъ такого же неумѣреннаго презрѣнія, боязни и отвращенія. Въ разсматриваемомъ здѣсь случаѣ легко себѣ представить, что ложное и нелѣпое направленіе Логики во времена умственнаго упадка могло вызвать въ послѣдующее, сравнительно свѣтлое, время представленіе о совмѣстности Логики съ незнаніемъ, предразсудками и приверженностью къ старымъ ошибкамъ; такое же представленіе можетъ помѣшать замѣтить пользу и настоящее значеніе науки (предполагая, что ей можетъ быть приписано и то и другое). Наши предки не позаботились засѣять и собрать плоды съ новыхъ полей, а довольствовались тщетнымъ перемолачиваніемъ старой соломы и перевѣиваніемъ той же мякины. Послѣ этого можно напередъ сказать, что ихъ потомки станутъ въ теченіи нѣкотораго времени съ презрѣніемъ смотрѣть на самыя операціи молотьбы

и вѣянія и станутъ пытаться перемалывать зерно, солому и мякину вмѣстѣ.

Замѣчательно то обстоятельство, что то самое лицо, къ которому обращены были только что приведенныя слова, было свидѣтелемъ значительнаго измѣненія (вызваннаго въ значительной степени его же трудами) во взглядахъ общества на этотъ предметъ и это въ теченіи не большой части промежутка времени, протекшаго между полученіемъ и обнародованіемъ этого письма. Этимъ самымъ указанное выше предположеніе Лорда Дедлэ потеряло всякое основаніе. Въ теченіи этого времени сочиненіе, составленное съ помощію Д-ра Коплестона и съ его позволенія помѣщенное въ Энциклопедіи, привлекло всеобщее вниманіе, на столько, что потребовалось отдѣльное печатаніе его, и выпущено было нѣсколько изданій его не только въ Англіи, но и въ соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ оно, кажется, введено во всѣхъ училищахъ какъ руководство. Къ этому нужно еще присоединить частыя (сравнительно съ тѣмъ, что было лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ) ссылки на Логику у писателей по различнымъ предметамъ; кромѣ того нѣсколько другихъ сочиненій о Логикѣ появлялись и все чаще и чаще появляются въ послѣдніе годы. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій не имѣютъ ничего общаго съ этою книгою, кромѣ названія. Но это-то обстоятельство и служитъ поощреніемъ, такъ какъ оно показываетъ, что имя науки не возбуждаетъ уже, какъ прежде, всеобщаго подозрѣнія, а служитъ напротивъ какъ бы ре-

комендаціею. Вѣроятно Лордъ Дедлэ, если бы онъ былъ теперь живъ, не сказалъ бы, что Логика находится во всеобщемъ забвеніи и пренебреженіи, хотя всѣ отрасли Наукъ, Философіи и Литературы процвѣтали въ это время.

Польза Логики можетъ быть объяснена вполнѣ только при изложеніи ея системы. Здѣсь будетъ кстати высказать только одно замѣчаніе. Если бы спросили: что слѣдуетъ разсматривать какъ самое присущее человѣку умственное занятіе, то что бы отвѣтили на это? Государственный человѣкъ занятъ дѣлами политики, полководецъ—военными, математикъ — свойствами чиселъ и величинъ, купецъ— дѣлами торговли и т. д. Что всѣ они и каждый изъ нихъ при этомъ дѣлаютъ, какъ *люди?* (Я прибавляю это потому, что есть много способовъ упражнять умственныя или физическія способности, которыя сходны для людей и низшихъ животныхъ.) Очевидно, что общее во всемъ этомъ есть *Разсужденіе.* Всѣ они заняты выводомъ, правильно или неправильно, заключеній изъ посылокъ, относящихся спеціально къ предмету занятій каждаго. Если окажется, что ежедневный процессъ, происходящій въ такомъ большемъ числѣ умовъ, можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ разсматриваемъ какъ *одинъ и тотъ же*, и если начала, на которыхъ онъ основывается, могутъ быть собраны въ строгую систему, изъ которой могутъ быть выведены правила, руководящія въ этомъ процессѣ, то врядъ ли кто станетъ отрицать, что такая система и эти равила заслуживаютъ особеннаго вниманія, неп

только со стороны лицъ того или другаго рода профессій, но со стороны всякаго, желающаго развить свой умъ. Можно смѣло утверждать, что пониманіе теоріи процесса, который составляетъ характерное умственное занятіе человѣка вообще, и умѣніе дѣлать хорошо то, что всякій будетъ и *долженъ* во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно, дѣлать,—что это составляетъ существенную часть хорошаго образованія.

Но допуская даже, что изученіе Логики не привело бы ни къ какимъ практическимъ улучшеніямъ разсужденія, изъ этого еще не слѣдовало бы, что предметъ этотъ не заслуживаетъ вниманія. Знакомство съ интересными предметами, ради одного любопытства, обыкновенно не разсматривается какъ напрасная трата времени, а напротивъ, какъ полезное упражненіе для ума, если не непосредственно, то косвенно, вслѣдствіе того изощренія умственныхъ способностей, которое съ этимъ связано. Не всѣ изучающіе Математику имѣютъ въ виду сдѣлаться землемѣрами или механиками; нѣкоторое знакомство съ Анатоміею и Химіею всегда предполагается въ хорошо образованномъ человѣкѣ, хотя онъ не хирургъ и не лекарь. Врядъ ли можно разсматривать изслѣдованіе процесса, который вообще и въ частности занимаетъ людей, разсматриваемыхъ какъ люди, какъ менѣе научное занятіе, чѣмъ занятіе тѣми предметами, которые только что указаны нами.

Но, по отношенію къ Логикѣ, часто высказывалось мнѣніе, что теорія, не стремящаяся исправить

приложенія, совершенно не заслуживаетъ вниманія. Кромѣ того утверждаютъ, что Логика вовсе не имѣетъ подобныхъ стремленій и указываютъ на то, что люди могутъ разсуждать и разсуждаютъ правильно безъ помощи ея. Но тоже самое слѣдуетъ сказать о Грамматикѣ, Музыкѣ, Химіи, Механикѣ и т. д. словомъ о всѣхъ наукахъ, практическія приложенія которыхъ развились прежде ихъ теоріи.

Многіе, признающіе пользу научныхъ началъ вообще, часто выставляютъ здравый смыслъ, какъ достаточный и единственно безопасный руководитель при разсужденіи. Подъ словомъ *здравый смыслъ*, (если только ему придаютъ опредѣленное значеніе), подразумѣваютъ сужденіе, совершающееся безъ пособія какого либо искуства или свода правилъ, необходимое при множествѣ случаевъ обыденной жизни. Не имѣя здѣсь никакихъ принятыхъ началъ для руководства въ такомъ сужденіи, никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно хода его, намъ приходится дѣйствовать по вдохновенію. Тому, кто особенно искуственъ въ этомъ, приписываютъ обладаніе здравымъ смысломъ въ высокой степени. Но что здравый смыслъ есть хорошій руководитель только за недостаткомъ лучшаго, что желательно имѣть законы даннаго искуства, если только они могутъ быть найдены, то въ подтвержденіе справедливости этихъ положеній, можно сослаться на все человѣчество; въ настоящемъ же случаѣ ссылка эта имѣетъ тѣмъ большее значеніе, такъ какъ она доставляетъ намъ

свидѣтельство людей, не согласныхъ съ нашимъ положеніемъ. Дѣйствительно, большинство питаетъ сильное пристрастіе къ здравому смыслу только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не знакомо съ относящеюся къ нимъ системою правилъ; коль скоро же оно обладаетъ знаніемъ правилъ, то оно осмѣиваетъ тѣхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ, опираются исключительно на здравый смыслъ. Можетъ случиться, что морякъ напр., будетъ относиться съ презрѣніемъ къ притязаніямъ лекарей и предпочитать леченіе болѣзней по здравому смыслу; но тотъ же самый морякъ нашелъ бы смѣшнымъ предложеніе управлять кораблемъ по здравому смыслу и не принимая во вниманіе основныхъ правилъ мореплаванія. Точно также иной медикъ станетъ пренебрегать системами политической экономіи, логики, метафизики и утверждать что въ этихъ областяхъ лучше всего полагаться на здравый смыслъ; но онъ никогда не одобрилъ бы леченія болѣзней на такомъ же основаніи. Точно также архитекторъ не посовѣтуетъ полагаться исключительно на здравый смыслъ при постройкахъ, ни музыкантъ при занятіяхъ музыкою; каждый изъ нихъ не захочетъ пренебрегать тою системою правилъ, которыя научнымъ путемъ и на основаніи опыта выведены въ каждой изъ этихъ областей. Выводъ этотъ можетъ быть распространенъ на всѣ роды практическихъ приложеній. Такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ даютъ предпочтеніе здравому смыслу только тогда, когда не на что больше положиться, въ противномъ же случаѣ всегда обращаются къ

законамъ искуства, коль скоро эти законы извѣстны, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ люди выказываютъ предпочтеніе систематическому знанію предъ догадочнымъ сужденіемъ, хотя не сознаютъ или не желаютъ выказать этого.

Замѣтимъ впрочемъ, что здравому смыслу остается еще обширное поле дѣятельности при *приложеніяхъ* системы правилъ. Чтобы привести доводы изъ той формы, въ которой они высказываются въ разговорахъ и въ книгахъ, въ правильную логическую форму, нужно пользоваться здравымъ смысломъ и обладать навыкомъ, такъ какъ такіе доводы нельзя предполагать вошедшими въ область науки, потому что въ такомъ случаѣ они были бы правильны и представлялись бы всегда въ видѣ правильнаго силогизма. Чтобы дать читателю упражненіе въ этихъ дѣйствіяхъ, я помѣстилъ въ Приложеніи къ этой книгѣ нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ разсужденій Нужно еще прибавить, что значительную часть того, что обыкновенно разсматривается въ Логикѣ и что относится къ пріисканію доводовъ и различнымъ родамъ ихъ, я отнесъ къ Реторикѣ и разсматривалъ въ отдѣльномъ сочиненіи объ Основаніяхъ этого искуства.

Вѣроятно полное и сознательное убѣжденіе въ прямой и косвенной пользѣ знакомства съ Логикою побудило Оксфордскій Университетъ, при пересмотрѣ своихъ уставовъ, не только удержать эту науку въ циклѣ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, не смотря на вопли многихъ полуобразованныхъ людей, но и дать ей преобладающее значеніе, сдѣ-

лавъ экзаменъ изъ нея необходимымъ для полученія первой ученой степени. Я убѣжденъ впрочемъ, что это послѣднее обстоятельство привело къ послѣдствіямъ совершенно противуположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыя при этомъ имѣлись въ виду: оно способствовало не возвышенію, а, напротивъ, уменьшенію уваженія къ этой наукѣ и отвлекло отъ нея вниманіе многихъ, которые могли бы съ пользою заниматься ею. Я вовсе не воображаю, что какой бы то ни было способъ преподаванія той или другой науки можетъ имѣть большой успѣхъ по отношенію ко всѣмъ студентамъ или большей части ихъ: «мы сѣемъ много сѣмянъ, но мало собираемъ плодовъ». Но можно бы ожидать (и этого ожидали вѣроятно), что по крайней мѣрѣ, большая часть успѣвающихъ слушателей будутъ пріобрѣтать достойную вниманія пользу отъ занятій Логикою, и что лучшіе изъ нихъ окажутся хорошими, если не отличными логиками. Я не хочу разсматривать подобныя ожиданія, какъ нелѣпыя или утверждать, что я самъ не могъ бы питать ихъ, если бы въ то время, когда весь опытъ былъ еще впереди, пришлось высказывать свое сужденіе объ этомъ предметѣ. Но послѣдующій опытъ показалъ, что эти ожиданія далеко не оправдываются на дѣлѣ. Дѣйствительно, только весьма не многіе изъ лучшихъ студентовъ успѣваютъ въ Логикѣ, большая же часть ихъ проходятъ черезъ университетъ, не узнавая ничего объ этомъ предметѣ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы они не заучили цѣлаго ряда техническихъ терминовъ, а только что они при этомъ совершенно

ничего не узнали изъ началъ науки. Незначительный и имѣющій мѣсто только въ частныхъ случаяхъ успѣхъ этой мѣры, имѣвшей въ виду поощрять занятія Логикою, зависитъ, какъ кажется мнѣ, отъ всеобщности указанныхъ требованій. То, что долженъ дѣлать каждый, дѣлается весьма часто совершенно безъучастно. Если при этомъ совершенно установится убѣжденіе, какъ это навѣрное было въ этомъ случаѣ, что предметъ, требуемый при испытаніяхъ, не имѣетъ никакого значенія при полученіи отличій, то устанавливается весьма низкій уровень требованій въ этомъ отношеніи, и тогда довольствуются только достиженіемъ этого уровня и не обращаютъ вовсе вниманія на большій или меньшій успѣхъ въ этой области знаній.

Законъ Божій относится также къ числу предметовъ, поставленныхъ въ такія же условія какъ Логика, и многое сказанное относительно Логики относится и къ этому предмету; хотя между ними есть на самомъ дѣлѣ нѣсколько весьма существенныхъ отличій. Слѣдующее обстоятельство особенно ярко выказываетъ это различіе: богословіе, не будучи наукою, допускаетъ безчисленное множество степеней знанія, начиная съ той степени, въ которой оно доступно дитяти, до той, которая доступна только самымъ высокимъ умамъ, и каждая степень знанія сама по себѣ имѣетъ неоцѣненныя преимущества. Если кто либо порядочно понимаетъ катехизисъ или даже половину его, то онъ знаетъ уже кое что изъ Закона Божія, и это кое что несравненно лучше, чѣмъ ничто. Но

совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о наукѣ: тотъ, кто не понимаетъ началъ, на которыхъ основаны доказательства Эвклида, не знаетъ ничего изъ Геометріи, хотя бы и заучилъ на память большее или меньшее число вопросовъ и отвѣтовъ; всѣ его труды остаются совершенно напрасными, пока онъ не достигъ указанной степени пониманія и, можетъ быть, даже болѣе чѣмъ напрасны, если они заставляютъ его думать, что онъ научился чему либо изъ Математики, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, онъ ничего не знаетъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать о Логикѣ и о всякой другой Наукѣ: знаніе ихъ не имѣетъ столькихъ различныхъ степеней, какъ знаніе Закона Божія. Этимъ я не хочу сказать, чтобы я ставилъ на одномъ уровнѣ всѣхъ, знающихъ болѣе или менѣе изъ извѣстной науки; но я утверждаю, — и въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, — что незнакомый съ основными началами науки собственно говоря ничего не знаетъ въ этой наукѣ, сколько бы онъ не принялъ въ ней на вѣру или не выучилъ на память. А между тѣмъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что большинство выдерживающихъ экзаменъ и получающихъ даже отличія обладаютъ только такимъ знаніемъ. Есть люди (вѣроятно не болѣе какъ одинъ на десять изъ тѣхъ, которыхъ способности въ другихъ отношеніяхъ удовлетворительны), которые не способны къ той степени отвлеченности, какая необходима для дѣйствительнаго усвоенія началъ Логики или другой науки, какія бы старанія не прикладывали они сами или ихъ воспитатели съ цѣлью достиг-

нуть этого Но для большинства это представляетъ только большія затрудненія, а не невозможность, и оно вслѣдствіе нерасположенія къ такимъ занятіямъ естественно довольствуется низшимъ уровнемъ знанія. Испытанія подобныхъ людей въ Логикѣ вмѣстѣ съ общимъ предубѣжденіемъ противъ нея ведетъ къ еще большему униженію этой науки въ глазахъ большинства.

Я не воображаю вовсе, чтобы предлагаемое здѣсь сочиненіе могло совершенно истребить тѣ, глубоко укоренившіеся предразсудки, на которые я указалъ выше и которые упираются на авторитетъ весьма значительныхъ именъ, и въ особенности на авторитетъ Локка и (какъ обыкновенно, но не совсѣмъ основательно думаютъ) Бэкона. Но мнѣ удалось опровергнуть нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій и объяснить нѣкоторыя вообще неправильно понимаемыя начала, и потому я надѣюсь, что истинное знаніе будетъ продолжать (какъ оно уже начало) пріобрѣтать все большее и большее число сторонниковъ.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что такъ какъ я обращался къ самымъ разнообразнымъ классамъ людей, начиная съ ничего не знающаго новичка и кончая совершенно знающимъ Логикомъ, то я долженъ былъ касаться какъ самыхъ элементарныхъ принциповъ, такъ и самыхъ отвлеченныхъ выводовъ, изъ нихъ; поэтому можно думать, что каждый читатель найдетъ въ этой книгѣ не подходящія къ нему части. Иному покажутся нѣко-

торыя объясненія слишкомъ простыми и дѣтскими, между тѣмъ какъ другому иныя разсужденія покажутся на первыхъ порахъ слишкомъ темными. Если всякій найдетъ нѣсколько отдѣловъ этой книги интересными, то это будетъ все, чего я считаю себя вправѣ желать

Что касается изложенія, то я считалъ ясность не только самою существенною стороною его, какъ это слѣдуетъ считать при изложеніи всякихъ предметовъ, но позволялъ себѣ въ настоящемъ случаѣ пренебрегать, ради ея достиженія, другими сторонами хорошаго изложенія. Я не обращалъ вниманія на растянутость объясненій, избитые примѣры, нескладность выраженій и т. п., коль скоро при этомъ можно было что либо выиграть по отношенію къ ясности. Нѣкоторые изъ моихъ читателей могутъ на первыхъ порахъ встрѣтить затрудненіе вслѣдствіе употребленія мною техническихъ терминовъ не въ томъ смыслѣ, къ которому они привыкли. Нужно при этомъ принять во вниманіе, что, вслѣдствіе разногласія между различными писателями, я и не могъ согласоваться за разъ со всѣми ими. Я пытался не дѣлать не нужныхъ нововведеній и держался тѣхъ значеній различныхъ терминовъ, которыя были приняты, за исключеніемъ впрочемъ случаевъ, когда противъ этого можно было привести сильныя возраженія; въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось выбирать между различными терминами, я давалъ предпочтеніе тому, который казался мнѣ наиболѣе подходящимъ. Во всякомъ случаѣ я точно опредѣляю, въ какомъ

смыслѣ данный терминъ употребляется въ этомъ сочиненіи.

Если бы меня упрекнули въ томъ, что я не привожу здѣсь исторіи всѣхъ измѣненій въ значеніяхъ каждаго техническаго термина у различныхъ писателей и при томъ съ того времени, какъ этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе,— что я не дѣлаю разбора сочиненій каждаго писателя по Логикѣ, то на это я могу возразить, что я имѣлъ въ виду написать не логическую археологію и не комментаріи на сочиненія первыхъ логиковъ, но элементарное введеніе въ эту науку.

Конечно не многіе станутъ разсматривать сочиненія напр. по земледѣлію какъ не полное, если оно не будетъ касаться вопроса, кто изобрѣлъ плугъ, какимъ послѣдовательнымъ измѣненіямъ подвергалось это орудіе и гдѣ впервые была посѣяна пшеница.

Точно также могутъ упрекнуть меня за упущеніе нѣкоторыхъ метафизическихъ изслѣдованій о законѣ мышленія и строеніи человѣческаго ума вообще, которыя обыкновенно помѣщались въ «Логикахъ». На это я отвѣчу, что самое слово «Логика» я употребилъ здѣсь въ другомъ смыслѣ вслѣдствіе причинъ, указанныхъ мною въ различныхъ мѣстахъ этого сочиненія, особенно же въ Кн. IV, гл. III, и что поэтому меня можно упрекать только за то, что я не написалъ сочиненія другаго рода или о другомъ предметѣ. Я не хочу этимъ сказать, что я недоволенъ тѣми, которые употребляли слово «Логика» въ болѣе обширномъ

смыслѣ, или что я отрицаю хорошія качества въ ихъ сочиненіяхъ; я хочу только предостеречь читателя отъ ошибки, — гораздо болѣе распространенной, чѣмъ это, кажется, думаютъ, — смѣшивать расширеніе приложеній даннаго названія съ расширеніемъ предѣловъ данной науки.

Замѣчу впрочемъ, что первая часть «Основаній Реторики» содержитъ изложеніе того, что многими писателями излагалось въ Логикѣ. Техническія названія, употребляемыя въ этомъ сочиненіи, взяты изъ старѣйшихъ сочиненій по этому предмету, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда казалось необходимымъ нѣсколько отступить отъ придаваемаго ими въ этихъ сочиненіяхъ смысла. Можно было бы, можетъ быть, избѣгнуть нѣкоторыхъ предубѣжденій и пріобрѣсть даже видъ оригинальности, вводя новыя выраженія. Многіе писатели находили уже недостатки въ принятомъ техническомъ языкѣ и признавали его сложнымъ и запутаннымъ; но я всегда находилъ, что предлагаемый ими способъ выраженія содержитъ еще болѣе неудачные обороты, чѣмъ тотъ, который они критикуютъ, и въ то же время онъ часто бываетъ менѣе ясенъ и точенъ, чѣмъ старый.

Нужно впрочемъ замѣтить, что всякій техническій языкъ (какъ и всякія правила искуства) долженъ на первыхъ порахъ представлять нѣкоторое затрудненіе для учащагося, хотя подъ конецъ онъ долженъ облегчать его изслѣдованія. Но для этого нужно, чтобы этотъ языкъ и эти правила были не только отчетливо понимаемы, но и вы-

учены на столько твердо, какъ азбука и постоянно и правильно употреблялись. Въ противномъ случаѣ техническій языкъ будетъ только затруднять, не принося никакихъ выгодъ, подобно одеждѣ, которую не надѣваютъ, а только несутъ на рукахъ.

Я позволяю себѣ полагаться на правильность основныхъ положеній этого сочиненія, не столько вслѣдствіе того, что долгое время занимался ими, пользуясь между тѣмъ совѣтами и указаніями внимательныхъ друзей, какъ вслѣдствіе самыхъ свойствъ разсматриваемаго здѣсь предмета. Въ дѣлахъ вкуса авторъ не можетъ ручаться, что мнѣніе общества будетъ согласоваться съ его взглядами, и если онъ не доставляетъ удовольствія, то онъ не достигаетъ единственной и существенной цѣли своего труда. Но когда идетъ дѣло объ истинахъ, которыя могутъ быть научно доказаны, то можно разсужденіемъ дойти до такой полной увѣренности въ справедливости полученныхъ выводовъ, какая только возможна при несовершенствѣ человѣческихъ способностей. Опытъ, сопровождаемый внимательными наблюденіями и частыми испытаніями различныхъ методовъ, могутъ сдѣлать человѣка, привыкшаго обучать другихъ, способнымъ съ достаточною достовѣрностію опредѣлять тѣ объясненія, которыя лучше другихъ будутъ поняты. Конечно многія частности могутъ дать поводъ къ возраженіямъ; но если (какъ позволяетъ мнѣ думать опытъ) не будетъ найдена ни одна ошибка, которая существенно бы измѣнила значеніе этого сочиненія, хотя бы она и уменьшала достоинство его

сочинителя, то я достигъ того, къ чему я долженъ былъ главнымъ образомъ стремиться.

Я знаю, что увѣренія авторовъ относительно ихъ личныхъ побужденій и относительно исключительнаго стремленія ихъ къ пользѣ общественной не пользуются довѣріемъ со стороны читающей публики, такъ какъ даже откровенность въ этомъ случаѣ не можетъ предохранить его отъ ошибочнаго сужденія о самомъ себѣ. Но да позволено будетъ мнѣ замѣтить, что трудно было сдѣлать менѣе удачный выборъ предмета для сочиненія для того, кто желалъ бы увеличить свою репутацію какъ писателя. При первомъ появленіи этой книги предметъ ея не пользовался популярностію и не подавалъ даже надежды, что сдѣлается популярнымъ. Незнаніе, опираясь на предубѣжденіе, сопротивлялось принятію этой науки даже со стороны тѣхъ, которыхъ можно считать искренними и свѣдущими людьми. Съ одной стороны можно было ожидать, что большое число новыхъ мыслителей станутъ кричать противъ «старыхъ предразсудковъ», «поклоненія изрѣченіямъ Аристотеля» и «запутыванія человѣческаго ума въ сѣти схоластиковъ» и т. п.; съ другой же стороны тѣ, которые дѣйствительно поклоняются всему, что давно уже принято и только потому что оно давно принято, могли бы кричать противъ дерзости автора, который позволилъ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступить отъ обычаевъ, усвоенныхъ его предшественниками.

Еще другое обстоятельство существенно спо-

собствуетъ уменьшенію значенія писателя, трактующаго объ этомъ и о нѣкоторыхъ другихъ такого же рода предметахъ. Мы не можемъ дѣлать открытій, поражающихъ новизною; чувства нашихъ читателей не подвергаются сильнымъ впечатлѣніямъ, какъ это бываетъ при возвращеніи ожидаемой кометы или при потуханіи свѣчки въ углекисломъ газѣ. Мы работаемъ надъ обыкновеннымъ и всякому доступнымъ матеріаломъ, который, поэтому, предполагается совершенно понятнымъ для всѣхъ. Если случится, что удачными объясненіями будетъ устранено не только такое неумѣніе въ пользованіи этимъ матеріаломъ, которое обыкновенно не примѣчается въ самомъ себѣ, но даже когда смутныя и запутанныя свѣдѣнія выясняются черезъ знакомство съ немногими простыми и повидимому очевидными правилами, то обыкновенно не замѣчаютъ того, что даже нужно было объясненіе, а на все сказанное смотрятъ какъ на всякому извѣстное и доступное даже дѣтскому пониманію. А между тѣмъ таковы основныя начала наукъ: они настолько содержатся въ самыхъ очевидныхъ и извѣстныхъ истинахъ, что кажется не возможнымъ незнаніе ихъ, коль скоро мы только вполнѣ обняли смыслъ ихъ. Поэтому чѣмъ яснѣе, проще и очевиднѣе доказывается извѣстное положеніе, тѣмъ чаще вызываетъ изложеніе его извѣстныя замѣчанія: «такъ, такъ, нельзя въ этомъ сомнѣваться, все это вѣрно, но оно не обнаруживаетъ ничего новаго, ничего такого, что бы не было извѣстно каждому; не надо быть пророкомъ,

чтобы говорить это.» Я увѣренъ, что многословное, мистическое и отчасти темное изложеніе подобныхъ предметовъ легче всего могло бы привлечь вниманіе публики. Большинство дѣйствуетъ согласно съ замѣчаніемъ Тацита: «omne ignotum pro mirifico» и склонно думать, что оно уже прежде знало то, что для него сдѣлано совершенно яснымъ; такимъ образомъ выходитъ, что выясненіе научныхъ истинъ можетъ, по крайней мѣрѣ на довольно продолжительное время, не получить настоящей оцѣнки со стороны большинства и это тѣмъ болѣе, чѣмъ совершеннѣе оно сдѣлано.

Все это позволяло мнѣ расчитывать по большой мѣрѣ только на весьма медленное возрастаніе популярности (гораздо болѣе медленное, чѣмъ на самомъ дѣлѣ оказалось) сочиненія, подобнаго предлагаемому здѣсь. Кромѣ того я нетолько какъ членъ общества, но и какъ служитель Евангелія считалъ себя обязаннымъ способствовать развитію дѣла, которое кажется мнѣ чрезвычайно важнымъ и (что еще важнѣе) важность котораго сознается весьма немногими. Дѣло истины вообще, а слѣдовательно и истины Религіи, всегда выигрываетъ отъ всего того, что способствуетъ развитію правильнаго сужденія и облегчаетъ открытіе ошибокъ. Я убѣжденъ, что противники нашей вѣры получили бы лучшіе отвѣты на свои нападки, если бы хорошее знакомство съ логикою было болѣе распространено. Я думаю поэтому, что не напрасно тратилъ свои старанія, занимаясь этимъ предметомъ. Но развитіе мыслительной способности же-

лательно не исключительно или даже не главнымъ образомъ ради полемики; при увѣщаніи, при изслѣдованіи, изученіи и обученіи,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы стремимся прійдти или привести другихъ къ вѣрному заключенію, оно имѣетъ весьма большое значеніе. Конечно, знаніе правилъ логики не пополнитъ незнанія другихъ предметовъ; да и никто изъ истинно понимавшихъ эту науку не предлагалъ замѣнить ею какую либо другую науку; но не смотря на это, несомнѣнно и то, что никакая другая наука не можетъ замѣнить логику, что она полезна при занятіяхъ всякими предметами и позволяетъ намъ съ лучшими результатами пользоваться нашими знаніями.

ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Определѣніе Логики.

Логика въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ нашли возможнымъ употреблять это слово, можетъ быть разсматриваема, какъ Наука о Разсужденіи и какъ Искуство излагать доказательства. Она изслѣдуетъ тѣ начала, на основаніи которыхъ ведется доказательство, и излагаетъ правила, вытекающія изъ этихъ началъ и могущія служить для предостереженія отъ ошибочныхъ выводовъ. Ближайшая ея задача, слѣдовательно, заключается въ анализѣ процессовъ, совершающихся въ умѣ при разсужденіи. Съ этой точки зрѣнія, она, какъ уже замѣчено, въ строгомъ смыслѣ слава — Наука; но, съ другой стороны, разсматриваемая, какъ совокупность вышеупомянутыхъ практическихъ правилъ, она можетъ быть названа Искуствомъ составлять Разсужденія. Дѣйствительно, наука имѣетъ своей задачей только спекулятивное знаніе; искуство же состоитъ въ приложеніи знанія къ практикѣ. Поэтому логика (какъ и всякая

другая система знанія), будучи примѣняема къ практикѣ, становится искуствомъ; если же разсматривать ее какъ ученіе о разсужденіи, то она есть наука въ строгомъ смыслѣ этого слова, и какъ таковая она занимаетъ самое почетное мѣсто, потому что она имѣетъ своей задачей объясненіе нѣкоторыхъ изъ самыхъ интересныхъ и любопытныхъ нравственныхъ явленій (*).

Господствующія заблужденія относительно Логики.

Если принять во вниманіе, какъ рано логика обратила на себя вниманіе философовъ, то можетъ показаться удивительнымъ то обстоятельство, что она не сдѣлала большаго успѣха (въ чемъ нельзя не сознаться) въ развитіи своихъ началъ и разработкѣ подробностей системы. На это обстоятельство не рѣдко указывали, какъ на могущее служить доказательствомъ безсодержательности и безплодности занимающей насъ науки. Но подобный упрекъ съ неменьшею основательностію могъ бы быть направленъ во времена, не слишкомъ отдаленныя, противъ изученія Натуральной Философіи (Физики) и, еще въ болѣе недавнее время, противъ занятій Химіею. Нельзя ожидать значительнаго успѣха ни отъ одной науки, при разработкѣ которой слѣдуютъ не вѣрнымъ принципамъ. Какъ бы велика ни была внутренняя живучесть растенія, но оно не расцвѣтетъ и не принесетъ плода

(*) Дѣйствительно странно послѣ этого, что въ одномъ трактатѣ о логикѣ Aldrich'a помѣщена цѣлая диссертація, имѣющая цѣлью доказать, что логика есть Искуство, а не Наука.

до тѣхъ поръ, пока не будетъ посажено на надлежащей почвѣ и не будетъ надлежащимъ образомъ воздѣлываемо. Къ настоящему случаю это замѣчаніе идетъ какъ нельзя болѣе, такъ какъ относительно задачи логики господствовали всегда самыя ошибочныя мнѣнія и такъ какъ многіе писатели относили къ ея области такіе предметы, которые не имѣютъ съ ней никакой непосредственной связи. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Аристотеля, (который, впрочемъ, и самъ не совсѣмъ свободенъ отъ разсматриваемыхъ здѣсь заблужденій) едва ли можно указать хоть на одного писателя, который бы ясно понималъ настоящій характеръ Логики и ея задачу и съ послѣдовательностію провелъ бы свой взглядъ при изложеніи ея. До Аристотеля не было вовсе проведено разграниченіе между занимающею насъ наукою и другою наукою, называемою теперь обыкновенно Метафизикой; это обстоятельство одно можетъ свидѣтельствовать о томъ, какой незначительный успѣхъ сдѣлала до него эта наука. Болѣе того, первые изслѣдователи, обративъ вниманіе на этотъ предметъ, едва ли думали объ изученіи самого процесса разсужденія; они ограничивались почти исключительно разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, которые (при правильномъ взглядѣ на задачу Логики) имѣютъ только второстепенное значеніе по отношенію къ главному вопросу.

Я не имѣю въ виду представить здѣсь даже самаго бѣглаго обзора біографій и сочиненій глав-

Изложеніе Логики, независимо отъ исторіи этой науки.

нѣйшихъ писателей о Логикѣ, ни дать перечень техническихъ терминовъ, введенныхъ каждымъ изъ нихъ, и значеній, въ какихъ они употребляли эти термины, ни разсуждать о благодѣтельныхъ и вредныхъ вліяніяхъ ихъ на науку, — словомъ я не думаю писать Исторіи Древностей Логики. Такое сочиненіе, предпринятое компетентнымъ писателемъ, не имѣло бы, правда, характера популярнаго, но за то было бы въ высшей степени интересно и полезно для ограниченнаго класса читателей, занимающихся Логикой. Но обширныя изысканія, составляющія необходимое условіе такого сочиненія, были бы только однимъ изъ многихъ, и болѣе рѣдко встрѣчающихся качествъ, безъ которыхъ подобный трудъ былъ бы болѣе, чѣмъ безполезенъ. Авторъ подобнаго труда долженъ бы былъ всего болѣе остерегаться общей ошибки и предостеречь отъ нея и читателей, а именно не смѣшивать близкаго знакомства съ множествомъ книгъ объ извѣстномъ предметѣ, съ яснымъ пониманіемъ самого предмета. Кромѣ таланта и находчивости при изученіи цѣлаго ряда мелочныхъ подробностей, онъ долженъ обладать еще умѣніемъ вѣрно оцѣнить каждую изъ нихъ не по количеству трудныхъ изысканій, которыхъ стоило изученіе ихъ (какъ это обыкновенно дѣлается) и не по особенности пріобрѣтенныхъ въ данномъ случаѣ познаній, а по ихъ внутреннему значенію. Излагая мнѣнія и выраженія различныхъ писателей о вопросахъ науки, онъ долженъ тщательно избѣгать недостатка и предостерегать отъ него читателей,

что-бы не принимать что нибудь на вѣру и полагаться на авторитетъ въ вопросахъ, которые должны быть разрѣшены путемъ научнаго разсужденія, или смотрѣть на каждый техническій терминъ, какъ на такой, который имѣетъ родъ пріобрѣтеннаго давностію права всегда употребляться въ томъ смыслѣ, какой придавали ему тѣ писатели, которые впервые употребили его. Однимъ словомъ, въ этомъ болѣе чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ родѣ сочиненій, авторъ долженъ быть чуждъ всякаго антикварскаго педантизма. Но если бы я даже чувствовалъ себя на столько способнымъ написать подобную исторію Логики, насколько признаю себя неспособнымъ для этого, то во всякомъ случаѣ я написалъ бы такое сочиненіе отдѣльно отъ трактата о самой наукѣ, потому что соединеніе того и другаго въ одной книгѣ еще болѣе увеличило бы трудность избѣгнуть смѣшенія двухъ предметовъ, а также и потому, что при такомъ планѣ трудно было бы сохранить различіе между Логикой въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю этотъ терминъ, и различными метафизическими разсужденіями, которымъ нѣкоторые писатели придавали это названіе.

Поэтому то я счелъ за лучшее бросить только самый поверхностный и бѣглый взглядъ на писателей о Логикѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, и на общее направленіе ихъ трудовъ.

Древнѣйшіе пис. о Логикѣ.

§ 2. Зенонъ Элеатическій, котораго многіе выставляютъ первымъ начавшимъ систематически из-

лагать Логику или, какъ называли ее въ тѣ времена, Діалектику, раздѣлилъ свое сочиненіе на три части. Изъ нихъ первая (О Слѣдствіяхъ) подверглась порицанію со стороны Сократа (Plato, Parmen.) за неясность и сбивчивость. Во второй части, онъ установилъ тотъ методъ веденія диспута, посредствомъ вопросовъ, (ἐρώτησις), который впослѣдствіи былъ усвоенъ Сократомъ, имя котораго онъ съ тѣхъ поръ и носитъ. Третья часть его сочиненія посвящена тому, что довольно вѣрно можетъ быть выражено словами: искуство вести споръ (ἐριστική) и которая снабжала спорщика цѣлымъ собраніемъ софистическихъ вопросовъ, придуманныхъ такъ ловко, что уступка въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ, повидимому неизбѣжная, влекла за собой непосредственно какую нибудь очевидную нелѣпость. Конечно такое искуство, если его и отнести къ области Логики, не должно быть разсматриваемо (какъ это думали нѣкоторые, по невѣдѣнію или по неосмотрительности) какъ главная и необходимая ея задача. Всѣ греческіе философы, къ сожалѣнію, обращали на это искуство слишкомъ большое вниманіе; но мы должны остерегаться весьма распространеннаго заблужденія, будто древніе считали серьознымъ и важнымъ занятіемъ то, на что они на самомъ дѣлѣ смотрѣли, какъ на остроумное развлеченіе. Въ свободное время спорщики развлекались, испытывая остроуміе свое и своего противника, и старались сбить другъ друга посредствомъ тонкихъ софизмовъ, подобно тому, какъ забавляются, задавая и отга-

дывая загадки, или играя въ шахматы; и, въ самомъ дѣлѣ, игра въ шахматы и въ загадки имѣетъ много сходства съ упомянутымъ развлеченіемъ древнихъ. Споры для развлеченія сильно напоминаютъ борьбу и другія гимнастическія упражненія въ гимназіяхъ; послѣднія развиваютъ физическую силу и гибкость тѣла, а первые изощряютъ остроуміе борцовъ; но непосредственнымъ предметомъ такихъ состязаній, въ томъ и другомъ случаѣ, былъ споръ не серьозный, а только ради забавы, хотя безъ сомнѣнія, мода и соревнованіе и сообщали незаслуженное значеніе успѣху въ подобнаго рода упражненіяхъ.

Зенонъ.

И такъ едва ли есть основаніе считать Зенона логикомъ больше, чѣмъ на сколько относится къ Логикѣ его *эротетическій* методъ преній; такъ какъ рядъ доказательствъ, построенныхъ на этомъ принципѣ, есть собственно ни что иное, какъ гипотетическій соритъ, который легко можетъ быть сведенъ на рядъ силлогизмовъ.

Эвклидъ и Антисѳенъ.

Преемниками Зенона были Эвклидъ Мегарскій и Антисѳенъ, оба ученики Сократа. Первый изъ нихъ развивалъ предметъ, которымъ занималась третья часть трактата его предшественника; его считаютъ изобрѣтателемъ многихъ ошибокъ, приписываемыхъ стоической школѣ. О сочиненіяхъ послѣдняго мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣденій; но, если предположить, что послѣдователи упомянутой школы были его учениками и усвоили тѣ принципы, которые онъ клалъ въ основаніе науки, то надо полагать, что онъ

имѣлъ болѣе вѣрный взглядъ на предметъ, нежели Эвклидъ. Стоики раздѣляли всѣ λεκτά — все что можетъ быть сказано — на три класса: во 1-хъ простой терминъ, во 2-хъ предложеніе, въ 3-хъ Силлогизмъ, а именно гипотетическій, такъ какъ они повидимому имѣли только слабое понятіе о болѣе строгомъ анализѣ доказательства, отличномъ отъ этого простѣйшаго способа.

Архитъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о заслугахъ Архита, которому мы обязаны ученіемъ о категоріяхъ (которое онъ съ своей стороны вѣроятно въ значительной степени заимствовалъ у болѣе древнихъ писателей). Впрочемъ, онъ (какъ и другіе писатели о Логикѣ) повидимому не имѣлъ отчетливаго понятія о настоящей задачѣ и предѣлахъ этой науки, но примѣшивалъ въ нее метафизическія разсужденія, не имѣющія съ нею тѣсной связи, и останавливался на изслѣдованіи природы терминовъ и предложеній, не имѣя постоянно въ виду основныхъ началъ теоріи Разсужденія, началъ, которымъ все остальное должно быть подчинено.

Аристотель. Такимъ образомъ, состояніе, въ которомъ Аристотель засталъ науку (если только можно сказать, что послѣдняя существовала до него), было почти слѣдующее: раздѣленіе составныхъ частей рѣчи на простые термины, предложенія и силлогизмы было поверхностно установлено; положены были основы ученія о категоріяхъ, а также можетъ быть и ученіе о противоположеніи предложеній; наконецъ введено было Сократомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, раздѣленіе вида (species) на роды (genus)

и отличія (differentia). И такъ все, сдѣланное до Аристотеля, по большей мѣрѣ, можетъ быть названо матеріаломъ для науки, а никакъ не самою наукою; заслуга основанія системы, которая, въ основныхъ чертахъ, сохранила тотъ видъ, который онъ придалъ ей, принадлежитъ ему нераздѣльно.

Я уже замѣтилъ, что система Логики есть одна изъ тѣхъ немногихъ теорій, которыя основаны и вполнѣ развиты однимъ человѣкомъ. Исторія ея открытій, насколько они касаются главныхъ принциповъ науки, собственно говоря, начинается и кончается Аристотелемъ. Этимъ, можетъ быть, отчасти могутъ быть объяснены искаженія ея последующими писателями. Краткость и простота (къ которымъ стремится всякая истинная наука) основныхъ истинъ Логики заставляли многихъ думать, что что нибудь гораздо болѣе темное, непонятное и таинственное осталось еще не открытымъ. Сверхъ того, тщеславіе, которое побуждаетъ всѣхъ людей излишне расширять свои задачи, побуждало не научные умы раздвигать, и не только въ этомъ, а и во многихъ другихъ случаяхъ, предѣлы науки, и дѣлать это не путемъ тщательнаго развитія и надлежащаго примѣненія началъ ея, а черезъ примѣшиваніе къ ней изслѣдованій надъ чуждыми ей предметами. Мистическое употребленіе Пиѳагоромъ цыфръ въ предметахъ, совершенно не относящихся къ ариѳметикѣ, представляетъ, кажется, самый ранній примѣръ заблужденій такого рода; болѣе важный и любопытный примѣръ такого заблужденія предста-

вляетъ вырожденіе Астрономіи въ приказную Астрологію. Но изъ этого рода заблужденій болѣе всего поражаетъ невѣрное приложеніе Логики нѣкоторыми писателями, которые разсматривали ее какъ «Искуство надлежащаго пользованія умственными способностями», между тѣмъ какъ другіе распространяли ее на область Естественныхъ наукъ и смотрѣли на Силлогизмъ, какъ на орудіе, служащее для изслѣдованія природы. Они при этомъ упускали изъ виду то обширное поле, которое разстилалось передъ ними и не выходило за предѣлы науки, и не понимали важности и трудности задачи довершить и надлежащимъ образомъ дополнить мастерскій очеркъ, который они имѣли передъ собой.

Большая часть сочиненій Аристотеля не только была совершенно неизвѣстна міру въ теченіи двухъ вѣковъ, но сочиненія эти и послѣ того, какъ они были открыты, повидимому еще очень долго почти совершенно не изучались.

Галенъ, Аммоніусъ, Александръ Афродизскій, Порфирій.

Тѣмъ не менѣе Искуство Логики, образовавшееся изъ началъ, преемственно сохраненныхъ его учениками, было повидимому общеизвѣстно, и Цицеронъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ пользовался ими; но разработка науки была покинута на долго. Однако уже въ первыя времена Христіанства, во второмъ и третьемъ вѣкахъ, ученіе Перипатетиковъ опять замѣтно ожило и мы въ числѣ логиковъ встрѣчаемъ имена Галена, Аммоніуса (который кажется начинаетъ собою рядъ комментаторовъ Аристотеля), Александра Афродиз-

скаго и Порфирія. Но сочиненія Аристотеля о Логикѣ являются въ латинскомъ переводѣ знаменитаго Боэція (*) не ранѣе конца пятаго или начала шестаго столѣтія. Изъ названныхъ писателей, кажется, ни одинъ не сдѣлалъ значительнаго шага впередъ въ развитіи теоріи разсужденія. Изъ трудовъ Галена, (который присоединилъ четвертую незначительную фигуру къ тремъ признаннымъ Аристотелемъ), извѣстно не многое, а Порфирій въ своемъ главномъ сочиненіи говоритъ только о предикабиліяхъ (сказываемыхъ). Словомъ, мы почти не встрѣчаемъ научныхъ изслѣдованій о Логикѣ до періода возрожденія наукъ у Арабовъ, которые ревностно принялись за изученіе сочиненій Аристотеля какъ объ этомъ, такъ и о другихъ предметахъ. Боэцій.

§ 3. Не останавливаясь на именахъ нѣкоторыхъ Византійскихъ писателей, не имѣвшихъ большаго значенія для науки, переходимъ ко временамъ схоластиковъ. Недостатокъ остроумія и пустая мелочность въ диспутахъ у писателей этого разряда служила нерѣдко предметомъ жалобъ, о справедливости которыхъ намъ нѣтъ необходимости особенно распространяться здѣсь. Достаточно замѣтить, что ихъ вина заключается не въ томъ, что они внимательно изучали Логику, и придавали изученію ея очень большое значеніе, но въ томъ, что они совершенно превратно понимали истинную

(*) Родился около 475, — умеръ около 524 года.

природу и задачу этой науки, и, пытаясь примѣнять ее къ физическимъ открытіямъ, облекали всякій предметъ въ такой туманъ словъ, который исключалъ всякую возможность здраваго философскаго изслѣдованія (*). Ошибки ихъ могутъ служить объясненіемъ рѣзкости выраженій, въ которыхъ Бэконъ отзывался объ изученіи Логики. Но, что нападки Бэкона были направлены противъ крайне извращенныхъ представленій объ этой наукѣ, а не противъ правильной разработки ея, тому доказательствомъ могутъ служить его собственныя замѣчанія объ этомъ предметѣ, въ его Advancement of Learning (Успѣхи наукъ). Если бы Бэконъ жилъ въ настоящее время, то я готовъ думать, что главная его жалоба была бы направлена противъ лишеннаго всякаго метода изслѣдованія и противъ не-логическаго разсужденія. Онъ, навѣрное, не пожаловался бы на Діалектику, что она искажаетъ философію. Защищаться въ настоящее время противъ нападокъ на недостатки, господствовавшіе въ его время, было бы все равно, что укрѣплять городъ для защиты отъ тарановъ, вмѣсто того, чтобы защищать его отъ пушечныхъ выстрѣловъ (**).

Бэконъ.

Однако, его умѣренность не нашла себѣ подражателей. Даже Локкъ, въ своей бѣглой критикѣ, смѣшиваетъ Аристотелеву теорію съ нелѣпыми ея

Локкъ.

(*) Pol. Econ. Lect. IX, p. 237.

(**) Лекціи Д-ра Голепденсъ (Bampton Lectures) о характерѣ схоластическаго *божества* могутъ доставить, можетъ быть, самое лучшее понятіе объ этомъ.

примѣненіями и извращеніями въ позднѣйшее время. Его возраженіе (нерѣдко повторяемое въ позднѣйшее время) противъ Логики, будто она не пригодна для отыскиванія истины, хотя совершенно справедливо по отношенію ко многимъ писателямъ, (неправильно) называемыхъ логиками, показываетъ, что онъ не яснѣе ихъ понималъ истинную природу самой науки,—не зналъ настоящихъ предѣловъ Логики, которая должна ограничиваться одною теоріей умозаключеній, и не замѣчалъ характерныхъ различій въ пріемахъ, употребляемыхъ съ одной стороны при изслѣдованіяхъ логическихъ, съ другой же стороны при наблюденіяхъ и опытахъ, которые существенно необходимы при всякомъ изслѣдованіи природы.

Напримѣръ, въ главѣ XVII «О Разсудкѣ» (on Reason), который, скажемъ мимоходомъ, онъ постоянно смѣшиваетъ съ мышленіемъ (Reasoning), онъ говоритъ (§ 4): «Если Силлогизмы считать единственнымъ и истиннымъ орудіемъ разсужденія и единственнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію знанія, то изъ этого слѣдовало бы, что до Аристотеля не было ни одного человѣка, который бы зналъ или могъ знать что нибудь, и что со времени изобрѣтенія силлогизма найдется развѣ на десять тысячъ одинъ человѣкъ. который знаетъ что нибудь съ помощью теоріи умозаключенія. Но Богъ не былъ къ людямъ такъ скупъ, чтобы сотворить ихъ только двуногими созданіями и предоставить Аристотелю сдѣлать ихъ разумными, да и то только тѣхъ не многихъ изъ нихъ, которые

имѣли возможность воспользоваться его изслѣдованіемъ основныхъ началъ силлогизмовъ и могли уразумѣть, что изъ болѣе чѣмъ шести десятковъ различныхъ сочетаній трехъ предложеній, только сорокъ такихъ, при которыхъ можно быть увѣреннымъ въ правильности заключенія.» etc. «Богъ былъ гораздо великодушнѣе къ человѣческому роду. Онъ далъ ему разумъ, съ помощію котораго онъ можетъ разсуждать, не будучи обученъ способамъ составленія силлогизмовъ и т. д.» Все это такъ же нелѣпо, какъ еслибы кто, услышавши о новѣйшихъ открытіяхъ относительно теплоты и узнавши, что она, сообщаясь черезъ стѣнки котла водѣ, превращаетъ ее въ газъ, достаточно упругій для того, чтобы преодолѣть давленіе атмосферы, — сказалъ: «Если это правда, то это значитъ, что до ученыхъ, открывшихъ это, никто никогда не кипятилъ никакой жидкости, и не могъ даже сдѣлать этого». Затѣмъ онъ пускается хвалить Аристотеля, и дѣлаетъ это также неудачно. Онъ хвалитъ его за «изобрѣтеніе силлогизмовъ», за что тотъ такъ же мало имѣетъ права на похвалу, какъ Линней за сотвореніе растеній и животныхъ, Гарвей за то, что заставилъ кровь обращаться, а Лавуазье за то, что образовалъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Польза этого изобрѣтенія, по его словамъ, заключается въ томъ, что она даетъ человѣчеству орудіе противъ тѣхъ, которые не стыдятся отрицать все,» — услуга, скажемъ отъ себя, которая никогда бы не была оказана людямъ, еслибы силлогизмъ былъ изобрѣтеніемъ или открытіемъ

Аристотеля; потому что какой бы софистъ согласился когда нибудь ограничиться однимъ особеннымъ родомъ доказательствъ, который рекомендуетъ ему его противникъ?

Если бы все это говорилъ какой нибудь дюжинный, темный и пустой писатель, то все это смѣшеніе понятій и всю эту избитую декламацію можно было бы оставить безъ вниманія; но такого рода ошибки со стороны такого, вообще даровитаго и знаменитаго писателя, каковъ Локкъ, нельзя пройти молчаніемъ.

Ошибками другого, повидимому, рода, но въ сущности, тѣми же самыми переполнены сочиненія Уаттса и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ писателей о Логикѣ. Замѣчая несоотвѣтствіе между теоріею силлогизмовъ и тѣми обширными цѣлями, къ которымъ пытались примѣнить ее другіе, онъ силился во что бы то ни стало создать новую, равно понятную и всемогущую систему, которую и пытался развить подъ названіемъ: «Надлежащее употребленіе разсудка», (The right use of Reason); она должна была служить пособіемъ къ укрѣпленію и надлежащему направленію всѣхъ духовныхъ силъ. Цѣль дѣйствительно прекрасная; но не только не принадлежащая къ области Логики, но даже не осуществимая ни одною какою бы то ни было наукою или системою, какую только можно себѣ представить. Попытка обнять такое обширное поле не есть расширеніе предѣловъ науки, а только чисто словесное обобщеніе, ведущее только къ пустой и безплодной декламаціи.

Уаттсъ.

Нечего слишкомъ удивляться, что нѣкоторые остроумные писатели даже новѣйшаго времени, почерпавшіе свѣдѣнія объ этой наукѣ изъ сочиненій логиковъ по профессіи, о которыхъ мы выше упоминали, и оцѣнившіе ее по ихъ ошибкамъ, относились къ Аристотелевой системѣ съ рѣзкимъ порицаніемъ и презрѣніемъ.

Преувеличенныя требованія нѣкоторыхъ писателей.

Неопредѣленныя стремленія нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей къ «истинной», «разумной», «философской системѣ Логики» — составлявшей, изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, предметъ толковъ, надеждъ, даже обѣщаній, но которая, по общему признанію, никогда еще не существовала (*), напоминаютъ роскошныя мечты, представлявшіяся воображенію алхимиковъ, — мечты о философскомъ камнѣ и всеобщемъ лекарствѣ, которыя заставляли ихъ съ негодованіемъ и съ презрѣніемъ смотрѣть на скромныя занятія настоящею металлургіей и фармаціей. Что касается настоящаго предмета, то я полагаю, что указанные ложные взгляды главнѣйшимъ образомъ происходятъ отъ непониманія того, что *языкъ* (**) того или другого

(*) Нѣкоторые жаловались даже на то, что построенію подобной совершенной системы мѣшало употребленіе термина «Логика» для обозначенія науки, которой обыкновенно придается такое названіе. Мы не думаемъ однако, чтобы употребленіе названій Астрономіи и Химіи для обозначенія и прежде извѣстныхъ подъ этими названіями наукъ помѣшало установленію болѣе философскихъ системъ ихъ.

(**) Гоббесъ, осязательно доказавшій это, къ несчастью, много уменьшилъ пользу, какую могла принести большая часть его

рода составляетъ (какъ это будетъ подробнѣе объяснено въ послѣдствіи) *необходимое орудіе* всякаго умозаключенія, которое достойно носитъ это названіе. Дѣйствительно есть писатели, на которыхъ я и намекаю, которые съ пренебреженіемъ относятся къ правиламъ, примѣнимымъ только къ «умозаключенію, выраженному словами», представляютъ языкъ, какъ орудіе, служащее «только для сообщенія доказательствъ другому», «ограничивающее кругъ примѣненія нашихъ способностей», далѣе, — что онъ «дѣлаетъ представленія о всѣхъ отвлеченныхъ истинахъ темными и сбивчивыми, ставя грубый символъ идеи, на мѣсто самой идеи». Всѣ эти выраженія и другія подобныя вытекаютъ изъ стариннаго, но господствующаго еще въ настоящее время, ученія «Реализма».

Стремленіе къ реализму.

Эти писатели смотрятъ на силлогистическую теорію, какъ на науку, которая имѣетъ своимъ предметомъ представить особенный методъ умозаключенія, а не какъ на науку, анализирующую тотъ умственный процессъ, который неизмѣнно долженъ имѣть мѣсто при всякомъ правильномъ умозаключеніи. Вслѣдствіе этого они противопоставляли обыкновенный способъ умозаключеній силлогистическому умозаключенію, и, съ торжествующимъ видомъ, выставляютъ на видъ искуство въ преніяхъ многихъ, никогда не изучавшихъ этой си-

Ложныя воззрѣнія на природу науки.

сочиненій, своими исключительными доктринами о Морали, Политикѣ и Религіи.

стемы, — ошибка не менѣе грубая, какъ еслибы кто нибудь смотрѣлъ на грамматику, какъ на особенный языкъ, и возражалъ бы противъ пользы ея изученія, ссылаясь на то, что многіе, никогда не изучавшіе началъ грамматики, говорятъ правильно. Потому что Логика, которая есть такъ сказать, грамматика умозаключенія, не смотритъ на правильный силлогизмъ какъ на особенный способъ доказательства, который долженъ замѣнить собою всякій другой способъ (*); но смотритъ на него, какъ на форму, подъ которую, въ концѣ концевъ, можетъ быть подведено всякое правильное умозаключеніе, и которая, слѣдовательно, служитъ (если мы будемъ смотрѣть на Логику, какъ на искуство) для того, чтобы испытывать справедливость доказательствъ. Точно также посредствомъ химическаго анализа мы разлагаемъ и отдѣльно изслѣдуемъ элементы, изъ которыхъ составлено какое нибудь сложное тѣло, и такимъ образомъ полу-

---

(*) Можетъ показаться страннымъ, что есть такіе (я не думаю, что-бы можно было подозрѣвать въ этомъ многихъ) которые идутъ еще далѣе и смотрятъ на Логику, какъ на что-то противное правильному мышленію. Я видѣлъ критику одного сочиненія, которое критикъ назвалъ произведеніемъ способнаго логика и которое поэтому, заключаетъ онъ, вѣроятно будетъ имѣть вліяніе на тѣхъ, которые *не* разсуждаютъ! «Не» естественно можно было бы принять за опечатку, но связь рѣчи показываетъ, что такого было дѣйствительное мнѣніе критика. Видя, что подобныя вещи пишутся въ 19 ст., кто станетъ удивляться, что въ Средніе Вѣка грамматика считалась магическимъ искуствомъ?

чаемъ возможность открывать въ немъ какую нибудь скрытую поддѣлку и нечистоту.

§ 4. На многія заблужденія, нѣсколько сходныя съ заблужденіями Локка, которыя, въ большей или меньшей степени, продолжаютъ господствовать до настоящаго времени, будетъ указано, насколько это окажется необходимымъ, въ своемъ мѣстѣ. Въ этомъ введеніи объ нихъ будетъ кстати сказать только коротко, въ видахъ предостереженія неопытнаго читателя, — чтобы онъ не терялъ вѣры въ эту науку, начиная изучать ее и слыша вообще, что основныя начала ея подвергаются возраженіямъ со стороны писателей, пользующихся значительнымъ авторитетомъ, — возраженіямъ, относительно которыхъ онъ едва ли можетъ подумать, чтобы они въ такой значительной степени, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, или основаны на заблужденіи или не важны и въ сущности сводятся на простую игру словами.

Напримѣръ, «нѣкоторые», скажутъ ему, «утверждаютъ, что можно заключать, и въ самомъ дѣлѣ часто заключаютъ отъ одной посылки, и нѣтъ надобности въ томъ, чтобы другая посылка выражалась или подразумѣвалась, — что можно заключить и дѣйствительно заключаютъ отъ одного случая къ другому безъ посредства какого нибудь общаго предложенія, прямо высказаннаго или подразумѣваемаго; — что умозаключеніе чрезъ *наведеніе* (индукція) выводится не съ помощью процесса, который можно-бы разсматривать, какъ въ сущности силлогистическій; — что заключеніе силлогизма на

самомъ дѣлѣ не выводится изъ посылокъ; — что силлогизмъ есть ничто иное, какъ *ловушка* для невнимательныхъ и что онъ необходимо заключаетъ въ себѣ ошибку «уничтоженіе вопроса,» —и много другихъ подобныхъ грознозвучащихъ возраженій можетъ услышать читатель; всѣ они, будучи высказаны просто, какъ общеизвѣстныя истины или какъ мнѣнія извѣстныхъ писателей, легко могутъ показаться гораздо болѣе сильными, чѣмъ какими они оказываются, когда ихъ разсмотрѣть внимательнѣе.

Тѣ изъ писателей, которые утверждаютъ, что одной посылки достаточно для того, чтобы можно было вывести заключеніе, основываютъ свое мнѣніе на тѣхъ плоскихъ дѣтскихъ примѣрахъ, которые такъ употребительны въ учебникахъ Логики; какъ напр., «Сократъ — человѣкъ, слѣдовательно, онъ живое существо и т. п.». Здѣсь заключеніе поставлено уже въ одной посылкѣ для каждаго, кто только понимаетъ смыслъ словъ, такъ какъ «живое существо» составляетъ часть понятія «человѣкъ». Но въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Онъ проглотилъ чашу лавровой воды, слѣдовательно, онъ принялъ яду,» — такого заключенія изъ посылки не выведетъ никто, кто не знаетъ (какъ никто не зналъ менѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, хотя всякій употреблялъ это слово въ томъ же смыслѣ, какъ и теперь т. е. для означенія «жидкости, перегнанной на лавровыхъ листьяхъ»), что эта жидкость ядовита.

Другіе опять, говоря о заключеніи отъ одного

частнаго случая къ другому безъ помощи какой бы то ни было общей посылки, разумѣютъ случаи, когда такая посылка не высказывается (какъ это чаще всего бываетъ) и когда, можетъ быть, даже и самъ разсуждающій, если не владѣетъ хорошо языкомъ, и не въ состояніи былъ бы высказать ее правильно. (*) И въ самомъ дѣлѣ, постоянно случается, что даже длинная нить разсуж-

---

(*) Можно прибавить, что при внутреннемъ (въ умѣ) умозаключеніи, многіе, а можетъ быть большая часть людей, и въ особенности тѣ, которые не привыкли читать или говорить о предметахъ, занимающихъ ихъ умъ, употребляютъ при этомъ отчасти не произвольные и условные знаки, а такіе, которые состоятъ изъ умственныхъ представленій объ отдѣльныхъ предметахъ, изъ которыхъ каждое принимается, какъ представитель класса. Напр. человѣкъ практически знакомый съ механическими операціями и не знакомый съ разсужденіями объ нихъ на словахъ, можетъ составить себѣ понятіе или, говоря разговорнымъ языкомъ, представить себѣ извѣстную плоскость или пространство, которыхъ форма ему хорошо извѣстна, и можетъ пользоваться такимъ представленіемъ въ своемъ внутреннемъ размышленіи, какъ знакомъ, служащимъ для обозначенія, положимъ, «параллелограма» или «трапеціи» и пр.; или онъ можетъ «представить себѣ» человѣка, подымающаго тяжесть съ помощью шеста, и можетъ употреблять это представленіе, какъ общій знакъ, вмѣсто слова «рычагъ». При этомъ онъ можетъ не быть знакомымъ съ этими названіями. Но въ такомъ случаѣ ему будетъ трудно ясно сообщать другимъ свои мысли и, при попыткѣ къ этому онъ будетъ часто выражаться (какъ это не рѣдко случается замѣчать на практическихъ людяхъ, не привыкшихъ читать и говорить) не только не ясно, но даже не вѣрно.

См. ниже § 5. Отсюда отчасти могла явиться вѣра въ мни-

денія проскользаетъ въ умѣ съ такою быстротою, что умственный процессъ совершается, какъ будто безсознательно, или по крайней мѣрѣ, не оставляетъ послѣ себя слѣда въ памяти, подобно тому, какъ мы не замѣчаемъ движенія мускуловъ горла и рта при говореніи, или разсужденіи, посредствомъ котораго мы заключаемъ о разстояніяхъ видимыхъ предметовъ; (*) такъ, что можетъ показаться, что мы пришли къ извѣстному заключенію по вдохновенію, тогда какъ оно, на самомъ дѣлѣ, есть результатъ быстраго вывода.

Иные подводятъ подъ понятіе «умозаключенія» всякій случай, когда соглашаются съ чѣмъ либо (вѣрятъ въ что либо) вслѣдствіе того, что соглашаются съ другимъ чѣмъ нибудь (вѣрятъ въ что нибудь другое), хотя они и не имѣли никакихъ основаній ручаться за вѣрность заключеній. Но въ такомъ случаѣ они должны отнести къ числу умозаключеній тѣ процессы, которые происходятъ въ умѣ дѣтей и животныхъ, — потому что и они имѣютъ способность сопоставлять видимый ими предметъ съ оставшимся въ ихъ памяти впечатлѣніемъ, которое прежде сопровождало этотъ предметъ. Этотъ процессъ выражается въ извѣстной пословицѣ: «Обжогшееся дитя боится огня», или,

---

мыя отвлеченныя идеи, о которыхъ будетъ говорено послѣ, и въ возможность разсуждать безъ всякой помощи какихъ бы то ни было знаковъ.

(*) До сравнительно недавняго времени полагали, что мы разстоянія усматриваемъ глазами непосредственно.

какъ это выражается иначе: «Обжогшійся кипяткомъ дуетъ и на холодную воду» или, какъ выражается Еврейская пословица: «Ужаленный змѣей, боится и веревки.» Но болѣе послѣдовательные писатели по Логикѣ придаютъ слову умозаключеніе болѣе тѣсный смыслъ, и разумѣютъ подъ этимъ названіемъ дѣйствительное доказательство, которое невозможно безъ общей посылки, дѣйствительно высказанной или подразумѣваемой. Потому что если нѣтъ двухъ посылокъ, которыя, взятыя вмѣстѣ, предполагаютъ извѣстное заключеніе и необходимо требуютъ его (т. е. если поставленныя посылки такого рода, что можно, не будучи непослѣдовательнымъ, считать ихъ вѣрными и въ тоже время не соглашаться съ заключеніемъ), то получится только то, что логики обыкновенно называютъ кажущимся т. е. не дѣйствительнымъ доказательствомъ.

Нѣкоторые однако отрицаютъ, что заключеніе выводится изъ общей посылки, признавая впрочемъ что, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно выводится изъ общаго предложенія, вѣрность этой посылки составляетъ необходимое условіе такого заключенія: признаніе, которое можетъ удовлетворить большую часть логиковъ. Потому что, еслибы напр. какой нибудь физіологъ-ботаникъ сталъ отрицать, что вѣтви дерева получаютъ пищу отъ корней, и съ этою цѣлью утверждалъ-бы, что вѣтви питаются соками земли, и что корни составляютъ только необходимое для этого условіе, такъ то, если ихъ уничтожить, то вѣтви завянутъ, —

то это не было бы принято за какое нибудь существенно новое ученіе. Подобнымъ же образомъ, если бы кто захотѣлъ утверждать, что заключеніе выводится изъ одной посылки съ помощью другой, то это было бы принято просто за безполезное и пустое нововведеніе въ фразеологіи. Точно также мысль, что выводъ чрезъ наведеніе, по своей сущности, не силлогистиченъ или можетъ не быть необходимо таковымъ, можетъ съ перваго раза привести учащагося въ замѣшательство, пока онъ не узнаетъ, что рядомъ съ этою мыслію допускается, что въ каждомъ случаѣ наведенія необходимо рѣшить вопросъ,—«достаточно ли» приведенныхъ примѣровъ для того, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать выводъ— «имѣемъ ли мы право» вывести заключеніе. А между тѣмъ утвердительное рѣшеніе этого вопроса,—задаваемаго съ цѣлью узнать, не есть ли весь процессъ простая догадка наудачу,— если его высказать на словахъ, и есть именно та посылка, которая необходима для полноты силлогизма (См. Кн. IV гл. I, § 1).

Точно также читатель увидитъ, что указанное свойство силлогизма, вслѣдствіе котораго онъ захватываетъ въ ловушку неосторожныхъ, означаетъ просто, что если кто признаетъ доказательство сильнымъ, тому нѣтъ другаго выхода изъ такъ называемой «ловушки», какъ по тому же пути, по которому онъ вошелъ въ нее, т. е. посредствомъ посылокъ. Ему предстоитъ одно изъ двухъ: или признать одну изъ нихъ ложною, или же заключеніе признать вѣрнымъ. И, въ самомъ дѣлѣ, каж-

дый день случается, что люди разубѣждаются въ достоинствѣ принципа, допущеннаго по неосторожности только тогда, когда замѣтятъ, къ чему онъ ведетъ.

Жалобы на логику.

§ 5. Были жалобы на Логику и за то, что она оставляетъ нетронутыми самыя большія затрудненія и тѣ, которыя бываютъ источникомъ главныхъ ошибокъ въ умозаключеніи: я говорю о двусмысленности и неточности терминовъ, и о сомнѣніяхъ относительно степени достовѣрности различныхъ предложеній. Возраженіе это трудно опровергнуть, пытаясь, подобно Уаттсу, установить «правила для образованія ясныхъ идей» и «для руководства при сужденіи»; но оно можетъ быть уничтожено указаніемъ на то, что никакое искуство вообще нельзя обвинять за то, что оно не учитъ болѣе того, что входитъ въ его область, и, въ особенности, что Логика не можетъ учить тому, чему не можетъ научить никакое искуство, какое только можно себѣ представить. Было бы вовсе не философски ожидать или даже воображать себѣ возможною такую систему всеобщаго знанія, которая объясняла бы намъ полное значеніе или всѣ значенія каждаго термина и научала распознавать справедливость или несправеливость, достовѣрность или недостовѣрность каждаго предложенія, и которая замѣняла бы такимъ образомъ собою всѣ другія науки. И обвинять Логику въ томъ, что она не берется за это, все равно, что возставать противъ оптики за то, что она не дѣлаетъ слѣпаго зрящимъ, или жаловаться на очки, что

они не приносятъ никакой пользы тому, кто никогда не учился читать (какъ разсказываетъ Уорбуртонъ въ своихъ Div. Leg.).

Въ самомъ дѣлѣ, трудности и ошибки, на которыя мы только что указали, заключаются не въ самомъ процессѣ умозаключенія (который собственно только и составляетъ предметъ Логики), а въ матеріалѣ (предметѣ), къ которому прилагается этотъ процессъ. Самый процессъ умозаключенія будетъ правиленъ, если соотвѣтствуетъ правиламъ Логики, такъ какъ эти правила устраняютъ возможность, что вкрадется ошибка, которая приведетъ къ несогласію между принятыми посылками и заключеніемъ, изъ нихъ выводимомъ. Но все таки это заключеніе можетъ быть ложно, если ложны тѣ начала (посылки), изъ которыхъ оно выведено; и очевидная ложность заключенія часто можетъ служить (какъ уже было замѣчено) къ исправленію ошибки, сдѣланной въ началѣ умозаключенія. Такимъ же образомъ, никакой счетчикъ, какъ бы онъ ни былъ искусенъ, не можетъ достигнуть вѣрнаго результата въ вычисленіяхъ, если не вѣрны данныя для вычисленія; и никто не станетъ за это уменьшать значеніе ариѳметики; а между тѣмъ возраженія противъ Логики опираются на основанія, не болѣе прочныя.

Дѣйствительно, аналогія между этими двумя науками въ этомъ отношеніи поразительна. Всѣ числа (которыя составляютъ предметъ ариѳметики) должны быть числами какихъ нибудь предметовъ какъ то: монетъ, людей, мѣръ или чего нибудь

другого; но обращать вниманіе въ ариѳметикѣ на вещи, относительно которыхъ дѣлается вычисленіе, было бы очевидно несообразностью, уничтожало бы ея научный характеръ, такъ какъ ариѳметика имѣетъ дѣло съ произвольными знаками, представляющими числа въ отвлеченіи. Точно также Логика можетъ судить о силѣ правильно построеннаго доказательства и въ томъ случаѣ, когда на мѣсто терминовъ поставлены произвольные символы, а слѣдовательно, не обращая никакого вниманія на то, что обозначается этими терминами. И возможность поступать такимъ образомъ (хотя употребленіе подобныхъ произвольныхъ символовъ подвергалось нелѣпымъ возраженіямъ, даже со стороны писателей, знавшихъ не только ариѳметику, но и алгебру) служитъ доказательствомъ строгаго научнаго характера системы Логики. Впрочемъ, нѣкоторые логики по профессіи, не обращая вниманія на обстоятельства, о которыхъ мы только что упоминали, пускались въ изслѣдованія въ различныхъ отрасляхъ знанія, — изслѣдованія, которыя, повидимому, должны быть также безграничны, какъ безгранично и самое человѣческое знаніе, такъ какъ нѣтъ такого предмета знанія, на который бы не простиралось умозаключеніе, и къ которому, слѣдовательно, Логика не имѣла бы примѣненія. Ошибка въ томъ именно и заключается, что къ области Логики относятъ все, къ чему только она имѣетъ *примѣненіе* (*).

(*) На подобное заблужденіе относительно риторики жа-

Многіе, однако, и изъ тѣхъ, которые не вполнѣ впадаютъ въ такое заблужденіе, порицаютъ всякій трактатъ о Логикѣ, который, подобно настоящему, высказываетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ *языкомъ*, и говорятъ, что эта наука имѣетъ своимъ ближайшимъ предметомъ сравненіе «*отвлеченныхъ идей*», которымъ, говорятъ они, языкъ даетъ только названія. На этотъ разъ достаточно будетъ замѣтить слѣдующее: положимъ, что дѣйствительно существуютъ въ умѣ, или въ нѣкоторыхъ умахъ, извѣстныя «отвлеченныя идеи», съ помощью которыхъ умозаключеніе можетъ совершаться независимо отъ общихъ названій или (какого бы то ни было рода знаковъ),—а это-то и составляетъ настоящую исходную точку всего возраженія – и что можно создать систему Логики, имѣющую предметомъ такое умозаключеніе; во всякомъ случаѣ, если я признаюсь, что ничего не знаю о такъ называемыхъ «отвлеченныхъ идеяхъ» или о какихъ другихъ «универсаліяхъ» кромѣ общихъ знаковъ, и не имѣю понятія ни о какомъ подобномъ процессѣ умозаключенія, то я, по крайней мѣрѣ, долженъ ограничиться изложеніемъ только той Логики, какую, я понимаю. Многіе также изъ тѣхъ писателей, которые говорятъ съ пренебреженіемъ о Логикѣ вообще, на томъ основаніи, что она занимается только словами, держатся, въ главныхъ

дуется и Аристотель; примѣры такихъ заблужденій находимъ въ разговорахъ нѣкоторыхъ лицъ въ сочиненіи *Cic. de Oratore*

чертахъ, тѣхъ же самыхъ взглядовъ, какъ и указанные выше; именно, они допускаютъ, что умозаключеніе можетъ совершаться совершенно независимо отъ языка, на который они смотрятъ, какъ уже было замѣчено, исключительно какъ на средство сообщать свои мысли другимъ. И, согласно съ этимъ, они очень низко ставятъ науку, или искуство, которому они приписываютъ исключительно эту задачу.

Этотъ взглядъ на предметъ, кажется мнѣ, раздѣляется весьма многими. Большинство людей, еслибы спросить ихъ, навѣрное сказали бы, что употребленіе языка исключительно только свойственно человѣку, и что назначеніе его заключается въ томъ, чтобы передавать другъ другу свои мысли и чувства. Но ни то, ни другое не вѣрно. Животные обладаютъ въ извѣстной степени способностью пріучиться понимать то, что имъ говорятъ, а нѣкоторые изъ нихъ привыкаютъ даже произносить звуки, выражающіе то, что происходитъ вокругъ нихъ. Но всѣ они, кажется, не способны къ другому, очень важному употребленію языка, которое характеризуетъ человѣка, а именно, къ употребленію «общихъ терминовъ», образуемыхъ посредствомъ отвлеченія, — которые служатъ орудіями мысли, съ помощью которыхъ только и можетъ совершаться процессъ умозаключенія.

Поэтому глухо-нѣмой, пока не выучится языку— разговору на пальцахъ или чтенію,— не болѣе способенъ къ умозаключенію, чѣмъ животное. Онъ, правда, отличается отъ животнаго тѣмъ, что обла-

даетъ умственною способностію пользоваться языкомъ, но онъ также мало можетъ пускать эти способности въ дѣло, пока не усвоитъ себѣ нѣкоторой системы произвольныхъ общихъ знаковъ, подобно тому, какъ человѣкъ, рожденный слѣпымъ отъ катаракта, не можетъ пользоваться своею способностью видѣть, пока не будетъ снятъ катарактъ.

На этомъ основаніи, если кто станетъ распрашивать глухо-нѣмаго, который выучился языку будучи уже взрослымъ, то онъ непремѣнно узнаетъ отъ него, что ничего подобнаго процессу умозаключенія не совершалось ни разу въ его умѣ до тѣхъ поръ пока онъ не выучился языку.

Еслибы мы, въ самомъ дѣлѣ, мыслили съ помощью тѣхъ «отвлеченныхъ идей», о которыхъ говорятъ нѣкоторые, и еслибы языкъ, которымъ мы пользуемся, служилъ исключительно для сношеній съ другими людьми, тогда разсуждать могъ-бы всякій, не знающій никакихъ произвольныхъ знаковъ. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать это возможнымъ, а слѣдовательно, и думать, что существуютъ «отвлеченныя идеи» (въ этомъ смыслѣ слова (*).

(*) Напечатано было нѣсколько любопытныхъ разсказовъ путешественниковъ по Америкѣ и людей, живущихъ тамъ, о дѣвушкѣ, по имени Лаура Бриджманъ, которая отъ роду была не только глухо-нѣмая, но и слѣпая. Она, однако, выучилась разговору на пальцахъ, и даже чтенію того, что написано рельефными буквами, и письму.

§ 6. Изъ сказаннаго очевидно, что едва ли есть какой нибудь предметъ, о которомъ бы такъ трудно было сообщить учащемуся ясное и удовлетворительное понятіе, какъ о томъ, который насъ занимаетъ. Въ каждой отрасли знанія, читатель, если

По отношенію къ нашему предмету замѣчательно то обстоятельство, что когда она оставалась одна, то можно было замѣтить, что ея пальцы почти всегда находились въ движеніи, хотя знаки были такъ неуловимы и неопредѣленны, что другіе не могли узнать, о чемъ она думаетъ. Но если ее объ этомъ спрашивали, то она разсказывала.

Кажется, что выучившись разъ употреблять знаки, она находила необходимымъ прибѣгать къ нимъ, какъ къ орудію мысли, всякій разъ, когда думала о предметахъ, лежащихъ за предѣлами того, что составляетъ собственно предметъ чувствъ. И безъ сомнѣнія, всякій дѣлаетъ тоже самое; хотя нельзя видѣть совершенія процесса (какъ въ примѣрѣ Лауры Бриджманъ) или слышать, какъ онъ происходитъ, хотя нѣкоторые имѣютъ обыкновеніе говорить сами съ собой вслухъ, или какъ говорится «думать вслухъ». Но знаки, которые мы всѣ употребляемъ при безмолвномъ размышленіи, суть просто умственныя представленія словъ, которыя безъ сомнѣнія такого рода, что они едва ли могутъ быть поняты другими, еслибы даже были произнесены вслухъ. Зависитъ это отъ того, что мы думаемъ обыкновенно, въ нѣкоторомъ родѣ, стенографіей (если можно такъ выразиться) подобно тому, какъ иногда, для памяти набрасываемъ бѣглыя замѣтки, состоящія иногда изъ одного или двухъ словъ, или даже одной буквы, и эти значки напоминаютъ намъ цѣлую рѣчь—и между тѣмъ эти значки совершенно не могутъ быть понятны для другихъ.

Было тоже замѣчено, что когда эта дѣвушка спала и по всей вѣроятности, грезила во снѣ, то нерѣдко шевелила пальцами и такимъ образомъ передавала разговоръ, который она вела во снѣ. См. выше § 4.

онъ только имѣетъ какія нибудь предварительныя познанія о предметѣ, уже нѣсколько подготовленъ къ пониманію изложенія началъ; если же онъ совсѣмъ не знакомъ съ предметомъ, то по крайней мѣрѣ, приступаетъ къ его изученію съ умомъ, свободнымъ отъ всякихъ предубѣжденій и ложныхъ понятій. Между тѣмъ для приступающихъ къ занятію Логикой нѣкоторыя предварительныя познанія нерѣдко бываютъ вредны; многіе изъ тѣхъ, которые обращали нѣкоторое вниманіе на изслѣдованіе о Логикѣ (или на то, что за нихъ обыкновенно принимается), скорѣе вовлекаются въ заблужденія ложными въ своемъ основаніи взглядами, нежели приготовляются къ дальнѣйшему изученію науки пріобрѣтеніемъ вѣрныхъ основаній. Не мало есть и такихъ, которые, не имѣя притязаній на какое бы то ни было знакомство съ наукой, проникнуты между тѣмъ такими предубѣжденіями противъ нея, или такими ложными понятіями относительно ея природы, которыя могутъ служить только препятствіемъ къ ея изученію.

Затрудненіе, сопровождающее отвлеченныя изысканія.

Впрочемъ всѣ отвлеченныя занятія представляютъ большую или меньшую трудность; хотя здѣсь эта трудность чувствуется болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь и заставляетъ начинающихъ бросать занятія Логикой, какъ сухія и скучныя. Начинающему трудно понять, къ какому конечному результату, къ какому практическому или любопытному примѣненію приведутъ его тѣ отвлеченныя начала, которыя прежде всего предлагаются учащемуся; такъ что онъ долженъ терпѣливо пройти самую трудную

часть системы, прежде чѣмъ получитъ ясное представленіе о ея цѣли и значеніи.

Жалобы на такія затрудненія нерѣдко слышатся со стороны обучающихся химіи, которымъ надоѣдаетъ описаніе свойствъ кислорода, водорода и другихъ невидимыхъ элементовъ, пока они пріобрѣтутъ кое какія свѣдѣнія относительно тѣхъ тѣлъ, которыя доступны чувствамъ. Поэтому нѣкоторые преподаватели химіи устраняютъ въ значительной степени это затрудненіе тѣмъ, что излагая предметъ для начинающихъ учиться ему, начинаютъ съ аналитическаго, а не съ синтетическаго процесса, т. е. вмѣсто того, чтобы начинать съ перечисленія элементарныхъ тѣлъ, переходить потомъ къ изложенію самыхъ простыхъ ихъ комбинацій, а наконецъ уже говорить о болѣе сложныхъ соединеніяхъ, которыя встрѣчаются особенно часто между самыми обыкновенными тѣлами, — они начинаютъ съ анализа этихъ послѣднихъ и только потомъ, разложивши ихъ постепенно на простые элементы, говорятъ о простыхъ тѣлахъ; они такимъ образомъ, въ одно и тоже время представляютъ предметъ съ интересной точки зрѣнія и ясно излагаютъ его цѣль. Въ самомъ дѣлѣ синтетическій способъ преподаванія достаточно понятенъ и интересенъ для того, кто уже сдѣлалъ значительные успѣхи въ какой нибудь наукѣ; притомъ же, будучи сжатымъ, правильнымъ и систематичнымъ, синтетическій методъ представляетъ ту форму, въ которой наши знанія естественно укладываются въ умѣ и удерживаются въ памяти;

Аналитическій и синтетическій процессъ.

но аналитическій методъ есть самый интересный, легкій и естественный методъ для введенія, такъ какъ онъ представляетъ тотъ методъ, путемъ котораго, первоначально совершается первое изобрѣтеніе или открытіе какой бы то ни было системы знанія.

Поэтому, кажется, будетъ очень полезно представить въ этой формѣ краткій очеркъ системы Логики, прежде чѣмъ приступать къ подробному изложенію ея. Такимъ образомъ мы предлагаемъ здѣсь читателю родъ воображаемой исторіи изслѣдованій, путемъ которыхъ могъ бы идти философскій умъ, которому впервые представилась эта система знанія.

КНИГА I.

Аналитическій очеркъ науки.

---

§ 1.

Каждый разъ, когда мы *разсуждаемъ*, въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е., когда мы употребляемъ въ дѣло доказательство (я разумѣю *дѣйствительныя*, т. е. *годныя* доказательства), для того ли, чтобы опровергнуть положеніе противника, или для убѣжденія въ чемъ нибудь другаго лица, или наконецъ для того, чтобы разъяснить самому себѣ какой нибудь предметъ, то, къ какому бы предмету эти разсужденія ни относились, всегда въ нашемъ умѣ долженъ совершаться извѣстный процессъ, и притомъ одинаковый во всѣхъ случаяхъ, если только онъ совершается правильно.

Нельзя, конечно, предположить, чтобы каждый сознавалъ, что въ умѣ его происходитъ этотъ процессъ, а тѣмъ менѣе, чтобы каждый былъ въ состояніи объяснить тѣ начала, по которымъ онъ совершается. Это относится ко всякому другому процессу, для объясненія котораго придумана из-

вѣстная система правилъ, и нельзя думать, чтобы могло быть иначе: практика не только можетъ существовать независимо отъ теоріи, но и должна ей предшествовать. Языкъ долженъ былъ существовать, прежде чѣмъ могла явиться мысль о грамматикѣ; а произведенія музыкальныя должны были предшествовать наукѣ о музыкѣ. Эти примѣры, замѣтимъ кстати, могутъ показать неосновательность часто повторяемаго возраженія противъ пользы Логики, — что люди могутъ очень хорошо разсуждать, не будучи вовсе знакомы съ этою наукою. Приведенные паралельные примѣры показываютъ только, что такое возраженіе можно примѣнить и и ко многимъ другимъ случаямъ, въ которыхъ нелѣпость его очевидна, и что слѣдовательно нѣтъ основанія утверждать ни того, что данная система не стремится къ исправленію практики, ни того что она можетъ быть не унизительнымъ и интереснымъ занятіемъ даже въ томъ случаѣ, когда она не имѣетъ этой практической цѣли.

Процессъ умозаключенія одинаковый во всѣхъ предметахъ.

Однимъ изъ главныхъ препятствій къ установленію правильнаго взгляда на природу и предметъ Логики служитъ не ясное пониманіе и упущеніе изъ виду тождественности процесса умозаключенія во всѣхъ случаяхъ. Если бы, какъ можно по видимому заключить изъ обыкновеннаго способа выраженія, математическое умозаключеніе, теологическое, метафизическое, политическое и т. д. существенно отличались одно отъ другаго т. е. представляли различные роды умозаключенія, то отсюда бы слѣдовало, (при предположеніи, что

существуетъ какая нибудь наука, подходящая подъ данное нами опредѣленіе Логики) что должно быть столько же различныхъ родовъ или по крайней мѣрѣ, столько же различныхъ развѣтвленій Логики, сколько различныхъ родовъ умозаключенія. Можетъ быть такъ и думаютъ многіе. И это нисколько не удивительно, такъ какъ всякому случалось замѣчать, что нѣкоторые люди въ разговорѣ и на бумагѣ разсуждаютъ совершенно вѣрно объ одномъ предметѣ и совершенно ошибочно о другомъ, о которомъ лучше говорятъ и пишутъ другіе, которые въ свою очередь ошибочно разсуждаютъ о первомъ предметѣ. Это заблужденіе можетъ быть хорошо характеризовано и устранено слѣдующимъ аналитическимъ примѣромъ. Каждый знаетъ, что въ ариѳметикѣ процессъ вычисленія не зависитъ отъ природы предметовъ, съ числами которыхъ мы имѣемъ дѣло, и что напримѣръ, дѣйствіе умноженія числа остается тѣмъ же самымъ, будетъ ли число означать количество людей или фруктовъ. Хотя, тѣмъ не менѣе, можетъ быть найдутся такіе, которые получаютъ вѣрные результаты въ вычисленіяхъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ, и дѣлаютъ ошибки при вычисленіяхъ, касающихся политической экономіи; но это потому, что они обладаютъ въ различной степени познаніями въ этихъ двухъ наукахъ, а не потому, конечно, что къ каждой изъ нихъ примѣняется особый родъ ариѳметики.

Нѣкоторые даже изъ тѣхъ, которые убѣждены, что простая система Логики можетъ быть примѣ-

нима ко всѣмъ предметамъ, расположены видѣть въ ней особенный методъ умозаключенія, а не методъ, раскрывающій и анализирующій наше разсужденіе (какъ это есть на самомъ дѣлѣ). Это давало многимъ поводъ, (напр. автору Философіи Риторики) къ сравненію силлогистическаго умозаключенія съ нравственнымъ. При этомъ принималось за аксіому, что можно умозаключать правильно, не умозаключая логически, — а это такая же грубая ошибка, какъ еслибы кто принималъ *грамматику* за *особый* языкъ и думалъ, что можно говорить правильно не говоря грамматически. Однимъ словомъ они смотрѣли на Логику, какъ на какое то *особенное* искуство умозаключенія, между тѣмъ какъ (насколько Логика есть искуство), оно есть *искуство умозаключенія вообще*. По этому задача Логики состоитъ въ изложеніи не такихъ началъ, по которымъ можно умозаключать, а тѣхъ, по которымъ всякій *долженъ* умозаключать, даже не сознавая ихъ ясно; не такихъ правилъ, которыми можно съ пользою руководствоваться, но такихъ, отъ которыхъ въ здравомъ разсужденіи *нельзя отступить*. Такъ какъ эти недоразумѣнія и возраженія представляются у самаго порога предмета, то едва ли было бы возможно, не обративъ на нихъ вниманія, сообщить какія нибудь вѣрныя свѣдѣнія о природѣ и цѣли системы Логики.

§ 2.

Происхожденіе логики. Допустивши, что тождественность процесса умозаключенія во всѣхъ случаяхъ признана нами,

то изслѣдованіе этого процесса не можетъ не представиться уму, какъ интересный предметъ изученія. Сверхъ того, — такъ какъ, частью по ошибкѣ или умышленно, употребляются ложные и недоказательные (кажущіеся) доводы, и такъ какъ даже тѣ, которые этими ошибками не вводятся въ заблужденіе, часто затрудняются открыть ихъ и удовлетворительно объяснить ихъ другимъ или даже самимъ себѣ, — то невозможно, чтобы не явилось желаніе постановить нѣкоторыя общія правила умозаключенія, приложимыя ко всѣмъ случаямъ его, — правила, съ помощью которыхъ можно было-бы скоро и отчетливо представить основанія собственнаго убѣжденія или своего возраженія противъ доводовъ противника, вмѣсто того, чтобы спорить какъ попало, безъ всякихъ твердыхъ и общепринятыхъ руководящихъ началъ, которыми можно бы было руководиться въ этомъ случаѣ. Такія правила должны быть аналогичны съ правилами ариѳметики, которыя, устраняя медленность и сомнительность вычисленія, дѣлаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ, чтобы различныя лица, придя въ одной задачѣ, послѣ длинныхъ выкладокъ, къ различнымъ результатамъ, не были бы въ состояніи ясно указать, гдѣ кѣмъ либо изъ нихъ была сдѣлана ошибка. Система такихъ правилъ, очевидно, не только не заслуживаетъ названія «искуства спорить», а напротивъ должна, по справедливости, называться «искуствомъ прекращать споры», такъ какъ она сразу приводитъ спорящія стороны, если не къ соглашенію, то къ исходной

точкѣ спора, и такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ безполезной траты словъ.

Анализъ доказательствъ. Продолжая изслѣдованіе, мы найдемъ, что всякое заключеніе, въ дѣйствительности, выводится изъ двухъ другихъ предложеній (называемъ отсюда *посылками*—*premisses*, что буквально значитъ предпосылаемыя положенія), потому что, хотя одно изъ нихъ можетъ и опускаться, и обыкновенно опускается, но, тѣмъ не менѣе, оно должно быть подразумѣваемо какъ существующее. Въ этомъ легко убѣдиться изъ того, что если отрицать опущенную посылку, то доказательство потеряетъ силу; напримѣръ, если кто нибудь, видя, что «въ мірѣ всегда проявляется цѣлесообразность», заключаетъ отсюда, что «міръ долженъ былъ имѣть разумнаго творца», то хотя онъ можетъ быть и не предполагаетъ существованія въ умѣ своемъ другой посылки, но, отрицая положеніе, что «все, что носитъ на себѣ признаки цѣлесообразности, должно имѣть разумнаго творца», онъ легко пойметъ, что утвердительная форма этого предложенія необходима для годности доказательства. (*) Или, если кто при встрѣчѣ «животнаго съ рогами на головѣ», заключаетъ, что оно «жвачное», то онъ легко замѣтитъ, что это вовсе не имѣетъ значенія до-

---

(*) Нѣкоторые предпочитаютъ называть это предложеніе не *посылкою*, а просто *условіемъ*. Тоже (какъ было выше замѣчено) въ сущности разумѣютъ и логики. Кто имѣетъ твердое основаніе полагать, что его умозаключеніе вѣрно, долженъ предполагать, что это условіе существуетъ.

казательства для того, кто не знаетъ общаго факта, что «всѣ рогатыя животныя жуютъ жвачку».

Доказательство, представленное въ такой правильной и полной формѣ, называется силлогизмомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что силлогизмъ не есть особый родъ доказательства, а только особая *форма* его выраженія, въ которой можетъ быть представлено всякое доказательство. (*) Силлогизмъ.

(*) Нѣкоторые писатели, между прочимъ и Локкъ, которые съ презрѣніемъ относятся къ тому, что они называютъ «силлогистическимъ разсужденіемъ», ясно допускаютъ, — какъ напримѣръ, Локкъ въ XVII гл.,— что «*всякое* правильное разсужденіе можетъ быть подведено подъ форму силлогизма» (въ этомъ, по моему мнѣнію, и заключается все то, что могутъ утверждать логики); но, говоритъ онъ, «есть другіе лучшіе способы разсужденія», то есть, какъ онъ старается объяснить, люди не всегда выражаютъ свои разсужденія въ «силлогистической формѣ»; какъ будто кто сомнѣвался когда нибудь въ этомъ! Исключеніе составляетъ развѣ авторъ статьи, помѣщенной въ Эдинбургскомъ обозрѣніи (за 1839 г.), который, браня и осмѣивая всѣ попытки доказать очевидность истинности Христіанства, какъ безполезныя и даже опасныя для массы человѣчества (открытіе, которое, скажемъ мимоходомъ, первые распространители Христіанства не сдѣлали по недостатку просвѣщенія) представляетъ какъ основаніе своего мнѣнія, что «Евангеліе служило опорою безчисленнымъ милліонамъ людей, которые никогда не составляли силлогизма.» И очень вѣроятно, что Никодемъ, напр., и тѣ, которые послали его, говоря: «Мы знаемъ, что ты учитель, посланный отъ Бога, потому что никто не можетъ творить тѣхъ чудесъ, которыя ты творишь, развѣ только тотъ, съ кѣмъ Богъ», хотя выразились грамматически и хотя разсужденіе ихъ правильно, можетъ быть никогда не слышали о силлогизмѣ или даже объ именахъ и глаголахъ.

Когда одна изъ посылокъ опущена, (что обыкновенно дѣлается для краткости) то доказательство называется энтимемомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что когда доказательство представляется въ такомъ видѣ, то возраженія противника бываютъ (или, лучше сказать, по видимому бываютъ) двоякаго рода: а именно онъ будетъ возражать противъ самаго утвержденія или противъ силы доказательства. Напр., въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ, атеистъ могъ бы отрицать, или положеніе, что міръ носитъ на себѣ признаки цѣлесообразности (*) или то, что отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ имѣлъ разумнаго творца. (**) Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что единственное различіе между этими двумя возраженіями заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ отвергается выраженная посылка, а въ другомъ опущенная; сила же доказательства зависитъ отъ обѣихъ посылокъ; если допустить обѣ посылки, то правильно выведенное изъ нихъ заключеніе невозможно отрицать.

Основаніе. Очевидно, что для доказательства не важно будетъ ли заключеніе поставлено въ началѣ или въ концѣ; но не мѣшаетъ замѣтить что посылка, поставленная послѣ заключенія, называется его основаніемъ, (***) и вводится посредствомъ одного изъ тѣхъ союзовъ, которые называются виннословными,

---

(*) Какъ дѣлали древніе атеисты.

(**) Какъ поступаютъ новѣйшіе атеисты.

(***) Большая посылка часто называется *принципомъ*, и тогда словомъ *основаніе* обозначается меньшая посылка.

какъ-то: «такъ какъ», «потому что», «ибо», которые впрочемъ приставляются къ посылкѣ и въ томъ случаѣ, когда она стоитъ впереди. Союзы заключительные «слѣдовательно» и пр. обозначаютъ заключеніе.

Слѣдствіе и причина.

Не мало ошибокъ и запутанности причиняетъ то обстоятельство, что союзы обоихъ этихъ разрядовъ имѣютъ и другое значеніе и употребляются однимъ для обозначенія причины, другой — слѣдствія также часто, какъ и для обозначенія посылки и заключенія. Напр., если я говорю: «Эта земля плодородна, потому что на ней растутъ роскошныя деревья», или: «на этой почвѣ растутъ роскошныя деревья, слѣдовательно она должна быть плодородна», то я употребляю эти союзы для обозначенія связи между посылкою и заключеніемъ, такъ какъ цвѣтущее состояніе деревьевъ не есть причина плодородія земли, а только причина того, что я знаю о плодородіи земли. Если же я говорю: «деревья имѣютъ цвѣтущій видъ, *потому что* почва плодородна», или: «почва плодородна и *потому* деревья имѣютъ цвѣтущій видъ», то я употребляю тѣже самые союзы для обозначенія связи между причиною и слѣдствіемъ. такъ какъ въ этомъ случаѣ, цвѣтущее состояніе деревьевъ, будучи видимо для глазъ, едва ли нуждается въ доказательствѣ, а намъ только нужно указать на него.

Есть, впрочемъ, значительное число случаевъ, когда причина употребляется для доказательства существованія ея слѣдствія; въ особенности это имѣетъ мѣсто при доказательствахъ касательно

будущихъ событій, какъ напр., если кто, по благопріятной погодѣ заключаетъ о будущемъ урожаѣ (*). Въ этомъ случаѣ причина и основаніе совпадаютъ, что и способствуетъ ихъ смѣшенію и въ другихъ случаяхъ.

§ 3.

Тотъ, кто (какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ) допускаетъ обѣ посылки доказательства, не можетъ не допустить заключенія.

Кто нибудь, пожалуй, можетъ отрицать, сомнѣваться и требовать, чтобы ему доказали, что всѣ рогатыя животныя жуютъ жвачку. Болѣе того, легко себѣ представить, что онъ можетъ даже не понимать ясно, что значитъ «жвачный»; но, тѣмъ не менѣе, для него все таки будетъ ясно, что допустивши эти посылки, онъ долженъ принять и заключеніе.

Даже въ томъ случаѣ, когда одна или обѣ посылки очевидно ложны или нелѣпы, все таки убѣдительность умозаключенія отъ этого не измѣнится, хотя самое заключеніе можетъ быть и нелѣпо. Напр. «Всѣ обезьяны ведутъ происхожденіе отъ пресмыкающихся или насѣкомыхъ; люди принадлежатъ къ разряду обезьянъ, слѣдовательно родъ человѣческій ведетъ свое происхожденіе отъ пресмыкающихся или насѣкомыхъ». Всякій замѣтитъ (**), что здѣсь всѣ три предложенія ложны. Но, тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что заключеніе вытекаетъ изъ

(*) См. Риторику, ч. I, гл. 2, § 11.

(**) Кромѣ развѣ нѣкоторыхъ французскихъ натуралистовъ.

посылокъ, и что, если бы онѣ были вѣрны, то и заключеніе было бы также вѣрно.

Мнимыя доказательства.

Но нерѣдко связь между посылками и заключеніемъ бываетъ кажущаяся, на самомъ же дѣлѣ, заключеніе не вытекаетъ изъ посылокъ, хотя невнимательному или неопытному доказательство и можетъ показаться убѣдительнымъ. Есть также множество другихъ случаевъ, когда сила доказательства сомнительна, т. е. когда можетъ представляться сомнѣніе относительно того, можно ли, допустивши посылки, отвергать все таки заключеніе. Поэтому чрезвычайно важно установить какую нибудь опредѣленную форму. подъ которую подводилось бы каждое убѣдительное доказательство и представить правило, которое опредѣляло бы силу каждаго доказательства, подходящаго подъ эту форму, и слѣдовательно, доказывало бы ошибочность всякаго мнимаго доказательства, которое не можетъ быть подведено подъ нее. Возьмемъ для примѣра слѣдующія доказательства: «Всякое разумное существо отвѣтственно за свои дѣйствія; животныя не разумны, слѣдовательно они не отвѣчаютъ за свои дѣйствія»; или: «Всякій мудрый законодатель сообразуется въ своихъ законахъ съ духомъ своего народа; Солонъ поступалъ такимъ образомъ, слѣдовательно онъ былъ мудрый законодатель». Иной, можетъ быть, не замѣтитъ ошибки въ подобныхъ доказательствахъ, особенно, если она прикрыта фразами и если заключеніе вѣрно, или (что выходитъ одно и тоже), если онъ склоненъ считать его вѣрнымъ; а другой, можетъ быть,

и замѣтитъ ошибочность доказательства, но не съумѣетъ объяснить въ чемъ заключается неправильность. Эти (кажущіяся) доказательства такого же свойства, какъ и слѣдующія, въ которыхъ нелѣпость заключенія очевидна:

«Всякая лошадь животное; корабли не лошади, слѣдовательно они не животныя», или: «всякое растеніе растетъ, животное растетъ, слѣдовательно животное есть растеніе». Эти послѣдніе примѣры, какъ я замѣтилъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ (если ихъ разсматривать какъ доказательства) предъидущимъ, такъ какъ вопросъ объ годности (убѣдительности) доказательства состоитъ не въ томъ, вѣрно ли заключеніе, а въ томъ, вытекаетъ ли оно изъ посылокъ.

Къ такому способу обнаруженія неправильности доказательствъ посредствомъ приведенія подобнымъ же образомъ построенныхъ неправильныхъ доводовъ, заключеніе которыхъ очевидно нелѣпо, часто и съ большимъ успѣхомъ, прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разсуждаютъ съ людьми не знакомыми съ правилами Логики (*), но болѣе разум-

---

(*) Открытіе нѣкоторыхъ ошибокъ въ «Опытѣ о Чудесахъ» Юма (Hume) и въ другихъ сочиненіяхъ, было по этому способу, предпринимаемо лѣтъ нѣсколько тому назадъ въ помфлетѣ (вышедшемъ въ свѣтъ безъ имени автора, какъ требовалъ того разсматриваемый предметъ, но который, впрочемъ, я не имѣю никакого основанія не признать), подъ заглавіемъ «Историческія сомнѣнія относительно Наполеона Бонапарта» и въ немъ было показано, что существованіе этой необыкно-

ный и краткій способъ обнаруженія неправильности есть установленіе такихъ правилъ, которыя служили бы пробнымъ камнемъ правильности всякаго доказательства. Чтобы достигнуть этого, необходимо подвергнуть анализу нѣсколько ясныхъ и сильныхъ доказательствъ и замѣтить, отъ чего зависитъ ихъ убѣдительность.

Анализъ доказательства.

Итакъ, разсмотримъ одинъ изъ приведенныхъ примѣровъ, положимъ слѣдующій:

«Всякое животное съ рогами на головѣ — есть животное жвачное; лось имѣетъ на головѣ рога,— слѣдовательно лось есть животное жвачное.» Не трудно замѣтить, что годность («убѣдительность» или «основательность») доказательства нисколько не зависитъ отъ нашего убѣжденія въ вѣрности посылокъ, ни даже отъ пониманія ихъ смысла. Потому что, если мы, на мѣсто одного изъ предметовъ, о которыхъ мы говоримъ, поставимъ какой нибудь, не имѣющій смысла символъ (напр. какую нибудь букву алфавита), который можетъ означать что угодно, то умозаключеніе все таки останется тѣмъ же.

Напримѣръ, если мы скажемъ (вмѣсто «живот-

венной личности, по началамъ Юма, не могло бы быть разсматриваемо какъ дѣйствительное событіе, такъ какъ оно опирается на менѣе сильныя доказательства, чѣмъ тѣ, которыя удостовѣряютъ насъ въ справедливости Священной Исторіи. Для полнаго развитія способа, которымъ достовѣрность этой послѣдней дѣйствуетъ на умы большинства. См. Гайнда «О вдохновеніи», стр. 30—46.

ное съ рогами на головѣ»): «Всякій X есть животное жвачное, лось есть «X» слѣдовательно лось есть жвачное животное», — доказательство будетъ все таки годное. Точно также, вмѣсто слова: «жвачное» можно поставить «У», при чемъ получится разсужденіе: «Всякій *X* есть *У*, лось есть X, слѣдовательно лось есть «У»,—которое будетъ также убѣдительно, какъ было прежде.

Сила доказательства останется тою же, если мы, вмѣсто: «лось», поставимъ «Z», потому что силлогизмъ: «Всякій *X* есть *У*, а *Z* есть *X*, слѣдовательно *Z* есть У», вполнѣ сохранитъ свою силу, чтобы мы ни поставили на мѣсто символовъ: X, *У* и *Z*. Можно поставить на мѣсто X, У и Z какія либо слова, тогда будетъ ясно, что если только удержать туже форму выраженія, то невозможно, допустивши, что посылки вѣрны, не признать что и заключеніе вѣрно.

Доказательство можетъ быть понятно, хотя бы его термины были не понятны.

Здѣсь стоитъ замѣтить, что упущеніе изъ виду замѣченныхъ нами особенностей весьма легко можетъ приводить къ весьма обыкновенному, хотя, повидимому, странному заблужденію, будто мы понимаемъ ясно то, что на самомъ дѣлѣ для насъ не ясно, или о чемъ мы даже не имѣемъ понятія.

Можно прочитать или даже написать много страницъ какого нибудь разсужденія, въ которомъ одни или нѣсколько терминовъ не вызываютъ въ умѣ никакого яснаго представленія объ означаемыхъ ими предметахъ, и не замѣтить этого обстоятельства по той причинѣ, что самое доказательство вполнѣ понятно. О такомъ человѣкѣ можно въ

нѣкоторомъ смыслѣ сказать, что онъ понимаетъ то, что читаетъ или пишетъ, потому что онъ вполнѣ можетъ слѣдить за ходомъ самаго разсужденія. Но самое разсужденіе для него могло бы быть понятно, еслибы онъ поставилъ на мѣсто употребленныхъ словъ X или Z, или какой нибудь другой произвольный символъ, какъ въ выше приведенныхъ примѣрахъ. Пониманіе самыхъ доказательствъ не рѣдко смѣшивается съ пониманіемъ словъ, употребляемыхъ въ доказательствахъ и съ знаніемъ природы предметовъ, обозначаемыхъ этими словами.

Итакъ, понятно, что сила (или убѣдительность) доказательства, если оно выражено правильно, видна изъ самой формы выраженія и независимо отъ смысла словъ, входящихъ въ умозаключеніе.

Разсматривая эту форму, положимъ на примѣрѣ, сейчасъ приведенномъ нами, мы увидимъ, что въ первой посылкѣ («X есть У») говорится вообще о цѣломъ классѣ предметовъ (какіе бы они ни были), означенномъ символомъ «X», что о немъ можетъ быть утверждаемо то, что онъ есть У; а въ другой посылкѣ («Z есть X),— что «Z» (чтобы оно собою ни представляло) относится къ этому классу и должно быть подразумѣваемо, какъ заключающееся въ немъ. Очевидно, что то, что можетъ быть сказано обо всемъ въ данномъ классѣ, можетъ быть сказано и о каждомъ предметѣ, заключающемся («понимаемомъ» или «содержащемся») въ этомъ классѣ; такимъ образомъ мы имѣемъ право сказать (въ заключеніи), что «Z» есть «У».

Такъ и въ первоначально приведенномъ при-

мѣрѣ, сказавъ вообще о цѣломъ классѣ «предметовъ. которые обнаруживаютъ признаки цѣлесообразности», что они «имѣли разумнаго творца», и отнесши потомъ, въ другой посылкѣ, къ этому классу предметовъ «міръ», мы заключаемъ, что о «мірѣ» можно утверждать, что «онъ имѣлъ разумнаго творца».

Точно также, если мы отрицаемъ что нибудь относительно цѣлаго класса, то мы имѣемъ право отрицать тоже самое относительно каждаго предмета, принадлежащаго къ этому классу. Например, если я говорю: «Лгунъ не заслуживаетъ довѣрія; этотъ человѣкъ лгунъ,— слѣдовательно, онъ не заслуживаетъ довѣрія», то я отрицаю здѣсь «заслуживаніе довѣрія» относительно цѣлаго класса, обозначаемаго словомъ «лгунъ», и потомъ отношу этого человѣка къ означенному классу, откуда и слѣдуетъ, что «заслуживаніе довѣрія» можетъ быть отрицаемо относительно его.

Это доказательство будетъ также очевидно сильнымъ, если (какъ въ предыдущемъ примѣрѣ), мы на мѣсто словъ, имѣющихъ опредѣленный смыслъ, поставимъ какіе нибудь неопредѣленные символы, какъ напримѣръ, буквы алфавита: «X не есть У, Z есть X, слѣдовательно Z не есть У» есть такой же совершенный силлогизмъ, какъ и приведенный выше съ утвердительнымъ заключеніемъ.

Значеніе слова: классъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящемъ сочиненіи, вездѣ подъ словомъ: «классъ» разумѣется не только «общее понятіе» или «совокупност общихъ признаковъ» или «общее описаніе», подъ

которое *дѣйствительно* подходятъ многіе предметы, но такое, подъ которое *можно мысленно* подвести неопредѣленное число предметовъ, а именно столько предметовъ, сколько (говоря разговорнымъ языкомъ) ихъ можетъ *«подойти подъ описаніе»*. Напр., можно себѣ представить, что, когда еще первый человѣкъ былъ на свѣтѣ одинъ, какія нибудь болѣе совершенныя (сверхчеловѣческія) существа смотрѣли на него не какъ на отдѣльную особь, называющуюся собственнымъ именемъ Адама, но также, по отвлеченію какъ на существо, обладающее тою совокупностью признаковъ, которую мы подразумѣваемъ подъ словомъ «человѣчность» («природою человѣческою») и могли поэтому назвать его именемъ «человѣка», означающимъ эти признаки и одинаково, слѣдовательно, примѣнимымъ къ каждому изъ его потомковъ. Поэтому, если говорится, что извѣстный предметъ «принадлежитъ къ такому-то классу», то слово: «классъ» слѣдуетъ понимать, или какъ дѣйствительный, или какъ такъ-называемый *возможный (potential)* классъ; то есть слово классъ употребляется безъ различія, существуетъ ли въ дѣйствительности нѣсколько предметовъ, которые подходятъ подъ описаніе класса, или нѣтъ. Очевидно, мы относимъ предметъ къ извѣстному классу вслѣдствіе того, что онъ обладаетъ извѣстными свойствами, а не наоборотъ. Если мы запомнимъ это, то можемъ съ удобствомъ употреблять слово классъ вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ оговоркамъ, и всякій разъ говорить «совокупности общихъ признаковъ».

Изъ сказаннаго можно замѣтить, что всѣ годныя доказательства могутъ быть подведены подъ ту форму, по которой построены предыдущіе силлогизмы, и что, слѣдовательно, начало, по которому они построены, есть *общее начало* разсужденія. Но обыкновенный способъ выраженія, даже у тѣхъ писателей, которые считаются многорѣчивыми, до такой степени сжатъ, т. е. въ доказательствахъ столько подразумѣвается и столько предполагается извѣстнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣйствительно высказывается (такъ какъ большинство людей бываютъ излишне недовольны всякимъ подобіемъ присутствія ненужныхъ и излишне формальныхъ доказательствъ), что часто одно изрѣченіе, выраженное въ немногихъ словахъ и принимаемое можетъ быть за одно только доказательство, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ различныхъ доказательствъ. Но если каждое изъ этихъ доказательствъ изложить вполнѣ и выразить все то, что подразумѣвалось авторомъ, то окажется, что всякая часть, даже самаго длиннаго и самаго сложнаго ряда разсужденій можетъ быть подведена подъ вышеприведенную форму (*).

Значеніе «логическаго мышленія».

Было бы ошибочно думать (заблужденіе, о которомъ едва ли стоило бы упоминать еслибы оно не встрѣчалось у многихъ писателей, заслуживаю-

---

(*) Одинъ древній писатель сравнивалъ Логику съ сжатымъ кулакомъ, а Риторику съ раскрытою рукою. Мнѣ кажется что обратное сравненіе было бы вѣрнѣе.

щихъ уваженіе), что Аристотель и другіе логики желали сдѣлать преобладающею эту полную форму доказательствъ и что она должна замѣнить обыкновенную форму выраженія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда стремятся доказать что либо, и что наконецъ разсуждать логически, значитъ представлять всѣ доказательства въ полной силлогистической формѣ. Аристотеля обвиняли даже въ несостоятельности, потому что онъ самъ отступалъ отъ своихъ правилъ. Говорили, «что въ его трактатахъ объ Этикѣ, Политикѣ и др. онъ представляетъ здравыя доказательства, но никогда не старается примѣнить свою систему къ практикѣ» (*).

Но точно также можно упрекать химика въ непослѣдовательности за то, что онъ употребляетъ сложныя вещества, не анализируя ихъ и не разлагая ихъ на простыя вещества; или утверждать, что «говорить грамматически» значитъ подвергать грамматическому разбору всякую мысль, которую мы высказываемъ. Химикъ, (продолжая равивать этотъ примѣръ) примѣняетъ свои знанія и свой аналитическій методъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда ему встрѣчается какое нибудь тѣло, котораго составъ не былъ до того изслѣдованъ или когда подозрѣваетъ въ немъ посторонніе элементы. Неправильное доказательство можно легко сравнить съ поддѣльнымъ сложнымъ веществомъ: «оно состоитъ изъ смѣси истины и заблужденія, такъ

(*) Лордъ Кэмсъ.

тѣсно соединенныхъ между собою, что, выражаясь химически, ненужныя примѣси *не отдѣляются при растворенiи:* одна капля «здравой Логики» есть та проба, которая ихъ тотчасъ раздѣляетъ, дѣлаетъ виднымъ присутствiе посторонняго вещества и осаждаетъ ихъ изъ раствора (*).

§ 4.

Аристотелево dictum.

Если захотимъ выразить въ немногихъ словахъ результатъ изслѣдованiя началъ разсужденiя, то получится слѣдующее общее правило, выведенное путемъ изслѣдованiя силлогизма, приведеннаго къ показанной выше формѣ, подъ которую можетъ быть подведено всякое убѣдительное (годное) доказательство; — все что сказывается (утверждается или отрицается) вообще относительно цѣлаго класса предметовъ, то можетъ быть такимъ же образомъ (утвердительно или отрицательно) сказано и о каждой вещи, принадлежащей къ этому классу. Это—начало, называется *dictum de omni et nullo.* Указанiемъ на него мы обязаны Аристотелю, и оно служитъ краеугольнымъ камнемъ всей его логической системы.

Замѣчательно, что нѣкоторые, въ другихъ отношенiяхъ осторожные, писатели такъ далеко зашли въ своей ненависти къ этому философу, что отзывались даже съ презрѣнiемъ и насмѣшкою объ

(*) Это превосходное сравненiе взято изъ анонимнаго памфлета «Критика Логики Кэтта». Въ этомъ памфлетѣ, хотя и наскоро писанномъ, авторъ обнаруживаетъ глубокомыслiе и основательное знанiе своего предмета.

этомъ принципѣ, ссылаясь на его простоту и очевидность, хотя во всякомъ другомъ случаѣ, они можетъ быть сами бы признали, что свести многія и, повидимому, весьма разнообразныя явленія къ одному или немногимъ простымъ началамъ есть величайшее торжество философіи, и что чѣмъ проще и очевиднѣе такое начало, если только оно дѣйствительно примѣняется ко всякимъ случаямъ, тѣмъ больше его значеніе и тѣмъ выше его научное достоинство. Еслибы противники Аристотеля возразили противъ его принципа, что онъ не примѣнимъ ко всѣмъ случаямъ, то такое возраженіе дѣйствительно имѣло бы значеніе. Такого возраженія противъ Аристотеля никто не пытался подтвердить какими бы то ни было доказательствами. Но многіе писатели принимали это правило за истину, не требующую доказательства, вслѣдствіе того, что (какъ мы упоминали) они разсматривали силлогизмъ, какъ особый родъ доказательства, и думали, что относящіяся къ нему правила не примѣняются, и никѣмъ никогда не примѣнялись ко всякому умозаключенію. Подъ вліяніемъ такого заблужденія, Докторъ Кэмбль (Cambell), (*) не безъ остроумія и нельзя сказать, чтобы безъ нѣкоторой тѣни основательности, старается доказать, что силлогизмъ не имѣетъ никакого значенія и никакой цѣны на томъ основаніи, что посылки на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ заключеніе. Онъ

(*) «Философія Риторики».

забываетъ при этомъ, что его возраженіе (если только оно основательно) имѣетъ силу *противъ всякаго процесса умозаключенія* вообще, и слѣдовательно, прилагается и къ тѣмъ доказательствамъ, которыя онъ приводитъ самъ. Ему не худо было бы вспомнить басню о дровосѣкѣ, который взлѣзши на дерево, до того увлекся рубкою сучьевъ, что безсознательно отрубилъ сукъ, на которомъ самъ стоялъ.

Еще болѣе страннымъ представляется то, что нѣкоторые замѣчательные писатели (*), дѣлая такія же точно возраженія противъ силлогизма, признаютъ въ тоже время возможность свести всякое разсужденіе къ ряду силлогизмовъ.

Заблужденіе относительно значенія *dictum.*

Одинъ изъ этихъ писателей возражаетъ противъ dictum Аристотеля, и о возраженіи этомъ стоитъ упомянуть потому, что оно бросаетъ яркій свѣтъ на дѣйствительный характеръ и на значеніе этого начала. Такъ какъ начало Аристотеля примѣняется, какъ уже было сказано, къ правильному и убѣдительному силлогизму, то онъ полагаетъ, что его значеніе состоитъ въ томъ, чтобы доказать и *сдѣлать очевидною* убѣдительность такого силлогизма, и послѣ этого онъ замѣчаетъ, что доказывать доказательство, значитъ поступать въ высшей степени не философски. Конечно, это замѣчаніе было бы справедливо, если бы мы могли

(*) Таковы: Дугалдъ Стюартъ: «Философія», т. II, и Локкъ, т. II, гл. 17, § 4.

себѣ представить, что цѣль Логики состоитъ въ томъ, чтобы увеличить очевидность заключенія, которое предполагается уже выведеннымъ посредствомъ самаго яснаго способа доказательства. Но весьма странно, что такая мысль могла придти въ голову человѣку, сколько нибудь знакомому съ естественными науками, потому что съ такимъ же правомъ можно утверждать, что цѣль натуралиста или химика заключается въ томъ, чтобы увеличить достовѣрность свидѣтельства чувствъ посредствомъ апріорическаго разсужденія и чтобы убѣдить насъ, что брошенный камень упадетъ на землю и что порохъ взорветъ, если его поджечь, такъ какъ и они доказываютъ, что эти явленія должны, согласно съ предлагаемыми ими законами, происходить такъ, какъ они происходятъ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, было бы крайнимъ невѣжествомъ и даже глупостью не знать, что задача натуралиста состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы доказать существованіе того или другаго явленія, которое мы и безъ того видимъ собственными глазами, а въ томъ, чтобы (какъ говорится) дать себѣ отчетъ въ немъ, т. е. показать по какому закону оно происходитъ,—словомъ для того, чтобы подвести *отдѣльный случай* подъ *общій законъ* природы. Такова же точно задача и Аристотелева dictum. Аристотель, безъ сомнѣнія, вовсе не думалъ посредствомъ его увеличивать убѣдительность какого нибудь отдѣльнаго силлогизма; онъ хотѣлъ только показать общій принципъ, по которому совершается процессъ, происходящій при составленіи

каждаго силлогизма. А какъ законы (*) природы (какъ ихъ называютъ), въ сущности суть не что иное, какъ *обобщенные факты*, относительно которыхъ всѣ явленія, подходящія подъ нихъ, суть частные случаи, такъ и доказательство, получаемое посредствомъ dictum Аристотеля, не есть особое доказательство, служащее для подтвержденія другихъ доказательствъ, а просто обобщенное и отвлеченное изложеніе всѣхъ возможныхъ доказательствъ, слѣдовательно оно (mutatis mutandis) есть *то самое доказательство*, которое, примѣняясь къ различнымъ предметамъ, употребляется въ каждомъ частномъ случаѣ.

Dictum есть доказательство въ отвлеченіи.

Чтобы яснѣе показать различныя ступени процесса отвлеченія, посредствомъ котораго всякое доказательство можетъ быть сведено къ самой общей формѣ, возьмемъ какой нибудь силлогизмъ (то есть доказательство, построенное правильно и выраженное вполнѣ), какъ вышеприведенный примѣръ. «Все, что носитъ на себѣ признаки цѣлесообразности, должно было имѣть разумнаго творца; міръ носитъ на себѣ признаки цѣлесообразности, слѣдовательно, онъ имѣлъ разумнаго творца», — и потомъ обобщимъ нѣсколько выраженіе, подставивъ (какъ въ алгебрѣ) произвольные, неопредѣленные символы на мѣсто употребленныхъ въ немъ опредѣленныхъ терминовъ. Тогда силлогизмъ представится въ слѣдующемъ видѣ: «Всякое В

(*) См. Приложенія № 1, Ст. Закон.

есть А; С есть В, слѣдовательно С есть А.» Въ такомъ видѣ умозаключеніе будетъ одинаково убѣдительно, какія бы значенія мы ни придавали знакамъ А, В и С. Этимъ символамъ можно даже придать такія значенія, что всѣ или нѣкоторыя положенія будутъ невѣрны; но тѣмъ не менѣе въ такомъ умозаключеніи невозможно *признать посылки* за вѣрныя и въ то же время отрицать заключеніе; а въ этомъ именно и состоитъ убѣдительность доказательства.

Если мы взглянемъ на силлогизмъ, такимъ образомъ построенный, то мы увидимъ, что А означаетъ что либо такое, что утверждается относительно извѣстнаго цѣлаго класса (т. е. относительно каждаго В), который заключаетъ въ себѣ или обнимаетъ собою еще какой нибудь другой предметъ, т. е. С (о которомъ во второй посылкѣ утверждается, что онъ есть В), и что поэтому въ заключеніи первый терминъ (А) сказывается о третьемъ терминѣ (С).

Высказывая причину убѣдительности этого процесса, мы приходимъ къ опредѣленію самаго dictum почти безъ всякаго измѣненія въ словахъ. Опредѣленіе это можетъ быть выражено такъ:

1) То, что сказывается относительно цѣлаго класса,

2) къ которому (классу) принадлежитъ и другой какой нибудь предметъ,

3) можетъ быть сказано и о томъ предметѣ, который принадлежитъ къ этому классу.

Три члена, на которые здѣсь раздѣляется опредѣленіе, соотвѣтствуютъ тремъ предложеніямъ силлогизма, къ которымъ они примѣняются (*).

Польза отъ употребленія символовъ, неимѣющихъ никакого значенія.

Отъ замѣны въ правильномъ силлогизмѣ терминовъ произвольными, неимѣющими опредѣленнаго значенія, символами, какъ напр. буквами алфавита, пріобрѣтается точно такая же выгода какъ и въ Геометріи; благодаря такой замѣнѣ умозаключеніе разсматривается само по себѣ какъ чистое умозаключеніе, такъ что вѣрность или ложность заключенія, которая есть нѣчто случайное, не можетъ ввести въ заблужденіе относительно вѣрности доказательства, которая зависитъ только отъ связи между посылками и заключеніемъ. Такимъ образомъ мы получаемъ возможность вывести общее начало всякаго умозаключенія и усмотрѣть его примѣнимость къ безчисленному множеству отдѣльныхъ случаевъ. Поэтому, обвиненіе Аристотеля, тѣмъ болѣе людьми незнакомыми съ Геометріей и Алгеброй, въ томъ, что онъ вводилъ такіе символы съ цѣлью затемнить свои доказательства, кажется весьма страннымъ. Если бы геометръ, вмѣсто того, чтобы обозначать четыре угла квадрата четырьмя буквами, назвалъ ихъ сѣверомъ югомъ, востокомъ и западомъ, то онъ этимъ нисколько не облегчилъ бы доказательство теоремы, а напротивъ учащійся скорѣе могъ бы сбиться при его примѣненіи.

И такъ силлогизмъ, въ собственномъ смыслѣ

(*) См. книга IV, гл. III, § 1.

(то есть, сильное доказательство, представленное въ такомъ видѣ, что его убѣдительность очевидна изъ самой формы выраженія), имѣетъ то свойство, ему исключительно принадлежащее, что если опредѣленные термины замѣнить буквами, или какими нибудь другими неопредѣленными знаками, то сила доказательства отъ этого нисколько не перестаетъ быть очевидной.

Если же отъ такой замѣны сила доказательства сдѣлается не очевидною, то это значитъ, что или предполагаемое доказательство ошибочно и софистично, или же оно можетъ быть приведено (нисколько не измѣняя своего смысла) къ такой формѣ силлогизма, въ которой къ нему можно примѣнить только что указанный критеріумъ.

Настоящій характеръ dictum.

Нѣкоторые замѣчали относительно dictum (считая его нелѣпостью), что это есть просто только окольное объясненіе того, что означается словомъ классъ. Это-то объясненіе класса и необходимо для учащихся, и они, при умозаключеніи, должны постоянно держать его въ памяти. Мы должны помнить, что не только каждый классъ (знакомъ котораго въ языкѣ есть *«общій терминъ»*) заключаетъ въ себѣ безчисленное множество отдѣльныхъ предметовъ и нерѣдко другихъ классовъ, во многихъ отношеніяхъ отличныхъ другъ отъ друга, но также, что почти каждый изъ этихъ отдѣльныхъ предметовъ и классовъ можетъ быть отнесенъ къ безчисленному множеству классовъ, смотря потому, какое изъ его различныхъ свойствъ мы отвлекаемъ отъ него.

Всякое же умозаключеніе только и служитъ къ тому, чтобы напомнить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что такое то свойство принадлежитъ такому то классу и что данный классъ заключаетъ въ себѣ такіе то предметы.

Дѣйствительно, взглянувши на какой нибудь изъ выше приведенныхъ примѣровъ, не трудно замѣтить, что, если мы утверждаемъ обѣ посылки, взятыя вмѣстѣ, то онѣ уже на самомъ дѣлѣ содержатъ (подразумѣваютъ) заключеніе. Иначе было бы возможно отразить заключеніе, допуская обѣ посылки (*).

Обнаруженіе неправильности доказательствъ.

Такъ называемое ложное или неправильное доказательство (т. е. доказательство только кажущееся, а въ сущности вовсе не доказательство) не можетъ быть подведено подъ выше указанную форму: но если его представить въ формѣ возможно болѣе къ ней подходящей, то его ошибочность станетъ болѣе очевидною, вслѣдствіе противорѣчія съ указаннымъ правиломъ, которое обнаружится при этомъ: такъ напр.

(*) Поэтому нѣкоторые упрекали силлогизмъ (который они принимаютъ за одинъ изъ видовъ доказательства) въ томъ, что изъ него нельзя извлечь никакой новой истины, такъ какъ заключеніе на самомъ дѣлѣ, уже извѣстно тому, кто допускаетъ посылки. Но коль скоро силлогизмъ не есть особенный извѣстный родъ доказательства, но представляетъ всякое доказательство, выраженное въ правильной формѣ, то, слѣдовательно, подобное возраженіе относится къ умозаключенію вообще. Предметъ этотъ разобранъ подробнѣе въ IV кн., 2 гл.

«Всѣ способные обсуживать преступленіе подлежатъ отвѣтственности; дитя не имѣетъ способности обсуживать преступленіе, слѣдовательно, дитя не подлежитъ отвѣтственности.» (См. § 3). Здѣсь терминъ «подлежитъ отвѣтственности» утверждается вообще относительно тѣхъ, которые «имѣютъ способность разсуждать о преступленіи»; потому, согласно съ Аристотелевымъ dictum, можно было бы утверждать тоже обо всѣхъ предметахъ, принадлежащихъ къ этому классу; но, въ нашемъ примѣрѣ, не упоминается ни о чемъ такомъ, что относится къ этому классу, а только терминъ «дитя» исключается изъ него. Хотя то, что утверждается относительно цѣлаго класса, можетъ быть утверждено и относительно каждаго предмета, къ нему принадлежащаго, однако нѣтъ никакого основанія предполагать, что оно можетъ быть отрицаемо относительно какого нибудь предмета, который не принадлежитъ къ этому классу, такъ какъ, очевидно, можетъ случиться, что извѣстный признакъ принадлежитъ цѣлому классу и еще какому нибудь предмету, не подходящему подъ этотъ классъ. Если мы говоримъ напр., что деревья суть растенія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что можно также сказать, что *ничто другое* (кромѣ деревьевъ) не есть растеніе; точно также, когда говорится, что «Всѣ способные обсуживать преступленіе подлежатъ отвѣтственности», то, это еще не значитъ, что «никто другой не подлежитъ отвѣтственности». Полученное здѣсь заключеніе можетъ быть даже совершенно вѣрно само по

себѣ, но оно не содержится въ посылкахъ; а въ анализѣ доказательства мы должны обращать вниманіе не на то, что *можно* утверждать, но только на то, что *дѣйствительно* содержится въ посылкахъ. Поэтому очевидно, что такое мнимое доказательство, какъ выше приведенное, не соотвѣтствуетъ изложенному правилу и не можетъ быть представлено въ такой формѣ, въ которой бы оно могло соотвѣтствовать ему,—слѣдовательно, оно не есть сильное доказательство.

Возьмемъ другой примѣръ: «Пища необходима для жизни, хлѣбъ есть пища, слѣдовательно хлѣбъ необходимъ для жизни.» Здѣсь терминъ «необходима для жизни» утверждается относительно пищи, но не *вообще*, потому что онъ утверждается не о *всякой пищѣ*. Смыслъ утверждаемаго здѣсь, очевидно, тотъ, что «нѣкоторая пища необходима для жизни». Если въ этомъ примѣрѣ вмѣсто опредѣленныхъ терминовъ поставить символы, то мнимое доказательство представится въ слѣдующемъ видѣ: «Нѣкоторый X есть Y, Z есть X, слѣдовательно Z есть Y». И здѣсь, слѣдовательно, не соблюдено общее правило относительно доказательствъ, такъ какъ то, что сказано (утвердительно или отрицательно) не о цѣломъ классѣ, а только о части класса, не можетъ быть, на этомъ только основаніи, сказано о каждомъ предметѣ, принадлежащемъ къ этому классу.

Я приведу здѣсь одинъ изъ доводовъ извѣстнаго Юма противъ чудесъ,—доказательство, которое сбивало съ толку многихъ, и которое совер-

шенно сходно съ предъидущими. Оно можетъ быть представлено въ такомъ родѣ: «Свидѣтельство есть родъ доказательства дѣйствительности факта, которое скорѣе можетъ быть ложнымъ, нежели чудо — достовѣрнымъ», (или, другими словами, «мы имѣемъ больше основаній думать, что свидѣтельство ложное, нежели что чудо совершилось»); доказательство, на которомъ основывается вѣра въ чудеса христіанской вѣры, есть свидѣтельство; слѣдовательно, доказательство, на которомъ основывается вѣра въ христіанскія чудеса, скорѣе можетъ быть ложнымъ, нежели чудо возможнымъ.

Здѣсь, очевидно, въ первой изъ посылокъ говорится о «нѣкоторомъ свидѣтельствѣ», а не обо «всѣхъ свидѣтельствахъ» (или всякомъ), а подъ свидѣтелемъ «разумѣется не всякій свидѣтель», а «нѣкоторый свидѣтель». Такимъ образомъ и это мнимое доказательство содержитъ ту же ошибку, какъ и предъидущія.

§ 5.

Неправильность доказательства въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ состоитъ, какъ говорится обыкновенно на языкѣ логиковъ, въ «нераспредѣленіи средняго термина», т. е. въ томъ, что онъ употребляется для обозначенія не всѣхъ предметовъ, къ которымъ онъ примѣнимъ. Чтобы понять это выраженіе, необходимо замѣтить, что предложеніе есть изрѣченіе, въ которомъ что нибудь сказывается (утверждается или отрицается) относительно извѣстнаго предмета (напр. «А есть В»);

и что какъ то, что сказывается относительно предмета, такъ и предметъ, о которомъ сказывается (напр. А и В) называются «терминами» или «предѣлами» предложенія (terminus означаетъ предѣлъ), такъ какъ они стоятъ въ предложеніи, одинъ въ началѣ, а другой въ концѣ. Въ каждомъ предложеніи бываетъ вообще два, и только два термина (хотя каждый изъ нихъ можетъ состоять изъ одного слова или изъ нѣсколькихъ). Терминъ называется «распредѣленнымъ» въ томъ случаѣ, когда онъ принимается вообще, такъ что можетъ быть приписанъ каждому предмету, къ которому онъ примѣнимъ; и, слѣдовательно, «нераспредѣленнымъ» называется такой терминъ, который относится только къ нѣкоторымъ предметамъ изъ обозначаемаго имъ класса; а такъ: «всякая пища» или «всякаго рода пища» суть выраженія, въ которыхъ терминъ «пища» распредѣленъ; въ выраженіи «нѣкоторая пища» онъ нераспредѣленъ. Нужно также замѣтить, что терминъ, относительно котораго въ одной посылкѣ что нибудь утверждается или отрицается, и которому, въ другой посылкѣ, приписывается что нибудь другое, какъ заключающееся въ немъ, называемое въ силлогизмѣ «среднимъ терминомъ», такъ какъ онъ стоитъ между двумя другими (именно, *между* двумя терминами заключенія) и составляетъ середину доказательства. Теперь ясно, что, если въ каждой посылкѣ употребляется только часть этого средняго термина, т. е. если онъ вовсе не распредѣляется, то нельзя вывести никакого заключенія. Слѣдова-

Распредѣленіе терминовъ.

тельно, еслибы въ выше приведенномъ примѣрѣ просто было поставлено: «нѣчто (а не все), что обнаруживаетъ намѣреніе, есть дѣло разумнаго творца» то изъ того, что міръ обнаруживаетъ намѣреніе, вовсе не слѣдовало бы, что онъ есть дѣло разумнаго творца.

Нужно замѣтить также, что слова: «всѣ» и «всякій», означающія распредѣленіе термина, и «нѣкоторый», показывающее его нераспредѣленіе, не всегда бываютъ выражены,—они нерѣдко подразумѣваются, такъ какъ легко бываетъ понять въ какомъ смыслѣ употребляется терминъ. Напр. «пища необходима для жизни»: понятно, что здѣсь рѣчь идетъ о «нѣкоторой пищѣ»; «человѣкъ смертенъ», — здѣсь терминъ: «человѣкъ» означаетъ «всякій человѣкъ».

Неопредѣленныя предложенія.

Предложенія, выраженныя въ такой формѣ, логики называютъ «неопредѣленными», потому что формою выраженія не опредѣляется распредѣлено ли «подлежащее» (терминъ, относительно котораго что нибудь утверждается или отрицается, называется «подлежащимъ», а тотъ, который относительно его сказывается — (утверждается или отрицается) «сказуемымъ»), или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, однако, ясно, что во всякомъ предложеніи подлежащее разумѣется или распредѣленнымъ или нераспредѣленнымъ, хотя бы и не было обозначено, распредѣлено ли оно или нѣтъ. — Слѣдовательно каждое предложеніе, выражено ли оно опредѣленно или неопредѣленно, должно быть понимаемо или какъ «общее», или какъ «частное»:

общимъ оно бываетъ тогда, когда сказуемое относится къ цѣлому объему подлежащаго (или другими словами, когда подлежащее распредѣлено),— частнымъ, когда сказуемое говорится только относительно части предметовъ, которые обозначаются подлежащимъ. Напр. «Всѣ люди грѣшны» есть предложеніе общее; «нѣкоторые люди грѣшны» — частное. Это раздѣленіе, говоря языкомъ Логики, есть раздѣленіе предложеній по ихъ «количеству».

Количество и качество предложеній.

Но распредѣленіе или нераспредѣленіе сказуемаго нисколько не зависитъ отъ количества предложенія, и слова: «всякій» («всѣ») и «нѣкоторый» никогда не приставляются къ сказуемому, потому что его распредѣленіе зависитъ отъ качества предложенія, то есть отъ того, утвердительное ли оно или отрицательное, такъ какъ по общему правилу, сказуемое отрицательнаго предложенія распредѣляется, а сказуемое утвердительнаго предложенія не распредѣляется. Основаніе этого правила легко понять, если вспомнить, что терминъ, обнимающій цѣлый классъ, можетъ быть утверждаемъ относительно каждаго предмета, принадлежащаго къ этому классу, хотя бы терминъ, къ которому относится это утвержденіе, имѣлъ и меньшій объемъ, нежели первый, и слѣдовательно вовсе не соотвѣтствовалъ цѣлому объему перваго термина. Такъ можно сказать: «негры — народъ не цивилизованный», не смотря на то, что терминъ: «народъ не цивилизованный», имѣетъ гораздо большій объемъ, нежели терминъ: «негры», такъ какъ, кромѣ негровъ, подъ терминъ этотъ подхо-

дятъ готтентоты и другіе народы. Поэтому нельзя утверждать, что всѣ не цивилизованные народы суть негры. И такъ, очевидно, что только часть термина:—«народъ не цивилизованный»—утверждалось относительно термина: «негры». Тоже самое разсужденіе примѣняется и ко всякому утвердительному предложенію. Хотя и случается, что подлежащее бываетъ равномѣрно съ сказуемымъ, то есть имѣетъ съ нимъ одинаковый объемъ, и ограничено тѣми же предѣлами, какъ напр. въ предложеніяхъ: «всѣ люди суть животныя, одаренныя разумомъ»; «всѣ равносторонніе треугольники, суть равноугольные» угла, такъ какъ одинаково вѣрно и то, что «всѣ животныя, одаренныя разумомъ, суть люди» и что «всѣ равноугольные треугольники суть равносторонніе», но этого все таки нельзя заключить изъ самой формы выраженія. Предложеніе: «всѣ люди суть животныя, одаренныя разумомъ» было бы одинаково вѣрно даже и въ томъ случаѣ, еслибы кромѣ людей, были и другія животныя, одаренныя разумомъ.

И такъ, понятно, что если какая нибудь часть сказуемаго приложима къ подлежащему, то оно можетъ быть только утверждаемо относительно подлежащаго. Поэтому если сказуемое отрицается относительно подлежащаго, то оно означаетъ, что ни одна часть его не приложима къ подлежащему, то есть, что сказуемое, во всемъ своемъ объемѣ, отрицается относительно подлежащаго. Если сказать, напримѣръ, «ни одинъ хищный звѣрь не есть жвачное животное», то это означаетъ, что хищ-

ные звѣри исключаются изъ цѣлаго класса жвачныхъ животныхъ и слѣдовательно, что «ни одно жвачное животное не есть хищный звѣрь». А отсюда слѣдуетъ упомянутое выше правило, что распредѣленнымъ сказуемое бываетъ въ предложеніяхъ отрицательныхъ, а нераспредѣленнымъ— въ утвердительныхъ.

Нераспредѣленіе сказуемаго въ предложеніяхъ утвердительныхъ.

Учащимся, можетъ быть, покажется страннымъ, что сказуемое утвердительныхъ предложеній никогда не бываетъ распредѣленнымъ, особенно послѣ того какъ Ольдричъ допускалъ возможность такого распредѣленія; напр. въ слѣдующемъ предложеніи: «всякій равносторонній треугольникъ равноугольный». Но мнѣніе Ольдрича не вѣрно: онъ могъ бы сказать, что въ приведенномъ предложеніи сказуемое *распредѣлимо*, а не то, что оно дѣйствительно распредѣлено, т. е. *случилось* такъ, что «всякій равноугольный треугольникъ (есть) равносторонній», но это не вытекаетъ изъ предъидущаго утвержденія; намъ же нужно обращать вниманіе не на то, что могло бы быть сказано вѣрно, а на то, что дѣйствительно было сказано. И согласно съ этимъ, математики даютъ отдѣльныя доказательства этихъ двухъ предложеній.

Если я утверждаю, что сказуемое, равно какъ и подлежащее извѣстнаго утвердительнаго предложенія должны быть понимаемы какъ распредѣленныя и если я говорю напр.: «всѣ равносторонніе и только равносторонніе треугольники—равноугольны», то я утверждаю не одно только предложеніе, а собственно говоря два. Это бываетъ во

всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда высказываемое предложеніе такого рода, что все сказуемое утверждается относительно подлежащаго, что можно понять или изъ смысла словъ, употребленныхъ въ предложеніи, или изъ связи между ними.

И такъ, если я говорю о какомъ нибудь числѣ, напр. о 100, что оно есть квадратъ другаго числа — 10, то всякій, знакомый со свойствами чиселъ, пойметъ, что здѣсь собственно заключается два предложенія, — а именно: «100 есть квадратъ 10», и «квадратъ 10-ти есть 100». Точно также, если я говорю, что «Ромулъ былъ первымъ римскимъ царемъ», то это же означаетъ, что понятно изъ особеннаго значенія словъ, — что «первымъ римскимъ царемъ былъ Ромулъ».

Термины, находящіеся въ такомъ отношеніи одинъ къ другому, называются, на техническомъ языкѣ, *превратимыми* (или равнозначущими) терминами. Понятно, что если мы не только утверждаемъ одинъ терминъ относительно другаго, но и утверждаемъ также, что эти термины «превратимы», то мы утверждаемъ не одно только предложеніе, а два.

Распредѣленіе среднихъ терминовъ.

Нужно всегда имѣть въ виду, что недостаточно, чтобы средній терминъ находился въ общемъ предложеніи, потому что, если это предложеніе будетъ утвердительнымъ, а средній терминъ его сказуемымъ, то онъ не будетъ распредѣленъ. Напр., если бы въ предъидущемъ примѣрѣ утверждалось только то, что «всѣ дѣла разумнаго творца обнаруживаютъ стремленіе къ цѣли» и что

«міръ обнаруживаетъ стремленіе къ цѣли» — то еще нельзя было бы ничего этимъ доказать; потому что, хотя оба эти предложенія общи, однако средній терминъ въ обоихъ предложеніяхъ служитъ сказуемымъ, и оба предложенія утвердительны: и слѣдовательно правило Аристотеля не соблюдено въ этомъ примѣрѣ, потому что для этого нужно было бы терминъ: «дѣло премудраго творца», примѣнимость котораго къ «міру» должна быть доказана, утверждать не относительно средняго термина (что обнаруживаетъ цѣль), который обнимаетъ своимъ значеніемъ «міръ», а напротивъ, утверждать средній терминъ относительно перваго.

Но если одна изъ посылокъ будетъ отрицательною, то тогда средній терминъ можетъ быть ея сказуемымъ, и въ такомъ случаѣ, сообразно съ сдѣланнымъ выше замѣчаніемъ, онъ будетъ распредѣленъ. Напр. «никакое жвачное животное не есть хищное; левъ есть животное хищное, — слѣдовательно, левъ не есть жвачное животное»; этотъ силлогизмъ правиленъ, и средній терминъ его (хищное животное), распредѣленъ, потому что служитъ сказуемымъ въ отрицательномъ предложеніи. Правда, форма этого силлогизма не такая, какой требуетъ dictum; но она легко можетъ быть подведена подъ эту форму; стоитъ только первое предложеніе представить въ слѣдующемъ видѣ: «никакое хищное животное не есть жвачное», — что (согласно сдѣланному уже замѣчанію) очевидно содержится въ положеніи «никакое жвачное

животное не есть хищное». Такимъ образомъ нашъ силлогизмъ представится въ формѣ, къ которой примѣнимъ dictum.

Не всякое, правда, доказательство можетъ быть подведено подъ эту форму посредствомъ такого простаго и незначительнаго измѣненія его, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ: для этого не рѣдко требуется длиннѣйшій и болѣе сложный процессъ, и впослѣдствіи будутъ даны правила, которыя могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, облегчить этотъ процессъ. Но ни одно доказательство не можетъ считаться вѣрнымъ, если оно не можетъ быть подведено подъ эту форму, безъ малѣйшаго уклоненія отъ смысла утверждаемаго. И мы увидимъ, что эта форма (хотя болѣе растянутая, чѣмъ нужно для обыкновеннаго разсужденія) есть самая ясная изъ всѣхъ формъ, въ какихъ доказательство только можетъ быть представлено. Обще-примѣнимость dictum.

Такимъ образомъ, всякое умозаключеніе основывается на одномъ началѣ, установленномъ Аристотелемъ, именно на томъ, что: «то, что приписывается (сказывается), положительно или отрицательно, относительно распредѣленнаго термина, также точно (т. е. положительно или отрицательно) можетъ быть сказано и относительно каждой вещи, подходящей подъ этотъ терминъ». И такъ, если мы хотимъ доказать какое нибудь предложеніе, то есть, показать, что одинъ терминъ можетъ быть основательно утверждаемъ или отрицаемъ относительно другаго, то въ умѣ нашемъ совершается такой процессъ: мы относимъ этотъ тер-

минъ (который долженъ сказываться относительно другаго) къ какому нибудь классу (*) (т. е. къ среднему термину), относительно котораго другой можетъ быть утверждаемъ или отрицаемъ, смотря потому какъ придется въ каждомъ данномъ случаѣ.

Каковъ бы ни былъ предметъ разсужденія, умозаключеніе, если его разсматривать само по себѣ, во всѣхъ случаяхъ представляетъ одинъ и тотъ же процессъ; и еслибы писатели, нападавшіе на Логику, не забывали этого, то они осторожнѣе высказывали бы свои нападки на то, что они называютъ «силлогистическимъ умозаключеніемъ», такъ какъ, на самомъ то дѣлѣ, всякое разсужденіе таково же; а вмѣсто того, чтобы осмѣивать Аристотелево начало за его очевидность и простоту, они поняли бы, что это то и составляетъ его величайшую заслугу: такъ какъ простая, очевидная и для всякаго понятная теорія, если только она приводитъ къ объясненію разсматриваемаго ею предмета, есть самая лучшая теорія.

§ 6.

Я думаю, что для каждаго, дошедшаго въ своемъ изслѣдованіи теоріи умозаключенія до того пункта, до котораго мы теперь дошли, первымъ вопросомъ, который обратитъ на себя его вниманіе, долженъ быть вопросъ о *сказываніи.* Дѣйствительно, въ умозаключеніи требуется найти средній

(*) То есть къ дѣйствительному или возможному классу. См. выше § 3.

терминъ, который можетъ быть утвердительно сказываемъ о данномъ подлежащемъ, и потому на первомъ планѣ представляется вопросъ, какіе термины могутъ быть утверждаемы, какіе отрицаемы относительно другихъ терминовъ.

Общіе и единичные термины.

Очевидно, что собственное имя или какой нибудь терминъ, служащій для обозначенія одного только предмета, какъ напр. «Цезарь», «Темза», «побѣдитель Помпея», «эта рѣка» (называемый поэтому въ Логикѣ «единичнымъ терминомъ») не можетъ быть утверждаемъ относительно какого нибудь другаго предмета, кромѣ того, который имъ обозначается и слѣдовательно можетъ быть отрицаемъ относительно всякаго другаго предмета; мы можемъ сказать: «эта рѣка Темза», или «Цезарь былъ побѣдителемъ Помпея»; но мы не можемъ сказать о какой нибудь рѣкѣ, что она Темза, или о какомъ нибудь другомъ человѣкѣ, что онъ побѣдитель Помпея.

Съ другой стороны, тѣ термины, которые называются «общими», такъ какъ они служатъ для обозначенія любаго предмета, принадлежащаго къ обозначаемому ими классу, напримѣръ: «рѣка», «побѣдитель», уже поэтому самому могутъ быть утверждаемы относительно каждаго предмета, или относительно всѣхъ предметовъ, принадлежащихъ къ этому классу (относительно каждаго предмета, соотвѣтствующаго извѣстному описанію, или обладающаго извѣстными признаками). Напримѣръ: «Темза есть рѣка», «Рейнъ и Дунай суть рѣки».

Поэтому, общіе термины и называются преди-

кабиліями, predicabiles (т. е. которые могутъ быть утвердительно сказываемы), вслѣдствіе своей способности быть утверждаемыми относительно другихъ предметовъ; единичный же терминъ, напротивъ, можетъ быть подлежащимъ предложенія, но никогда сказуемымъ, за исключеніемъ отрицательныхъ предложеній (напр. «первый сынъ Исаака былъ не Яковъ») и такихъ, въ которыхъ подлежащее и сказуемое суть только различныя выраженія, обозначающія одинъ и тотъ же предметъ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше примѣрахъ.

Отвлеченіе и обобщеніе.

Процессъ, посредствомъ котораго умъ нашъ доходитъ до познанія этихъ «общихъ» терминовъ называется собственно «обобщеніемъ», хотя обыкновенно (справедливо) онъ называется *«отвлеченіемъ»*, потому что обобщеніе составляетъ одну изъ цѣлей, достигаемыхъ посредствомъ отвлеченія. Когда мы отдѣляемъ и разсматриваемъ отдѣльно какую нибудь часть предмета, не обращая вниманія на другія его части, то мы, какъ говорится, *отвлекаемъ* эту часть. И такъ, имѣя передъ глазами, или представляя себѣ розу, мы можемъ сдѣлать предметомъ своего особеннаго вниманія ея запахъ, оставляя въ сторонѣ всякую мысль о ея цвѣтѣ, формѣ и т. д. Такимъ образомъ мы могли бы отвлекать и въ томъ случаѣ, еслибы мы *только разъ* видѣли *одну* розу. Но это еще не есть обобщеніе. Обобщеніе, въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ мѣсто тогда, когда мы, разсматривая нѣсколько предметовъ, и находя ихъ сходными въ нѣкото-

рыхъ отношеніяхъ, отвлекаемъ сходственныя ихъ стороны, не обращая вниманія на ихъ различія, и даемъ всѣмъ и каждому изъ этихъ предметовъ названіе, приложимое къ нимъ вслѣдствіе этого сходства, т. е. даемъ имъ общее имя, какъ напр., роза,—или даемъ имя какому нибудь свойству, въ которомъ нѣсколько предметовъ сходны, какъ напр. «душистость» или «розовый цвѣтъ». Такимъ образомъ отвлеченіе не предполагаетъ необходимо обобщенія, тогда какъ обобщеніе невозможно безъ отвлеченія.

Относительно результатовъ этого процесса совершенно напрасно возникло затрудненіе; такъ какъ нѣкоторые писатели защищали, а нѣкоторые (и такихъ кажется больше) бездоказательно допускали мысль, будто въ природѣ должны существовать предметы, соотвѣтствующіе «общимъ» терминамъ, и что эти общіе термины служатъ названіемъ этихъ предметовъ, обозначающимъ и представляющимъ ихъ; что, такъ какъ существуетъ, напр., предметъ, соотвѣтствующій собственному имени «Этна» и обозначаемый этимъ именемъ, то и общій терминъ, «гора» долженъ имѣть какой нибудь дѣйствительно существующій и соотвѣтствующій ему предметъ, безъ сомнѣнія отличный отъ каждой отдѣльной горы (такъ какъ терминъ этотъ не единичный, а общій), но существующій въ каждой изъ горъ, такъ какъ этотъ терминъ примѣнимъ къ каждой изъ нихъ. «Когда, утверждаютъ эти писатели, нѣсколько людей говорятъ или думаютъ о «горѣ», то есть не о какой ни-

будь особенной горѣ, но о горѣ вообще, то всѣ они думаютъ о чемъ то. Этимъ нѣчто можетъ быть одинъ какой нибудь предметъ, а не нѣсколько. Но этотъ одинъ предметъ, не есть какой нибудь отдѣльный (индивидуальный) предметъ». Отсюда возникъ цѣлый рядъ мистическихъ розысканій относительно идей и т. д., которыя рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а только затемняютъ взглядъ на процессъ, который дѣйствительно совершается въ умѣ.

Понятіе, выражаемое общимъ терминомъ.

На самомъ дѣлѣ понятіе, выражаемое общимъ терминомъ, есть не равнозначущее (не полное) понятіе объ отдѣльномъ (индивидуальномъ) предметѣ, и вслѣдствіи этой неравнозначности, общій терминъ можетъ примѣняться къ каждому изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ предметовъ, подходящихъ подъ одно описаніе, словомъ, ко всему тому, что обладаетъ признакомъ или признаками, отвлеченными отъ множества предметовъ и обозначаемыми общимъ терминомъ. Если я, напр., не обращая вниманія на тѣ стороны, которыми Этна отличается отъ какой нибудь другой горы, отвлеку только тѣ, которыя общи ей и всѣмъ другимъ горамъ, то я составлю себѣ понятіе (выражаемое общимъ терминомъ «гора»), которое неравнозначно съ понятіемъ «Этна» (т. е. не означаетъ ни ея особенностей, ни ее одну исключительно) и одинаково примѣнимо ко множеству другихъ предметовъ.

Обобщеніе, очевидно, можно расширять до безконечности, путемъ дальнѣйшаго отвлеченія отъ

общихъ терминовъ. Напримѣръ, посредствомъ отвлеченія отъ термина «Сократъ» мы получаемъ общій терминъ «философъ»; точно также, отъ термина «философъ», посредствомъ подобнаго же процесса, мы доходимъ до болѣе общаго термина, «человѣкъ»; отъ «человѣка» мы приходимъ къ термину «животное» и т. д. Подобнымъ же образомъ отъ какихъ нибудь «десяти» предметовъ, которые мы видимъ (напр., пальцевъ, отъ числа которыхъ безъ сомнѣнія произошла десятичная система счисленія), вы можете дойти до общаго термина—до числа «десять», отъ него далѣе къ термину болѣе общему «число» и наконецъ, къ термину еще болѣе общему «количество» (*).

Различныя отвлеченія надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ, не только отдѣлять и въ отдѣльности разсматривать одну часть какого нибудь предмета, но и произвольно оста-

(*) На способность дѣлать обобщеніе по произволу смотрятъ и, можетъ быть, не безъ основанія, какъ на характеристическое отличіе человѣческаго ума отъ ума звѣрей. И дѣйствительно даже самое смышленное животное кажется неспособно составить себѣ какое нибудь отдѣльное понятіе о числахъ, для составленія котораго, очевидно, необходимо отвлеченіе. Потому что, чтобы считать какіе нибудь вещи, нужно отклонить вниманіе отъ всѣхъ особенностей и разсматривать ихъ только какъ единицы. По этому то у дикихъ племенъ (которыя менѣе отличаются отъ животныхъ, чѣмъ мы) замѣчается большая неясность въ понятіи о числѣ. Немногія изъ нихъ умѣютъ считать далѣе десяти или двадцати, а у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе грубыхъ дикарей нѣтъ даже словъ для выраженія чиселъ дальше пяти. См. доктора Тайлора «Естественную Исторію общества».

навливаться на какой угодно его части, смотря по цѣли, какую мы имѣемъ въ виду. Такъ напр., отдѣльнаго человѣка мы можемъ разсматривать, или съ точки зрѣнія его общественнаго положенія и образа жизни и относить его къ классу купцовъ, земледѣльцевъ, правовѣдовъ, смотря потому, какъ придется въ данномъ случаѣ; или съ физіологической, — и называть его негромъ или бѣлымъ; или съ религіозной, какъ язычника, магометанина, христіанина и т. д.; или съ географической, какъ европеецъ, американецъ и пр. Такимъ же образомъ можно смотрѣть и на всякій другой предметъ, могущій служить предметомъ разсужденія; мы можемъ разбирать и отвлечь ту сторону предмета, которая нужна для нашей цѣли; такъ что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть отнесенъ къ различнымъ классамъ, смотря по надобности. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что мы можемъ какой нибудь предметъ отнести къ тому классу, къ которому онъ на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ; это означало бы отвлекать отъ предмета то, что вовсе не составляетъ его части. Мы можемъ только по произволу останавливаться на какой нибудь его части, которую мы хотимъ отвлечь отъ остальныхъ

Замѣчаніе это весьма важно, потому что люди нерѣдко склонны бываютъ думать, что каждый предметъ *дѣйствительно* принадлежитъ къ одному только классу (*). Это происходитъ отъ при-

---

(*) См. въ концѣ IV книга, V гл.

вычки, въ обыкновенныхъ случаяхъ, смотрѣть только съ одной точки зрѣнія на предметы, которые могли бы также быть разсматриваемы и съ другихъ точекъ зрѣнія, то есть относимы къ различнымъ классамъ (или сказуемымъ). Въ этомъ то именно и состоитъ такъ называемая узкость ума.

Различные способы классификаціи.

Напр., исключительный ботаникъ былъ бы удивленъ, услышавши, что трилистникъ и люцерна причисляются, на языкѣ хлѣбопашцевъ, къ термину «травы» (злаки), который на его языкѣ означаетъ семейство растеній, рѣзко отличающихся отъ первыхъ во всѣхъ ботаническихъ признакахъ. Въ свою очередь простой земледѣлецъ, можетъ быть, не менѣе былъ бы удивленъ, узнавши, что нѣкоторые «плевелы» (какъ онъ привыкъ называть ихъ), извѣстные подъ именемъ пырея, относимые имъ къ тому же роду какъ крапива и волчецъ, съ которыми онъ не имѣетъ никакого ботаническаго сродства, ботаниками причисляется къ виду пшеницы (treticum vepens). А между тѣмъ обѣ эти классификаціи нельзя назвать ошибочными и не имѣющими основанія, хотя нелѣпо было бы въ ботаническомъ трактатѣ распредѣлять растенія по классамъ, основываясь на ихъ употребленіи въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ трактатахъ о земледѣліи распредѣлять растенія по строенію ихъ цвѣтковъ. Точно также алмазъ относится ювелирами, вмѣстѣ съ рубиномъ, изумрудомъ и др., къ драгоцѣннымъ камнямъ, между тѣмъ какъ химикъ считаетъ его, вмѣстѣ съ каменнымъ углемъ, однимъ изъ видовъ угля.

Польза этихъ замѣчаній для нашего предмета будетъ понятна, когда мы возвратимся къ процессу умозаключенія, анализъ котораго уже показалъ намъ, что онъ состоитъ въ отнесеніи термина, о которомъ мы говоримъ, къ извѣстному классу (или исключенію изъ него), то есть къ среднему термину, который, въ свою очередь, мы хотимъ утвердительно или отрицательно приписать подлежащему заключенію. Такимъ образомъ качество нашего умозаключенія въ каждомъ случаѣ должно зависѣть отъ нашего умѣнья правильно, ясно и быстро отвлекать отъ даннаго подлежащаго то, что можетъ доставить, нужный въ данномъ случаѣ, средній терминъ.

Польза аналитической формы изложенія. Того несовершеннаго и непослѣдовательнаго очерка системы Логики, который мы старались здѣсь представить, достаточно (не смотря на то, даже, что нѣкоторыя его части не могли быть вполнѣ поняты тѣми, которые вовсе незнакомы съ этою наукою) для того, чтобы показать общій характеръ и задачу этой науки и сдѣлать ея подробности болѣе интересными и понятными. Аналитическая форма изложенія, которой мы до сихъ поръ держались, собственно говоря, болѣе идетъ къ введенію въ какую нибудь науку, какъ болѣе ясная и болѣе интересная форма для учащихся; синтетическая же форма, которой мы намѣрены держаться при дальнѣйшемъ изложеніи, болѣе правильна и болѣе сжата, почему она и легче удерживается въ памяти.

Надобно замѣтить, однако, что техническіе тер-

мины и правила будутъ скорѣе помѣхою, чѣмъ помощью, если мы не захотимъ, не только понять ихъ вполнѣ, но и усвоить себѣ такъ, чтобы ихъ можно было употреблять также скоро и также правильно, какъ и названія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, насъ окружающихъ.

Но за то, если уже кто дастъ себѣ трудъ, усвоить ихъ разъ на всегда, то онъ увидитъ въ концѣ, что, черезъ это, сбережено будетъ много труда; потому что, если разъ запомнить вполнѣ объясненіе этихъ техническихъ терминовъ и общія правила, тогда не будетъ необходимости, при всякомъ новомъ случаѣ, возвращаться къ одному и тому же объясненію. Словомъ, польза техническихъ терминовъ такова же, какъ и польза отъ употребленія всякаго другаго общаго термина. Если мы, напр., съ точностью разъ заучили опредѣленіе «окружности», или вполнѣ описали себѣ существо, называемое «слономъ», и намъ скажутъ: «я начертилъ окружность», или «я видѣлъ слона», то выраженія эти будутъ для насъ вполнѣ понятны, такъ что не будетъ надобности прибѣгать къ подробному описанію и опредѣленію всякій разъ, когда приходится употреблять подобные термины.

КНИГА II.

Краткій синтезъ.

Глава I.

О процессахъ мысли и о терминахъ.

§ 1.

Процессы мысли.

Во всякомъ доказательствѣ можно различить три процесса (или состоянія) мысли: первый изъ этихъ процессовъ логики называютъ простымъ представленіемъ, второй — сужденіемъ, третій — умозаключеніемъ (*).

(*) Логики обыкновенно утверждаютъ что существуетъ всего три процесса мысли: (in universum tres) утвержденіе, ни въ какомъ случаѣ неоспоримое, и которое, если и допустить его, не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему предмету. Мы имѣемъ дѣло съ умозаключеніемъ, выражаемымъ въ словахъ, и съ сопровождающими его процессами мысли; бываютъ ли другіе какіе нибудь процессы мысли и какіе, это до насъ не касается.

Изслѣдованіе процессовъ мысли въ началѣ трактатовъ о Логикѣ способствуетъ распространенію господствующаго заблужденія (отъ котораго кажется не свободны многіе писа-

1-й. Представленіе, по установившемуся опредѣленію, есть та дѣятельность (или состояніе) ума, посредствомъ которой онъ получаетъ понятіе о какомъ либо предметѣ, дѣятельность, аналогическая съ воспріятіемъ посредствомъ органовъ чувствъ. Представленіе бываетъ простое или сложное (*). Простымъ называется представленіе объ одномъ какомъ нибудь предметѣ, или же о нѣсколькихъ предметахъ, но такихъ, между которыми не замѣчается никакой связи, какъ напр., «человѣкъ», «лошадь», «карты». Сложнымъ называется представленіе о нѣсколькихъ предметахъ, находящихся во взаимной связи, напр. «всадникъ» (человѣкъ, сидящій на лошади), «колода картъ». Простое представленіе.

2-й. Сужденіе есть сравниваніе въ умѣ двухъ понятій (идей), составляющихъ предметъ представленія, простаго или сложнаго, и высказываніе того, *соотвѣтствуютъ* ли они одинъ другому или *не соотвѣтствуютъ* (или *принадлежитъ* ли одно изъ нихъ другому или не принадлежитъ). Согласно съ этимъ сужденіе бываетъ *утвердительнымъ* и *отрицательнымъ*. Сужденіе.

3-й. Умозаключеніе есть тотъ актъ, посредствомъ котораго умъ переходитъ отъ извѣстныхъ сужденій къ другому, *основанному* на нихъ (или Умозаключеніе.

тели), будто Логика имѣетъ задачею учить тому, какъ должно пользоваться умственными способностями вообще, — то есть, «надлежащему пользованію умомъ», какъ говоритъ Уаттсъ.

(*) Относительно техническихъ терминовъ, употребляемыхъ въ этомъ сочиненіи, см. Предисловіе.

вытекающему изъ нихъ, какъ слѣдствіе изъ причины).

§ 2.

Языкъ.

Языкъ доставляетъ знаки, посредствомъ которыхъ не только выражаются и передаются другимъ процессы ума, но помощью которыхъ мы сами, въ большей части слуаевъ, выполняемъ эти процессы. Понятіе, полученное посредствомъ процесса *представленія* и выраженное на языкѣ, называется *словомъ* или *терминомъ;* процессъ *сужденія* выражается въ *предложеніи;* процессъ умозаключенія — въ *доказательствахъ* или *доводахъ* (которые, если выражены правильно, становятся силлогизмами), какъ напримѣръ:

«Все, что ниспосылаетъ Провидѣніе, благодѣтельно,

Печаль ниспосылается Провидѣніемъ:

Слѣдовательно она благодѣтельна.»

Это будетъ силлогизмъ; актъ умозаключенія обозначается здѣсь словомъ слѣдовательно. Силлогизмъ этотъ состоитъ изъ трехъ *предложеній*, изъ которыхъ въ каждомъ заключается (и необходимо должно заключаться) два *термина*, каковы въ настоящемъ случаѣ «все, что ниспосылаетъ Провидѣніе», «благодѣтельно» и «печаль».

Упомянувъ о языкѣ, прежде чѣмъ дать опредѣленіе Логики, я отступилъ отъ установившагося обычая, съ тою цѣлью, чтобы учащіеся составили себѣ ясное понятіе о томъ, что Логика *имѣетъ дѣло только съ языкомъ*. И въ самомъ дѣлѣ, если

процессъ умозаключенія и можетъ происходить въ умѣ безъ всякой помощи языка, если мы можемъ совершать этотъ процессъ, не прибѣгая къ изустному или мысленному выраженію его на языкѣ (вопросъ, относящійся къ метафизикѣ, котораго я не стану здѣсь разсматривать), то такой процессъ не принадлежитъ къ области науки, которой посвящается этотъ трактатъ (*). Большая часть писавшихъ объ этомъ предметѣ, если и сознавали сами вполнѣ эту истину, не прилагали должнаго старанія къ тому, чтобы внушить ее своимъ читателямъ.

Цѣли, для которыхъ служитъ языкъ.

Языкъ служитъ для различныхъ цѣлей: историкъ напр. пользуется имъ, чтобы сообщить *свѣденія;* поэтъ употребляетъ его, чтобы доставить извѣстнаго рода *удовольствіе*; ораторъ, чтобы *убѣдить*, и т. д. Между тѣмъ какъ тотъ, кто разсуждаетъ, письменно или словесно, пользуется языкомъ, какъ средствомъ *доказать* извѣстную мысль. Языкъ вообще, для какой бы цѣли онъ ни служилъ, составляетъ предметъ грамматики, языкъ же, на сколько онъ служитъ средствомъ для послѣдней цѣли, т. е. для *умозаключенія*, составляетъ предметъ Логики.

Термины. Предложенія. Силлогизмы.

Въ умозаключеніи термины могутъ быть и *не точны* (т. е. не имѣть яснаго, опредѣленнаго значенія), предложенія *не вѣрны*, и доказательства *не убѣдительны*. Логика имѣетъ прямою и исключительною задачею предостерегать отъ этого по-

(*) См. Введеніе § 5.

слѣдняго недостатка, и косвенно, въ извѣстной степени, предъотвращать и другія ошибки настолько, насколько этого можно достигнуть *надлежащимъ употребленіемъ языка*. Поэтому «Логика (разсматриваемая какъ искуство) есть искуство пользоваться языкомъ надлежащимъ образомъ при умозаключеніи, а также различать настоящее правильное доказательство отъ мнимаго». Значеніе этой науки можетъ понять только тотъ, кто, изъ долгаго и внимательнаго наблюденія, знаетъ до какой степени выраженія имѣютъ вліяніе на наши мысли, и какъ много ошибокъ, запутанности и затрудненій происходитъ отъ неправильнаго употребленія языка. Многіе даже изъ тѣхъ, которымъ это неизвѣстно, не сознаютъ ясно, что *знаки*, (доставляемые языкомъ) суть необходимое *орудіе* для всякаго умозаключенія, въ точномъ смыслѣ этого слова.

Какимъ образомъ и въ какой степени можно избѣгать ошибокъ.

Впрочемъ относительно вышеупомянутыхъ ошибокъ нужно обратить вниманіе на два очень важныя различія. Во первыхъ, нужно замѣтить, что настоящій терминъ можетъ быть не точно понимаемъ тѣмъ, кто его употребляетъ, или его слушателемъ; такъ же точно и не вѣрное предложеніе можетъ быть тѣмъ не менѣе настоящимъ (дѣйствительнымъ) предложеніемъ. Но съ другой стороны выраженіе, которое на самомъ дѣлѣ ничего не доказываетъ, ни въ какомъ случаѣ не есть настоящее доказательство, хотя бы оно было представлено какъ доказательство и принималось за такое.

Во вторыхъ, нужно замѣтить (что́ очевидно изъ того, что уже сказано выше), что нельзя придумать такого правила, которое бы одинаково могло предъотвращать всѣ три выше упомянутые недостатка.

Никакая система правилъ не въ состояніи достигнуть того, чтобы дать возможность точно понимать всякій терминъ, или различать вѣрно или невѣрно какое бы то ни было предложеніе. Но, съ другой стороны, возможно представить всякое доказательство въ такой формѣ, которая дастъ полную возможность произнести рѣшительное сужденіе о его годности или негодности.

И такъ, послѣдній изъ трехъ упомянутыхъ недостатковъ (но не два первые) можетъ быть непосредственно и вполнѣ устраненъ помощью извѣстной системы правилъ. Что же касается до двухъ первыхъ недостатковъ, то они могутъ быть устранены (какъ будетъ сейчасъ показано) только косвенно, и притомъ въ извѣстной только степени, а не вполнѣ.

Другими словами, можно установить правила, которыя дадутъ возможность опредѣлить, что можно назвать настоящимъ (дѣйствительнымъ) терминомъ и что нѣтъ, какое предложеніе есть настоящее (дѣйствительное) и какое нѣтъ; какое доказательство есть дѣйствительное доказательство, а какое мнимое. Такимъ образомъ этими правилами можно предъотвратить одинъ недостатокъ — незаключительность. Если то, что принимается за доказательство не заключительно, то оно не есть

8

дѣйствительное доказательство; но дѣйствительнымъ терминомъ можетъ быть и такое выраженіе, смысла котораго мы не понимаемъ точно. Такъ же точно дѣйствительнымъ предложеніемъ можетъ быть и не вѣрное предложеніе.

Анализъ силлогизма и предложенія.

Какъ сказано выше, силлогизмъ раздѣляется на три предложенія, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ два термина. Тотъ изъ терминовъ, о которомъ говорится, называется подлежащимъ; а тотъ который сказывается относительно его — сказуемымъ. Эти двѣ части предложенія называются терминами (т. е. предѣлами), потому что, логически, подлежащее ставится въ началѣ, а сказуемое въ концѣ предложенія (*), а между ними ставится связка, которая означаетъ актъ сужденія; потому что посредствомъ нея сказуемое утверждается или отрицается относительно подлежащаго. Связка должна выражаться словомъ *есть* или *не есть;* эти выраженія означаютъ только то, что сказуемое утверждается или отрицается относительно подлежащаго. Существительный глаголъ есть единственный глаголъ, признаваемый Логикой; всѣ же другіе глаголы суть сложныя слова, такъ какъ каждый изъ нихъ можетъ быть разложенъ на два слова съ помощью глагола *быть* и причастія или прилагательнаго. Напр., въ предложеніи «Римляне по-

(*) Въ греческомъ и латинскомъ, и очень часто и въ другихъ языкахъ, сказуемое на самомъ дѣлѣ ставится въ началѣ. Напримѣръ, «Велики твои дѣянія», и т. под.

бѣдили» слово «побѣдили» заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ и связку и сказуемое, и означаетъ тоже что «Римляне были (связка) побѣдителями».

Не излишне замѣтить, что связка, какъ связка, не имѣетъ никакого отношенія къ времени; она выражаетъ только соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ два данные термина одинъ другому. Поэтому если употреблено не настоящее, а какое либо другое время существительнаго глагола, то его слѣдуетъ понимать или въ такомъ же точно смыслѣ, какъ еслибъ это было настоящее время, такъ какъ различіе глагола по временамъ можетъ быть разсматриваемо только, какъ различіе грамматическое, а не логическое; или же, въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельство времени дѣйствительно видоизмѣняетъ смыслъ цѣлаго предложенія, такъ что употребленіе извѣстнаго времени существенно для предложенія, то это обстоятельство должно быть разсматриваемо какъ составная часть одного изъ терминовъ, какъ еслибъ оно было выражено словами «въ то время», «когда то», или другими подобными нарѣчіями. Такимъ образомъ предложеніе: «этотъ человѣкъ былъ честенъ» слѣдуетъ понимать такъ, — «это есть человѣкъ когда то честный». Въ такихъ случаяхъ существительный глаголъ произносится съ особою выразительностью, придаваемою ему тономъ произношенія (*).

(*) Странно сказать, что есть люди, которые понимаютъ слова Спасителя, сказанныя передъ Пилатомъ такимъ образомъ: — «Мое царство не есть (т. е. въ настоящее время)

Иногда существительный глаголъ служитъ вмѣстѣ и связкой и сказуемымъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое обозначаетъ существованіе, напр., «Богъ есть». «Одного изъ сыновей Якова нѣтъ» (Одинъ изъ сыновей Якова не есть). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что связка сама по себѣ, т. е. какъ связка не означаетъ дѣйствительнаго существованія; — напр. «безпорочный человѣкъ есть существо воображаемое стоиками, но котораго въ дѣйствительности нельзя встрѣтить».

§ 3.

Очевидно, что терминъ можетъ состоять изъ одного слова или изъ нѣсколькихъ; и что не всякое слово есть *категорическое*, т. е. не всякое имѣетъ, само по себѣ, способность служить терминомъ. Нарѣчія, предлоги, союзы, междометія, а также имена во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго суть слова *синкатегорематическія*, т. е. такія, которыя могутъ быть только составною частью термина. Имя въ именительномъ падежѣ само по себѣ можетъ быть терминомъ. Глаголъ (всякій глаголъ кромѣ существительнаго, употребляемаго какъ связка) есть слово смѣшанное, такъ какъ онъ можетъ быть разложенъ на два слова: связку и сказуемое, съ совокупностью которыхъ глаголъ однозначащенъ. Напр., «онъ присутствуетъ», означаетъ, что «онъ есть присутствующій».

отъ міра сего»; подразумѣвая при этомъ, что оно должно наступить впослѣдствіи, когда Его послѣдователи пріобрѣтутъ большую силу.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что подъ «глаголомъ» мы не разумѣемъ ни неопредѣленнаго наклоненія, которое, собственно говоря, есть имя существительное, ни причастія, которое есть имя прилагательное. Они суть отглагольныя имена, потому что находятся въ зависимости отъ соотвѣтствующихъ глаголовъ относительно предмета, ими означаемаго; но они не могутъ быть разсматриваемы, какъ глаголы, потому что совершенно отличны отъ нихъ въ образѣ значенія.

Относительно неопредѣленнаго наклоненія глагола слѣдуетъ замѣтить, что оно (хотя бы въ предложеніи помѣщалось и на концѣ) никогда не бываетъ сказуемымъ, за исключеніемъ того случая когда и подлежащимъ служитъ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Напр., «надѣюсь успѣть», т. е. $\frac{\text{подл.}}{\text{„успѣть}}$ есть $\frac{\text{сказ.}}{\text{то что я надѣюсь.“}}$ «Не идти впередъ есть (значитъ) идти назадъ».

Прилагательныя, въ томъ числѣ и причастія, не могутъ сами по себѣ быть подлежащими въ предложеніи; но они часто употребляются какъ сказуемыя, напр., «Крассъ былъ богатъ». Нѣкоторые писатели, впрочемъ, разсматриваютъ подобное сказуемое, какъ сложный терминъ, потому что при всякомъ такомъ сказуемомъ можно подразумѣвать существительное (напр., Крассъ былъ богатый человѣкъ), и на этомъ основаніи исключаютъ прилагательное изъ числа простыхъ терминовъ (т. е. такихъ словъ, которыя сами по себѣ (отдѣльно) способны быть терминами). Но этотъ вопросъ не

имѣетъ никакого практическаго значенія; я же счелъ за лучшее придерживаться въ отношеніи его мнѣнія Аристотеля.

Простые термины.

Существуетъ нѣсколько раздѣленій простыхъ терминовъ (составляющихъ первый предметъ, о которомъ трактуетъ Логика); но для настоящей цѣли достаточно одного раздѣленія: — на *единичные* и *общіе*. Практическое значеніе этого раздѣленія состоитъ въ томъ, что, хотя всякій терминъ можетъ быть подлежащимъ, но только общій терминъ можетъ быть утвердительно сказываемъ относительно нѣсколькихъ другихъ. Единичный терминъ всегда означаетъ одинъ не дѣлимый предметъ, напр. Цезарь, Темза. — Понятно что эти термины не могутъ быть утвердительно сказываемы относительно какихъ нибудь другихъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые обозначаются ими.

Общій терминъ можетъ означать каждый изъ неопредѣленнаго числа отдѣльныхъ предметовъ, которые называются его *означаемыми*; другими словами онъ можетъ быть прилагаемъ къ каждому изъ этихъ отдѣльныхъ предметовъ, такъ какъ онъ обнимаетъ ихъ всѣ своимъ однимъ значеніемъ, напр., «человѣкъ», «рѣка», «великій».

Учащійся, ознакомившись съ этимъ аналитическимъ очеркомъ можетъ перейти ко второй и третьей главамъ непосредственно, или изучивъ предварительно то, что обыкновенно помѣщается въ первой главѣ, но что я счелъ лучшимъ изложить въ видѣ дополненія въ концѣ этой книги. См. Глава V.

Глава II.

О Предложеніяхъ.

---

§ 1.

Вторая часть Логики трактуетъ о предложеніяхъ, которыя суть сужденія, выраженныя словами. Предложеніе опредѣляется въ Логикѣ какъ «*указательное мнѣніе*» (*), т. е. которое утверждаетъ или отрицаетъ что либо. Этимъ то предложеніе отличается отъ вопроса, повелѣнія и пр.

Опредѣленіе предложенія.

Для поясненія этого опредѣленія Логики обыкновенно прибавляютъ, что «предложеніе» не должно быть двусмысленно, на томъ основаніи, что изрѣченіе, имѣющее болѣе одного смысла, заключаетъ въ себѣ на самомъ дѣлѣ не одно, а нѣсколько предложеній. Прибавляютъ также, что предложеніе не должно быть несовершенно или грамматически неправильно. Но это все равно что сказать, что соединеніе нѣсколькихъ словъ, которое не составляетъ «изрѣченія», не можетъ быть названо «предложеніемъ», хотя бы изъ такого соединенія словъ и можно было догадаться, что хотѣлъ сказать говорящій.

Предложенія, разсматриваемыя только какъ изрѣченія, раздѣляются на «категорическія» (утверди-

Категорическія и гипотетическія предложенія.

(*) «Изрѣченіе» на языкѣ Логики есть genus (родовое понятіе), а «указательное» — отличіе (или отличительный признакъ или качество). См. Гл. V, § 6.

тельныя) и «гипотетическія» (допускаемыя). Категорическими предложеніями называются такія, въ которыхъ сказуемое просто утверждается или отрицается относительно подлежащаго. Напр., «міръ созданъ мудрымъ творцемъ», «человѣкъ, безъ посторонней помощи, не можетъ выйти изъ дикаго состоянія».

Гипотетическія предложенія (называемыя нѣкоторыми писателями «сложными») суть тѣ, въ которыхъ что либо утверждается или отрицается относительно подлежащаго условно, или съ выборомъ (т. е. если относительно подлежащаго сказывается то или другое). Напр., «если міръ не есть дѣло случая, то онъ долженъ быть созданъ разумнымъ творцемъ». Или: «человѣчество можетъ, или безъ посторонней помощи достигнуть цивилизаціи, или первые зачатки цивилизаціи пришли свыше».

Первый изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ представляетъ образецъ рода гипотетическихъ предложеній, называемыхъ *«условными»* (*); условіе обозначается словомъ «если», или другимъ подобнымъ словомъ. Послѣдній примѣръ представляетъ образецъ другаго рода гипотетическихъ предложеній, называемыхъ *«раздѣлительными»;* въ нихъ выборъ обозначается словами «или» — «или».

Раздѣленіе на категорическія и гипотетическія, какъ было сказано выше, есть раздѣленіе предло-

---

(*) Или «гипотетическими», какъ называютъ ихъ тѣ писатели, которые употребляютъ слово «сложный» тамъ, гдѣ мы употребляли «гипотетическій».

женій, разсматриваемыхъ только какъ изрѣченія; потому что такое же раздѣленіе можетъ быть распространено также и на другіе роды изрѣченій. Такимъ образомъ выраженія — «способны ли люди сами собою выйти изъ дикаго состоянія»? «идите читать книги о путешествіяхъ» — представляютъ примѣры категорическихъ изрѣченій, которыя однако не суть предложенія. Такъ изрѣченіе — «если человѣчество не способно само по себѣ достигнуть гражданственности, то откуда пришли первые зачатки гражданственности»? — можетъ быть разсматриваемо какъ условный вопросъ; а изрѣченіе — «или допустите заключеніе, или опровергните доказательство» — какъ раздѣлительное повелѣніе. Категорическія предложенія раздѣляются на *чистыя*, въ которыхъ выражается просто, что сказуемое соотвѣтствуетъ, или не соотвѣтствуетъ подлежащему, и *модальныя* и *образныя*, въ которыхъ выражается, какимъ образомъ эти термины соотвѣтствуютъ другъ другу. Напр. предложенія — «невоздержный человѣкъ заболѣетъ», «Брутъ убилъ Цезаря» — суть чистыя предложенія. «Невоздержный человѣкъ вѣроятно заболѣетъ», «Брутъ справедливо убилъ Цезаря» — суть предложенія модальныя. Теперь мы будемъ говорить только о чистыхъ категорическихъ предложеніяхъ

Вышеупомянутое дѣленіе предложеній на категорическія и гипотетическія, на техническомъ языкѣ писателей о Логикѣ, называется «раздѣленіе предложеній по ихъ существу», т. е. разсматриваемыхъ только какъ изрѣченія. Сущность предложеній.

Такъ какъ «характеристическимъ качествомъ» (или признакомъ) предложенія есть сказываніе, т. е. утвержденіе или отрицаніе чего либо, то,
Качество. согласно съ этимъ, предложенія раздѣляются *по качеству* на *«утвердительныя»* и *«отрицательныя»*. Раздѣленіе предложеній на вѣрныя и не вѣрныя называется также раздѣленіемъ по качеству. Первое раздѣленіе по качеству есть раздѣленіе «по качеству выраженія», а второе «по качеству содержанія».

«Качество содержанія» разсматривается (въ Логикѣ) какъ случайное, а «качество выраженія» какъ существенное. Потому что, хотя вѣрность предложенія можетъ быть очень важнымъ качествомъ въ другихъ отношеніяхъ — напр. вѣрность или не вѣрность предложенія въ Естественной исторіи; вѣрность или не вѣрность математическаго предложенія существенное качество для математики и т. д.; но относительно занимающаго насъ вопроса, т. е. вопроса о формахъ выраженія, это качество предложеній есть только случайное. Въ этомъ отношеніи важно только различіе между утвержденіемъ и отрицаніемъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что какъ съ одной стороны, каждое предложеніе должно быть или вѣрно или не вѣрно, такъ, съ другой стороны, ничто другое, строго говоря, не можетъ быть вѣрнымъ и ложнымъ за разъ. Въ разговорномъ языкѣ, однако, слова «вѣрный» и «не вѣрный» часто имѣютъ болѣе широкое примѣненіе; напр. говорится «вѣрный человѣкъ», вмѣсто «на-

дежный человѣкъ», — «вѣрная дорога» — вмѣсто дѣйствительная, настоящая дорога»; или «ложный пророкъ»—вмѣсто «мнимый пророкъ», «ложное ученіе»—вмѣсто «неосновательное ученіе». Предложеніе бываетъ утвердительнымъ или отрицательнымъ смотря по связкѣ, т. е. смотря потому утверждается или отрицается что либо относительно подлежащаго. Такимъ образомъ, «не идти впередъ значитъ (есть) идти назадъ», есть утвердительное предложеніе. «Ни одинъ скупецъ не есть истинно богатъ» (или «скупецъ не есть истинно богатъ») есть отрицательное предложеніе. «Нѣсколько матросовъ спаслись» есть утвердительное предложеніе, «не многіе изъ матросовъ спаслись», есть, собственно говоря, предложеніе отрицательное, потому что можно понимать, что рѣчь идетъ о большей части матросовъ, и отрицается, что они спаслись.

Другое раздѣленіе (*) предложеній есть раздѣленіе по *количеству* (или по объему). Если сказуемое утверждается или отрицается относительно всего подлежащаго, то предложеніе называется *общимъ*, если же только относительно части подлежащаго, — то предложеніе называется частнымъ. Напр. «Великобританія есть островъ»; «всѣ тираны несчастны»; «ни одинъ скупецъ не богатъ» — суть предложенія общія, и объ ихъ подлежащихъ говорится, что они распредѣляются, потому что — Количество.

(*) См. Г. Vл, § 3.

каждое изъ нихъ распространяется на всѣ предметы, имъ означаемые. Но предложенія: — «нѣкоторые острова плодоносны»; «не всѣ тираны были убиты» — суть частныя, и ихъ подлежащія, слѣдовательно, не распредѣляются, такъ какъ они служатъ для означенія только части означаемыхъ ими предметовъ.

Такъ какъ всякое предложеніе должно быть или утвердительнымъ или отрицательнымъ, а также всякое должно быть или общимъ или частнымъ, то, слѣдовательно, существуетъ всего четыре рода чистыхъ категорическихъ предложеній (разсматриваемыхъ по качеству и количеству вмѣстѣ): общія утвердительныя, которыя мы для краткости будемъ обозначать буквою A; общія отрицательныя — E; частныя утвердительныя — I; частныя отрицательныя — O.

§ 2.

Когда подлежащее въ предложеніи есть общій терминъ, то, для обозначенія, что оно распредѣлено, къ нему приставляются общіе знаки (всѣ, каждый, никакой, ни одинъ и пр.), такъ какъ и предложеніе въ такомъ случаѣ будетъ общимъ; если же подлежащимъ служитъ частный терминъ, то для обозначенія, что онъ не распредѣленъ, употребляются частные знаки, (нѣкоторый, нѣсколько, не многій и пр.). Если же при общемъ терминѣ нѣтъ никакого знака, то количество предложенія (называемое въ такомъ случаѣ не опредѣленнымъ) узнается по его содержанію, т. е. по

свойству связи между предѣлами или терминами, которая бываетъ или необходимая, или невозможная, или случайная.

Неопредѣленное предложеніе.

При содержаніи необходимомъ или невозможномъ, неопредѣленное предложеніе понимается какъ общее. Напр. «птицы имѣютъ крылья», т. е. всѣ птицы; «птицы не суть четвероногія животныя», т. е. никакая птица не есть четвероногое животное. При содержаніи случайномъ (т. е. если термины отчасти (иногда) соотвѣтствуютъ другъ другу, а отчасти нѣтъ) неопредѣленное предложеніе понимается какъ частное. Напр. «пища необходима для жизни» (т. е. нѣсколько пищи); «птицы поютъ» (т. е. нѣкоторыя птицы); «птицы не хищны» (т. е. нѣкоторыя птицы не хищны, или всѣ не хищны).

Считать неопредѣленныя предложенія отдѣльнымъ родомъ предложеній относительно количества значитъ только запутывать учащагося и притомъ совершенно безполезно (*). Предложеніе должно быть или общее или частное, хотя бы не было обозначено къ какому изъ этихъ двухъ родовъ оно относится. Высказывающій неопредѣленное предложеніе можетъ заблуждаться относительно этого различія, и можетъ думать, что онъ сказалъ вообще, между тѣмъ какъ высказанное предложеніе, какъ общее, не вѣрно. Слушатель также мо-

---

(*) Такая классификація похожа на классификацію нѣкоторыхъ грамматиковъ, которые къ родамъ именъ причисляютъ сомнительный родъ.

жетъ не разумѣть того, что разумѣлъ или долженъ былъ разумѣть говорившій; но говорящій долженъ былъ все таки разумѣть то или другое.

Вообще вопросъ, относящійся къ «содержанію», а именно — когда мы вправѣ употреблять общій, а когда частный знакъ, — когда утвердительный, а когда отрицательный — не можетъ быть рѣшенъ Логикою.

Единичныя предложенія.

Что касается единичныхъ предложеній (т. е. такихъ, въ которыхъ подлежащее есть или собственное имя, или общій терминъ съ единичнымъ знакомъ), то они относятся къ общимъ (см. книга IV, гл. IV, § 2), потому что въ такихъ предложеніяхъ говорится о всемъ (цѣломъ) подлежащемъ. Напр., если мы говоримъ, «Брутъ былъ римлянинъ», мы разумѣемъ всего Брута. Это общее правило; но нѣкоторыя единичныя предложенія могутъ быть отнесены къ разряду частныхъ, именно тѣ, въ которыхъ вставлено какое нибудь опредѣляющее слово, которое показываетъ, что рѣчь идетъ не о цѣломъ подлежащемъ; напр. «Цезарь былъ не совсѣмъ тиранъ», «этотъ человѣкъ иногда бываетъ не воздерженъ», «я не весь умру».

Мы не думаемъ утверждать, что такія предложенія не могутъ быть причислены къ общимъ,— что даже было бы гораздо естественнѣе; но мы можемъ правильно утверждать предложеніе, противорѣчащее нашему единичному только тогда, когда смотримъ на нихъ такъ, какъ сказано выше. Строго говоря, если мы будемъ смотрѣть на такого рода предложенія какъ на такія, которыя до-

пускаютъ измѣненіе въ количествѣ, то ихъ нельзя разсматривать какъ единичныя. Такъ напр. въ выше приведенномъ примѣрѣ, подлежащее есть не Цезарь, но части его характера.

Очевидно, что подлежащее всякаго общаго предложенія распредѣляется, а подлежащее частнаго никогда (и въ этомъ состоитъ существенное различіе между общими и частными предложеніями), но распредѣленіе или нераспредѣленіе сказуемаго зависитъ (не отъ количества, а) отъ качества предложенія; потому что если даже только часть сказуемаго соотвѣтствуетъ подлежащему, то все таки оно (сказуемое) должно быть утверждаемо, а не отрицаемо относительно подлежащаго. Слѣдовательно, для того, чтобы утвердительное предложеніе было вѣрно, достаточно, чтобы только нѣкоторая часть сказуемаго соотвѣтствовала подлежащему. Напр. предложеніе «ученіе полезно», есть вѣрное предложеніе, хотя цѣлый терминъ «полезно» и не соотвѣтствуетъ термину «ученіе», (потому что есть много полезнаго и кромѣ ученія); но предложеніе «никакой порокъ не полезенъ» было бы не вѣрно, еслибъ какая нибудь часть термина «полезенъ» соотвѣтствовала термину «порокъ», т. е. если бы мы отыскали что нибудь полезное, что было бы порокомъ. Распредѣленіе терминовъ.

Это правило одинаково вѣрно, какъ въ томъ случаѣ, когда предложеніе будетъ общее, такъ и въ томъ, когда оно будетъ частное; потому что сказать, что «нѣкоторый X не есть Y» (или — что имѣетъ одинаковый смыслъ — что всякій X не есть Y)

значитъ одно и тоже, что сказать, что никакая часть термина «Y» (т. е. ни одинъ изъ разряда предметовъ, означаемыхъ терминомъ Y) не приложима ко всему безъ исключенія термину «X»,— короче, что къ нѣкоторой части термина «X» терминъ «Y» вполнѣ не приложимъ.

Такимъ образомъ, если я говорю «нѣкоторые изъ людей, которые найдены на этомъ островѣ, не матросы корабля, потерпѣвшаго крушеніе близь него», или другими словами «люди, найденные на этомъ островѣ, не суть всѣ подъ рядъ матросы корабля и пр.», то я разумѣю, что терминъ «матросы и пр.» не приложимъ вполнѣ къ «нѣкоторымъ людямъ, найденнымъ на островѣ», хотя онъ и можетъ быть приложимъ къ другимъ людямъ, живущимъ на островѣ.

Точно также, если я говорю, «нѣкоторыя монеты серебрянныя» и «нѣкоторыя монеты не серебрянныя», (или другими словами «всѣ монеты, вмѣстѣ взятыя не суть серебрянныя), то въ первомъ изъ этихъ предложеній я разумѣю, что въ классѣ предметовъ, означаемыхъ терминомъ «серебрянный», нѣкоторая часть, по крайней мѣрѣ, составляютъ «нѣкоторыя монеты»; въ послѣднемъ предложеніи я разумѣю, что есть «нѣкоторыя монеты», которыя не заключаются ни въ какой части класса «серебрянныхъ вещей», или другими словами, которыя исключаются изъ цѣлаго класса этихъ вещей. Такимъ образомъ терминъ «серебрянный» распредѣленъ въ послѣднемъ предложеніи, и не распредѣленъ въ первомъ.

Итакъ, относительно распредѣленія должно замѣтить слѣдующія два практическія правила:

1) Во всѣхъ общихъ предложеніяхъ (не въ частныхъ) распредѣляется подлежащее.

2) Во всѣхъ отрицательныхъ предложеніяхъ (но не въ утвердительныхъ) распредѣляется сказуемое (*).

Можетъ однако случиться, что все сказуемое въ утвердительномъ предложеніи будетъ соотвѣтство-

(*) Поэтому то обыкновенно замѣчаютъ, что трудно доказать отрицательное предложеніе. На первый взглядъ это кажется яснымъ вслѣдствіе того обстоятельства, что отрицательное предложеніе заключаетъ въ себѣ однимъ распредѣленнымъ терминомъ больше, чѣмъ соотвѣтствующее ему утвердительное. Но при объясненіи этого встрѣчается затрудненіе, которое заключается въ томъ, что иное отрицательное предложеніе можетъ быть (какъ мы сейчасъ увидимъ) выражено утвердительнымъ, и на оборотъ. Напримѣръ, предложеніе «этого человѣка нѣтъ въ городѣ», можетъ быть выражено помощью равнозначущаго термина, такъ: «этотъ человѣкъ отсутствуетъ изъ города».

Дѣло, однако, въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ замѣчаніе о трудности доказать отрицательное предложеніе справедливо, оказывается, что предложеніе, о которомъ идетъ рѣчь, противополагается предложенію, которое имѣетъ одинъ терминъ менѣе распредѣленный или терминъ, имѣющій менѣе обширный смыслъ. Напр., легче доказать, что извѣстный человѣкъ предлагалъ мудрыя мѣры, чѣмъ то, что онъ никогда не предлагалъ мѣръ не мудрыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, другое дѣло доказать, что «нѣкоторыя его мѣры мудрыя», и другое, что «всѣ мѣры мудрыя». И можно привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ.

Но очень часто случается, что отрицательныя предложенія гораздо легче доказать, чѣмъ извѣстныя утвердительныя о томъ же самомъ предметѣ. Напр., что «причина животной

вать подлежащему; напр. одинаково вѣрно, что «всѣ люди суть разумныя животныя», и что «разумныя животныя суть люди»; но такая соотвѣтственность чисто случайная; ее вовсе нельзя понять изъ формы выраженія, которую только и разсматриваетъ Логика (*).

О Противоположеніи.

§ 3.

Если два предложенія, имѣющія одно и тоже подлежащее и одно и тоже сказуемое, различаются между собою или по *качеству*, или по *количеству*, или по тому и другому вмѣстѣ, то о нихъ говорится, что они противоположны другъ другу (**). Очевидно, что изъ данныхъ подлежащаго и сказуемаго можно составить четыре различныхъ предложенія, а именно A, E, I и O. О каждыхъ двухъ изъ нихъ можно сказать, что они противоположны (***). Отсюда слѣдуетъ, что противоположеніе бываетъ четырехъ родовъ, а именно: 1) два общія предло-

---

теплоты не есть исключительно дыханіе», признается за доказанное опытомъ положеніе; но что̀ именно есть причина теплоты остается неизвѣстнымъ. См. Пр. къ гл. III, § 5.

(*) Когда, однако, сказуемымъ бываетъ единичный терминъ, то онъ долженъ быть равенъ по количеству съ подлежащимъ. Напр. «Ромулъ былъ основателемъ Рима». Въ этомъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, основываясь не на формѣ выраженія, а на значеніи терминовъ, мы судимъ, что они равнозначные (превратимые) термины.

(**) О Противоположеніи терминовъ см. Гл. V.

(***) На обыденномъ языкѣ, и въ нѣкоторыхъ трактатахъ о Логикѣ, предложенія, не разнящіяся между собою по каче-

женія (A и E) относительно другъ друга называются противными (contraries); 2) два частныя (I и O) подпротивными (subcontraries); 3) A и I, или E и O подчиненными (subalterns); 4) A и O или E и I, противорѣчащими (contradictories).

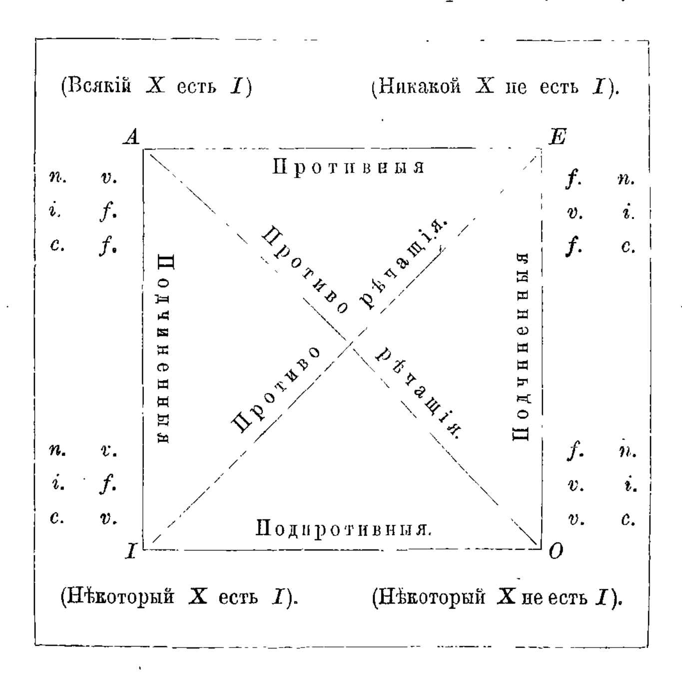
Такъ какъ очевидно, что вѣрность или невѣрность предложенія (если извѣстны его качества и количество) должны зависѣть отъ его содержанія, то слѣдуетъ замѣтить, что *при необходимомъ содержаніи всѣ утвердительныя предложенія вѣрны, а отрицательныя не вѣрны; при содержаніи невозможномъ на оборотъ; при случайномъ содержаніи всѣ общія не вѣрны, а частныя вѣрны.* Напр. «всѣ острова (или нѣкоторые острова) окружены водою» — предложеніе вѣрное, потому что содержаніе его необходимо. «Никакіе острова или нѣкоторые острова не окружены водою», — есть невѣрное предложеніе. Другой примѣръ, «нѣкоторые острова плодоносны»; «нѣкоторые острова не плодоносны». — Оба эти предложенія вѣрны, потому что ихъ содержаніе случайно. Но поставьте «всѣ» или «никакіе» вмѣсто «нѣкоторые» и предложенія будутъ не вѣрны.

Отсюда ясно, что противныя предложенія (contraries) при случайномъ содержаніи, *могутъ быть оба не вѣрны*, и иногда *не могутъ быть оба вѣрны*; подпротивныя (subcontraries), при случайномъ со-

---

ству (именно подчиненныя, subalterns) не считаются «противоположными».

держаніи, могутъ быть оба вѣрны, и никогда не могутъ быть оба не вѣрны; изъ противорѣчащихъ всегда бываетъ одно вѣрно, а другое не вѣрно и т. д. Всѣ прочіе выводы тотчасъ можно сдѣлать, взглянувъ на схему, въ которой четыре предложенія обозначены соотвѣтственными символами, различные роды содержанія буквами *n* (для обозначенія необходимаго (necessary), *i* — невозможнаго (impossible) и *c* — случайнаго (contingent), и вѣрность или невѣрность каждаго предложенія при каждомъ содержаніи буквами *v* для обозначенія вѣрности (verum) и f для обозначенія невѣрности (falsum).

На мѣсто ничего не значащихъ буквъ X, Y, (которыя обозначаютъ термины въ нашемъ примѣрѣ) можно поставить какіе угодно значащіе термины и тогда отъ ихъ значенія будетъ зависѣть вѣрность или невѣрность каждаго предложенія.

Напр., естествоиспытатели замѣтили, что «животныя, имѣющія на головѣ рога суть всѣ жвачныя»; что «изъ хищныхъ животныхъ» ни одного нѣтъ жвачнаго; и что изъ «животныхъ копытныхъ» нѣкоторыя жвачныя, а нѣкоторыя нѣтъ. Поставимъ теперь на мѣстѣ «X» терминъ «животныя, имѣющія на головѣ рога», а на мѣсто «Y»—«жвачныя».

Въ этомъ примѣрѣ дѣйствительная связь между терминами въ отношеніи ихъ значенія — связь, называемая «содержаніемъ» предложенія — такова, что сказуемое можетъ быть вообще утверждаемо относительно подлежащаго; и слѣдовательно утвердительныя предложенія (какъ общее такъ и частное) должны быть вѣрны, а «отрицательныя» не вѣрны. Въ этомъ случаѣ «содержаніе» технически называется необходимымъ, на томъ основаніи, что мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что сказуемое приложимо къ подлежащему.

Другой примѣръ, — пусть «X» обозначаетъ терминъ «хищныя животныя», а «Y»—«жвачныя». Это примѣръ такъ называемаго «невозможнаго содержанія» (т. е. такого, когда невозможно думать, чтобы сказуемое было приложимо къ подлежащему), совершенно противоположный предъидущему. Оба утвердительныя предложенія здѣсь стало быть будутъ не вѣрны, а оба отрицательныя вѣрны.

Наконецъ, для примѣра такъ называемаго «случайнаго содержанія»,— т. е. такого, когда сказуемое не можетъ быть ни вообще утверждаемо, ни вообще отрицаемо относительно подлежащаго,— подставимъ на мѣсто «X» «копытное животное», а на мѣсто «Y»—«жвачное». Въ этомъ случаѣ общія предложенія оба будутъ не вѣрны, а частныя вѣрны; т. е. одинаково вѣрно, что «нѣкоторыя копытныя животныя суть жвачныя», и что «нѣкоторыя копытныя животныя не суть жвачныя».

Тщательно изучивъ выше предложенную схему и удерживая въ памяти и примѣняя правила касательно содержанія, учащійся легко можетъ вывести всѣ правила относительно «противоположенія»; что, напр., въ подчиненныхъ предложеніяхъ, вѣрность частнаго предложенія, которое называется подчиненнымъ (subalternate) слѣдуетъ изъ вѣрности общаго—подчиняющаго (subalternans), а *невѣрность* общаго вытекаетъ изъ невѣрности частнаго; что подчиненныя предложенія различаются только по количеству, противныя (contraries), а также подпротивныя (subcontraries) только по качеству, а противорѣчащія (contradictories), какъ по качеству, такъ и по количеству; и что слѣдовательно, если извѣстно, что какое нибудь предложеніе вѣрно, мы можемъ заключить, что его противорѣчащее не вѣрно, и наоборотъ, и пр.

Утвержденіе и отрицаніе совпадаютъ. «Противорѣчащее противоположеніе» есть родъ противоположенія, съ которымъ чаще всего приходится имѣть дѣло, потому что (что очевидно изъ только что сказаннаго) отрицать (или не согла-

шаться, или не вѣрить) предложеніе, значитъ утверждать его противорѣчащее; а слѣдовательно, соглашаться съ предложеніемъ (положеніемъ) или защищать его, значитъ отвергать его противорѣчащее. Итакъ, вѣра (согласіе) и невѣріе (несогласіе) не суть два различныя состоянія ума, но одно и тоже, только разсматриваемое по отношенію къ двумъ противорѣчащимъ предложеніямъ. И слѣдовательно, легковѣрность и недовѣрчивость — не противоположныя привычки, а одна и таже, разсматриваемая по отношенію къ противорѣчащимъ предложеніямъ извѣстнаго класса.

Напримѣръ, тотъ, кто очень недовѣрчивъ относительно вины извѣстнаго лица, есть, другими словами, легковѣренъ относительно его невинности; тотъ, кто наиболѣе легковѣренъ относительно того, что извѣстныя дѣйствія доступны магіи, наиболѣе недовѣрчивъ относительно того, что эти дѣйствія не доступны магіи; и такъ во всѣхъ случаяхъ.

Вѣра въ то или другое отдѣльное предложеніе противоположна, безъ сомнѣнія, невѣрію въ тоже самое предложеніе; но вѣрѣ вообще противоположно не невѣріе (потому что невѣріе предполагаетъ вѣру), а *сомнѣніе* (*). Итакъ, учащійся долженъ

(*) Можно даже представить себѣ случай, когда самое сомнѣніе граничитъ съ самымъ безпредѣльнымъ легковѣріемъ. Напр., если кто сомнѣвается, существуетъ ли такая страна, какъ Египетъ, то онъ на самомъ дѣлѣ вѣритъ въ слѣдующее, самое невѣроятное предложеніе, а именно: что «возможно, что нѣсколько тысячъ людей, не имѣвшихъ между собою ни-

помнить, что опредѣленіе содержанія не входитъ въ область Логики. Правила о противоположеніи даютъ возможность судить о вѣрности или невѣрности каждаго предложенія при *данномъ* «содержаніи».

О Превращеніи предложеній (Conversion).

§ 4.

Предложеніе называется превращеннымъ, когда его термины переставлены, т. е. когда подлежащее поставлено на мѣсто сказуемаго, а сказуемое на мѣсто подлежащаго. Превращеніе, состоящее только въ такой перестановкѣ терминовъ, называется простымъ.

какого отношенія, единогласно, въ продолженіи многихъ вѣковъ, свидѣтельствовали о существованіи Египта, и ложность ихъ свидѣтельства не была никѣмъ открыта, не встрѣтила противорѣчія, ни даже подозрѣнія».

Все это, какъ оно ни очевидно, на практикѣ очень часто упускается изъ виду. Чаще всего встрѣчается невѣрное употребленіе словъ вѣрующій и невѣрующій относительно христіанской религіи. Не мыслящіе люди полагаютъ, что тотъ, кто отвергаетъ христіанскую религію, меньше легковѣренъ, чѣмъ тотъ, кто допускаетъ ее.

Единственное средство освободиться отъ легковѣрія — или изслѣдовать предметъ тщательно и безпристрастно и судить согласно съ вѣроятностью, или совсѣмъ отказаться думать о немъ. Напримѣръ, присутствуя при гражданскомъ процессѣ, который не касается и не интересуетъ насъ, мы не судимъ, ни что истецъ имѣетъ право собственности на вещь, которую онъ ищетъ, ни что онъ не имѣетъ этого права, ни что нѣтъ достаточнаго доказательства на то, имѣетъ ли онъ это право, или нѣтъ; мы просто не обращаемъ вниманія на весь вопросъ.

Въ Логикѣ превращеніе имѣетъ только значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно «выводимое» (illative) (*) т. е. *когда вѣрность превращеннаго предложенія* (converse) *вытекаетъ изъ вѣрности превращаемаго* (exposita) (или первоначальнаго предложенія), напр. Выводимое превращеніе.

«Ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не есть мятежникъ, *слѣдовательно*
Ни одинъ мятежникъ не есть добродѣтельный человѣкъ».

«Ни одинъ христіанинъ не есть астрономъ, *слѣдовательно*
Ни одинъ астрономъ не есть христіанинъ» (**).

«Нѣкоторые хвастуны трусы, *слѣдовательно*
Нѣкоторые трусы — хвастуны».

Отсюда легко видѣть, что личное мнѣніе, о правѣ и обязанности имѣть которое было много жаркихъ споровъ, неизбѣжно во всякомъ дѣлѣ, которое насъ интересуетъ. Потому что если кто либо напередъ постановляетъ принимать на вѣру, напр., въ дѣлѣ религіи, всѣ положенія, высказываемыя извѣстнымъ духовнымъ лицемъ, церковью или партіей, то онъ уже этимъ самымъ совершилъ актъ «личнаго осужденія», который совмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальныя дѣйствія, точно также, какъ тотъ, кто, недовѣряя своимъ способностямъ управлять имѣніемъ, передаетъ его повѣренному. Поступивъ такъ, онъ совершилъ актъ распоряженія собственности, и за этотъ актъ вообще, и за выборъ того или другаго лица повѣреннымъ онъ и отвѣчаетъ.

(*) Пусть читатель не заключаетъ изъ названія «выводимое», что превращеніе такого рода есть актъ умозаключенія; оно есть только перемѣна формы того же самаго сужденія.

(**) Когда преслѣдователи Галилея старались доказать первое изъ этихъ положеній, они забыли, что изъ него слѣдуетъ послѣднее. Тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ противникахъ Геологіи въ настоящее время.

Превращеніе такого предложенія какъ слѣдующее — «тотъ (есть счастливъ, кто) не желаетъ перемѣны», — совершается посредствомъ переставленія словъ, заключенныхъ въ скобки; обратное предложеніе будетъ слѣдующее: «тотъ не желаетъ перемѣны кто есть счастливъ».

Строго говоря, это не настоящее «превращеніе»; но только мнимое; оно не есть «выводимое» превращеніе. Потому что (какъ было сказано выше) здѣсь имѣетъ мѣсто не простое переставленіе терминовъ, но вводится новый терминъ, такъ какъ терминъ, который не «распредѣлялся» въ первоначальномъ предложеніи, въ обратномъ распредѣленъ (взятъ въ общемъ смыслѣ). Но подобно тому, какъ въ разговорномъ языкѣ обыкновенно говорятъ о слабомъ доказательствѣ, означая этимъ мнимое доказательство, которое, по настоящему, не есть доказательство, такъ и въ этомъ случаѣ точно также обыкновенно говорятъ, напр. «Евклидъ сначала доказываетъ, что всѣ равносторонніе треугольники имѣютъ равные углы, а потомъ «превращенное» предложеніе, что «треугольники, имѣющіе равные углы равносторонніе»; или говорится также, «справедливо, что всякія деньги суть богатство; но я отрицаю «превращенное предложеніе», (которое въ дѣйствительности есть кажущееся «превращенное»), что все богатство — деньги» (состоитъ въ деньгахъ).

И такъ, превращеніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, — т. е. «выводимое превращеніе» — можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда въ превращенномъ пред-

ложеніи не «распредѣляется» терминъ, бывшій въ превращаемомъ (первоначальномъ) «нераспредѣленнымъ». На этомъ основаніи, такъ какъ въ E (общемъ отрицательномъ предложеніи) оба термина распредѣлены, а въ I (частномъ утвердительномъ) ни одинъ, то оба они могутъ быть просто «выводимо превращены», какъ показано въ выше приведенныхъ примѣрахъ. Но такъ какъ въ A сказуемое не распредѣляется, то его простое превращеніе не будетъ «выводимое». Напр., изъ предложенія «всѣ птицы суть животныя» нельзя вывести заключенія, что «всѣ животныя суть птицы; потому что здѣсь, въ превращенномъ предложеніи, былъ бы одинъ терминъ распредѣленъ, который въ первоначальномъ не распредѣлялся. Слѣдовательно, если мы ограничимъ его въ количественномъ отношеніи, изъ общаго сдѣлаемъ частнымъ, то превращеніе будетъ выводимымъ (напр. «нѣкоторыя животныя суть птицы»). Такое превращеніе можно было бы болѣе удачно назвать превращеніемъ черезъ ограниченіе; но обыкновенно оно называется превращеніемъ случайнымъ (отъ общаго къ случайному) (per accidens).

Превращеніе случайное.

Такимъ образомъ и E можетъ быть также превращено. Но въ O, — все равно будетъ ли измѣнено количество или нѣтъ,—всегда будетъ въ превращенномъ предложеніи одинъ распредѣленный терминъ (сказуемое), который не былъ распредѣленъ въ превращаемомъ; поэтому, относительно его можно сдѣлать выводимое превращеніе не иначе, какъ измѣнивъ въ качественномъ отношеніи. т. е. перенести отрицаніе отъ связки къ сказуемому, и

разсматривая его такимъ образомъ какъ I. Тогда хотя одинъ изъ терминовъ будетъ и не тотъ самый, который былъ въ первоначальномъ предложеніи, но новое предложеніе все таки будетъ равнозначаще съ первоначальнымъ (т. е. будетъ имѣть тотъ же самый смыслъ). Напр., «нѣкоторые люди, которые обладаютъ богатствомъ, не (суть) счастливы».

Если перенесемъ отрицаніе отъ связки къ сказуемому, то получимъ предложеніе какъ I («нѣкоторые люди, которые обладаютъ богатствомъ, суть несчастливы»), которое можетъ быть просто превращено; «нѣкоторые люди, которые суть несчастливы, обладаютъ богатствомъ»; или (въ томъ видѣ, въ какомъ это предложеніе очень употребительно) «можно обладать богатствомъ, не будучи счастливымъ. (*)» Такое превращеніе можно назвать

Двусмысленность словъ «долженъ», «долженствуетъ» и т. д.

(*) Стоитъ замѣтить мимоходомъ, что въ такихъ примѣрахъ, какъ приведенный выше, слова «можно», «можетъ», «не можетъ» не имѣютъ никакого отношенія къ силѣ (способности, которую они иногда означаютъ), обнаруживаемой дѣйствующимъ субъектомъ; они относятся только къ распредѣленію или нераспредѣленію терминовъ, или же къ нашей увѣренности или сомнѣнію въ справедливости извѣстнаго положенія.

Сказать, напр., что «человѣкъ, имѣющій рану, можетъ выздоровѣть», не значитъ, что «онъ имѣетъ способность (силу) выздоровѣть, если только захочетъ»; это есть только форма образованія частнаго предложенія (I), а именно, что «нѣкоторые люди, имѣющіе раны, выздоравливаютъ». Также точно предложеніе, «въ этомъ округѣ могутъ быть копи каменнаго угля», означаетъ только «я не могу ни утверждать, ни отрицать существованія въ этомъ округѣ каменноугольныхъ копей».

Точно также предложеніе «добродѣтельный человѣкъ не

превращеніемъ чрезъ отрицаніе (conversion by negation), или, какъ оно обыкновенно называется, чрезъ противопоставленіе (by contraposition) (*).

можетъ быть предателемъ своей родины» (или «невозможно, чтобы добродѣтельный человѣкъ могъ предать свою родину») не означаетъ вовсе, что добродѣтельный человѣкъ не имѣетъ возможности (силы) предать свою родину (потому что нѣтъ добродѣтели, если кто не дѣлаетъ того, чего онъ не въ состояніи сдѣлать), а значитъ только, что «не быть предателемъ своей родины» составляетъ существенную часть понятія, выражаемаго терминомъ «добродѣтельный». Короче мы хотимъ сказать, что мы также точно не можемъ себѣ представить добродѣтельнаго человѣка измѣнникомъ своей родины, какъ не можемъ представить себѣ квадратъ съ неравными сторонами, т. е. квадратъ, который не есть квадратъ. Такой способъ выраженія есть слѣдовательно только одинъ изъ способовъ составленія общаго предложенія (E),—«ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не измѣняетъ своей родинѣ».

Такую же двусмысленность представляетъ глаголъ «долженствовать». Если, напр., сказать, что «усталый путешественникъ по степямъ Аравіи долженъ жадно пить, когда придетъ къ источнику», то это не значитъ, что онъ принужденъ пить, но что я не могу не думать, что онъ будетъ жадно пить, — что въ моемъ умѣ нѣтъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ этихъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ, слова «можетъ», «долженствуетъ», «невозможный» относятся не къ силѣ или отсутствію силы въ дѣйствующемъ субъектѣ, а только къ общности или отсутствію общности въ выраженіи; или же къ сомнѣнію или къ отсутствію сомнѣнія въ нашемъ умѣ относительно того, что утверждается. См. Приложеніе ст. «Мочь».

(*) Ольдричъ не упоминаетъ о такомъ превращеніи; но я счелъ за нужное внести его въ этотъ трактатъ, потому что оно часто употребляется и потому еще, что оно въ этомъ сочиненіи употреблено для превращенія *Baroko* въ *Bokardo*.

Предложеніе А также можетъ быть превращено слѣдующимъ образомъ. Напримѣръ:

«Всякій поэтъ есть геніальный человѣкъ,
слѣдовательно
Тотъ, кто не геніаленъ не есть поэтъ».
(или: «Никто кромѣ геніальнаго человѣка
не можетъ быть поэтомъ»;
или: «Только геніальный человѣкъ можетъ быть поэтомъ»;
или: «Невозможно быть поэтомъ, не будучи
геніальнымъ человѣкомъ»).

Это потому, что (такъ какъ утверждать извѣстный признакъ въ подлежащемъ, или отрицать отсутствіе того же признака одно и тоже) первоначальное предложеніе (exposita) совершенно равнозначаще съ слѣдующимъ:

«Ни одинъ $\frac{\text{подл.}}{\text{поэтъ}}$ не есть $\frac{\text{сказуемое}}{\text{человѣкъ не геніальный}}$».

А это послѣднее предложеніе, будучи Е, можетъ быть просто превращено. Такимъ образомъ всякое предложеніе можетъ быть превращено выводимо изъ указанныхъ трехъ способовъ: именно Е и I *просто*, А и О — чрезъ *отрицаніе*, А и Е — чрезъ *ограниченіе*.

Превратимые термины.

Мы уже замѣтили, что въ нѣкоторыхъ утвердительныхъ предложеніяхъ, цѣлое сказуемое дѣйствительно соотвѣтствуетъ подлежащему. Въ такихъ случаяхъ, если А будетъ просто превращено, то обратное предложеніе будетъ вѣрно; но все таки, такъ какъ его вѣрность не слѣдуетъ изъ вѣрности первоначальнаго предложенія, то такое превращеніе не есть выводимое. Многія предло-

женія въ математикѣ принадлежатъ къ этому разряду предложеній. Напр.:

«Всѣ равносторонніе треугольники равноугольны», и

«Всѣ равноугольные треугольники равносторонни».

Хотя оба эти предложенія вѣрны, но одно не слѣдуетъ изъ другого; и поэтому математики особеннымъ образомъ доказываютъ то и другое.

Такъ какъ простое превращенное предложеніе отъ А можетъ быть вѣрнымъ только когда подлежащее и сказуемое совершенно равнозначны (или выражаясь технически, когда они суть превратимые термины); и такъ какъ это всегда должно имѣть мѣсто въ точномъ опредѣленіи, то вѣрность опредѣленія можно испытывать посредствомъ превращенія. Напр., «хорошее правительство есть то, которое считаетъ своей задачей счастье управляемыхъ». Если это опредѣленіе вѣрно, то изъ него должно слѣдовать, что «правительство, которое считаетъ своею задачею счастье управляемыхъ, есть хорошее правительство». Когда утверждаютъ какое нибудь предложеніе и прибавляютъ, что *оно есть вѣрное опредѣленіе*, то это значитъ утверждать *не одно* положеніе, а *два*.

Глава III.

О Доказательствахъ.

---

§ 1.

Третій процессъ мысли, т. е. умозаключеніе (или разсужденіе), выраженное словами, есть доказательство. *Полное* доказательство, въ *правильной*
Силлогизмы. *формѣ*, есть *силлогизмъ*. Итакъ, третья часть Логики занимается силлогизмомъ. Всякое доказательство (*) состоитъ изъ двухъ частей: одна, которая доказывается, и другая, посредствомъ которой доказывается. Первая изъ этихъ частей, когда она еще не доказана, называется *вопросомъ*, а будучи доказана—заключеніемъ (conclusion) или выводомъ (inference); та часть, которая служитъ для доказательства вывода, будучи поставлена на концѣ (какъ часто дѣлается въ обыденномъ разговорѣ), называется основаніемъ (или причиной) и обозначается словомъ *потому что* или другимъ какимъ либо винословнымъ союзомъ. Напр., «Цезарь заслужилъ смерть, потому что былъ тиранъ; а всѣ

(*) Я понимаю слово доказательство въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ этого слова, потому что въ обыденномъ языкѣ слово доказательство часто употребляется для обозначенія только послѣдней изъ указанныхъ двухъ частей доказательства, — напр. говорится — этимъ доказывается то-то и то; это заключеніе основано на доказательствѣ т. е. на посылкѣ. См. Прибавл. I. Ст. «Доказательство».

тираны заслуживаютъ смерть». Если же заключеніе стоитъ на концѣ (и это есть строго логическая форма, къ которой всякое умозаключеніе можетъ быть сведено), то тѣ предложенія, которыя служатъ для доказательства его, называются посылками (premises) (*); и въ такомъ случаѣ заключеніе обозначается какимъ нибудь заключительнымъ союзомъ, какъ «слѣдовательно» и др. Напримѣръ:

«Всѣ тираны заслуживаютъ смерть,
Цезарь былъ тиранъ: слѣдовательно
Цезарь заслуживалъ смерти» (**).

Доказательство есть такое выраженіе, въ которомъ, на основаніи положеній, принимаемыхъ за вѣрныя (посылокъ), признается вѣрнымъ другое

Опредѣленіе доказательства.

(*) Обѣ посылки вмѣстѣ иногда называются *предыдущимъ* (antecedent).

(**) Здѣсь можно замѣтить, что сдѣланное выше опредѣленіе доказательства, обыкновенно дается, въ трактатахъ о Логикѣ, какъ опредѣленіе силлогизма,—понятія, которому я придаю болѣе тѣсный смыслъ. Опредѣленіе доказательства, предлагаемое обыкновенно логиками, и въ томъ числѣ Ольдричемъ (Aldrich), такого свойства, что подъ него можетъ подойти всякое доказательство, какъ правильно, такъ и не правильно выраженное, такъ что онъ, повидимому, употребляетъ слово силлогизмъ, какъ равнозначащее съ словомъ «доказательство»; но не говоря о томъ, что гораздо удобнѣе употреблять эти два слова для обозначенія двухъ различныхъ понятій, съ которыми приходится имѣть дѣло, нужно еще прибавить, что различая смыслъ ихъ, я на самомъ дѣлѣ придерживался обычая самого Ольдрича, который, если не всегда, то вообще употребляетъ слово «силлогизмъ» въ томъ тѣсномъ смыслѣ, который я ему придаю, т. е. для означенія *доказательства, приведеннаго въ правильную логическую форму.*

положеніе (заключеніе, conclusion), необходимо слѣдующее (вытекающее) изъ первыхъ; и такъ какъ Логика занимается исключительно изслѣдованіемъ процессовъ мышленія, выраженныхъ на языкѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что силлогизмъ (который есть доказательство, выраженное въ правильной логической формѣ) есть доказательство, выраженное такимъ образомъ, что его вѣрность (убѣдительность) очевидна изъ самой формы выраженія, каково бы ни было значеніе терминовъ. Напр., въ слѣдующемъ силлогизмѣ: — «всякій Y есть X, Z есть Y; слѣдовательно Z есть X»,—заключеніе неизбѣжно, чтобы ни означали термины X, Y и Z. И къ такой формѣ могутъ быть сведены всѣ доказательства, признаваемыя за вѣрныя (убѣдительныя).

Определѣніе силлогизма.

Необходимыя и вѣроятныя заключенія.

Нѣкоторые логики думаютъ, будто возможно доказательство, въ сущности не силлогистическое; это заблужденіе проистекаетъ изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ силлогизмѣ заключеніе слѣдуетъ несомнѣнно (или необходимо) изъ посылокъ; тогда какъ въ мнимомъ силлогизмѣ, который, по ближайшему разсмотрѣнію, (какъ мы это видѣли на нѣкоторыхъ примѣрахъ) оказывается не дѣйствительнымъ (не «годнымъ»), заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ посылокъ, и все доказательство просто ошибочно. Между тѣмъ, часто приходится слышать о доказательствахъ, которыя, хотя и имѣютъ нѣкоторую силу, но не вполнѣ рѣшительны, и о заключеніяхъ, которыя хотя и вѣрны, но не вполнѣ достовѣрны и пр. Это даетъ нѣкоторымъ по-

водъ думать, что убѣдительность (заключительность) доказательства допускаетъ степени; и что иногда заключеніе можетъ слѣдовать изъ посылокъ отчасти и съ нѣкоторою вѣроятностью, хотя не вполнѣ и не необходимо.

Это заблужденіе происходитъ отъ того, что забываютъ, что самыя посылки очень часто бываютъ сомнительны; тогда заключеніе конечно также будетъ сомнительно.

Какъ уже было показано, одна или обѣ посылки совершенно вѣрнаго силлогизма могутъ быть совершенно невѣрны и нелѣпы; и тогда заключеніе, хотя необходимо вытекаетъ изъ нихъ, можетъ быть или вѣрно или невѣрно, и мы не можемъ знать, будетъ ли оно вѣрно или нѣтъ. Если же одна или обѣ посылки только вѣроятны, то и заключеніе, вытекающее изъ нихъ, можетъ быть только вѣроятно; хотя заключительность,— т. е. связь между посылками и заключеніемъ — будетъ совершенно вѣрна.

Для примѣра возьмемъ большую посылку — «всякій мѣсяцъ имѣетъ 30 дней, (что очевидно невѣрно); тогда, если возьмемъ меньшую посылку — «Апрѣль есть мѣсяцъ», то заключеніе будетъ то, что «Апрѣль имѣетъ 30 дней» (что случайно вѣрно); и взявши меньшую посылку — «Февраль есть мѣсяцъ», мы получимъ заключеніе, что «Февраль имѣетъ 30 дней» (что случайно невѣрно). Въ обоихъ случаяхъ заключительность доказательства одна и таже; но во всѣхъ случаяхъ, когда мы признаемъ одну изъ посылокъ ложною, мы ничего не

знаемъ (что касается этого доказательства) относительно вѣрности или невѣрности заключенія.

Но если заключеніе мы признаемъ невѣрнымъ, то можемъ быть вполнѣ увѣрены, что по крайней мѣрѣ одна изъ посылокъ невѣрна; потому что еслибы онѣ были вѣрны, то и заключеніе было бы вѣрно.

На этомъ основанъ, такъ называемый, косвенный способъ доказательства, который часто употребляется, даже въ математикѣ, для подтвержденія защищаемаго положенія. Онъ состоитъ въ томъ, что ложность извѣстнаго положенія (другими словами вѣрность противорѣчащаго ему, которое желаютъ утверждать) доказывается тѣмъ, что оно, будучи принято за посылку, вмѣстѣ съ другою посылкою, принимаемою за вѣрную, ведетъ къ заключенію очевидно ложному; потому что, хотя изъ ложнаго предположенія можетъ слѣдовать заключеніе или вѣрное или ложное, но изъ предположенія вѣрнаго можетъ слѣдовать только вѣрное заключеніе.

§ 2.

Dictum Аристотеля.

Правило (обыкновенно называемое *dictum de omni et nullo*), которымъ Аристотель объясняетъ силу выше приведеннаго доказательства (всякій Y есть X, Z есть Y, слѣдовательно Z есть X), есть слѣдующее: все, что сказывается относительно распредѣленнаго термина, утвердительно или отрицательно, можетъ быть сказано подобнымъ же образомъ относительно всякаго предмета, обнимаемаго имъ. Такъ, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, X сказывается относительно Y, который есть терминъ

распредѣленный (что означается словомъ «всякій»), а Z содержится въ Y (т. е. есть его подлежащее); слѣдовательно X сказывается относительно Z. Напр. «всѣ тираны заслуживаютъ смерти, Цезарь былъ тиранъ, слѣдовательно Цезарь заслуживалъ смерти».

Это правило можетъ быть въ концѣ концовъ примѣнено ко всѣмъ доказательствамъ (и ихъ сила основывается на ихъ подчиненіи этому правилу); но прямо и непосредственно оно не можетъ быть примѣнено ко всѣмъ, даже чисто категорическимъ силлогизмамъ; поэтому, для избѣжанія неудобства приводить всѣ силлогизмы къ формѣ, построенной на основаніи *dictum* Аристотеля (*) установлены другія практическія правила, съ помощью кото-

---

(*) Вмѣсто того, чтобы слѣдовать еще принятому порядку изложенія, и излагать сначала правила, примѣняющіяся ко всѣмъ фигурамъ категорическихъ силлогизмовъ, а потомъ возвращаться назадъ къ «*dicium*» Аристотеля, которое примѣняется только къ одной изъ нихъ, я слѣдовалъ, какъ мнѣ кажется, болѣе простому и болѣе философскому порядку изложенія, и болѣе приспособленному къ тому, чтобы напечатлѣть въ умѣ читателя вѣрный взглядъ на науку; [а именно, я изложилъ сначала правило (*dictum* Аристотеля), которое примѣняется къ наиболѣе правильно-построенному доказательству, къ силлогизму первой фигуры, подъ форму котораго можетъ быть подведено всякое доказательство; потомъ правила, примѣняющіяся ко всѣмъ категорическимъ силлогизмамъ; далѣе, правила, относящіяся къ гипотетическимъ силлогизмамъ; и наконецъ правила о соритахъ, ученіе о которыхъ у Ольдрича не кстати помѣщается прежде ученія о гипотетическихъ силлогизмахъ. При такомъ планѣ область строгой Логики расширяется на столько, на сколько возможно ее расширить; такъ какъ при этомъ всѣ роды доказательствъ, имѣющія силлоги-

рыхъ можно непосредственно испытать силу силлогизма.

Законы категорическаго силлогизма.

Мы сначала будемъ говорить о чисто категорическихъ силлогизмахъ, и о тѣхъ правилахъ или законахъ, которыми опредѣляется ихъ годность, а именно: во первыхъ, *если два термина согласуются съ однимъ и тѣмъ же третьимъ, то они согласуются между собой;* во вторыхъ, *если одинъ терминъ согласуется, а другой не согласуется съ однимъ и тѣмъ же третьимъ, то эти два термина не согласуются между собой.* На первомъ изъ этихъ двухъ законовъ основывается сила утвердительныхъ заключеній; на второмъ отрицательныхъ; и ни одинъ категорическій силлогизмъ не можетъ быть невѣренъ, если не уклоняется отъ этихъ законовъ; ни одинъ не можетъ быть вѣренъ, который отъ нихъ уклоняется. Поэтому на этихъ двухъ законахъ построены всѣ правила или предостереженія, которыми должны руководствоваться въ отношеніи силлогизмовъ, чтобы удостовѣриться, соблюдены ли въ силлогизмахъ законы ихъ правильности или нѣтъ.

1) *Всякій силлогизмъ имѣетъ только три и только три термина*, а именно: средній терминъ, и два термина (или предѣла — extremes — какъ ихъ обыкновенно называютъ) заключенія (или задачи). Изъ этихъ терминовъ, первый — подлежащее заключенія — называется меньшимъ терминомъ; второй, его

стическій характеръ и слѣдовательно могущія быть подведены подъ правила Логики, исчисляются въ естественномъ порядкѣ.

сказуемое, большимъ терминомъ; третій, средній терминъ (называвшійся у старыхъ логиковъ «*argumentum*» — доказательствомъ) есть тотъ, съ которымъ сравниваются отдѣльно каждый изъ первыхъ двухъ для того, чтобы убѣдиться въ ихъ согласіи или не согласіи между собой. Слѣдовательно, еслибы въ силлогизмѣ было два среднихъ термина, то, такъ какъ предѣлы (термины заключенія) сравнивались бы не съ однимъ и тѣмъ же, то невозможно было-бы убѣдиться въ ихъ согласіи или несогласіи между собой.

2) *Всякій силлогизмъ заключаетъ въ себѣ три, и только три предложенія*, а именно: 1) *большую посылку*, (въ которой большій терминъ сравнивается съ среднимъ), 2) *меньшую пасылку* (въ которой меньшій терминъ сравнивается съ среднимъ), и 3) *заключеніе*, (въ которомъ меньшій терминъ сравнивается съ большимъ) (*).

3) *Если средній терминъ двусмысленъ, то на самомъ дѣлѣ въ силлогизмѣ два среднихъ термина*, различныхъ по смыслу, хотя одинаковыхъ по звукамъ. Двусмысленнымъ бываетъ: во первыхъ, терминъ, имѣющій два значенія, и употребленный въ двухъ посылкахъ въ различныхъ значеніяхъ; (напр.,

«Коса есть орудіе, употребляющееся для жатвы сѣна,

(*) Въ нѣкоторыхъ трактатахъ о Логикѣ большая посылка называется просто «*propositio*» (предложеніемъ), а меньшая «assumptio» (предположеніемъ). Обыкновенно называютъ большую посылку «принципомъ, а меньшую «основаніемъ».

Длинная прядь волосъ на головѣ есть коса;
следовательно
Длинная прядь волосъ на головѣ есть орудіе, употребляющееся для жатвы сѣна»);
во вторыхъ терминъ нераспредѣленный, потому что, такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ употребляется для означенія только части означаемаго имъ, то можетъ случиться, что одинъ изъ предѣловъ будетъ сравниваться съ *одною его частью*, а другой съ другою; напр.,

«Бѣлизна есть цвѣтъ,
Чернота есть цвѣтъ; слѣдовательно
Чернота есть бѣлизна». — Или
«Нѣкоторыя животныя суть рабочіе звѣри,
Нѣкоторыя птицы суть животныя; слѣдовательно
Нѣкоторыя птицы суть рабочіе звѣри».

Поэтому средній терминъ долженъ быть распредѣленъ по крайней мѣрѣ въ одной изъ посылокъ, (т. е. долженъ быть подлежащимъ общаго или сказуемымъ отрицательнаго предложенія, Глава II § 2). Совершенно достаточно, чтобы онъ распредѣлялся въ одной посылкѣ: потому что, если мы одинъ предѣлъ сравнимъ съ частью средняго термина, а другой съ цѣлымъ, то мы сравнимъ ихъ оба съ однимъ и тѣмъ же.

4) *Терминъ, который не былъ распредѣленъ ни въ одной изъ посылокъ, не долженъ быть распредѣленъ въ заключеніи*, потому что иначе въ заключеніи былъ бы цѣлый терминъ, тогда какъ въ посылкахъ была только часть его; и такимъ обра-

зомъ въ сущности былъ бы введенъ четвертый терминъ. Такой выводъ называется *незаконнымъ употребленіемъ большаго или меньшаго термина*. Напр.

«Всѣ четвероногія суть животныя,
Птица не есть четвероногое; слѣдовательно
Птица не есть животное.

Здѣсь незаконно употребляется большой терминъ. Другой примѣръ,

«Свидѣтельство Талмуда не заслуживаетъ довѣрія,
Разсказъ о чудесахъ заключается въ Талмудѣ; слѣдовательно
Разсказъ о чудесахъ не заслуживаетъ довѣрія».

Если это заключеніе принять за A, то оно незаконно, и незаконность его происходитъ отъ неправильнаго употребленія меньшаго термина (потому что всякій будетъ понимать меньшую посылку какъ частную); но частное заключеніе изъ этихъ посылокъ можно вывести правильно. Въ случаѣ же незаконности употребленія большаго термина, изъ посылокъ нельзя вывести никакого заключенія.

5) *Изъ отрицательныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого вывода*; потому что при отрицательныхъ посылкахъ, средній терминъ не согласуется ни съ однимъ предѣломъ, слѣдовательно послѣдніе не могутъ быть сравниваемы между собою, напр. посылки

«Рыба не есть четвероногое,

Птица не есть четвероногое», —

не допускаютъ никакого вывода.

6) *Если одна посылка отрицательная, то и заключеніе должно быть отрицательнымъ*; потому что въ отрицательной посылкѣ относительно средняго термина утверждается, что онъ не согласуется съ однимъ изъ предѣловъ, а въ другой посылкѣ (которая по предшествующему правилу должна быть утвердительная) средній терминъ согласуется съ другимъ предѣломъ; слѣдовательно, такъ какъ предѣлы не согласуются между собой, заключеніе должно быть отрицательное. Такимъ же образомъ объясняется и то правило, что если требуется доказать отрицательное заключеніе, то одна изъ посылокъ должна быть отрицательная.

Съ помощью этихъ шести правилъ (*) можно испытать вѣрность всякаго категорическаго силлогизма. Изъ этихъ правилъ вытекаетъ: 1) что *ничего нельзя доказать посредствомъ двухъ частныхъ посылокъ* (такъ какъ въ такомъ случаѣ или средній терминъ будетъ не распредѣленъ, или же выводъ

(*) Нѣкоторые писатели предлагаютъ 12 правилъ, но я счелъ болѣе удобнымъ свести ихъ къ 6-ти. Ни одинъ силлогизмъ не можетъ быть ложенъ, если онъ не нарушаетъ ни одного изъ этихъ правилъ. Я меньше рискую запугать учащагося, если выброшу, какъ отдѣльное правило, напр., правило о силлогизмѣ съ частными посылками, которое, собственно говоря, вытекаетъ изъ выше изложенныхъ; такъ какъ силлогизмъ съ двумя частными посылками нарушаетъ или 3-е или 4-ое правило.

будетъ незаконный). Это потому, что, еслибъ обѣ посылки были I, то ни одинъ терминъ не былъ бы распредѣленъ; если бы одна посылка была I а другая O, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ —

«Нѣкоторыя животныя смышлены,
Нѣкоторые звѣри не смышлены; слѣдовательно
Нѣкоторые звѣри не суть животныя»,

то распредѣленнымъ былъ бы только одинъ терминъ — сказуемое предложенія O; допустивъ, что этотъ распредѣленный терминъ есть среднiй, то въ заключенiи (которое по правилу 6-му, должно быть отрицательнымъ) сказуемое, большiй терминъ, было бы распредѣлено, между тѣмъ какъ въ посылкѣ оно не было распредѣлено. 2) По той же самой причинѣ очевидно, что если одна изъ посылокъ частная, то и заключенiе должно быть частное. Напр.

«Всѣ сражающiеся храбро, заслуживаютъ награды,
Нѣкоторые солдаты сражались храбро; отсюда можно только заключить, что
Нѣкоторые солдаты заслуживаютъ награды».

Это потому, что если вывести общее заключенiе, то будетъ имѣть мѣсто «незаконное употребленiе меньшаго термина». Но изъ двухъ общихъ посылокъ не всегда можно вывести общее заключенiе; напр.

«Всякое золото драгоцѣнно,
Всякое золото есть минералъ, слѣдовательно
Нѣкоторый минералъ драгоцѣненъ».

Даже если и возможно вывести общее заключеніе, то мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ право по произволу вывести и частное; потому что все, что сказывается относительно всѣхъ предметовъ можетъ быть, безъ сомнѣнія, сказано и относительно нѣкоторыхъ (*).

О Формахъ силлогизмовъ.

§ 3.

Обозначить три предложенія силлогизма въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, по «качеству и количеству» (что обозначается ихъ символами), значитъ опредѣлить форму силлогизма. Напримѣръ, только что приведенный силлогизмъ: «Всякое золото драгоцѣнно, всякое золото есть минералъ, — слѣдовательно, нѣкоторый минералъ драгоцѣненъ» — имѣетъ форму А, А, I.

Такъ какъ существуетъ четыре рода предложеній и въ каждомъ силлогизмѣ три предложенія, то всѣхъ возможныхъ сочетаній будетъ 64. Потому что каждый изъ этихъ четырехъ родовъ предложеній можетъ быть большею посылкою; каждая изъ четырехъ большихъ посылокъ можетъ имѣть четыре меньшихъ, и изъ этихъ 16 паръ посылокъ

(*) Нѣкоторые изъ логиковъ, для облегченія запоминанія, излагаютъ эти правила въ слѣдующемъ латинскомъ четырехстишіи.

«*Distribus Medium, nec quartus terminus adsit*;
«*Utraque nec praemissa negans, nec particularis*;
«*Sectetur partem Conclusio deteriorem*;

(то есть, частное считается *ниже* общаго, а отрицательное — положительнаго).

каждая можетъ имѣть четыре различныхъ заключенія: 4 × 4 (= 16) × 4 = 64. Это есть чисто ариѳметическое изчисленіе числа формъ, при которомъ правила Логики не принимаются вовсе во вниманіе; дѣйствительно, многія изъ этихъ формъ неприложимы къ практикѣ, такъ какъ онѣ нарушаютъ нѣкоторыя изъ указанныхъ правилъ. Напр., форма: E, E, E должна быть отброшена, такъ какъ она имѣетъ отрицательныя посылки; I, O, O — также, потому что имѣетъ частныя посылки; точно также должны быть выброшены и многія другія формы, нарушающія тѣже правила и къ числу ихъ слѣдуетъ отнести еще форму I, E, O; такъ какъ въ ней имѣетъ мѣсто «незаконное употребленіе большаго термина» въ каждой фигурѣ; дѣйствительно заключеніе отрицательное, и, значитъ, большій терминъ распредѣленъ, между тѣмъ какъ въ большей посылкѣ, которая есть I, нѣтъ ни одного распредѣленнаго термина. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ формы, оказывается, что изъ 64 остается всего одиннадцать такихъ, которыя могутъ быть употребляемы, какъ законные силлогизмы, а именно: A, A, A; A, A, I; A, E, E; A, E, O; A, I, I; A, A, O; E, A, E; E, A, O; E, I, O; I, A, I; O, A, O.

О Фигурахъ.

§ 4.

Различіе фигуръ силлогизма зависитъ отъ различнаго положенія средняго термина относительно

«предѣловъ» заключенія (т. е. большаго и меньшаго термина). Въ первой фигурѣ средній терминъ служитъ подлежащимъ большей посылки и сказуемымъ меньшей. Эта фигура самая естественная и самая ясная изъ всѣхъ, такъ что къ ней одной можетъ быть сразу примѣнено dictum Аристотеля. Во второй фигурѣ средній терминъ служитъ сказуемымъ обѣихъ посылокъ. Въ третьей фигурѣ средній терминъ служитъ подлежащимъ обѣихъ посылокъ. Въ четвертой — средній терминъ служитъ сказуемымъ большей посылки и подлежащимъ меньшей. Эта фигура самая неестественная и неудобная, такъ какъ она совершенно противоположна первой.

Слѣдуетъ замѣтить, что по *подходящему* (*) *порядку*, большая посылка помѣщается на первомъ мѣстѣ, а меньшая на второмъ; но мѣсто, занимаемое посылками въ силлогизмѣ, не дѣлаетъ ихъ меньшею или большею, потому что та посылка, (гдѣ бы она ни была помѣщена), есть большая, которая заключаетъ въ себѣ большій терминъ, а та меньшая, которая заключаетъ въ себѣ меньшій терминъ (см. Прав. 2 § 2.)

(*) *Подходящему* — т. е. для *Трактата о Логикѣ* или при логическомъ разборѣ, но не въ обыкновенномъ разговорѣ. Это замѣчаніе казалось бы излишнимъ, еслибъ я не зналъ писателя, вообще остроумнаго и разсудительнаго, который впалъ въ странное толкованіе, о которомъ я здѣсь говорю. *Подходящія* размѣщенія растеній въ ботаническомъ собраніи, или въ саду или на фермѣ будутъ весьма отличны одно отъ другого.

Не каждая фигура можетъ принимать каждую изъ вышеупомянутыхъ формъ, потому что въ одной фигурѣ извѣстная форма можетъ уклоняться отъ вышеизложенныхъ правилъ, хотя въ другой она ихъ не нарушаетъ; напримѣръ, форма I, A, I можетъ быть допущена въ третьей фигурѣ, но въ первой нѣтъ, потому что она имѣла бы нераспредѣленный средній терминъ (*). Также точно форма A, E, E въ первой фигурѣ представляла бы *незаконное употребленіе большаго термина*; между тѣмъ какъ во второй она можетъ быть допущена. Форма A, A, A можетъ быть допущена въ первой фигурѣ, между тѣмъ какъ въ третьей она привела бы къ *незаконному употребленію меньшаго термина*. Во всемъ этомъ можно удостовѣриться посредствомъ испытанія различныхъ формъ каждой фигуры при помощи предлагаемой схемы.

Пусть X представляетъ большій терминъ, Z — меньшій, а Y — средній.

(*) Напр.: I. «Нѣкоторое принужденіе спасительно;

A. Всякое принужденіе непріятно; слѣдовательно

I. Нѣчто непріятное спасительно.» или:

I. «Нѣкоторые грибы могутъ быть употребляемы въ пищу,

A. Мухоморъ есть грибъ; слѣдовательно

Y. Нѣкоторый мухоморъ можетъ быть употребляемъ въ пищу.

1 фиг.	2 фиг.	3 фиг.	4 фиг.
Y, X,	X, Y,	Y, X,	X, Y,
Z, Y,	Z, Y,	Y, Z,	Y, Z,
Z, X,	Z, X,	Z, X,	Z, X.

Здѣсь поставлены одни термины, а качество и количество каждаго предложенія (и слѣдовательно форма цѣлаго силлогизма) необозначены. Ихъ можно обозначать по произволу, т. е. между Y и X можно поставить отрицательную или положительную связку; также передъ Y можно поставить знакъ общаго или частнаго термина. Тогда, примѣняя всѣ формы къ каждой фигурѣ, мы найдемъ, что каждая фигура допускаетъ только шесть формъ, которыя не нарушаютъ правилъ Логики, т. е. не имѣютъ *нераспредѣленнаго средняго термина* и *незаконнаго употребленія терминовъ.* Кромѣ того, изъ этихъ допускаемыхъ формъ, нѣкоторыя, хотя и годны, но безполезны, потому что имѣютъ частныя заключенія, тогда какъ возможно вывести общее; напр., образецъ A, A, Y первой фигуры:

«Всѣ человѣческія существа имѣютъ право на свободу,

Всѣ рабы суть человѣческія существа; слѣдовательно

Нѣкоторые рабы имѣютъ право на свободу.»

Вслѣдствіе этого изъ двадцати четырехъ формъ (по шести на каждую фигуру) пятью можно пренебречь; для остальныхъ же 19 логики придумали названія, которыми обозначаются какъ форма, такъ и фигура, къ которой онѣ примѣнимы; потому что, когда одна форма (т. е. сама по себѣ, безъ

отношенія къ фигурѣ) встрѣчается въ двухъ различныхъ фигурахъ (какъ Е, А, Е въ первой и второй фигурѣ), то буквы, обозначающія форму, не обозначали бы фигуры, къ которой она принадлежитъ. Въ этихъ названіяхъ три гласныя обозначаютъ предложенія, изъ которыхъ состоитъ силлогизмъ; согласныя (кромѣ употребленій ихъ для другихъ цѣлей, о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи) служатъ для того, чтобы легче было удержать въ памяти фигуру силлогизма.

Фиг. 1. { bArbArA, cElArEnt,
dArII, fErIOque
prioris

Фиг. 2. { cEsArE, cAmEstrEs,
fEstInO, bArOkO (*)
secundae

Фиг. 3. { tertia, dArAptI, & IsAmIs,
dAtIsI, fElAptOn,
bOkArdO (**), fErIsO,
habet: quarta insuper
addit.

Фиг. 4. { brAmAntIp, cAmEnEs,
dImArIs, fEsApO,
frEsIsOn.

Изучивъ тщательно эти мнемоническія строки (которыя должны быть заучены наизусть), вы за-

(*) Или «Fakoro», см. § 7.
(**) Или «Dokamo», см. § 7.

мѣтите, что А можетъ быть доказано, только по первой фигурѣ, по которой можетъ быть также доказано всякое другое предложеніе; что вторая фигура доказываетъ только отрицательныя предложенія, третья только частныя; что первая фигура требуетъ, чтобы большая посылка была общая, а меньшая утвердительная и пр. И много другихъ подобныхъ замѣчаній можетъ быть легко отсюда выведено (посредствомъ изслѣдованія нѣсколькихъ силлогизмовъ различныхъ формъ), — основаніе которыхъ можетъ быть отыскано въ предъидущихъ правилахъ. Напр., чтобы показать, почему вторая фигура допускаетъ только отрицательное заключеніе, намъ нужно обратить вниманіе только на то, что въ ней средній терминъ, будучи сказуемымъ обѣихъ посылокъ, не былъ бы распредѣленъ, если бы одна посылка не была отрицательною (гл. II § 2) причемъ и заключеніе должно быть также отрицательнымъ, на основаніи гл. III, § 2 прав. 6. Здѣсь достаточно будетъ представить по одной формѣ каждой фигуры.

Первая: *Barbara* именно (bAr), «всякій X есть Y; (b A), всякій Z есть Y; слѣдовательно (r A) всякій Z есть X.» Положимъ, напримѣръ, большій терминъ, который обозначается черезъ X, будетъ— «тотъ, кто обладаетъ всѣми добродѣтелями»; меньшій терминъ Z — «всякій человѣкъ, который обладаетъ одною добродѣтелью», и средній терминъ Y: «каждый, кто обладаетъ благоразуміемъ», и мы получимъ знаменитое Аристотелево доказательство (Ethica, кн. 6) мысли, что добродѣтели не раз-

дѣльны, а именно: «тотъ, кто обладаетъ благоразуміемъ, обладаетъ всѣми добродѣтелями; тотъ, кто обладаетъ одною добродѣтелью, долженъ обладать благоразуміемъ, — слѣдовательно, тотъ, кто обладаетъ одною добродѣтелью, обладаетъ всѣми.»

Вторая форма: *Camestres*, (cAm), всякій X есть Y; (Es) ни одинъ Z не есть Y; слѣдовательно, (trEs), ни одинъ Z не есть X. Пусть большій терминъ (X) будетъ, — «истинные философы», меньшій (Z), — «эпикурейцы», средній (Y) — «считающіе добродѣтель саму по себѣ благомъ», и тогда получится силлогизмъ, на которомъ построено разсужденіе Цицерона (de Officiis, кн. 1 и 3) противъ эпикурейцевъ.

Третья форма: *Darapti*, т. е. (dA), «всякій Y есть X; (rAp) всякій Y есть Z; слѣдовательно, (tI) нѣкоторый Z есть X.» Напр.:

«Благоразуміе имѣетъ своимъ предметомъ благополучіе отдѣльныхъ людей; но благоразуміе есть добродѣтель: слѣдовательно нѣкоторая добродѣтель имѣетъ своимъ предметомъ благополучіе отдѣльнаго человѣка.»

Этимъ силлогизмомъ Адамъ Смитъ (Moral Sentiments) опровергаетъ мнѣніе Гутчисона и другихъ, которые поставляли всякую добродѣтель въ доброжелательствѣ.

Четвертая форма *Camenes* т. е. (cAm) всякій X есть Y; (En) ни одинъ Y не есть Z; слѣдовательно (Es), ни одинъ Z не есть X. — Напр.:

«Все, что ведетъ къ цѣли, согласуется съ природою;

То, что согласуется съ природою, не вредно
для общества; слѣдовательно,
То, что вредно для общества, никогда не ведетъ къ цѣли.

Это есть доказательство Цицерона, въ Off. Leb. III. Эта форма представляетъ извращенный и неловкій способъ доказательства. Тоже самое могло бы быть доказано гораздо естественнѣе по первой фигурѣ; потому что, если мы разсмотримъ предложенія силлогизма 4-ой фигуры, то увидимъ, что большій терминъ сказывается относительно меньшаго; меньшій относительно средняго, а средній опять относительно большаго, такъ что кажется, какъ будто большій терминъ сказывается только относительно самого себя. Поэтому пять формъ этой фигуры почти никогда не употребляются, такъ какъ подъ нѣкоторыя изъ остальныхъ четырнадцати формъ (имѣющихъ названіе) первыхъ трехъ фигуръ можно удобнѣе подвести всякое доказательство, но изъ этихъ четырнадцати, четыре формы первой фигуры суть самыя ясныя и самыя естественныя формы доказательства, такъ какъ къ нимъ dictum Аристотеля примѣняется непосредственно.

Относительно употребленія первыхъ трехъ фигуръ (потому что четвертая фигура употребляется только вслѣдствіе случайной неловкости выраженій) можно замѣтить, что первая фигура представляетъ тѣ формы, подъ которыя доказательства подходятъ наиболѣе естественно, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ:—во первыхъ: когда требуется опровергнуть какое нибудь положеніе, кѣмъ ни-

будь защищаемое, или такое, съ которымъ, по видимому, можно согласиться, то въ такомъ случаѣ вторая фигура будетъ наиболѣе удобною формою доказательства. Напр., мы доказываемъ, что предметъ, о которомъ мы говоримъ, не можетъ принадлежать къ такому то классу или тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ что нибудь такое, чего нѣтъ въ этомъ классѣ (Cesare), или тѣмъ, что онъ не имѣетъ чего нибудь такого, что составляетъ принадлежность всего класса (Camestres). Напр.: «Ни одинъ обманщикъ не предупредилъ бы своихъ послѣдователей (какъ предупредилъ Іисусъ) о преслѣдованіяхъ, которымъ они должны подвергнуться; или: — «энтузіастъ распространился бы (чего не дѣлали Іисусъ и его послѣдователи) о подробностяхъ будущаго состоянія.»

Тѣ же самыя замѣчанія mutatis nutandis можно примѣнить и къ тому случаю, когда ищется частное заключеніе, какъ въ Festino и Baroko.

Доказательства, употребляемыя въ выводѣ, называемомъ «abscissio infiniti» (безконечное исключеніе), всего удобнѣе выражаются въ формѣ, соотвѣтствующей этой фигурѣ (смотри гл. V. § 1. подраз. 6). Терминъ «abscissio infiniti», нѣкоторыми писателями о Логикѣ употребляется для обозначенія особаго рода доказательствъ, которое ведется путемъ послѣдовательнаго исключенія одного за другимъ извѣстныхъ предположеній, или извѣстныхъ классовъ предметовъ, изъ того представленія, настоящую природу котораго желаютъ узнать. Такимъ образомъ, положимъ, извѣстные симптомы исклю-

чаютъ «оспу»; этимъ можно доказать что паціентъ боленъ не оспой. Предположимъ, другіе симптомы исключаютъ скарлатинъ и проч.; и такимъ образомъ можно постепенно стѣснять рядъ возможныхъ предположеній. Поэтому вторую фигуру можно бы назвать *«исключающею»* фигурою.

Третья фигура употребляется тогда, когда средній терминъ единичный, такъ какъ единичный терминъ можетъ быть только подлежащимъ. Это та форма, подъ которую наиболѣе подходитъ большая часть доказательствъ, употребляемыхъ для представленія возраженія (Enstasis Аристотеля) противъ посылки противника, когда доказательство его такого рода, что для его силы необходимо, чтобы эта посылка была общая. Эту фигуру можно бы назвать поэтому энстатическою фигурою. Напр., если кто нибудь оспариваетъ, что то или другое ученіе не должно быть допущено, потому что его невозможно объяснить или понять, то выпущенная имъ большая посылка можетъ быть опровергнута посредствомъ того, что связи души съ тѣломъ также «невозможно объяснить или понять». Такимъ же образомъ мы могли бы доказать, посредствомъ указанія на уже приведенный примѣръ (*), положеніе, противорѣчащее предположенію (которое для большей части людей покажется очень вѣроятнымъ), что глухонѣмой человѣкъ, рожденный слѣпымъ, не можетъ выучиться языку.

(*) Laura Bridgeman, на которую мы указали выше.

Большая часть разсужденій въ «Антологіи» Ботлера можетъ быть выражена въ этой формѣ.

Такъ какъ всякое умозаключеніе, въ концѣ концевъ основывается на вышеупомянутомъ dictum, то всѣ доказательства, тѣмъ или другимъ способомъ, могутъ быть *приведены* къ одной какой нибудь изъ четырехъ формъ первой фигуры, и силлогизмъ называется въ такомъ случаѣ приведеннымъ (т. е. приведеннымъ къ первой фигурѣ). Эти четыре формы называются *совершенными*, а всѣ остальныя *несовершенными*.

§ 5.

При приведеніи силлогизма, мы, конечно, не имѣемъ права вводить какіе бы то ни было новые термины или предложенія, такъ какъ мы не имѣемъ права ничего принимать за достовѣрное, кромѣ его посылокъ; но мы имѣемъ право *выводимо превращать* (потому что вѣрность какого нибудь предложенія *предполагаетъ* вѣрность и того предложеженія, въ которое оно выводимо превращено) или переставлять эти посылки. Пользуясь этимъ правомъ тамъ, гдѣ нужно, мы можемъ вывести (въ 1-й фигурѣ) изъ первоначально данныхъ посылокъ или тоже самое заключеніе, какъ и первоначальное, или другое, изъ котораго первоначальное заключеніе можно получить посредствомъ его выводимаго превращенія. Напр. Darapti.

«Всякій умный человѣкъ внушаетъ къ себѣ уваженіе,

Всякій умный человѣкъ составляетъ предметъ удивленія; слѣдовательно,

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые составляютъ предметъ удивленія, внушаютъ къ себѣ уваженіе». —

Можно привести къ Darii посредствомъ превращенія, чрезъ ограниченіе (per accidens) меньшей посылки.

«Всякій умный человѣкъ внушаетъ къ себѣ уваженіе,

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые составляютъ предметъ удивленія, суть умные люди; слѣдовательно,

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые составляютъ предметъ удивленія, внушаютъ къ себѣ уваженіе».

Другой примѣръ — Camestres.

«Всѣ истинные философы считаютъ добродѣтель саму по себѣ благомъ;

Защитники удовольствій не считаютъ добродѣтель саму по себѣ благомъ; слѣдовательно,

Они не суть истинные философы», —

можетъ быть приведенъ къ *Celarent* посредствомъ простаго превращенія меньшей посылки и потомъ перестановки посылокъ.

«Тѣ, которые считаютъ добродѣтель саму по себѣ благомъ, не суть защитники удовольствій,

Всѣ истинные философы считаютъ добродѣтель саму по себѣ благомъ; слѣдовательно,

Ни одинъ истинный философъ не есть защитникъ удовольствій».

Это заключеніе можетъ быть выводимо превращено въ первоначальное.

Такимъ же образомъ Baroko (*), напр.:

«Всякій истинный патріотъ есть приверженецъ религій;

Нѣкоторые великіе государственные люди не суть приверженцы религіи; слѣдовательно,

Нѣкоторые великіе государственные люди не суть истинные патріоты»,—

можетъ быть приведена къ *Ferio* посредствомъ превращенія большей посылки чрезъ отрицаніе (противопоставленіе См. Гл. II, § 4).

«Тотъ, кто не преданъ религіи, не есть истинный патріотъ;

Нѣкоторые великіе государственные люди преданы религіи; слѣдовательно,

Нѣкоторые великіе государственные люди не суть истинные патріоты».

Въ этомъ силлогизмѣ меньшая посылка должна быть разсматриваема какъ утвердительная, потому что мы принимаемъ за меньшій терминъ «не преданный религіи».

Такимъ же образомъ *Bokardo* (**) приводится къ *Darii*, напримѣръ:

(*) Или *Fakoro*, т. е. разсматриваемое какъ *Festino*. Смотр. примѣч. въ концѣ этой главы.

(**) Или *Dokamo*, разсматриваемое какъ *Disamis*. См. примѣч. въ концѣ этой главы.

«Нѣкоторые рабы недовольны своею участью,
Всѣхъ рабовъ обижаютъ; слѣдовательно,
Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого обижаютъ, не бываютъ недовольны своею участью».

Превратите большую посылку чрезъ отрицаніе («противопоставленіе») и потомъ переставьте посылки, и вы получите заключеніе, которое будетъ обратнымъ черезъ отрицаніе относительно первоначальнаго и которое слѣдовательно можетъ быть выведено изъ него посредствомъ превращенія черезъ отрицаніе. Напр.

«Всѣхъ рабовъ обижаютъ,
Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недовольны своею участью — суть рабы; слѣдовательно,
Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые бываютъ недовольны своею участью, обижаютъ».

Такими способами (посредствомъ процесса, который называется очевиднымъ приведеніемъ, потому что мы доказываемъ, по первой фигурѣ, или заключеніе, или такое положеніе, которое его подразумѣваетъ) всѣ несовершенныя формы могутъ быть приведены къ четыремъ совершеннымъ. Но есть еще другой способъ приведенія силлогизмовъ, называемый *косвеннымъ* приведеніемъ, или приведеніемъ къ невозможному (Reductio ad impossibilem),

§ 6.

посредствомъ котораго мы доказываемъ (по первой фигурѣ) не прямо то, что первоначальное заключеніе вѣрно, но то, что признать его ложнымъ значило бы допустить нелѣпость. Напр.:

«Всѣ истинные патріоты преданы религіи,
Нѣкоторые государственные люди не преданы религіи; слѣдовательно,
Нѣкоторые государственные люди не суть патріоты».

Если это заключеніе невѣрно, то должно быть вѣрно противорѣчащее ему, а именно:

«Всѣ великіе государственные люди суть истинные патріоты.

Но, допустивши это предложеніе и поставивъ его на мѣсто меньшей посылки первоначальнаго силлогизма, мы придемъ къ ложному заключенію. Напр.:

bAr «Всѣ истинные патріоты преданы религіи,
bA Всѣ великіе государственные люди суть истинные патріоты; «слѣдовательно,
rA Всѣ великіе государственные люди преданы религіи».

Такъ какъ это заключеніе противорѣчитъ первоначальной меньшей посылкѣ, то оно должно быть ложно; потому что вѣрность посылокъ допускается напередъ; слѣдовательно одна изъ посылокъ (посредствомъ которыхъ это заключеніе правильно доказано) должна быть также ложна. Но большая посылка (будучи одною изъ тѣхъ, которыя первоначально были приняты за вѣрныя) вѣрна; слѣдовательно невѣрность должна заключаться въ меньшей посылкѣ, которая представляетъ собою предложеніе, противорѣчащее первому заключенію. И такъ первоначальное заключеніе должно быть вѣр-

но. Это есть косвенный способъ умозаключенія. (См. *Rhetoric*, Ч. I, Гл., II, § 1).

§ 7.

Этотъ рѣдко употребляющійся способъ приведенія служитъ только для приведенія *Baroko* и *Bocardo*, которые приводятся такимъ образомъ писателями, допускающими только простое превращеніе чрезъ ограниченіе (per accidens). Эти писатели придумали и такія названія для своихъ формъ, которыя обозначаютъ способъ приведенія каждаго изъ нихъ, а именно: B, C, D, F, начальныя буквы формъ, означаютъ къ которую изъ формъ первой фигуры (Barbara, Celarent, Darii и Ferio) каждая изъ другихъ должна быть приведена; *m* означаетъ, что посылки должны быть переставлены; *s* и *p* означаютъ, что предложеніе, обозначенное гласною, непосредственно предшествующею, должно быть превращено, *s* означаетъ, что оно должно быть превращено просто, а *p* — per accidens (чрезъ ограниченіе). Такимъ образомъ въ Camestres (см. примѣръ) *C* означаетъ, что оно должно быть приводимо къ Celarent; два *ss* означаетъ, что меньшая посылка и заключеніе должны быть превращаемы просто; *m*, что посылки должны быть переставлены. *P* въ формѣ *Bamalip* означаетъ, что посылки допускаютъ общее заключеніе на мѣсто частнаго. Хотя I, конечно, не можетъ быть превращено выводимо черезъ ограниченіе (per accidens) такъ, чтобы превратиться въ A, однако въ заключеніи оно превращается такимъ образомъ:

потому что, коль скоро посылки переставляются (что обозначается через *m*) то очевидно, что изъ нихъ слѣдуетъ общее заключеніе. *K*, которое означаетъ *reductio ad* impossibilem, есть знакъ того, что предложеніе, обозначенное непосредственно стоящею предъ нимъ гласною, должно быть опущено, и на мѣсто его поставлено противорѣчащее заключеніе; это относится именно къ меньшей посылкѣ *Baroko* и большей *Bokardo*; но уже было показано (§ 5), что превращеніе, чрезъ «противопоставленіе» (чрезъ отрицаніе) даетъ возможность привести эти двѣ формы очевиднымъ образомъ (*).

Глава IV.

О Модальныхъ предложеніяхъ.

§ 1.

До сихъ поръ мы говорили о чисто категорическихъ предложеніяхъ и о силлогизмахъ, состоящихъ изъ такихъ предложеній. Чисто категорическое предложеніе называется нѣкоторыми логиками предложеніемъ «*de inesse*», вслѣдствіе того, что оно утверждаетъ просто, что сказуемое заклю-

---

(*) Если кому нибудь угодно, чтобы названія формъ обозначали это, то K можетъ обозначать превращеніе чрезъ отрицаніе, и тогда названія этихъ формъ будутъ слѣдующіе немного измѣненные: *Fakoro* и *Dokamo*.

чается или не заключается (въ нашей мысли) въ подлежащемъ; какъ напр. «Иванъ убилъ Ѳому». Образное предложеніе утверждаетъ, что сказуемое заключается или не заключается въ подлежащемъ извѣстнымъ образомъ, какъ напр. «случайно», «добровольно» и пр. Модальное предложеніе можетъ быть разсматриваемо какъ чистое, если образъ дѣйствія отнести къ одному изъ терминовъ; а тогда модальное предложеніе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ подходить подъ вышеизложенныя правила; напр., «Иванъ убилъ Ѳому добровольно и съ злымъ умысломъ». Здѣсь обстоятельство образа дѣйствія можетъ быть разсматриваемо, какъ часть сказуемаго; или: «вѣроятно, что всякое познаніе полезно», гдѣ «вѣроятно полезно» можетъ быть разсматриваемо, какъ сказуемое. Но, когда образное слово употребляется только для выраженія необходимой, случайной или невозможной связи между терминами, то оно можетъ быть также точно отнесено и къ подлежащему; напр., «человѣкъ необходимо смертенъ» значитъ тоже самое, что сказать «всѣ люди смертны»; «несправедливость ни въ какомъ случаѣ не выгодна» соотвѣтствуетъ предложенію «никакая несправедливость не выгодна»; «этотъ человѣкъ *случайно* невоздерженъ» имѣетъ значеніе частнаго предложенія (см. гл. II, § 2 примѣч.). Только такъ понимаемыя два единичныя предложенія могутъ быть разсматриваемы, какъ взаимно противорѣчащія; напр., «этотъ человѣкъ *никогда* не бываетъ воздерженъ» есть предложеніе, противорѣчащее предъидущему. Въ самомъ дѣлѣ, всякій

знакъ общности или частности можетъ быть разсматриваемъ, какъ указывающій на *образъ дѣйствія*.

Но, такъ какъ всякое образное предложеніе выражаетъ сужденіе о согласіи или несогласіи между собою самаго утвержденія (dictum) и образа дѣйствія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ удобно разсматривать образное предложеніе, какъ чистое, напримѣръ:

сказуемое — подлежащее

«Невозможно чтобы всѣ люди были добродѣтельны.»

Въ такихъ случаяхъ однимъ изъ *терминовъ* (подлежащимъ) служитъ *цѣлое предложеніе*.

Иногда предлогъ *въ* употребляется для выраженія такой связи одного предложенія съ другимъ, что изъ двухъ предложеній образуется одно. Напримѣръ:

«Вы встрѣтите опаснаго противника въ Императорѣ». Это предложеніе заключаетъ въ себѣ два: во 1-хъ «вы встрѣтите Императора», и во 2-хъ «онъ окажется опаснымъ противникомъ». Это послѣднее предложеніе связано съ первымъ предлогомъ *въ*, который означаетъ (согласно съ выше упомянутымъ выраженіемъ логиковъ о предложеніи «de inesse»), что сказуемое *заключается* въ подлежащемъ.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что есть предложенія, которыхъ сила значительно измѣняется отъ того, будемъ ли мы разсматривать ихъ сказуемымъ тотъ или другой терминъ (*). Въ самомъ

(*) На логическомъ анализѣ предложеній Greenlaw построилъ очень остроумную и, какъ мнѣ кажется, правильную и полезную грамматическую теорію объ употребленіи латинскаго сослагательнаго наклоненія. Его сочиненія заслуживаютъ вниманія, не только со стороны изучающихъ Логику, но и со стороны занимающихся латинскимъ языкомъ.

дѣлѣ, собственно говоря, такое предложеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣсколько различныхъ предложеній, но такихъ, изъ которыхъ вѣрность каждаго предполагаетъ вѣрность всѣхъ остальныхъ и изъ которыхъ каждое имѣетъ свое отдѣльное сказуемое. Измѣненіе смысла изрѣченія можетъ быть означаемо измѣненіемъ расположенія словъ или же интонаціи голоса, или обозначеніемъ какимъ нибудь образомъ эмфатическихъ (ударяемыхъ) словъ (сказуемаго), напримѣръ, чертою подъ словомъ или курсивомъ. Напримѣръ: «Органонъ Бэкона не былъ предназначенъ къ тому, чтобы замѣнить Органонъ Аристототеля». Это изрѣченіе можно разсматривать какъ по крайней мѣрѣ шесть различныхъ предложеній. Если бы слово, обозначенное цифрою 1, было напечатано курсивомъ, то это бы дало намъ основаніе предположить, что Бэконъ могъ имѣть намѣреніе замѣнить Органонъ Аристотеля какимъ нибудь другимъ своимъ произведеніемъ только не своимъ Органономъ. Если бы слово, обозначенное цифрою 2, было напечатано курсивомъ, то мы могли бы понять, что можетъ быть какой нибудь другой авторъ сочинилъ Органонъ съ такою цѣлью, только не Бэконъ. Если бы 3-е было напечатано курсивомъ, то фразу слѣдовало бы понимать такъ: «каково-бы ни было достоинство Органона Бэкона сравнительно съ Органономъ Аристотеля, превосходитъ ли онъ послѣдній или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Бэконъ не имѣлъ намѣренія замѣнить его своимъ Органономъ», и т. д. Каждое изъ этихъ

оборотовъ есть отдѣльное предложеніе, и хотя каждое изъ нихъ предполагаетъ вѣрность всѣхъ остальныхъ, что легко видѣть, если разсмотрѣть представленный примѣръ; но въ одномъ случаѣ, одно изъ нихъ, а въ другомъ другое можетъ быть важнѣе всѣхъ остальныхъ, такъ что его важность слѣдуетъ обозначить какимъ нибудь образомъ. Въ каждомъ такомъ случаѣ мы должны принимать въ соображеніе, какъ вопросъ предлагаемый фразою, такъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ, наиболѣе противоположный тому, который заключается въ разсматриваемой фразѣ. Напр., «Вы найдете это ученіе у Бэкона»,—этому предложенію могутъ быть противопоставлены слѣдующія два: «Вы найдете у Бэкона ученіе, отличное отъ этого» и «Вы найдете это ученіе у другого автора». Слѣдуетъ замѣтить, что когда предложеніе противополагается другому, имѣющему различное сказуемое, то сказуемое будетъ эмфатическимъ (ударяемымъ) словомъ, какъ напр.: «этотъ человѣкъ убійца», т. е. не такой, который убилъ другаго случайно или защищая самого себя; «этотъ человѣкъ есть убійца»,— здѣсь ударяемое слово есть связка, причемъ это предложеніе противополагается другому — «этотъ человѣкъ не убійца». — Это предложеніе имѣетъ тѣже самые термины, но различную связку (*).

(*) Такимъ образомъ, если кто нибудь читаетъ «*не* укради», или «*не* прелюбодѣйствуй», то онъ разумѣетъ, что требуется отвѣтить на вопросъ; приказывается ли намъ красть или воздерживаться; но дѣйствительно вопросъ заключается въ томъ,

Часто встрѣчается, что нѣсколько предложеній, высказываемыхъ такимъ образомъ въ одномъ изрѣченіи, требуютъ, чтобы каждое изъ нихъ было отдѣльно высказано и доказано; напр., «адвокатъ долженъ доказать, во 1-хъ, фактъ, что Иванъ убилъ Ѳому», и потомъ характеръ дѣйствія, что «убійство было совершено добровольно и съ злымъ умысломъ». См. Elements of Rhetoric, ч. I, гл. III, § 5.

О Гипотетическихъ предложеніяхъ.

§ 2.

Гипотетическимъ предложеніемъ (*) называются два или болѣе категорическихъ предложенія, соединенныхъ между собою связкою (союзомъ) Различные роды гипотетическихъ предложеній получили свое названіе отъ соотвѣтствующихъ союзовъ, а именно: условные, разъединительные и пр.

Если гипотетическое заключеніе выводится изъ гипотетическихъ посылокъ, такъ что сила умозаключенія основывается не на гипотезѣ, то гипотеза (какъ въ образныхъ предложеніяхъ) должна быть разсматриваема, какъ часть одного изъ тер-

---

что запрещено дѣлать? и отвѣтомъ будетъ «не *укради*», «не *прелюбодѣйствуй*» и пр. Связь между Логикою и вѣрнымъ удареніемъ словъ подробнѣе развита въ Rhetoric. App. I. Собственно говоря два приведенные мною примѣра однородны, потому что при удареніи на «есть» или «не есть», эти слова становятся сказуемыми. Напр. «утвержденіе, что этотъ человѣкъ убійца есть *вѣрное* или есть *невѣрное*».

(*) *Сложнымъ*, какъ называютъ его нѣкоторые писатели.

миновъ; умозаключеніе же въ этомъ случаѣ въ дѣйствительности будетъ категорическимъ. Напр.:

«Всякій завоеватель $\frac{\text{сказуемое}}{\text{или герой или негодяй}}$,

Цезарь былъ завоеватель, слѣдовательно

Онъ былъ $\frac{\text{сказуемое}}{\text{или герой или негодяй}}$.

Или:

«Все, что происходитъ отъ Бога, имѣетъ право на благоговѣніе къ себѣ.

$\frac{\text{подлежащее}}{\text{Если Священное Писаніе не ложно,}}$ то оно должно происходить отъ Бога; слѣдовательно,

Если оно не ложно, то оно имѣетъ право на благоговѣніе къ себѣ.

Но, если самое *разсужденіе* основывается на гипотезѣ (а такимъ путемъ и безъ гипотетической посылки можетъ быть выведено категорическое заключеніе), то такой силлогизмъ называется гипотетическимъ. Для того, чтобы удостовѣриться въ силѣ такихъ доказательствъ, не прибѣгая къ приведенію ихъ къ формѣ категорическихъ силлогизмовъ, придуманы особенныя правила (замѣтимъ, что въ такихъ силлогизмахъ, гипотетическая посылка называется большею, а категорическая меньшею).

Гипотетическіе силлогизмы бываютъ двухъ родовъ: *условные* и *разъединительные*.

Объ условныхъ предложеніяхъ.

§ 3.

Условное (называемое *гипотетическимъ* тѣми писателями, которые употребляетъ слово *сложное*

для обозначенія такихъ предложеній, которыя я назвалъ гипотетическими) предложеніе заключаетъ въ себѣ выводъ одного предложенія изъ другаго, т. е. оно содержитъ въ себѣ два, и только два, категорическія предложенія, изъ которыхъ одно слѣдуетъ изъ другаго (или вытекаетъ изъ другаго). Напр.:

предшествующее

Если Священное Писаніе не ложно,

послѣдующее

то оно требуетъ къ себѣ благоговѣнія.

То, изъ этихъ двухъ предложеній, изъ котораго вытекаетъ другое, называется *предшествующимъ* antecedent), а то, которое изъ него вытекаетъ — *послѣдующимъ* (consequens); связь же между ними обоими, выражаемая союзомъ «если», «то», называется *слѣдствіемъ* (consequentia).

Въ естественномъ порядкѣ предшествующее ставится передъ послѣдующимъ; но часто бываетъ, что, наоборотъ, послѣдующее ставится передъ предшествующимъ. Напр.,

«Онъ заслуживаетъ наказанія, если совершилъ преступленіе.

Всякое условное предложеніе можетъ быть разсматриваемо какъ общее утвердительное, будутъ ли части, изъ которыхъ оно состоитъ, общія или частныя, отрицательныя или утвердительныя предложенія. И вѣрность или невѣрность условнаго предложенія зависитъ вполнѣ отъ слѣдствія (*consequentia*). Напр. «Если Логика безполезна, то она заслуживаетъ пренебреженіе». Здѣсь, какъ предшествующее, такъ и послѣдующее предложенія, не-

вѣрны; однако цѣлое предложеніе вѣрно, т. е. вѣрно то, что послѣдующее вытекаетъ изъ предшествующаго.

Въ предложеніи же — «если Кромвель былъ англичанинъ, то онъ былъ узурпаторъ», — наоборотъ, вѣрны какъ послѣдующее, такъ и предшествующее предложенія, а ложна только связь между ними, т. е. ложно то, что послѣднее изъ этихъ предложеній основывается на первомъ. Цѣлое предложеніе стало быть невѣрно (или по крайней мѣрѣ нелѣпо. См. слѣдующ. параграфъ), хотя какъ предшествующее, такъ и послѣдующее вѣрны.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что невѣрное, или по крайней мѣрѣ ничего незначащее предложеніе этого рода, — каждый членъ котораго есть вѣрное категорическое предложеніе, — имѣетъ такое свойство, что хотя оно само по себѣ нелѣпо, но изъ него не можетъ быть выведено невѣрное заключеніе, какъ это можно видѣть изъ только что приведеннаго примѣра.

Условное предложеніе, говоря коротко, можетъ быть разсматриваемо, какъ утвержденіе того, что извѣстное доказательство сильно (годно); утверждать же, что доказательство сильно, значитъ утверждать, что заключеніе необходимо вытекаетъ изъ посылокъ, будутъ ли эти посылки вѣрны или невѣрны.

Итакъ, значеніе условнаго предложенія, — которое заключается въ томъ, что *если предшествующее признается, то и послѣдующее также вѣрно*, — можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія:

1) Если предшествующее есть вѣрное предложеніе, то послѣдующее *должно* быть вѣрно; отсюда вытекаетъ первое правило: *если предшествующее допущено, то послѣдующее можетъ быть выведено изъ него.*

2) Еслибы предшествующее было вѣрно, то и послѣдующее было бы вѣрно; отсюда вытекаетъ второе правило: *если послѣдующее отрицается, то и предшествующее можетъ быть отрицаемо;* потому что предшествующее въ этомъ случаѣ должно быть невѣрно, такъ какъ если бы оно было вѣрно, то и послѣдующее (которое признается за невѣрное) было бы также вѣрно, напримѣръ: «если этотъ человѣкъ имѣетъ лихорадку, то онъ неспособенъ къ работѣ». Здѣсь, если допустить предшествующее, то, согласно съ первымъ правиломъ, можно заключить, что послѣдующее вѣрно.

Построительный и разрушительный силлогизмъ.

«Онъ имѣетъ лихорадку; слѣдовательно, онъ неспособенъ къ работѣ». «Если A есть B, то C есть D»; но A есть B, слѣдовательно, C есть D»; такой силлогизмъ называется построительнымъ (constructive) условнымъ силлогизмомъ. Но если мы отрицаемъ послѣдующее (т. е. допускаемъ противорѣчащее ему), то примѣняется второе правило и выводится предложеніе, противорѣчащее предшествующему: «онъ способенъ къ работѣ, слѣдовательно, онъ не имѣетъ лихорадки». Такой силлогизмъ называется разрушительнымъ (destructive) условнымъ силлогизмомъ. «Если A есть B, то C есть D, но C не есть D, слѣдовательно A не есть B». Другой примѣръ: «если урожай не дуренъ, то

хлѣбъ долженъ быть дешевъ: но урожай не дуренъ, слѣдовательно, хлѣбъ долженъ быть дешевъ». Это будетъ построительный условный силлогизмъ. «Если урожай не дуренъ; то хлѣбъ долженъ быть дешевъ; но хлѣбъ не дешевъ, слѣдовательно, урожай дуренъ». Это разрушительный условный силлогизмъ. «Если всякое увеличиваніе народонаселенія желательно, то и нѣкоторая нищета желательна; но нищета вовсе нежелательна; слѣдовательно и нѣкоторое увеличеніе народонаселенія нежелательно». Это также разрушительный силлогизмъ.

Но если мы утверждаемъ послѣдующее, или отрицаемъ предшествующее, то мы не можемъ вывести ничего, потому что тоже самое послѣдующее можетъ слѣдовать и изъ другихъ предшествующихъ. Напр. (см. выше приведенный примѣръ), человѣкъ можетъ быть неспособенъ къ работѣ по причинѣ другихъ болѣзней, кромѣ лихорадки; слѣдовательно, изъ его неспособности къ работѣ не слѣдуетъ, что онъ боленъ лихорадкой. Или (на томъ же самомъ основаніи), изъ того, что онъ не имѣетъ лихорадки, не слѣдуетъ что онъ неспособенъ къ работѣ.

Неправильности категорической и гипотетической формы аналогичны.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти неправильности соотвѣтствуютъ тѣмъ, о которыхъ мы упоминали выше, когда говорили о категорическихъ силлогизмахъ. Утвержденіе послѣдующаго и заключеніе, на этомъ основаніи, о вѣрности предшествующаго соотвѣтствуетъ неправильности, происходящей отъ «нераспредѣленія средняго термина», или отъ того, что «обѣ посылки отрицательны». Напр.:

«тотъ, кто имѣетъ лихорадку, неспособенъ къ работѣ; этотъ человѣкъ неспособенъ (или не есть способенъ) къ работѣ; слѣдовательно, онъ имѣетъ лихорадку». Точно также неправильность, происходящая въ томъ случаѣ, когда, отрицая предшествующее, мы выводимъ противорѣчащее ему послѣдующее, соотвѣтствуетъ или неправильности, происходящей отъ того, что «обѣ посылки отрицательны», или «незаконному употребленію большаго термина», или неправильности, происходящей отъ очевиднаго введенія въ силлогизмъ «больше трехъ терминовъ». Напр.: «тотъ, кто имѣетъ лихорадку, неспособенъ къ работѣ; этотъ человѣкъ не имѣетъ лихорадки» и пр. (*).

Итакъ, есть два и только два рода условныхъ силлогизмовъ,— *построительный*, основывающійся на первомъ правилѣ, и соотвѣтствующій *прямому* разсужденію, и *разрушительный*, основывающійся на второмъ правилѣ, и соотвѣтствующій *косвенному* разсужденію, такъ какъ онъ, въ сущности, есть особый способъ приведенія косвенной формы разсужденія къ прямой. Напр. «если C не есть центръ круга, то какая нибудь другая точка должна быть его центромъ; но это невозможно; слѣдовательно, C есть центръ круга» (Euclid B. III. Pr. I).

Превращеніе условныхъ предложеній. Слѣдуетъ замѣтить, что условное предложеніе можетъ быть (подобно категорическому А) превра-

(*) Въ сущности всѣ эти неправильности подходятъ подъ категорію неправильностей, происходящихъ отъ введенія четвертаго термина (см. § 2, глава III).

щено чрезъ отрицаніе, т. е. мы можемъ взять противорѣчащее послѣдующему за предшествующее, а противорѣчащее предшествующему за послѣдующее; напр.: «если этотъ человѣкъ способенъ къ работѣ, то онъ не имѣетъ лихорадки». Вслѣдствіе такого превращенія большей посылки, построительный силлогизмъ можетъ быть приведенъ къ формѣ разрушительной и наоборотъ (см. § 6, гл. III).

О Разъединительныхъ предложеніяхъ.

§ 4.

Разъединительнымъ называется такое гипотетическое предложеніе, которое состоитъ изъ двухъ или болѣе категорическихъ предложеній, соединенныхъ между собой союзами «или, или», значеніе которыхъ состоитъ въ альтернативѣ, т. е. они означаютъ, что одно какое нибудь изъ категорическихъ предложеній, соединенныхъ такимъ образомъ, должно быть вѣрно; напр.: «или *A* есть *B*, или *C* есть *D*»; это предложеніе будетъ вѣрно только тогда, когда одна изъ двухъ частей вѣрна.

Съ другой стороны одна изъ частей такого предложенія можетъ быть вѣрна, не смотря на то, однако, они могутъ и не имѣть той естественной связи между собою, которая необходима для альтернативы. Напр. «или Британія есть островъ, или треугольникъ есть квадратъ.» Такое предложеніе скорѣе можно назвать ничтожнымъ и нелѣпымъ, чѣмъ невѣрнымъ; потому что изъ него не можетъ быть выведено никакого невѣрнаго заключенія, какъ было замѣчено въ послѣднемъ пара-

графѣ, относительно того условнаго предложенія. къ которому это послѣднее можетъ быть приведено слѣдующимъ образомъ: «если Британія не есть островъ, то треугольникъ не есть квадратъ». Такія предложенія въ разговорѣ часто высказываются въ видѣ шутки.

Если, слѣдовательно, одно или болѣе такихъ категорическихъ предложеній отрицается (т. е. принимается за невѣрное), то мы можемъ заключить, что остальныя одно или (если ихъ нѣсколько) нѣкоторыя вѣрны. Напр.: «міръ (есть) или вѣченъ, или онъ (есть) произведеніе случая, или (есть) дѣло разумнаго существа; онъ не (есть) вѣченъ. и не (есть) произведеніе случая; слѣдовательно. онъ есть дѣло разумнаго существа». «Теперь или весна, или лѣто, или осень, или зима; но теперь не весна, не лѣто. слѣдовательно, теперь или осень, или зима». «Или A есть B, или C есть D; но A не B, слѣдовательно C есть D». Относительно этихъ примѣровъ, точно также, какъ и большей части другихъ, замѣтимъ, что въ нихъ не только одна изъ частей (категорическихъ предложеній) должна быть вѣрна, но и что только одна можетъ быть вѣрна, такъ что если одна или болѣе частей такого предложенія утверждаются, то остальныя могутъ быть отрицаемы (Поэтому части такихъ
Исключающія предложенія. предложеній могутъ быть названы *исключающими* (*exclusive*). Напр. «теперь лѣто, слѣдовательно не весна, не осень и не зима». «Или A есть B, или C есть D; но A есть B, слѣдовательно C не есть D». Но этого ни въ какомъ случаѣ нельзя ска-

зать вообще; напр., «добродѣтель пріобрѣтаетъ намъ или уваженіе людей, или милости Бога». Здѣсь обѣ части вѣрны и, слѣдовательно, утверждая одну, мы не вправѣ отрицать другую; стало быть намъ остается усматривать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, изъ самаго смысла предложеній и способа ихъ выраженія, имѣется ли въ виду сообщить имъ значеніе «исключающихъ» или нѣтъ.

Очевидно, что разъединительный силлогизмъ легко можетъ быть приведенъ къ виду условнаго; стоитъ только принять предложеніе, противорѣчащее одной или нѣсколькимъ частямъ разъединительнаго силлогизма, за предшествующее условнаго. Напр., «если теперь не весна и не лѣто, то теперь или осень, или зима» и проч. Разъединительные силлогизмы приводятся къ условнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить о гипотетическихъ (сложныхъ) предложеніяхъ, какъ условныхъ, такъ и разъединительныхъ, что они всегда суть утвердительныя предложенія, т. е. въ нихъ всегда утверждается, а не отрицается, что связь между нѣсколькими категорическими частями, обозначаемая соотвѣтствующими союзами, существуетъ. Поэтому нельзя отвергнуть гипотетическое предложеніе помощью другаго гипотетическаго же. Когда я утверждаю, что «если A есть B, то C есть D», то можно было бы отрицать мое утвержденіе, возраженіемъ, что «изъ того, что A есть B не слѣдуетъ еще, что C должно быть D» или другимъ подобнымъ оборотомъ. Напротивъ, утвержденіе, что «или A есть B, или C есть D», можно отрицать только двумя категорическими отрицательными предложеніями, а Гипотетическія (условныя) предложенія всегда бываютъ утвердительныя.

именно: «ни А не есть В, ни С не есть D», или «возможно, что ни А не есть В, ни С не есть D».

Слѣдуетъ замѣтить, что союзы «ни, ни», по своей природѣ, не соотвѣтствуютъ союзамъ «или, или», такъ какъ эти послѣдніе суть разъединительные союзы, а первые нѣтъ.

Дилемма.

§ 5.

Дилемма есть болѣе сложный условный силлогизмъ. Опредѣленіе дилеммы, какое обыкновенно предлагается въ трактатахъ Логики, удивительно запутано и ненаучно. И замѣчательно то, что всѣ правила, обыкновенно предлагаемыя относительно этого рода силлогизмовъ, и ошибки, отъ которыхъ они предостерегаютъ, относятся исключительно къ содержанію.— Эти предостереженія также полезны, какъ могли бы быть полезны слѣдующія правила относительно силлогизма, положимъ, *Barbara*; нужно стараться о томъ, чтобы 1) большая посылка была вѣрна; 2) чтобы меньшая посылка была вѣрна.

Большая часть писателей (если не всѣ) объ этомъ предметѣ, или вовсе не говорятъ о томъ, относится ли дилемма къ роду условныхъ, или къ роду разъединительныхъ доказательствъ; или же относятъ ее къ послѣднему классу на томъ основаніи, что она имѣетъ одну разъединительную посылку; но не трудно доказать, что она принадлежитъ къ разряду условныхъ силлогизмовъ.

1) Если въ большей посылкѣ заключается нѣсколько предшествующихъ, имѣющихъ одно общее послѣдующее, и если эти предшествующія (въ большей посылкѣ) допускаются разъединительно (т. е. если допускается, что нѣкоторыя изъ нихъ вѣрны), то можетъ быть выведено одно общее заключеніе (какъ это бываетъ въ простомъ построительномъ силлогизмѣ). Напр., «если А есть В, то С есть D; и если X есть Y, то С есть D; но или А есть В, или X есть Y; слѣдовательно С есть D». «Если святые въ небесахъ не имѣютъ никакихъ желаній, то они совершенно довольны; они будутъ также довольны, если ихъ желанія удовлетворяются вполнѣ; но они или не имѣютъ никакихъ желаній, или ихъ желанія вполнѣ удовлетворяются; слѣдовательно, они должны быть совершенно довольны».

Простая построительная дилемма.

Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, два условныя предложенія, составляющія большую посылку, могутъ быть соединены посредствомъ союза «или», или въ сокращеніи «ли». Напр., «Свободны-ли святые отъ всякихъ желаній, удовлетворяются ли всѣ желанія ихъ, должны ли они быть довольны».

Сложная построительная дилемма.

2) Но если нѣсколько предшествующихъ предложеній имѣютъ отдѣльное для каждаго послѣдующее, и если, какъ въ предъидущемъ случаѣ, предшествующія допускаются разъединительно, то мы можемъ только разъединительно вывести послѣдующее. Напр. «Если А есть В, то С есть D; и если X есть Y, то Е есть F; но или А есть В, или X есть Y; слѣдовательно, или С есть D, или

E есть F». «Если Эсхинъ принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, то онъ непослѣдователенъ; если онъ не принималъ въ нихъ участія, то онъ не патріотъ; но онъ или принималъ въ нихъ участіе или не принималъ; слѣдовательно онъ или непослѣдователенъ, или не не патріотъ». Этотъ примѣръ, также точно, какъ и предъидущій, есть, очевидно, примѣръ дилеммы построительной.

Доказательства, которыя не основательно принимаются за дилеммы.

Въ разрушительной формѣ — будетъ ли одно предшествующее съ нѣсколькими послѣдующими, или нѣсколько предшествующихъ съ однимъ или нѣсколькими послѣдующими, во всѣхъ случаяхъ, если въ посылкѣ отрицается послѣдующее или послѣдующія въ цѣломъ объемѣ, то въ заключеніи можно отрицать въ цѣломъ объемѣ предшествующее или предшествующія. Напр. «Если бы міръ былъ вѣченъ, то большая часть полезныхъ искуствъ, какъ напр. книгопечатаніе и проч. существовали бы съ незапамятныхъ временъ; кромѣ того, при такомъ предположеніи существовали бы историческія извѣстія, далеко древнѣйшія Моисеевыхъ; также точно при этомъ предположеніи слѣдовало думать, что вода и суша сохраняютъ до настоящаго времени тоже самое относительное положеніе, въ какомъ они были прежде; но ничего этого нѣтъ, — слѣдовательно міръ не вѣченъ». Другой примѣръ: «Если бы міръ существовалъ отъ вѣчности, то были бы историческія извѣстія, древнѣйшія Моисеевыхъ; если бы онъ былъ произведеніемъ случая, то онъ не заключалъ бы въ себѣ признаковъ цѣлесообразности; но историческихъ извѣстій, древ-

нѣйшихъ Моисеевымъ нѣтъ, — и міръ заключаетъ въ себѣ признаки цѣлесообразности: слѣдовательно онъ не существуетъ отъ вѣчности, и не есть произведеніе случая.» Эти образцы иногда называются дилеммами; но едва ли они отличаются отъ простыхъ условныхъ силлогизмовъ. Они собственно представляютъ только соединеніе двухъ или болѣе условныхъ силлогизмовъ въ одинъ періодъ.

Тоже относится и къ тому случаю, когда одному предшествующему соотвѣтствуетъ нѣсколько послѣдующихъ, отрицаемыхъ разъединительно; потому что это выходитъ тоже самое, что совершенно отрицать ихъ. Это потому, что если они всѣ невѣрны, то одно общее имъ предшествующее должно также быть невѣрно. А слѣдовательно силлогизмъ будетъ простой, точно также какъ въ выше изложенныхъ примѣрахъ. Напримѣръ: «Если мы допустимъ обыкновенное возраженіе противъ политической экономіи, то мы должны допустить, какъ то, что она стремится къ чрезмѣрному возрастанію богатства, такъ и то, что она стремится къ увеличенію нищеты; но она не стремится ни къ тому, ни къ другому; слѣдовательно мы не можемъ допустить обыкновенныхъ возраженій противъ политической экономіи». Это очевидно простой разрушительный силлогизмъ.

Настоящая дилемма есть *условный силлогизмъ съ нѣсколькими* (*) *предшествующими въ большей*

(*) Названіе дилеммы предполагаетъ, собственно говоря, *два* предшествующихъ предложенія; отсюда обыкновеніе говорить о «рогахъ дилеммы.» Но очевидно, что въ дилеммѣ можетъ быть два или болѣе предложенія.

посылкѣ и разъединительною меньшею посылкою; отсюда

Разрушительныя дилеммы.

3) Наиболѣе естественно назвать разрушительною дилеммою такой силлогизмъ, который имѣетъ (подобно построительному) *разъединительную меньшую посылку;* т. е. если мы имѣемъ нѣсколько предшествующихъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ различное послѣдующее, и если мы эти послѣднія (вмѣсто того чтобы совершенно отрицать, какъ въ только что показанномъ случаѣ) отрицаемъ разъединительно, то въ заключенiи мы должны отрицать предшествующія также разъединительно. Напр.: «Если A есть B, то C есть D, и если X есть Y, то E есть F. Но если C не есть D, или E не есть F; слѣдовательно или A не есть B, или X не есть Y.» Еслибы этотъ человѣкъ былъ уменъ, то онъ не говорилъ бы неуважительно о Священномъ писанiи ради шутки, а если бы онъ былъ хорошiй человѣкъ, то не дѣлалъ бы этого серьезно; но онъ дѣлаетъ это, или въ шутку или серьезно, слѣдовательно онъ или не уменъ или не хорошiй человѣкъ.» Мы можемъ получить также дилемму отчасти построительную, отчасти разрушительную, стоитъ только превратить одно изъ условныхъ предложенiй въ выше приведенномъ примѣрѣ (смотри § 3) въ слѣдующее: «если C не есть D, то A есть B»; потому что въ такомъ случаѣ меньшая посылка будетъ утверждать, что или предшествующее одного изъ условныхъ предложенiй вѣрно, или послѣдующее другихъ невѣрно.

Всякую дилемму можно привести къ двумъ или

Раздѣленіе дилеммы.

болѣе простымъ условнымъ силлогизмамъ. Напр.: «Если Эсхинъ принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, то онъ непослѣдователенъ; онъ принималъ въ нихъ участіе, слѣдовательно онъ непослѣдователенъ», — одинъ силлогизмъ.— «Если Эсхинъ не принималъ участія въ общественныхъ увеселеніяхъ, то онъ не патріотъ; онъ не принималъ въ нихъ участія; слѣдовательно онъ не патріотъ»,—другой силлогизмъ.—Опонентъ можетъ отрицать одну изъ двухъ меньшихъ посылокъ выше приведенныхъ силлогизмовъ; но не можетъ отрицать обѣ за разъ, и слѣдовательно онъ долженъ допустить то или другое заключеніе; потому что когда употребляется дилемма, то предполагается, что нѣкоторое изъ предшествующихъ должно быть вѣрно (или въ разрушительной дилеммѣ одно изъ послѣдующихъ невѣрно), но только мы не можемъ сказать, которое изъ нихъ вѣрно; и это обстоятельство даетъ поводъ представить доказательство въ формѣ дилеммы.

Иногда даже случается, что оба предшествующія предложенія вѣрны, и что мы знаемъ это, и все-таки оказывается выгоднымъ поставить оба доказательства (или отдѣльно, или вмѣстѣ) даже въ томъ случаѣ, когда каждое доказываетъ тоже самое заключеніе, такъ что одно не доставляетъ добавочнаго подтвержденія для другого. Выгодно потому, что изъ двухъ предложеній, одинаково вѣрныхъ, кто нибудь можетъ отрицать одно или не знать о немъ, между тѣмъ какъ допускаетъ другое, а другой наоборотъ.

Изъ всего выше сказаннаго легко видѣть, что дилеммы на самомъ дѣлѣ суть условные силлогизмы, и что разъединительные силлогизмы могутъ быть также подведены подъ форму условныхъ. Но такъ какъ мы уже сказали, что всякое умозаключеніе можетъ быть, въ концѣ концевъ приведено къ dictum Аристотеля, то остается показать какимъ образомъ условный силлогизмъ можетъ быть приведенъ къ такой формѣ, въ которой бы dictum Аристотеля прямо примѣнялось къ нему. Это называется:

Приведеніе гипотетическихъ силлогизмовъ *).

§ 6.

Чтобы привести гипотетическій силлогизмъ къ формѣ dictum Аристотеля, слѣдуетъ разсматриватъ

---

*) Ольдричь не совсѣмъ основательно утверждаетъ, что Аристотель совершенно пренебрегалъ гипотетическими силлогизмами, и потому не упоминаетъ объ нихъ. Но принимая во вниманіе, на сколько велика часть сочиненій Аристотеля, не дошедшая до насъ, нельзя еще дѣлать указаннаго заключенія, ссылаясь на тѣ его сочиненія, которыя до насъ дошли.

Ольдричь замѣчаетъ, что только то гипотетическое доказательство можетъ считаться сильнымъ, которое можетъ быть сведено къ категорической формѣ; это же согласуется съ тѣмъ, что сказано въ началѣ гл. III. Но онъ упустилъ изъ виду показать намъ, какимъ образомъ такое сведеніе можетъ быть произведено, за исключеніемъ того случая, когда предъидущее и послѣдующее имѣютъ одно и тоже подлежащее.

каждое условное предложеніе, какъ общее утвердительное категорическое предложеніе, въ которомъ терминами служатъ цѣлыя предложенія, а именно: предшествующее соотвѣтствуетъ подле-

---

Въ такомъ случаѣ онъ говоритъ, что нужно взять меньшую посылку и заключеніе какъ энтимему и пополнить ихъ категорически. Напр. «Если Цезарь былъ тиранъ, то онъ заслуживаетъ смерти»; это доказательство легко можетъ быть сведено къ категорической формѣ, взявши большую посылку предложенія: «всѣ тираны заслуживаютъ смерти». Но когда предъидущее и послѣдующее имѣютъ различныя подлежащія, (что бываетъ весьма часто, и даже въ примѣрѣ, представляемомъ Ольдричемъ: «Если A есть B, то C есть D») то онъ не даетъ никакихъ правилъ для приведенія силлогизмовъ, имѣющихъ подобную посылку, и этимъ какъ бы даетъ поводъ думать, что такіе силлогизмы должны быть отброшены, какъ негодные, между тѣмъ какъ передъ этимъ онъ доказывалъ ихъ годность.

Въ этомъ, между прочимъ, заключается одна изъ многихъ причинъ, способствующихъ распространенію между учащимися представленія, что Логика есть рядъ безплодныхъ мудрствованій, не содержащихъ въ себѣ ничего вѣрнаго, существенно нужнаго или примѣнимаго къ практикѣ, и что она имѣетъ такія же свойства, какъ Алхимія, Демонологія, и Судебная Астрологія. Такое предубѣжденіе становится нѣсколько болѣе простительнымъ у учащагося, учитель котораго сперва доказываетъ годность извѣстныхъ доказательствъ, а потомъ говоритъ ему, что оно, въ концѣ концовъ, ни къ чему не пригодно.

Въ послѣднемъ изданіи Логики Ольдрича выпущено все, что говорится о приведеніи гипотетическихъ предложеній. Это конечно представляло бы улучшеніе книги, еслибы выпущенное было замѣнено чѣмъ нибудь другимъ, болѣе основательнымъ; въ настоящемъ же случаѣ оставленъ совершенный пробѣлъ въ изложеніи науки.

жащему, а послѣдующее сказуемому. Напр. предложеніе «если А есть В, то X есть Y», можетъ быть разсматриваемо какъ подлежащее къ слѣдующему предложенію (или положенію), что «А есть В, есть случай предположенія что X есть Y».

Далѣе сказать, (какъ въ меньшей посылкѣ и заключеніи построительно-условнаго силлогизма) «А есть В, слѣдовательно X есть Y», значитъ тоже что сказать: «допущенное нами положеніе есть частный случай положенія, что А есть В; слѣдовательно это положоніе есть частный случай положенія что X есть Y». Точно также сказать, «если Людовикъ хорошій король, то Франція вѣроятно будетъ благоденствовать», значитъ тоже, что сказать: «предположеніе, что Людовикъ хорошій король, есть предположеніе, что Франція имѣетъ вѣроятность благоденствовать»; и если примемъ за меньшую посылку условнаго силлогизма, что «Людовикъ хорошій король», то оно будетъ тоже, что сказать: «настоящее предположеніе есть предположеніе, что Людовикъ хорошій король». Отсюда мы можемъ вывести заключеніе, въ формѣ Barbara, («настоящее предположеніе есть частный случай, предположеніе, что Франція вѣроятно будетъ благоденствовать»), совершенно одинаковое съ первоначальнымъ заключеніемъ условнаго силлогизма, а именно: «Франція вѣроятно будетъ благоденствовать». Какъ построительный силлогизмъ можетъ быть такимъ образомъ приведенъ къ формѣ Barbara, точно такимъ же образомъ разрушительный условный силлогизмъ можно при-

вести къ формѣ Celarent, напримѣръ: «если стоики правы, то страданіе не есть зло; но страданіе есть зло, слѣдовательно стоики неправы». Этотъ силлогизмъ равнозначенъ слѣдующему: «предположеніе, что стоики правы, есть предположеніе, что страданіе не есть зло; въ настоящемъ случаѣ не дѣлается предположенія, что страданіе не есть зло; слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ нѣтъ предположенія, что стоики правы». Это есть образецъ Camestres, который обыкновенно легко можетъ быть приведенъ къ Celarent. Или, если хотите, всѣ условные силлогизмы могутъ быть приведены къ Barbara, если только разсматривать ихъ какъ построительные; а этого легко достигнуть, какъ выше упомянуто, посредствомъ «превращенія чрезъ отрицаніе» (противопоставленіе) большей посылки. (Смотри § 3).

Сокращенный способъ приведенія гипотетическихъ предложеній.

Приведеніе гипотетическихъ силлогизмовъ всегда можетъ быть совершено вышеупомянутымъ образомъ; но оно иногда приводитъ къ косвеннымъ и фигуральнымъ выраженіямъ, и потому можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнить этотъ способъ другимъ, дающимъ возможность представить силлогизмъ въ болѣе удобной формѣ. Напр.: въ вышеприведенномъ примѣрѣ можетъ быть удобнымъ принять слово «вѣрно» за одинъ изъ терминовъ: «что страданіе не есть зло, — невѣрно; что страданіе не есть зло утверждали стоики, слѣдовательно нѣчто, утверждаемое стоиками, невѣрно».—Иногда можетъ быть удобнѣе разложить доказательства на два силлогизма, напримѣръ: въ

первомъ примѣрѣ первый силлогизмъ будетъ «Людовикъ хорошій король, правитель Франціи — Людовикъ; слѣдовательно правитель Франціи есть хорошій король»; второй силлогизмъ будетъ: «всякая страна, управляемая хорошимъ королемъ, вѣроятно будетъ благоденствовать, и проч.»

Дилемма можетъ быть слѣдовательно (смотри § 5) приведена къ двумъ или болѣе категорическимъ силлогизмамъ.

Если предшествующее и послѣдующее условнаго предложенія имѣютъ одно и тоже подлежащее, то иногда можно привести условный силлогизмъ, помощью простаго подстановленія категорической большей посылки вмѣсто условной; напр. въ силлогизмѣ — «если Цезарь былъ тиранъ, то онъ заслужилъ смерть: онъ былъ тиранъ, слѣдовательно онъ заслужилъ смерть». Мы можемъ подставить на мѣсто большой посылки предложеніе: «всѣ тираны заслуживаютъ смерть», и проч. Но приведеніе гипотетическихъ силлогизмовъ болѣе или менѣе простымъ и короткимъ способомъ не есть вопросъ большой важности, потому что въ обыкновенной практикѣ приведеніе этихъ силлогизмовъ къ категорическимъ не можетъ служить самымъ легкимъ способомъ повѣрки ихъ правильности; а относящіяся къ нимъ самимъ правила совершенно достаточны для этой цѣли. Если мы приводимъ такіе силлогизмы къ формѣ категорическихъ, то только для того, чтобы показать, что мы имѣемъ возможность, если окажется нужнымъ, привести всякое доказательство къ формѣ dictum

Аристотеля, съ цѣлью показать, что всякое умозаключеніе совершается по одному простому принципу.

Объ энтимемѣ, соритахъ, и проч.

§ 7.

Есть много различныхъ сокращенныхъ доказательствъ, которыя легко могутъ быть распространены въ правильные силлогизмы. Таковы, 1) энтимема *), которая есть силлогизмъ, съ одною выпущенною посылкою. Такъ какъ всѣ термины можно отыскать въ остающейся посылкѣ и въ заключеніи, то легко дополнить такой силлогизмъ посредствомъ возстановленной выпущенной посылки, будетъ ли это большая или меньшая посылка. Напр.: «Цезарь былъ тиранъ, слѣдовательно онъ заслужилъ смерть». «Свободная нація должна быть счастлива, слѣдовательно англичане счастливы». Энтимема.

Это обыкновенная форма изустнаго и письменнаго умозаключенія. Очевидно, что энтимемы могутъ быть дополнены гипотетически. Слѣдуетъ замѣтить, что энтимема не есть строго силлогистическая форма доказательствъ; т. е. ея заключительность не можетъ быть очевидна изъ самой формы выраженія, пока не будетъ возстановлена на самомъ дѣлѣ или въ умѣ выпущенная посылка. Выраженная посылка можетъ быть вѣрна, но

---

*) Слово это Аристотель употребляетъ въ другомъ смыслѣ

не смотря на это, заключеніе можетъ быть невѣрно.

Соритъ наоборотъ есть чисто силлогистическая форма доказательствъ, какъ можно видѣть изъ примѣра. Если поставленныя посылки вѣрны, то заключеніе должно быть вѣрно, потому что:

2) если мы имѣемъ цѣпь силлогизмовъ первой фигуры, въ которой заключеніе каждаго силлогизма служитъ посылкою слѣдующаго, то мы иногда можемъ выразить эту цѣпь силлогизмовъ кратко, въ формѣ такъ называемаго сорита, въ которомъ сказуемое перваго предложенія дѣлается подлежащимъ слѣдующаго и т. д. Наконецъ въ заключеніи сказуемое послѣдней изъ посылокъ сказывается относительно подлежащаго перваго, напр. «А (всякое А или нѣкоторое А) есть В; всякое В есть С; всякое С есть D; всякое D есть Е; слѣдовательно А есть Е»; или иначе: «D не есть Е; слѣдовательно А не есть Е»; англичане — мужественный народъ; мужественный народъ свободенъ; свободный народъ счастливъ; слѣдовательно англичане счастливы». И такъ соритъ имѣетъ столько среднихъ терминовъ, сколько въ немъ промежуточныхъ предложеній между первымъ и послѣднимъ, и слѣдовательно онъ можетъ быть разложенъ на столько же отдѣльныхъ силлогизмовъ, изъ которыхъ въ первомъ большею посылкою будетъ второе, а меньшею первое предложеніе сорита; какъ это можно видѣть на примѣрѣ. Читатель можетъ замѣтить, разсматривая этотъ при-

мѣръ и составляя себѣ другіе, что первое предложеніе сорита есть меньшая посылка и притомъ единственная, которая выражена. Если весь соритъ развитъ въ нѣсколько отдѣльныхъ силлогизмовъ, то каждое заключеніе становится меньшею посылкою слѣдующаго силлогизма. По этому въ соритѣ первое предложеніе есть единственная посылка, которая можетъ быть частная, потому что въ первой фигурѣ меньшая посылка можетъ быть частною, но большая никогда (смотри гл. III. § 4.); а всѣ остальныя предложенія, предшествующія заключенію, суть большія посылки. Очевидно также, что въ соритѣ можетъ быть одна, и только одна отрицательная посылка, а именно послѣдняя; потому что еслибы другая какая нибудь посылка была отрицательною, то вышло бы, что одинъ изъ силлогизмовъ сорита имѣлъ бы отрицательную меньшую посылку, что (въ первой фигурѣ) противорѣчило бы правильному строенію силлогизма (смотри гл. III. § 4). Dictum, о которомъ мы говорили, можетъ быть примѣненъ къ сориту съ однимъ небольшимъ дополненіемъ, которое очевидно само по себѣ. «То, что утверждается или отрицается относительно цѣлаго класса, можетъ быть утверждаемо или отрицаемо относительно всякаго предмета, обнимаемаго (*какимъ нибудь классомъ, который вполнѣ обнимается*) этимъ классомъ». Это изрѣченіе, за исключеніемъ части, заключенной въ скобкахъ, есть dictum, какъ мы его выразили первоначально; а слова, заключенныя въ скобки, составляютъ расширеніе его, дѣлающее его примѣни-

Примѣненіе Dictum къ сориту.

мымъ къ сориту какой угодно длины: такъ какъ очевидно, что это прибавленіе можетъ быть разширено какъ угодно посредствомъ повторенія въ слѣдующія изрѣченія: «классъ, вполнѣ обнимаемый классомъ, который въ свою очередь вполнѣ обнимается другимъ классомъ и проч.»

Гипотетическій соритъ. Рядъ условныхъ силлогизмовъ *) можетъ подобнымъ же образомъ быть сокращенъ въ соритъ: напримѣръ: «если A есть B, то C есть D; если C есть D, то E есть F; если E есть F, то G есть H; но A есть B, слѣдовательно G есть H.» Или: «если священное писаніе есть слово Божіе, то важно, чтобы оно хорошо истолковывалось; ежели важно, чтобы оно хорошо истолковывалось, то оно заслуживаетъ тщательнаго изученія; если оно заслуживаетъ тщательнаго изученія, то долженъ существовать особый классъ людей для этой цѣли: но священное писаніе есть слово Божіе: слѣдовательно долженъ существовать особый классъ людей для и пр.» —Въ разрушительномъ соритѣ мы наоборотъ, исходимъ изъ отрицанія послѣдняго послѣдующаго и приходимъ къ отрицанію перваго предшествующаго: G не есть H, слѣдовательно A не есть B.

Мы изложили въ предшествующемъ всѣ формы, въ которыхъ умозаключеніе можетъ выражаться

---

*) Это показываетъ неправильность въ послѣдовательномъ распредѣленіи предметовъ, разсматриваемыхъ Логикою у нѣкоторыхъ прежнихъ писателей, которые разсуждали о соритахъ и энтимемѣ прежде, чѣмъ разсмотрѣть гипотетическія предложенія.

силлогистически. т. е. такъ, что-бы его сила (годность) была очевидна изъ самой формы выраженій.

Тѣ, которые смотрятъ на *индукцію* или *примѣръ*, какъ на особый родъ доказательствъ съ логической точки зрѣнія, впадаютъ въ обыкновенное заблужденіе—смѣшиваютъ логическія различія съ риторическими и также удаляются отъ своего предмета, какъ и тотъ писатель объ архитектурныхъ стиляхъ, который вводитъ различіе между постройками изъ картъ и изъ мрамора. Логика не признаетъ индукціи, напримѣръ, или умозаключенія a priori и т. д. какъ особенныя формы доказательствъ, потому что если ихъ привести къ силлогистической формѣ и поставить буквы алфавита на мѣсто терминовъ (а только въ такомъ видѣ умозаключеніе подлежитъ разсмотрѣнію Логики), то между ними не будетъ никакого различія. Напр.: «Свойства, принадлежащія быку, овцѣ, оленю, козлу и антилопѣ, принадлежатъ всѣмъ рогатымъ животнымъ; пережевываніе жвачки есть свойство, принадлежащее этимъ животнымъ, слѣдовательно оно есть принадлежность всѣхъ такихъ животныхъ». Это индуктивное доказательство есть очевидно силлогизмъ образца Barbara. Сущность индуктивнаго доказательства, также какъ и другихъ родовъ доказательствъ, отличныхъ отъ него, заключается не въ формѣ доказательствъ, а въ отношеніи содержанія (сущности) посылокъ къ содержанію заключенія *).

Индукція — примѣръ.

---

*) Смотри Rhetoric. Ч. I. гл. II, § 6. Ничто вѣроятно не способствуетъ такъ утвержденію господствующаго заблужденія

Сокращенія. 3) Есть еще много другихъ общеупотребительныхъ сокращеній, которыя такъ ясны, что едвали требуютъ объясненія; какъ напр., если одна изъ посылокъ силлогизма сама служитъ заключеніемъ энтимемы, которое также выражено. Напр. — «Всѣ полезныя науки заслуживаютъ поощренія; Логика полезна (такъ какъ помогаетъ намъ правильно разсуждать); слѣдовательно она заслуживаетъ поощренія». Меньшая посылка въ этомъ случаѣ называется энтимематическимъ изрѣченіемъ *).

Прибавимъ, что такое изрѣченіе иногда выражается не въ формѣ предложенія, а въ формѣ восклицанія, вопроса, или повелѣнія; но все таки оно имѣетъ свойство тотчасъ приводить на мысль предложеніе. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ только что приведенныхъ примѣровъ можно бы сказать вмѣсто одного изъ предложеній, «выбирайте какое угодно изъ этихъ предположеній», или,— «кто можетъ сомнѣваться, что слѣдуетъ то и то»?

Намеки, напоминающіе доказательства. Посланіе къ Пилату отъ его жены представляетъ примѣръ того, какъ одно слово («праведникъ») вызываетъ въ умѣ меньшую посылку, между

— разсматривать силлогизмъ, какъ особый родъ доказательства,— какъ только что указанная неточность, которую можно замѣтить во всѣхъ или большей части существующихъ сочиненій о Логикѣ. См. Разсужденіе объ области умозаключенія (кн. V гл. I).

*) Предшествующее меньшой посылки (т. е. то, что дѣлаетъ ее энтимематическою) называется Аристотелевымъ просиллогизмомъ.

тѣмъ какъ заключеніе поставлено въ формѣ увѣщеванія. «Ты ничего не долженъ дѣлать съ этимъ «праведникомъ». Послѣдующія фразы должны были быть направлены къ тому, что-бы сдѣлать намекъ на доказательства, служащія подтвержденіемъ каждой изъ посылокъ, на которыхъ основывалось заключеніе.

Что для одного нуждается въ доказательствѣ, то для другаго очевидно само по себѣ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что обычай выбирать въ трактатахъ Логики такіе примѣры, которые едва-ли даже для невѣжды или ребенка нужно высказывать въ полной формѣ, и которые, при самомъ легкомъ намекѣ, становятся совершенно понятными для каждаго, способствовалъ господствующему заблужденію, что силлогизмъ вообще сущіе пустяки; тотъ же фактъ, что всѣ доказательства имѣютъ въ сущности силлогистическій характеръ, при этомъ упускался изъ виду. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что чѣмъ дальше кто подвигается въ умственномъ развитіи вообще, или совершенствуется въ какой либо отдѣльной отрасли знанія, тѣмъ меньше онъ нуждается (не въ доказываніи вообще, но) въ такихъ доказательствахъ, которыя необходимы для начинающаго; для этого послѣдняго можетъ быть нужнымъ представить полныя доказательства многихъ предложеній, которыя для человѣка, болѣе развитаго, чѣмъ онъ, могутъ быть очевидны изъ одного намека на доказательство; для человѣка еще болѣе развитаго достаточно высказать простое предложеніе и наконецъ, можетъ не быть надобности даже въ этомъ, а будетъ достаточнымъ просто указать одинъ тер-

минъ, чтобы вызвать ихъ въ умѣ. Отсюда выраженіе, вошедшее въ пословицу, «что для умнаго человѣка достаточно одного слова».

Очевидно, что можно для краткости подставлять на мѣсто термина равнозначущее ему выраженіе; такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ «она» употреблена вмѣсто «Логика» и проч. Ученіе о превращеніи, изложенное во 2 главѣ, даетъ много равнозначащихъ предложеній, такъ какъ каждое предложеніе равнозначно съ обратнымъ предложеніемъ, въ которое оно можетъ быть выводимо превращено. Ученіе о раздѣленіи именъ также (см. гл. V) даетъ много примѣровъ равнозначныхъ словъ. Напр. если A есть родъ (genus) B, то B должно быть одинъ изъ видовъ (species) A; если A есть причина B, то B должно быть слѣдствіемъ A, и проч.

Силлогизмы мнимо неправильные.

4) Часто, по ближайшему разсмотрѣнію, оказывается, что многіе силлогизмы, на первый взглядъ кажущіеся невѣрными, заключаютъ въ себѣ правильное умозаключеніе, и слѣдовательно могутъ быть приведены къ правильной формѣ. Напримѣръ: при посылкахъ, повидимому, отрицательныхъ, можетъ случиться, что если разсматривать одну изъ нихъ какъ утвердительную (см. гл. II § 4.), то силлогизмъ оказывается правильнымъ. Напримѣръ: «Ни одинъ человѣкъ не есть счастливъ, который не можетъ считать себя внѣ опасности; ни одинъ тиранъ не можетъ считать себя безопаснымъ; а слѣдовательно ни одинъ тиранъ не есть счастливъ». Это есть силлогизмъ, подходящій подъ форму

Celarent. Если сдѣлать такую пробу надъ силлогизмомъ, который дѣйствительно имѣетъ отрицательныя посылки, то единственнымъ слѣдствіемъ будетъ замѣна одной ошибки—другою; а именно окажется въ силлогизмѣ лишній терминъ или (что въ сущности тоже самое) средній терминъ сдѣлается нераспредѣленнымъ. Напр.: «Порабощенный народъ не есть счастливъ, англичане не порабощенный народъ; слѣдовательно они счастливы». Если слово «порабощенный» мы будемъ считать однимъ терминомъ, а «непорабощенный» другимъ, то очевидно въ силлогизмѣ окажется четыре термина. Отсюда можно видѣть, какъ на самомъ дѣлѣ незначительна разница между различными ошибками, которыя мы перечислили.

Иногда кажется, что въ силлогизмѣ слишкомъ много терминовъ; не смотря на то, однако, въ умозаключеніи нѣтъ ни одной ошибки, а неправильность заключается только въ выраженіи. Напр. «Никакое неразумное существо не могло сотворить дѣла, которое обнаруживаетъ намѣреніе; міръ есть дѣло, которое обнаруживаетъ намѣреніе, слѣдовательно никакое неразумное существо не могло сотворить міра». Строго говоря, въ этомъ силлогизмѣ 5 терминовъ, но если мы посмотримъ на ихъ содержаніе, то увидимъ, что въ первой посылкѣ, разсматриваемой какъ часть этого доказательства, мы говоримъ собственно не о «неразумномъ существѣ», и не относительно его сказываемъ, что оно «могло совершить дѣло, обнаруживающее намѣреніе». Мы говоримъ о «дѣлѣ, обна-

ружпвающемъ намѣреніе», п относительно его сказываемъ, что оно «не могло быть совершено неразумнымъ существомъ». Если мы поставимъ предложеніе въ этой формѣ, то силлогизмъ будетъ совершенно правильный (см. выше § 1.). Такимъ образомъ можетъ показаться на первый взглядъ, что такой силлогизмъ, какъ слѣдующій: «всякій истинный патріотъ безкорыстенъ, немногіе люди безкорыстны; слѣдовательно немногіе люди суть истинные патріоты»—принадлежитъ ко второй фигурѣ и заключаетъ въ себѣ неправильность, между тѣмъ, какъ это есть силлогизмъ формы Barbara, съ переставленными посылками; потому что мы на самомъ дѣлѣ сказываемъ не относительно «немногихъ людей», что они бозкорыстны, но относительно «безкорыстныхъ людей» что ихъ «немного». Также въ силлогизмѣ, — «только искренніе люди суть хорошіе мыслители; немногіе изъ невѣрующихъ искренни; слѣдовательно немногіе изъ невѣрующихъ суть хорошіе мыслители»,—удобнѣе считать большею посылкою «всѣ хорошіе мыслители искренни», (которая совершенно равнозначаща съ обратнымъ предложеніемъ, въ которое она выводимо превращена чрезъ отрицаніе), а меньшую посылку и заключеніе можно удобно выразить такимъ образомъ: «большая часть невѣрующихъ неискренни; слѣдовательно большая часть невѣрующихъ не хорошіе мыслители». Это будетъ правильный силлогизмъ формы Camestres *). Его можно при-

---

*) Читатель долженъ замѣтить, что терминъ, служащій подлежащимъ меньшей посылкѣ и заключенію, есть «большая

вести и къ первой фигурѣ, и тогда получится слѣдующій силлогизмъ: «тѣ которые не искренни, не суть хорошіе мыслители; большая часть невѣрующихъ не искренни, слѣдовательно, большая часть невѣрующихъ не хорошіе мыслители».

Глава V.

Прибавленіе къ главѣ I.

(Это прибавленіе можетъ быть изучаемо передъ или послѣ трехъ предъидущихъ главъ).

§ 1.

Однос мысленныя, двусмысленныя, соотвѣтственныя.

Обыкновенно раздѣленіе именъ на *односмысленныя*, *двусмысленныя* и *соотвѣтственныя* (и на логичныя), на имена въ *первичномъ* и *вторичномъ смыслѣ* не относится собственно говоря къ самимъ словамъ, а представляетъ только раздѣленіе *способовъ употребленія* ихъ. Одно и тоже слово можетъ быть употребляемо то односмысленно, то двусмысленно, то соотвѣтственно, и въ первичномъ или вторичномъ смыслѣ. Обыкновенно упущеніе изъ виду этого обстоятельства или даже внушеніе противуположнаго взгляда на этотъ предметъ въ курсахъ.

Логики, причиняютъ учащемуся большія затрудненія (см. кн. III, § 8). Здѣсь будетъ не неумѣстно указать на нѣкоторыя другія подраздѣленія именъ, особенно часто употребляемыя, хотя они собственно говоря не относятся исключительно къ Логикѣ — т. е. къ теоріи разсужденія.

Замѣтимъ, что терминъ выражаетъ наше представленіе о предметѣ. Разсматриваніе этого термина, какъ предметъ, т. е. какъ *одинъ*, или-же какъ нѣсколько предметовъ, зависитъ отъ нашего произвола; мы можемъ напр.—эскадронъ кавалеріи разсматривать въ умѣ какъ одинъ предметъ, или же представлять себѣ этимъ именемъ отдѣльныхъ «всадниковъ съ ихъ лошадьми» или же «отдѣльнаго человѣка» или лошадь или даже отдѣльную часть того или другого.

Особенныя и общія имена.

I. Когда какой нибудь предметъ разсматривается соотвѣтственно его *дѣйствительному существованію*, въ численномъ отношеніи какъ *одинъ*, то обозначающее его имя называется *«особеннымъ»* (единичнымъ); напр. «это дерево», «городъ Лондонъ», и тому подобное. Когда же предметъ разсматривается по отношенію къ его свойствамъ и принадлежностямъ какъ принадлежащій къ *«извѣстной совокупности признаковъ»*, подъ которую подходятъ точно также другіе отдѣльные предметы, то подобное неполное и несоотвѣтствующее представленіе (см. кн. I, § 3 и § 6) объ отдѣльномъ предметѣ выражается *общимъ* терминомъ, какъ напр. «городъ», «дерево» и пр. Дитя привыкаетъ давать имя «деньги» тѣмъ кусочкамъ металловъ, которые онъ видитъ переходящими изъ рукъ въ руки, гораздо ранѣе того времени, когда оно получаетъ ясное понятіе (котораго иные никогда не достигаютъ) о томъ, что именно составляетъ «деньги» и что именно этимъ словомъ означается. Также точно легко представить себѣ лицо,

которое отлично знаетъ кто мировой судья, кто сенаторъ или полицейскій, и тому подобное, хотя это же лицо имѣетъ весьма неопредѣленное представленіе объ обязанностяхъ лицъ, означаемыхъ этими названіями. Подобное знакомство со словами (въ связи съ способностью понимать разсужденіе, въ которое эти слова входятъ) способствуетъ тому, что люди не примѣчаютъ неотчетливости своихъ представленій; это-же ведетъ весьма часто къ смѣшенію понятій и ошибкамъ (см. кн. IV, гл. IV, § 2).

II. Когда предметъ разсматривается какъ часть нѣкотораго всего и принимается при этомъ во вниманіе его отношеніе къ этому всему или къ другой его части, то обозначающее его имя называется *относительнымъ*. Этому названію противуполагается названіе «*безотносительное*» (абсолютное), которымъ обозначаются предметы, разсматриваемые какъ «все» и притомъ отдѣльное, т. е. не разсматриваемые, какъ часть чего либо, или относимые къ другой части этого чего либо. Такъ «отецъ» и «сынъ», «всадникъ», «начальникъ» и т. д. суть относительныя имена, когда ихъ разсматриваютъ какъ обозначающіе часть сложнаго предмета «отецъ и сынъ», «человѣкъ на лошади», и т. д. Всѣ эти предметы, обозначаемые безотносительно, назывались бы «человѣкъ», «живое существо» и т. под.

Относительныя и безотносительныя.

Имена называются *соотносительными* между собою, когда обозначаютъ предметы, имѣющіе взаимное отношеніе и указываютъ на это отношеніе. Такъ, хотя «король» есть «правитель людей», но

Соотносительныя.

«король» и «человѣкъ» не суть соотносительныя имена; таковы будутъ «король», «подданный».

Совмѣстимыя, и несовмѣстимыя.

III. Когда есть два представленія, которыя не могутъ заразъ относиться къ одному и тому-же предмету, то названія этихъ представленій называются *«несовмѣстимыми»*. Таковы «чорный» и «бѣлый»; когда же оба представленія могутъ заразъ относиться къ одному и тому же предмету, то они называются *«совмѣстимыми»*, какъ напр. «бѣлый» и «холодный». Относительныя имена могутъ быть несовмѣстимыми только въ томъ случаѣ, когда относятся къ одному и тому же предмету; такъ можно быть «слугою» и «господиномъ», но не заразъ и въ отношеніи одного и того же лица.

Конкретныя и абстрактныя.

IV. Когда понятіе, основанное на представленіи о предметѣ, выражается въ связи или въ отношеніи къ предмету, служащему источникомъ этого понятія, то оно выражается *конкретнымъ* терминомъ, какъ «умно» или «умникъ»; когда же такой связи между именемъ и предметомъ нѣтъ, то имя выражается *абстрактнымъ* терминомъ, — какъ напр. «благоразуміе» *).

Описательные и неописательные.

V. Когда терминъ, прикладываемый къ нѣкоторому предмету, по своему смыслу указываетъ на нѣкоторое *свойство* этого предмета, то такой терминъ можетъ быть названъ *«описательнымъ»* —

*) Можно пожалѣть о томъ, что нѣкоторые авторы ввели обычай называть всѣ общія имена «отвлеченными терминами».

такъ какъ онъ указываетъ вмѣстѣ съ предметомъ на извѣстную особенность этого предмета. Напр. «столица Франціи», «основатель Рима» и т. под. Здѣсь предметамъ приписываются свойства столицы или основателя. Напротивъ слово которое только *указываетъ* на предметъ, не указывая при этомъ ни на какія свойства его, называется *неописательнымъ*. Напр. «Парижъ», «Ромулъ», имена, указывающія на тѣже предметы, какъ и имена «столица Франціи» и «основатель Рима», но не содержащія въ себѣ никакихъ указаній на особенности или свойства этихъ предметовъ.

Всякій конкретно-общій терминъ есть описательный, будетъ ли онъ высказанъ въ формѣ имени существительнаго или имени прилагательнаго *). Таковы слова: «человѣкъ», «человѣчный», «треугольникъ», «треугольный», «святой» и т. д., потому что всѣ эти слова, какъ «человѣкъ» и «человѣчный» суть названія, которыя указываютъ не только самое свойство «человѣческой природы», но означаютъ существо, къ которому этотъ терминъ прикладывается по отношенію и вслѣдствіе того, что оно обладаетъ извѣстнымъ свойствомъ. Напротивъ обстрактно-общій терминъ, означая нѣкоторое свойство само по себѣ, какъ «человѣческая природа»,

---

*) Нѣкоторые логики разсматриваютъ здѣсь только имена прилагательныя. Но въ настоящемъ случаѣ это не оказываетъ никакого вліянія на разсматриваемый вопросъ. Во многихъ языкахъ одно и тоже слово можетъ быть разсматриваемо, какъ прилагательное или существительное.

«треугольность», «святость» — всегда неописательный, за исключеніемъ только того случая, когда въ самомъ терминѣ подразумѣвается уже извѣстная особенность свойства; такъ слово «страхъ» можно разсматривать, какъ указывающее на «нѣкоторую надежду на избавленіе», безъ которой испытываемое непріятное впечатлѣніе называлось бы «отчаяніемъ».

Нужно замѣтить, что многія слова употребляются въ нѣкоторой степени правильно т. е. не въ превратномъ смыслѣ, даже людьми, которые не вполнѣ вникли въ ихъ значеніе, которые не умѣютъ представить себѣ и не представляютъ себѣ того, что даннымъ словомъ означается. Напр. нужно замѣтить, что одинъ и тотъ же терминъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ положительный, или отдѣлительный, или отрицательный, смотря по тому, къ чему мы относимъ его; такъ слова «счастливый» и «несчастный» могутъ быть разсматриваемы: первое какъ положительный терминъ, второе какъ отрицательный (несчастливый), или же наоборотъ, смотря потому относимъ ли мы ихъ къ «радости» или «страданію».

Положительные, отдѣлительные и отрицательные.

VI. Слово, указывающее на извѣстное представленіе о предметѣ, дѣйствительно взятое съ предмета, называется *положительнымъ* терминомъ, какъ напр. «танцы», «танцующій человѣкъ»; терминъ, указывающій на то, что такое представленіе можно составить себѣ о предметѣ, но что оно не составляется, называется *отдѣлительнымъ*, — какъ

напр. «нѣмота», «молчащій человѣкъ» *). Наконецъ терминъ, означающій, что такое представленіе не составляется и *не можетъ* составляться о данномъ предметѣ, называется *отрицательнымъ*, какъ «нѣмая статуя», «безжизненный трупъ».

Многіе отрицательные, по *своему смыслу только*, термины приводили къ смѣшенію понятій, вслѣдствіе неполнаго пониманія ихъ истиннаго значенія. Такъ напр. слово «свобода», которое есть чисто *отрицательный* терминъ, такъ какъ оно означаетъ только «отсутствіе стѣсненій», часто смѣшиваютъ съ словомъ «способность» или «могущество» **).

VII. Отдѣлительные и отрицательные термины называются также *неопредѣленными*, вслѣдствіе того, что они не опредѣляютъ предмета и не указыва- Опредѣленные и неопредѣленные.

*) Многіе отдѣлительные эпитеты могутъ быть выставлены, какъ нелѣпые. Такъ замѣчаніе Валиса (разсматриваемое въ этомъ сочиненіи), что шутка есть вообще смѣшная ошибка, т. е. ошибка, не предназначаемая для обмана, но столь очевидная, что представляетъ только забаву, можетъ быть опровергнуто, какъ содержащее въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ «намѣреніе обмануть», могутъ сказать есть «одна изъ существенныхъ принадлежностей ошибки». Точно также могутъ сказать, что сопоставленіе словъ «мертвый человѣкъ» нелѣпо, такъ какъ «всякій человѣкъ есть живое существо; все мертвое не есть живое существо, слѣдовательно ни одинъ человѣкъ не мертвъ».

**) Увеличеніе «способностей» человѣка (по замѣчанію Тёкера въ его Light of Nature) можетъ иногда сопровождаться уменьшеніемъ его свободы; такъ свобода безнадежнаго паралитика не уменьшается, когда запираютъ его комнату, хотя это стѣснило бы его свободу, если бы онъ могъ ходить.

ютъ на него, между тѣмъ какъ положительный терминъ опредѣляетъ и указываетъ предметъ и потому называется «*опредѣленнымъ*». Такъ «организованное существо», или «Цезарь» указываютъ извѣстный классъ существъ или извѣстное отдѣльное лицо, между тѣмъ какъ слова «неорганизованное существо» или «не Цезарь» не опредѣляютъ границъ, въ которыхъ заключается вызываемое ими представленіе, потому что они только исключаютъ извѣстное представленіе, не указывая при этомъ, какой именно или къ какому классу относится предметъ, о которомъ говорится.

Противорѣчащія слова. Замѣтимъ, что самое полное противорѣчіе между словами имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда слова разнятся (видимо или по смыслу) между собою только тѣмъ, что предъ однимъ изъ нихъ стоитъ частица *не*. Таковы совершенно противорѣчащія слова: «организованный» и «неорганизованный», «тѣлесный» и «нетѣлесный». Дѣйствительно смыслъ этихъ словъ таковъ, что не только ихъ нельзя заразъ отнести къ одному и тому же предмету, но и невозможно также, чтобы то или другое не прикладывалось къ какому бы то ни было предмету; ни что не можетъ быть заразъ *тѣмъ* и *другимъ*, и нѣтъ ничего, чтобы не было *ни тѣмъ*, *ни другимъ*. Все, что мы можемъ себѣ представить должно быть или «Цезарь», или «не Цезарь», «тѣлесное» или «нетѣлесное». Такимъ образомъ всякій предметъ, по отношенію къ такимъ словамъ, можетъ быть означенъ двояко и *только* двояко. Повтореніе такого процесса при

послѣдовательномъ дѣленіи предметовъ, опредѣляемыхъ даннымъ терминомъ, до тѣхъ поръ, пока это дѣленіе возможно, называется поэтому у логиковъ «безконечное исключеніе» (abscissio infiniti), т. е. повтореніе отдѣленія того, къ чему разсматриваемый предметъ не принадлежитъ. Напр. 1-е. «Эта болѣзнь есть или не есть водянка; по тѣмъ или другимъ причинамъ она *не* водянка». 2-е. «Эта болѣзнь есть или не есть подагра; она не подагра; поэтому 3-е она есть или не есть воспаленіе», и т. д. Подобные пріемы мышленія часто употребляются въ сочиненіяхъ Аристотеля (См. кн. II, гл. III, § 4).

Объ такихъ терминахъ можно сказать, что они находятся въ противорѣчащемъ противопоставленіи одинъ другому.

Съ другой стороны, могутъ быть термины *противоположные*, т. е. такіе, которые, относясь къ данному классу предметовъ, въ то же время представляютъ наибольшее различіе между терминами, къ нему относящимися; такъ слова «умно» и «глупо», оба относятся къ извѣстнымъ отправленіямъ ума, но различно, и хотя оба не могутъ быть отнесены заразъ къ одному предмету, но могутъ быть предметы, къ которымъ ни то, ни другое не относится; ничто не можетъ быть заразъ «умно» и «глупо», но камень не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ.

§ 2.

Понятія, выражаемыя общими терминами, мы имѣемъ возможность составлять (какъ было замѣ-

чено въ Аналитическомъ очеркѣ) посредствомъ *отвлеченія* (абстрагированія). Помощью этой способности мы можемъ, глядя на какой бы то ни было предметъ (или нѣсколько предметовъ), обращать вниманіе только на нѣкоторыя извѣстныя стороны его (такъ сказать на извѣстную часть его природы) и совершенно упускать изъ виду остальныя его стороны. Поэтому, когда мы разсматриваемъ нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ, которые

Обобщеніе. *сходны* между собою въ *нѣкоторыхъ* своихъ свойствахъ, то мы можемъ (обращая вниманіе *только на эти свойства*, а не на тѣ, которыя въ нихъ несходны) дать имъ всѣмъ одно *общее имя*, которое будетъ означать эти предметы и замѣнять ихъ отдѣльныя названія на столько, на сколько эти предметы сходны между собою; такое имя вообще можетъ быть приложено ко всѣмъ и къ каждому изъ этихъ предметовъ и называется *общимъ терминомъ* (процессъ же его полученія — *обобщеніе*), потому что оно *одинаково* относится *ко всѣмъ* обозначаемымъ имъ предметамъ. Ихъ на-

Сказуемыя слова. зываютъ также *сказуемыми*, потому что они могутъ быть утвердительно сказываемы относительно всѣхъ или каждаго изъ относящихся къ нимъ предметовъ (См. кн. I, § 3).

Всякое обобщеніе (какъ замѣчено) содержитъ въ себѣ отвлеченіе; но процессы эти не тождественны, такъ какъ отвлеченіе возможно и безъ обобщенія. Говоря о какомъ либо индивидуумѣ, мы обыкновенно составляемъ себѣ о немъ отвлеченное представленіе. Напр., говоря о нынѣ царствующемъ

королѣ въ Пруссіи, то онъ долженъ находиться въ Берлинѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, сидѣть или стоять, или находиться въ какомъ бы то ни было положеніи, въ томъ или другомъ одѣяніи и т. под. Но многіе изъ этихъ обстоятельствъ (которыя могутъ быть разсматриваемы какъ случайныя и *отдѣлимыя* *) поэтому) могутъ быть разсматриваемы какъ *несущественныя по отношенію къ данному предмету,* совершенно упускаются нами изъ виду. Изъ всѣхъ принадлежностей индивидуума мы *отвлекаемъ* только тѣ, которыя разсматриваются нами какъ существенныя, — что и приводитъ насъ къ *отвлеченному* представленію объ индивидуумѣ. Но при этомъ не совершается никакого обобщенія.

§ 3.

Слѣдующая схема представляетъ обыкновенно предлагаемое въ сочиненіяхъ о Логикѣ подраздѣленіе различныхъ сказуемыхъ. Но такое подраздѣленіе не можетъ быть принято безъ нѣкоторыхъ значительныхъ измѣненій, объясненій и поправокъ, которыя мы и присоединимъ къ нему.

Всякій терминъ, утверждаемый относительно нѣсколькихъ предметовъ, долженъ выражать: или *всю сущность* этихъ предметовъ, что называется Видъ.
видомъ (Species), или нѣкоторую *часть* ихъ сущности (т. е. *основную* (матеріальную) часть), что называется *родомъ* (Genus), или же *внѣшнюю* и *от-* Родъ.

*) См. § 6.

Различіе. *личающую* часть,—что называется *различіемъ* (Differentia) или, въ обыденномъ разговорѣ, *характеристика*, или что либо *соединенное* съ ихъ *сущностью*; самое соединеніе можетъ быть *необходимое* (т. е. имѣющее мѣсто для всего *вида* или другими словами *общее* для всѣхъ предметовъ, входящихъ

Свойство. въ этотъ видъ), при чемъ получается *свойство* предмета; или же соединеніе будетъ *случайное* (т. е. имѣетъ мѣсто только для нѣкоторыхъ инди-

Особенность. видуумовъ вида) при чемъ получается *особенность* предмета (Accident).

Всякое сказуемое выражаетъ или

всю сущность его предмета т. е. Видъ.	или часть этой сущности		или что либо соединенное съ этою сущностью	
	Родъ.	Различіе.	Свойство.	Особенность.
Общее, но не отличительное.	Отличительное, но не общее. *)	Общее и отличительное.	Неотдѣлимое.	Отдѣлимое.

Изъ этихъ сказуемыхъ видъ и родъ, на языкѣ логиковъ, обыкновенно называются *сказуемыми на что*, т. е. въ отвѣтъ на вопросъ «что»? — какъ напр. на вопросъ «что есть Цезарь»? слѣдуетъ отвѣтъ: «человѣкъ»; «что есть человѣкъ?» Отвѣтъ: «животное». Различіе, свойство и особенность отвѣчаетъ на вопросъ *какое?*

Изъ сказаннаго выше очевидно слѣдуетъ, что родъ и различіе, взятые вмѣстѣ, составляютъ видъ. Напр. «мыслящее» и «животное» составляютъ «человѣка», такъ что въ дѣйствительности видъ со-

---

*) См. § 4.

держитъ родъ (т. е. *обнимаетъ* его). Поэтому когда говорится о родѣ, какъ о *всемъ* (цѣломъ), *содержащемъ* виды, то это есть только *метафорическій* способъ выраженія съ цѣлью обозначить, что онъ *обнимаетъ* собою виды своего собственнаго, болѣе *обширнаго* значенія. Если напр. я сказываю терминъ «животное» объ отдѣльномъ человѣкѣ, напр. объ Александрѣ, то я говорю правду, но только *такую часть* правды, при которой я могу приложить этотъ же терминъ и относительно его коня Буцефала. Если я сказываю термины «человѣкъ» и «конь» объ Александрѣ и Буцефалѣ соотвѣтственно каждому изъ нихъ, то я получаю болѣе *полныя* выраженія, чѣмъ при употребленіи термина «животное» для обоихъ; послѣдній терминъ, слѣдовательно, болѣе *объемлетъ*, такъ какъ онъ содержитъ (или, собственно говоря, обнимаетъ) нѣсколько видовъ и можетъ быть приложенъ къ нѣсколькимъ различнымъ видамъ, т. е. къ «птицамъ», «звѣрямъ», «рыбамъ» и проч.

Точно также имя *вида* представляетъ болѣе *объемистый*, но менѣе *полный* и *совершенный* терминъ, чѣмъ имя отдѣльнаго предмета (т. е. особенное имя), такъ какъ имя вида можетъ быть сказываемо о каждомъ изъ входящихъ въ него предметовъ.

Впечатлѣніе, производимое особеннымъ именемъ, можетъ быть сравнено съ отчетливымъ наблюденіемъ помощью глаза какого бы то ни было предмета (напр. извѣстнаго человѣка), находящагося вблизи и хорошо освѣщеннаго, такъ что мож-

но разсмотрѣть черты лица *индивидуума;* при слабомъ освѣщеніи или при нѣсколько бо́льшемъ разстояніи отъ него мы увидимъ только, что предметъ есть *«человѣкъ»*; — что соотвѣтствуетъ представленію, вызываемому именемъ вида. При еще большемъ разстояніи и еще болѣе слабомъ освѣщеніи мы различимъ только *«живое существо»* и наконецъ — только *нѣкоторый* предметъ. Эти различныя впечатлѣнія соотвѣтствуютъ представленію о болѣе или менѣе обширныхъ родахъ *).

Изъ этого явствуетъ, что когда въ Логикѣ говорится о «видахъ», какъ «выражающихъ всю сущность ихъ предметовъ», то это не вполнѣ точно, пока подъ словами «вся сущность» мы не понимаемъ «всего того, что *можетъ* быть выражено *общимъ* терминомъ»; или «возможное приближеніе къ сущности индивидуума, которое только можетъ быть выражено какимъ либо терминомъ» (не однозначнымъ (синонимомъ) съ подлежащимъ). Строго говоря, ни одно сказуемое не можетъ выразить *всей* сущности своего подлежащаго, если только это сказуемое не есть опять отдѣльное имя, означающее тоже самое и равнообъемлющее съ нимъ, какъ напр. «Цезарь былъ побѣдитель Помпея»

Но когда логики говорятъ о видѣ, какъ о «всемъ», то это собственно говорится только по отношенію къ *роду* и *различію*, изъ которыхъ каждое означаетъ «часть» вида, образующагося при

---

*) Реторика, ч. III, гл. II, § 1.

соединеніи этихъ двухъ частей. Но не надо забывать, что видъ не есть *сказуемое* по отношенію къ своимъ роду и различію (такъ какъ онъ не можетъ быть сказываемъ *о нихъ*), но только по отношенію къ индивидуумамъ или меньшимъ видамъ.

§ 4.

Изъ этого явствуетъ, что когда видъ сказывается объ индивидуумахъ, то онъ относится къ нимъ точно также, какъ родъ къ виду; когда же онъ сказывается о другихъ (меньшихъ видахъ), то по отношенію къ нимъ, онъ есть родъ, становясь снова видомъ по отношенію къ большимъ родамъ. Такъ «четвероногое» есть видъ по отношенію къ «животному» и родъ по отношенію къ «лошади»; послѣднее же слово можетъ быть въ свою очередь сказываемо о Буцефалѣ и другихъ лошадяхъ. Подобные термины называются *подчиненными* видами или родами, потому что могутъ быть тѣмъ или другимъ, смотря по термину, къ которому ихъ относятъ. Подчиненные родъ и видъ.

Родъ, который не можетъ быть разсматриваемъ какъ *видъ* чего либо, называется *высшимъ родомъ*; видъ, который не можетъ быть разсматриваемъ какъ *родъ* относительно чего либо, т. е. содержащій только *индивидуумы*, называется *низшимъ видомъ*. Высшій родъ и низшій видъ.

Когда говорится о магнитѣ, что это есть «родъ желѣзной руды», то это называется *ближайшимъ родомъ*, потому что это есть самый близкій изъ родовъ, который можетъ быть сказываемъ о магнитѣ; «минералъ» есть его *отдаленный* родъ.

Специфическія особенность и свойство.

Когда говорится, что особенность магнита есть его «притягательное дѣйствіе на желѣзо», и что свойство его есть «полярность», то эти термины называются специфическія особенность и свойство, потому что магнитъ есть (или, по крайней мѣрѣ, предполагалось при этомъ) *низшій видъ* (т. е. *только* видъ).

Родовыя особенность и свойство.

Если говорится, что особенность желѣзной руды есть «содержаніе желѣза» и что свойство ея — «притягиваніе магнита», то это будутъ *родовыя* особенность и свойство, потому что «желѣзная руда» есть подчиненный родъ или видъ, — будучи *родомъ* по отношенію къ *магниту* и *видомъ минерала*.

Нужно замѣтить здѣсь, что когда логики говорятъ о свойствѣ или особенности, какъ о сказуемыхъ, выражающихъ не сущность или часть сущности даннаго подлежащаго, а нѣчто, соединенное съ этою сущностью, то это слѣдуетъ относить не къ природѣ вещей, какъ онѣ дѣйствительно существуютъ, а къ нашимъ представленіямъ о нихъ. «Полярность», напр., на столько же составляетъ часть природы предмета, называемаго «магнитомъ», какъ и его «притягательное дѣйствіе на желѣзо»; кромѣ того магнитамъ, подходящимъ подъ извѣстное описаніе, на столько же, какъ и полярность и притяженіе, свойственны извѣстный цвѣтъ, извѣстная форма и удѣльный вѣсъ. Но способъ образованія нашихъ представленій и выраженія ихъ находятся въ зависимости отъ отношенія между предметомъ и нашимъ умомъ и подвержены вліянію, въ каждомъ частномъ случаѣ, той *особенной*

цѣли, которая имѣлась въ виду. По этому разсматриваемъ какъ часть сущности какого либо предмета тотъ признакъ его, который существенъ по отношенію къ *представленію нашего ума* объ этомъ предметѣ. Такъ въ нашемъ понятіи о значеніи термина «человѣкъ» главный признакъ для отличія человѣка отъ другихъ животныхъ, есть «способность мышленія»; это мы называемъ «особенность» и частью «сущности» термина человѣкъ: но понятно, что «способность смѣяться» столь же дѣйствительно принадлежитъ понятію о человѣкѣ. Точно также, для нашего ума первое и существенное отличіе треугольника отъ другихъ плоскихъ и ограниченныхъ прямыми линіями фигуръ есть то, что онъ имѣетъ три стороны,—хотя свойство треугольниковъ, эта сумма внутреннихъ угловъ ихъ равна двумъ прямымъ, не менѣе существенно какъ то, что онъ имѣетъ три стороны; между тѣмъ это послѣднее свойство доказывается учащимся только послѣ того, какъ они хорошо ознакомятся съ понятіемъ о треугольникѣ.

Поэтому, въ различныхъ наукахъ и искуствахъ, для существеннаго опредѣленія каждаго вида, принимаются различные признаки, смотря по отношенію этихъ признаковъ къ той цѣли, которая имѣется въ виду. Для мореплаванія, напр., *полярность* магнита есть существенное его свойство, и если бы было другое вещество, обладающее полярностью и не притягивающее при этомъ желѣза, то оно вполнѣ соотвѣтствовало бы цѣлямъ мореплавателей; въ тѣхъ же производствахъ, гдѣ магниты

употребляются для болѣе скораго отбиранія маленькихъ кусочковъ желѣза и для защиты лицъ работниковъ отъ вредной стальной пыли (при остреніи иголокъ), *притягательная сила* магнита есть существенное свойство.

Подъ словомъ «свойство» логики подразумѣваютъ, какъ это видно изъ предыдущей таблицы, не только такіе признаки, которые, въ строгомъ смыслѣ называются свойствами, и которые принадлежатъ *всему* виду, о которомъ они сказываются и только *одному этому* виду, но и такіе, которые, принадлежа *всему* виду, принадлежатъ заразъ и другимъ видамъ. Послѣднія свойства будутъ *общія*, но не *отличительныя*. Напр. «дышать воздухомъ» свойственно каждому человѣку, но не исключительно однимъ людямъ. Поэтому этотъ признакъ, собственно говоря, не составляетъ свойства вида «человѣкъ», а есть свойство бо̀льшаго (т. е. болѣе содержащаго) вида — «земное животное», — который можетъ быть разсматриваемъ какъ *родъ* относительно перваго вида. Такой признакъ логики называютъ *родовымъ* свойствомъ.

Другія свойства разсматриваются логиками, какъ *отличительныя* по отношенію къ данному виду, но не принадлежащія всему виду; напр. *только* человѣкъ можетъ быть поэтомъ, но не всякій человѣкъ есть поэтъ. Но такіе признаки обыкновенно и болѣе основательно разсматриваютъ какъ *особенности* (accident).

Нѣкоторые разсматриваютъ еще четвертый родъ свойствъ, т. е. такія свойства, которыя отличи-

тельны для даннаго вида и принадлежать каждому индивидууму этого вида, но не во всякое время. Но въ этомъ заключается, собственно говоря, противорѣчіе, такъ какъ то, что не *всегда* принадлежитъ виду, не можетъ принадлежать ему *вообще*. Двусмысленность словъ привела ихъ къ этому смѣшенію понятій; такъ въ обыкновенно приводимомъ примѣрѣ «становиться сѣдымъ» разсматриваютъ какъ *отличительный* (хотя это не вѣрно) признакъ человѣка, принадлежащій *каждому* индивидууму, хотя не *всегда*, а только въ преклонныхъ лѣтахъ. Если подъ словомъ «становиться сѣдымъ» подразумѣвать то *состояніе*, въ которомъ человѣкъ находится когда сѣдѣетъ, то признакъ этотъ очевидно не принадлежитъ всѣмъ людямъ; когда же подъ этимъ словомъ подразумѣваютъ *способность* сдѣлаться сѣдымъ въ то или другое время, то это свойство *всегда* принадлежитъ человѣку. Тоже можно сказать и о другихъ примѣрахъ. Даже «способность смѣяться», разсматриваемая Олдричемъ какъ свойство человѣка, почти подходитъ подъ предыдущій примѣръ: человѣкъ «всегда способенъ смѣяться», но не «способенъ смѣяться всегда».

Отдѣлимая и неотдѣлимая особенность.

Подъ «особенностью» правильнѣе всего подразумѣвать признакъ, который можетъ принадлежать или не принадлежать предмету, хотя сущность его вида при этомъ не мѣняется. Такъ особенностью человѣка можетъ быть то, что онъ «прохаживается» или «уроженецъ Парижа». Первый признакъ будетъ, по опредѣленію логиковъ, *отдѣлимая* особенность, потому что его можно отдѣлить отъ

индивидуума (т. е. индивидуумъ можетъ сѣсть); второй же есть *неотдѣлимая* особенность, потому что индивидуумъ не можетъ быть безъ нея (т. е. родившійся въ Парижѣ, всегда такимъ и остается). При этомъ отдѣлимость и неотдѣлимость всегда относятся къ индивидууму, потому что *всякая особенность* должна быть отдѣлима отъ *вида*, — иначе она была бы не особенностью, а свойствомъ *).

Мнѣ кажется, что это опредѣленіе обоихъ родовъ особенности болѣе ясно и правильно, чѣмъ опредѣленіе, данное Олдричемъ, а именно, что отдѣлимая особенность можетъ быть *дѣйствительно* отдѣлена отъ предмета, между тѣмъ какъ неотдѣлимая можетъ быть отдѣлена только *мысленно*. Такъ человѣкъ, «носящій имя Виргилія», «уроженецъ Мантуи», «авторъ Энеиды», «римскій гражданинъ» и «современникъ Августа» будутъ неотдѣлимыя особенности одного и того же лица. Спрашивается теперь, можемъ ли мы мысленно *отдѣлить* всѣ эти признаки отъ сущности этого индивидуума? Если бы мы сдѣлали это, то пришли бы къ понятію о *другомъ* индивидуумѣ. Мы можемъ представить себѣ *человѣка*, случайно носящаго *имя*

---

*) Въ португальскомъ языкѣ существуетъ два слова «ser» и «estar», соотвѣтствующія слову *быть*. Мнѣ говорили, что многіе иностранцы часто затрудняются правильнымъ употребленіемъ этихъ словъ, между тѣмъ какъ для этого существуетъ слѣдующее логическое правило: «estar» составляетъ связку, когда сказуемое есть отдѣлимая особенность, а «ser» — во всѣхъ другихъ случаяхъ. Напр. «Estar in Inghilterra» — быть въ Англіи и «Ser Inglez» — быть англичаниномъ.

Виргилія, но не имѣющаго всѣхъ упомянутыхъ особенностей; въ такомъ случаѣ это будетъ не *тотъ* человѣкъ, котораго мы первоначально подразумѣвали. Напротивъ Виргилій, «сидящій», или «стоящій» и т. под. будетъ относится къ одному и тому-же человѣку, потому что отвлеченное представленіе, составленное нами объ этомъ индивидуумѣ, не измѣняется отъ присоединенія или отдѣленія какой либо изъ этихъ отдѣлимыхъ особенностей (см. выше § 2).

Сказуемыя, носящія это названіе относительно.

Нужно замѣтить, что какъ общія «сказуемыя» имена, такъ и всѣ классы сказуемыхъ (т. е. родъ, видъ и т. д.) суть относительныя сказуемыя, потому что мы не можемъ сказать о данномъ терминѣ *какое сказуемое* онъ есть и есть ли онъ вообще сказуемое, если только мы не знаемъ о *чемъ* именно онъ сказывается Напр слово «красный» нужно разсматривать какъ *родъ* по отношенію къ терминамъ «розовый», «пурпуровый» и т. д., какъ *различіе* по отношенію къ «красной розѣ», какъ *свойство* по отношенію къ «крови», какъ *особенность* для «даннаго дома». Во всѣхъ случаяхъ поэтому различія и свойства всякаго меньшаго вида будутъ отличіями по отношенію къ тому классу, подъ который этотъ видъ подходитъ. Напр. «ковкость» есть «особенность» по отношенію къ термину «металлъ», и есть «свойство» по отношенію къ золоту и многимъ другимъ металламъ, подобно тому, какъ отсутствіе ковкости, т. е. хрупкость есть свойство сурьмы, мышьяка и нѣкоторыхъ другихъ тѣлъ, которыя прежде назывались полуметаллами.

Общій терминъ не есть имя дѣйствительно существующаго предмета.

Вообще, не надо никогда забывать, что для «общаго имени» нѣтъ дѣйствительно существующаго въ природѣ предмета, соотвѣтствующаго общему имени, подобно тому какъ такіе предметы существуютъ для именъ индивидуумовъ (именъ собственныхъ); каждый общій терминъ есть просто знакъ, указывающій на извѣстное *представленіе*, составленное нами объ индивидуумѣ, но *несоразмѣрное* съ нимъ; представленіе это, поэтому, не содержитъ въ себѣ понятія объ «индивидуальности» (*численной* единичности), ни того, чѣмъ данный индивидуумъ можетъ отличаться отъ нѣкоторыхъ другихъ, и одинаково приложимо ко всѣмъ и каждому изъ нихъ. Такъ, слово «человѣкъ» не указываетъ ни на какую дѣйствительно существующую вещь (какъ утверждала секта реалистовъ), отличную отъ какого либо индивидуума, принадлежащаго къ человѣческому роду, а обозначаетъ *всякаго* человѣка, разсматриваемаго *несоразмѣрно*, т. е. упуская и отвлекая все то, что есть особеннаго въ каждомъ индивидуумѣ. Вслѣдствіе этого терминъ и можетъ быть одинаково прикладываемъ къ каждому индивидууму этого рода или (во множественномъ числѣ) къ нѣсколькимъ индивидуумамъ заразъ.

Единичность общаго термина принадлежитъ только самому термину.

Единичность (sameness — тождественность) того, что обозначается *общимъ* терминомъ, не состоитъ въ *самомъ предметѣ*, какъ это имѣетъ мѣсто для *особеннаго термина*, но въ единичности самаго *знака*. Это имѣетъ аналогію съ печатью (для мѣтки вещей или животныхъ), которая производитъ сход-

ныя клейма на каждомъ предметѣ, которые (предметы) поэтому, во вторичномъ смыслѣ, называются предметами съ *одною* и *тою же мѣткою*. Въ такомъ же смыслѣ и всякій общій терминъ есть только *мѣтка* для ума; этотъ терминъ, будучи единственнымъ, вызываетъ въ каждомъ умѣ представленія, совершенно сходныя между собою и называемыя поэтому, въ переносномъ смыслѣ, *одною* и *тою же* идеею.

Въ каждомъ частномъ случаѣ, мы, по произволу, выбираемъ признаки для абстрагированія, которые и подвергаемъ разсмотрѣнію, не обращая вниманія на всѣ остальные. Такимъ образомъ одинъ индивидуумъ можетъ быть отнесенъ къ каждому изъ нѣсколькихъ видовъ, данный же видъ — къ нѣсколькимъ родамъ, смотря по точкѣ зрѣнія на предметъ. Такъ сельскому хозяину естественно разсматривать рабочій скотъ вмѣстѣ съ плугами, повозками и т. под. и подразумѣвать все это подъ словомъ хозяйственныя принадлежности; естественникъ при классификаціи отнесетъ рабочій скотъ къ классу *четвероногихъ*, къ числу которыхъ относятся волки, олени и т. под. Понятно, что послѣдняя классификація была бы совершенно неудобна для сельскаго хозяина. Поставщикъ съѣстныхъ припасовъ будетъ въ свою очередь разсматривать рогатый скотъ, какъ нѣкоторую *провизію*, и подводить ихъ подъ одинъ классъ съ мукою, рыбою, сыромъ и т. под. Въ каждомъ частномъ случаѣ принимается во вниманіе только то, что наиболѣе существенно въ извѣстномъ отношеніи,

Различные роды классификаціи.

всѣ же остальные признаки разсматриваются какъ второстепенные.

§ 5.

Раздѣленіе.

Индивидуумъ (въ переводѣ на русскій языкъ — недѣлимое) носитъ это названіе потому, что онъ неспособенъ къ *логическому дѣленію*; этимъ метафизическимъ выраженіемъ означается «особое (т. е. отдѣльное) перечисленіе различныхъ предметовъ, называемыхъ однимъ общимъ именемъ».

Процессъ этотъ прямо противуположенъ процессу *обобщенія*, (совершаемому посредствомъ «отвлеченія»); при обобщеніи *упускаются изъ виду различія*, которыми нѣкоторые предметы отличаются между собою для того, чтобы можно было всѣ эти предметы назвать однимъ общимъ именемъ, между тѣмъ какъ при «раздѣленіи» эти отличія каждаго отдѣльнаго предмета принимаются во вниманіе и чрезъ это предметы могутъ быть названы *нѣсколькими различными* именами. Такъ «минералъ» можетъ быть раздѣленъ на «камни», «металлы» и т. д., «металлъ», въ свою очередь, можетъ быть раздѣленъ на «золото», «желѣзо» и т. д. Эти послѣднія имена называются частями (или членами) раздѣленія.

Въ первичномъ смыслѣ слова, «раздѣленіе» означаетъ отдѣленіе одной отъ другой (дѣйствительно или посредствомъ перечисленія) тѣхъ частей, изъ которыхъ состоитъ какой либо единственный и дѣйствительно существующій предметъ; какъ напримѣръ, когда дѣлятъ животное (т. е. какое

нибудь одно животное) на нѣсколько членовъ или же по составнымъ частямъ организма, какъ «кости, мускулы, нервы, кровеносные сосуды» и т. д. Такой же примѣръ представитъ раздѣленіе каждаго отдѣльнаго растенія и т. под.

Въ этихъ случаяхъ *части*, на которыя одно животное или что либо другое такимъ образомъ физически (какъ это называютъ) раздѣляется, суть части въ строгомъ смыслѣ этого слова и каждая изъ этихъ частей *дѣйствительно* менѣе, чѣмъ все дѣлимое, потому что нельзя сказать напр. о кости или объ одномъ какомъ либо членѣ тѣла, что это есть «животное».

Логическое дѣленіе слѣдуетъ понимать иногда въ метафорическомъ смыслѣ.

Но когда раздѣленіе происходитъ во вторичномъ смыслѣ этого слова (т. е. въ такъ называемомъ метафизическомъ смыслѣ), когда напр. слово «животное» разсматривается какъ *родъ* и дѣлится на «четвероногихъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ и т. д.», то каждая «часть» (или членъ) этого раздѣленія можетъ быть называема такъ только въ метафорическомъ смыслѣ; въ другомъ отношеніи эта часть болѣе цѣлаго дѣлимаго (т. е. рода), потому что «четвероногое» или «птица» не только обозначаютъ «животныхъ», но нѣчто болѣе, потому что въ этихъ названіяхъ подразумѣваются извѣстныя «различія», характеризирующія тѣхъ или другихъ животныхъ и отдѣляющія «четвероногихъ» отъ «птицъ», «рыбъ» и т. д.

Точно также всякій единичный терминъ (обозначающій одинъ какой либо предметъ) указываетъ на существованіе въ этомъ предметѣ не только

всѣхъ тѣхъ признаковъ, которыми характеризуется *видъ*, обнимающій этотъ предметъ, но еще и нѣкоторыхъ другихъ признаковъ, и тѣхъ именно, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же вида. Такъ слово «Лондонъ» обозначаетъ не только все то, что означаетъ слово «городъ», но и все то, чѣмъ Лондонъ отличается отъ другихъ городовъ.

Но въ томъ переносномъ смыслѣ, который мы здѣсь разсматриваемъ, «части» (члены) всегда *меньше цѣлаго*, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ прежде; части *менѣе обнимаютъ*, чѣмъ цѣлое. Единичный терминъ «Ромулъ» обнимаетъ только одного короля и потому менѣе объемистъ, чѣмъ видъ «король», который въ свою очередь менѣе объемистъ, чѣмъ его родъ «правитель».

Индивидуумъ (недѣлимое) *не можетъ быть раздѣленъ* (въ этомъ переносномъ смыслѣ) и оттого и произошло это названіе.

Хотя легко объяснить различіе между двумя смыслами слова «раздѣленіе», но при частомъ употребленіи его въ каждомъ изъ его значеній, при невниманіи, часто можетъ происходить смѣшеніе.

О *раздѣленіи*, напр., «человѣческаго рода» на нѣсколько расъ «европейцевъ, татаръ, индѣйцевъ, негровъ» и т. д. говорятъ точно также, какъ о *раздѣленіи* земли на «Европу, Азію, Африку и т. д., хотя земля (или міръ) есть единичный терминъ, и слово это обозначаетъ *нѣкотораго инди-*

видуума. Ясно, что мы не могли бы сказать объ Европѣ или Азіи, что это есть «земля» (въ смыслѣ земной шаръ), между тѣмъ какъ о каждой расѣ или даже, о каждомъ индивидуумѣ изъ европейцевъ или индѣйцевъ можемъ сказать, что это «человѣкъ».

Къ этому нужно еще прибавить, что самое слово «раздѣленіе» или «отдѣлъ» въ каждомъ изъ этихъ случаевъ употребляется въ разговорѣ неправильно (и это еще болѣе способствуетъ смѣшенію), съ цѣлью обозначить одну изъ «частей», на которыя цѣлое раздѣлено. Такъ иногда говорятъ о Европѣ, что это одно изъ раздѣленій или одинъ изъ отдѣловъ земли, или о томъ или другомъ «раздѣленіи» арміи, подразумѣвая во всѣхъ этихъ случаяхъ «части» цѣлаго; и въ то же время говорятъ иногда, что такое-то «животное принадлежитъ къ *кошачьему отдѣлу* плотоядныхъ», подразумѣвая подъ этимъ, что оно принадлежитъ къ *извѣстной части класса* плотоядныхъ.

Схема раздѣленія.

Когда приходится произвести длинное и сложное раздѣленіе, то для ясности и краткости полезно начертить его на подобіе родоваго (генеалогическаго) *дерева*; разсматривая отдѣльно каждую вѣтвь подобнаго дерева (переходя почленно въ томъ и другомъ направленіи и примѣняя въ каждомъ случаѣ только что приведенныя объясненія), легко будетъ совершенно опредѣлить въ умѣ значеніе тѣхъ техническихъ терминовъ, которые были объяснены выше.

Возьмемъ напр., какъ высшій родъ, слѣдующій математическій терминъ.

Плоская фигура.

Смѣшанная фигура (т. е. ограниченная прямыми и кривыми).	Прямолинейная фигура.	Криволинейная фигура.
	треугольникъ; четыреугольникъ; и т. д.	кругъ; эллипсъ; и т. д.

Подобное дерево раздѣленія учащійся долженъ составлять самъ, и упражненіе въ составленіи его можетъ быть весьма полезно для яснаго пониманія всякаго изучаемаго предмета.

Напр. возьмемъ слово, относящееся къ изучаемому здѣсь предмету, и покажемъ раздѣлы и подраздѣленія слова «выраженіе» (т. е. выраженіе на языкѣ какого либо изъ тѣхъ умственныхъ процессовъ, изслѣдованіемъ которыхъ мы до сихъ поръ занимались):

Выраженіе.

- Терминъ
  - единичный
  - общій
- Предложеніе, которое дѣлится по
  - сущности (когда предложеніе разсматривается какъ изреченіе) и бываетъ
    - категорическое
    - гипотическое
  - количеству
    - общее
    - частное
  - качеству
    - содержаніе на
      - вѣрное
      - ложное
    - выраженіе на
      - утвердительное
      - отрицательное
- Доказательство
  - въ неправильной формѣ
  - въ правильной формѣ т. е. силлогизмѣ
    - категорическій
      - въ 1 фиг.
      - во 2 фиг.
      - въ 3 фиг.
    - гипотетическій
      - условный
      - раздѣлительный.

Обыкновенныя правила раздѣленія.

Раздѣленіе обыкновенно подчиняють слѣдующимъ тремъ правиламъ: 1-е. Каждая изъ частей или нѣсколько частей, разсматриваемыя отдѣльно отъ *цѣлаго*, должны *содержать менѣе* (т. е. должны имѣть болѣе тѣсное значеніе), чѣмъ дѣлимый предметъ. 2-е. Всѣ части, вмѣстѣ взятыя, должны быть совершенно равны дѣлимому; поэтому мы должны удостовѣриться въ каждомъ частномъ случаѣ, что *большій родъ* можетъ быть сказываемъ относительно *каждаго* термина, подводимаго подъ него, и что онъ не можетъ быть сказываемъ о *какихъ бы то ни было другихъ* терминахъ. 3-е. Части (или члены) должны противуполагаться, т. е. не должны содержаться одна въ другой; напр. если бы раздѣлили «книги» на «поэтическія, историческія, in folio, in quarto, французскія, латинскія и т. д.», то части содержались бы одна въ другой, потому что французская книга можетъ быть in quarto и историческая, а книга in quarto можетъ быть французская или англійская и т. д. Поэтому нужно постоянно имѣть въ виду *основаніе раздѣленія*, которымъ руководились начиная этотъ процессъ; если начали дѣлить книги по ихъ *содержанію*, или по ихъ *языку*, или по ихъ *размѣру*, то надо придерживаться даннаго основанія, потому что различныя основанія даютъ *перекрестныя раздѣленія*. Если предметы (какъ въ предыдущемъ примѣрѣ) могутъ быть раздѣлены различнымъ образомъ, то мы не можемъ разсматривать одно изъ этихъ дѣленій, какъ истинное и правильное, если не опредѣлимъ съ какою цѣлью это раздѣленіе

Перекрестныя раздѣленія.

дѣлается, такъ какъ одинъ способъ дѣленія можетъ быть болѣе удобенъ въ извѣстномъ отношеніи, а другой — въ другомъ. Для переплетчика, напр., удобно раздѣленіе книгъ по ихъ размѣрамъ; другое раздѣленіе производится въ научномъ отношеніи, третье — въ филологическомъ и т. под.

Какъ полезное практическое правило нужно имѣть въ виду слѣдующее: когда какое либо разсужденіе оказывается повидимому запутаннымъ и затруднительнымъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть не зависитъ ли это отъ незамѣтно вкравшагося «перекрестнаго раздѣленія». Послѣднее весьма легко можетъ случиться (хотя и не въ такой *рѣзкой* формѣ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ), и можно смѣло сказать, что нѣтъ другаго болѣе плодовитаго источника для произведенія темноты и запутанности въ понятіяхъ.

Когда представляется возможность раздѣлить какой либо предметъ въ нѣсколькихъ различныхъ отношеніяхъ, т. е. на «различныхъ основаніяхъ раздѣленія», то нужно всегда отчетливо постановить *сколько различныхъ* подраздѣленій дѣлается и на какихъ основаніяхъ они производятся.

Напр. въ только что разсмотрѣнномъ «деревѣ» сказано, что предложенія раздѣляются на слѣдующихъ трехъ *основаніяхъ*, а именно по сущности, по количеству и по качеству. Такимъ образомъ избѣгаютъ запутанности перекрестныхъ раздѣленій.

Къ правиламъ, данным выше, нужно присоединить еще два слѣдующія: 4-е. Раздѣленіе не должно быть произвольное, т. е. члены дѣлимаго

Дополнительныя предосторожности.

должны отличаться одинъ отъ другаго «различіями», которыя были бы или выражены, или же легко замѣчаемы, а не отбираемы одинъ отъ другаго на удачу и безъ достаточнаго основанія. Напр. если бы кто раздѣлилъ «монеты» на «золотыя, серебрянныя и мѣдныя монеты», то основаніе этого раздѣленія было бы совершенно понятно; но если бы, продолжая раздѣленіе серебрянныхъ монетъ, стали бы различать два рода ихъ, изъ которыхъ одинъ родъ составляли бы «шиллинги», другой же— «всѣ серебрянныя монеты, *кромѣ* шиллинга, — то это было бы *произвольное* раздѣленіе.

5-е. Раздѣленіе по частямъ должно быть *отчетливо распредѣлено*, т. е. нужно дать столько *подраздѣленій*, сколько того требуютъ условія задачи, а не давать простаго перечня «меньшихъ видовъ», упуская *промежуточные* (подчиненные) классы, связывающіе меньшіе виды съ высшимъ родомъ; не надо также давать въ раздѣленіи смѣсь промежуточныхъ и низшихъ видовъ, при чемъ будутъ противуполагаться виды, изъ которыхъ одинъ въ «деревѣ раздѣленія» долженъ стоять выше (т. е. ближе къ высшему роду), чѣмъ другой.

Это правило было бы нарушено, если бы мы, напр., плоскія фигуры дѣлили прямо на «равносторонніе треугольники, квадраты, круги, элипсы» и т. д., или если бы «растенія» дѣлили на «дубъ, тополь, рѣпу, мухоморъ», или если бы «животныхъ» дѣлили на «птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, лошадей, львовъ».

Нужно замѣтить (какъ было уже сказано выше),

что хотя такихъ рѣзкихъ ошибокъ, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ, обыкновенно и не встрѣчается, но постоянно дѣлаютъ ошибки, вполнѣ соотвѣтствующія имъ. Это же производитъ смѣшеніе понятій и ведетъ къ ошибкамъ.

§ 6.

«Опредѣленіе» (definitio) есть другое метафорическое слово, означающе въ своемъ буквальномъ смыслѣ, «очерченіе предѣловъ». Въ Логикѣ это слово обозначаетъ «выраженіе, объясняющее (описывающее) данный терминъ или предметъ такъ, что онъ *отдѣляется* отъ всѣхъ другихъ терминовъ или предметовъ»,—подобно тому какъ грани отдѣляютъ одно поле отъ другаго. Опредѣленіе.

Смотря по тому, какимъ образомъ получаются искомыя опредѣленія, логики раздѣляютъ опредѣленія на опредѣленіе *по существу* и *по случайностямъ*. Перваго рода опредѣленіе высказываетъ то, что разсматривается какъ «составная часть сущности» опредѣляемаго предмета (родъ, видъ, различіе); втораго же рода опредѣленія (или *описанія*) высказываютъ то, что разсматривается какъ «условія, принадлежащія опредѣляемому предмету», т. е. эти опредѣленія высказываютъ свойства, или отличія, или причины дѣйствія и т. д. Опредѣленіе по существу и по случайностямъ.

Отличія (accident) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (см. выше § 3), какъ показываетъ ихъ опредѣленіе, не могутъ служить для *описанія* (случайнаго опредѣленія) какого бы то ни было *вида*,

такъ какъ никакое отличіе (въ смыслѣ даннаго опредѣленія) не можетъ принадлежать всему виду и потому не можетъ дать соразмѣрнаго съ этимъ видомъ опредѣленія его.

Опредѣленія индивидуумовъ.

Въ «описаніе» индивидуумовъ, напротивъ, входятъ не *свойства* (которыя, принадлежа каждому члену вида, не могутъ служить для отличія одного члена этого вида отъ другаго), а отличія, обыкновенно же — *неотдѣлимыя отличія*, въ соединеніи съ видомъ. Напр. «Филиппъ былъ $\frac{\text{видъ}}{\text{король}}$ Македоніи, покорившій Грецію; Британія есть $\frac{\text{видъ}}{\text{островъ}}$ лежащій тамъ-то».

Опредѣленія физическія и логическія.

Опредѣленія по существу въ свою очередь дѣлятся на опредѣленія *физическія* (естественныя) и *логическія* (метафизическія). Въ физическомъ опредѣленіи перечисляются тѣ части предмета, которыя *дѣйствительно* могутъ быть отдѣлены, какъ напр. голъ (корпусъ), мачты и т. под. «корабля», — корень, стволъ, вѣтви, кора и т. под. «дерева»; подлежащее, сказуемое и связка «предложенія».

«Логическое опредѣленіе» состоитъ изъ «рода» и «различія», которые нѣкоторыми логиками называются метафизическими (идеальными) частями, потому что они означаютъ не двѣ отдѣльныя части, на которыя данное недѣлимое можетъ быть (какъ въ предыдущемъ родѣ опредѣленія) дѣйствительно раздѣлено; оно обозначаетъ только различные взгляды на (понятіе) *классъ* предметовъ. Напр. «предложеніе», «магнитъ», «квадратъ», могутъ быть логически опредѣлены такъ:

родъ / изреченіе	различіе / утверждающее или отрицающее
родъ / желѣзная руда	различіе / притягивающая желѣзо
родъ / прямоугольникъ	различіе / съ равными сторонами

Логики раздѣляютъ еще опредѣленія на *словесныя*, объясняющія только *значеніе* опредѣляемаго *термина* *) и *дѣйствительныя*, характеризирующія природу *предмета, обозначаемаго* этимъ терминомъ. Словесныя и дѣйствительныя опредѣленія.

Послѣднее дѣленіе, очевидно, основано на томъ, *съ какою цѣлью дѣлается* данное опредѣленіе, между тѣмъ какъ предыдущія подраздѣленія опредѣленія — на случайныя, физическія и логическія — основаны на тѣхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ получены опредѣленія. Эти два подраздѣленія суть, очевидно, *перекрестныя* **), что упускалось изъ виду многими писателями; отъ этого произошло смѣшеніе и запутанность.

Естественно предположить, что читатель задаетъ здѣсь вопросъ, существуетъ ли, собственно говоря,

---

*) Олдричъ, давши въ примѣръ словеснаго опредѣленія, нелѣпый примѣръ: «homo, qui ex humo» старается убѣдить, что словесныя опредѣленія должны быть основаны на *этимологіи*, или что его мнѣніе, по крайней мѣрѣ, таково. Но мнѣніе Уоллиса, (сочиненіе котораго, въ сокращеніи, послужило почти во всѣхъ частяхъ основаніемъ сочиненія Олдрича) совершенно противуположно этому. Во всякомъ случаѣ этимологія термина, что бы объ этомъ ни говорили, не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было логическимъ изслѣдованіемъ. См. кн. III, § 8.

**) Смотри предъидущій §.

какое бы то ни было различіе между *словеснымъ* и *дѣйствительнымъ* опредѣленіемъ? — т. е. не одно ли то же *значеніе общаго термина* и *природа обозначаемой этимъ именемъ вещи.* Дѣйствительно, при употребленіи общаго имени мы имѣемъ въ мысляхъ не «отвлеченную идею», какъ говорятъ нѣкоторые, но *самый терминъ*, разсматриваемый какъ нѣкоторый знакъ, какъ было объяснено выше.

На самомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто точное совпаденіе между значеніемъ термина и природою предмета, обозначаемаго имъ. При этомъ опредѣленіе, которое могло бы съ полнымъ основаніемъ быть названо «словеснымъ», потому что оно ограничивается объясненіемъ точнаго значенія термина, можетъ быть также разсматриваемо какъ «дѣйствительное опредѣленіе», потому что въ немъ подразумѣваются всѣ принадлежности, могущія принадлежать разсматриваемому предмету. Таковы всѣ опредѣленія математическихъ и логическихъ терминовъ и вообще техническихъ терминовъ во всѣхъ наукахъ. Не можетъ быть, напр., никакого свойства у «окружности», или «квадрата», которое не содержалось бы въ *опредѣленіи* этихъ терминовъ. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ будутъ не сразу замѣчены начинающими заниматься математикою, другія же свойства будутъ незамѣчены и такими, которые имѣютъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ этой наукѣ; но всѣ эти свойства должны содержаться въ опредѣленіи. Поэтому было бы некстати прибавить къ опредѣле-

нію квадрата, что онъ *діагональю дѣлится пополамъ*; если бы это свойство и не было бы сразу замѣчено начинающимъ, а должно было бы быть сперва доказано, то это доказательство будетъ основано *на* опредѣленіи. Говорить о квадратѣ, «что онъ дѣлится діагональю на двѣ неравныя части» было бы нелѣпо и несообразно. Тоже самое можно сказать о всякомъ математическомъ терминѣ.

Но совсѣмъ другое представляютъ термины, имѣющіе отличный характеръ и которые суть имена дѣйствительно существующихъ предметовъ. Предметы эти могутъ имѣть принадлежности, которыя вовсе не подразумѣваются въ значеніи термина. Напр. терминъ «лавро-вишневая вода» употребляется нами въ томъ же смыслѣ, какъ употребляли его наши предки, для обозначенія «жидкости, получаемой при перегонкѣ лавровыхъ листьевъ»; хотя *ядовитое* свойство этой жидкости было неизвѣстно въ прошломъ столѣтіи. Точно также добыто много новыхъ свѣдѣній относительно металловъ, небесныхъ тѣлъ и т. д., хотя слова «золото», «желѣзо», «звѣзды» употребляются въ томъ же смыслѣ, какъ и прежде, — въ смыслѣ, не содержащемъ тѣхъ свойствъ этихъ предметовъ, которые теперь извѣстны.

Всякое опредѣленіе, которое переходитъ *за предѣлы* «словеснаго опредѣленія», т. е. которое объясняетъ свойства предмета сколько нибудь *болѣе*, чѣмъ то дѣлаетъ его названіе, можетъ быть

разсматриваемо, собственно говоря, какъ «дѣйствительное опредѣленіе».

Логика имѣетъ дѣло только со словесными опредѣленіями.

Впрочемъ самое слово «опредѣленіе» обыкновенно употребляется не въ этомъ смыслѣ, а въ смыслѣ *«описанія»*.

Логика имѣетъ дѣло только со «словесными опредѣленіями», съ цѣлью предостеречь отъ неточнаго употребленія терминовъ *).

Другія науки имѣютъ другія задачи: физіологія стремится опредѣлить различныя свойства животныхъ и растеній, химія — свойства металловъ, земель и проч.

Нужно еще замѣтить, что слово *«опредѣленіе»* иногда употребляютъ для обозначенія *всего изреченія*, въ которомъ опредѣляемый терминъ соединенъ съ объясненіемъ, которое даютъ его значенію, — какъ напр., когда говорятъ «треугольникъ есть трехсторонняя фигура»; иногда же это слово означаетъ только *ту часть* изреченія, *которая даетъ* объясненіе, когда, напр., говорятъ: *«трехсторонняя фигура»* есть *«опредѣленіе»* треугольника.

---

*) Поэтому можетъ случиться, что опредѣленіе будетъ годно для *даннаго случая*, хотя оно и не выражаетъ всего того, что содержится въ значеніи термина. (См. кн. III, § 10).

Считаю впрочемъ нужнымъ предостеречь отъ весьма распространеннаго, но невѣрнаго мнѣнія, что тѣ, которые точно употребляютъ данный терминъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ вполнѣ понимающіе его значеніе.

Въ первомъ случаѣ изреченіе имѣетъ форму *предложенія*; но то, что утверждается этимъ предложеніемъ, не всегда содержится въ самомъ выраженіи, а обыкновенно подразумѣвается, смотря потому что̀ говорящій имѣетъ въ виду.

Такъ дѣйствительное *существованіе* не утверждается необходимо опредѣленіемъ. Напр. «Фениксъ есть птица, про которую разсказываютъ въ сказкахъ, что она живетъ тысячу лѣтъ». Здѣсь говорится только, что въ такомъ смыслѣ употребляютъ слово Фениксъ, а не то, что такая птица существовала или могла существовать.

Опредѣленіе не утверждаетъ дѣйствительнаго существованія опредѣляемаго предмета.

Иногда даже опредѣленіе не предполагаетъ, что общій или обыкновенный смыслъ термина соотвѣтствуетъ данному опредѣленію, а даетъ только тотъ смыслъ термина, въ которомъ его употребляютъ при этомъ случаѣ.

Въ такихъ случаяхъ опредѣленіе дается иногда въ повелительномъ, а не въ изъявительномъ наклоненіи. Это часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Аристотеля, который имѣетъ обыкновеніе, въ иныхъ случаяхъ отклонять такимъ образомъ всякій вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ *обыкновенно* употребляютъ другіе извѣстный терминъ, говоря: «пусть это означаетъ то-то».

Повелительная форма опредѣленія.

Въ математическихъ и другихъ научныхъ опредѣленіяхъ, выражаются ли они въ видѣ предложеній, или въ повелительной формѣ (или, какъ ихъ можно назвать въ этомъ случаѣ, въ *постулатахъ* или *положеніяхъ*) всегда предполагается, что они не содержатъ въ себѣ противорѣчій или

несообразностей, и что можно себѣ *представить* предметъ, обозначаемый опредѣляемымъ терминомъ, — будемъ ли мы считать его дѣйствительно существующимъ или нѣтъ — и что этотъ предметъ можетъ быть предметомъ размышленія. Напр., хотя «математическая линія» не можетъ быть представлена дѣйствительно проведенною на бумагѣ, хотя нельзя ничего найти въ природѣ, что имѣло бы длину, *не* имѣя ширины, но всякій можетъ разсуждать о разстояніи напр. между двумя городами, не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, какъ широка дорога, проведенная между ними.

Поэтому можно разсматривать всякое математическое опредѣленіе, какъ содержащее положеніе (*постулату*), и нетрудно выразить его въ формѣ положенія. Напр. «пусть плоская фигура, ограниченная кривою линіею, всѣ части которой находятся на одинаковыхъ разстояніяхъ отъ нѣкоторой точки, лежащей внутри, называется окружностью». Опредѣленіе въ такой формѣ предполагаетъ, что такую фигуру можно себѣ представить и что говорящій намѣренъ употреблять этотъ терминъ для обозначенія такой фигуры; а это и есть все то, что утверждается при опредѣленіи окружности.

Правила для опредѣленія.

Правила предосторожности при составленіи опредѣленій, обыкновенно предлагаемыя писателями по Логикѣ, весьма просты, а именно: 1-е. Опредѣленіе должно быть *соразмѣрное*, т. е. не должно быть ни слишкомъ пространно, ни слишкомъ тѣсно для опредѣляемой вещи. Напр. опредѣленіе: «рыба» — «животное, живущее въ водѣ» будетъ

слишкомъ *обширно*, потому что многія насѣкомыя и другія животныя живутъ въ водѣ; опредѣленіе же рыбы, какъ «животное, имѣющее воздушный пузырь», слишкомъ *тѣсно*, потому что многія рыбы не имѣютъ такихъ пузырей. Точно также опредѣленіе «монеты», какъ «состоящей изъ металла» было бы слишкомъ тѣсно, потому что это исключило бы изъ разряда монетъ *раковины*, употребляемыя какъ монеты въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки; другое опредѣленіе монеты, какъ «нѣкоторой цѣнности, даваемой въ обмѣнъ на что либо другое», было бы слишкомъ *обширное*, потому что подъ это слово подойдутъ тогда всѣ вещи, даваемыя въ обмѣнъ на что либо, напр. когда сапожникъ, нуждаясь въ углѣ, даетъ сапоги въ обмѣнъ на уголь торговцу углемъ, который нуждается въ сапогахъ.

Произвольное исключеніе.

Нужно замѣтить, что этому недостатку въ опредѣленіяхъ не помогаетъ даже *произвольное исключеніе* (подобно тому, какъ указано выше въ § 5); такъ напр. если бы случилось (какъ это дѣйствительно и было) что кто либо опредѣлилъ бы «капиталъ» такимъ образомъ (и не желая того), что подъ опредѣленіе это подходила бы и «земля», и потомъ, желая устранить эту невѣрность, высказалъ бы опредѣленіе въ такой формѣ: «капиталъ» есть «всякая собственность, имѣющая такіе-то признаки, *за исключеніемъ земли*».

2-е. Опредѣленіе должно быть само по себѣ полнѣе, чѣмъ опредѣляемый предметъ, потому что въ противномъ случаѣ опредѣленіе *не объясняло* бы предмета. Здѣсь говорится «само по себѣ»

(т. е. вообще), потому что можетъ случиться, что для нѣкоторыхъ лицъ, опредѣляемый терминъ будетъ болѣе знакомъ и лучше понимаемъ, чѣмъ того можно было бы достигнуть посредствомъ даннаго опредѣленія.

Въ этомъ правилѣ заключается еще слѣдующее, которое обыкновенно высказывается логиками. какъ особое третье правило: опредѣленіе должно быть высказано посредствомъ *соотвѣтствующаго числа подходящихъ словъ* (если таковыя оказываются годными для преслѣдуемой цѣли), — потому что *фигуральныя слова* (противуполагаемыя подходящимъ) могутъ произвести двусмысленность и неясность; излишняя *краткость* можетъ произвести *темноту*; излишняя *растянутость*—путаницу. Но на это правило можно скорѣе смотрѣть, какъ на правило, относящееся болѣе къ слогу, чѣмъ къ законамъ Логики. Въ каждомъ частномъ случаѣ нельзя поэтому съ точностью опредѣлить, соблюдено ли это правило или нѣтъ, — потому что нѣтъ рѣзкой границы между «слишкомъ растянутымъ» и «слишкомъ краткимъ». Кромѣ того, излишне длинное опредѣленіе не слѣдуетъ по этому одному разсматривать какъ *невѣрное*, а только какъ *неизящное* и неудобное.

Тавтологія. Впрочемъ, если опредѣленіе можетъ быть признано содержащимъ *тавтологію* (погрѣшность, отличная отъ растянутости или многословія), то оно можетъ быть справедливо названо невѣрнымъ, хотя при этомъ первыя два правила и будутъ соблюдены. Тавтологія состоитъ въ слишкомъ широкомъ

значеніи не *словъ*, а *смысла* опредѣленія, но не на столько, что бы этимъ стѣснить смыслъ опредѣленія (т. е. нарушить правило 1-е), вслѣдствіе чего исключались бы нѣкоторые предметы, принадлежащіе къ классу опредѣляемыхъ, но настолько, что бы высказать то, что *содержится уже въ прежде сказанномъ.* Такъ слѣдующее опредѣленіе параллелограма содержитъ тавтологію: «параллелограмъ есть четырехсторонникъ, противулежащія стороны котораго параллельны *и равны*»; потому что хотя и вѣрно такое опредѣленіе параллелограма, но *равенство* его сторонъ вытекаетъ изъ параллелизма ихъ и можетъ быть выведено изъ него. Прибавимъ, что прибавка словъ «и равны» заставляетъ думать и какъ бы указываетъ на то, что можетъ существовать четырехсторонникъ, противулежащія стороны котораго могутъ быть параллельны, но *неравны.* И такъ опредѣленіе это, не содержа въ себѣ ничего невѣрнаго, приводитъ къ ложному предположенію, и потому оно должно быть разсматриваемо, какъ неправильное опредѣленіе.

Только что упомянутый выводъ — что можно предположить существованіе четыреугольника, имѣющаго параллельныя но не равныя противулежащія стороны, — сдѣланъ, основываясь на этомъ опредѣленіи, въ силу правила, что «исключеніе доказываетъ правило». Смыслъ этого изреченія (которое прикладывается не только къ *исключеніямъ*, въ строгомъ смыслѣ этого слова) тотъ, что «въ изложеніе какого либо опредѣленія, правила,

закона и т. под. считаютъ *необходимымъ* внести упоминаніе о нѣкоторомъ обстоятельствѣ, при отсутствіи котораго (обстоятельства) правило и т. под. *не могло бы быть постановлено*». Другими словами, нужно подразумѣвать слово «только» или другое соотвѣтствующее. Если напр. будетъ постановлено, что «кто вламывается въ *пустой* домъ, тотъ подвергается извѣстному наказанію», то изъ этого слѣдовало бы, что этому наказанію не подвергается тотъ, кто вламывается въ *занятой* домъ; когда говорится, что нѣкоторыя небесныя явленія не могутъ быть видимы *простымъ глазомъ*, то изъ этого заключаютъ, что они были бы видимы при посредствѣ *зрительной трубы*; когда, наконецъ, говорятъ, что мы не должны излагать ученій, не основанныхъ на Священномъ писаніи *и которыхъ бы не придерживались первые отцы церкви*, то это обыкновенно предполагаетъ, что всякое ученіе, котораго придерживались первые отцы церкви, должно быть излагаемо, хотя бы оно и не основывалось на Священномъ Писаніи *), и т. под.

*) Изреченіе «abundans cautela nocet nemini» не во всѣхъ случаяхъ безопасно примѣнять. Бываетъ иногда неосторожно стремиться «доказать что либо вдвойнѣ», приводя доказательства; послѣднія, будучи совершенно годными, могутъ быть поняты неправильно, когда на нихъ будутъ смотрѣть какъ на *необходимое* основаніе. Такъ напр. ссылка на того или другаго изъ первыхъ отцовъ церкви, или на постановленіе Собора съ цѣлью подтвердить этимъ какое либо ученіе или правило можетъ быть понята въ томъ смыслѣ, что безъ этой ссылки ученіе не могло бы быть доказано.

И часто многое выводится такимъ образомъ, чего авторъ вовсе не имѣлъ въ виду и вслѣдствіе того, что онъ неосторожно внесъ въ изложеніе тѣ мысли, которыя случайно представились его уму. Такъ напр. говоря, что «нарушеніе собственности *человѣчнаго* владѣльца, *живущаго среди народа*, составляетъ преступленіе», вовсе не думаютъ говорить, что это не будетъ преступленіемъ, когда онъ *нечеловѣченъ*; но говоря такимъ образомъ, даютъ поводъ объяснять смыслъ фразы. Точно также, говоря, что «животное, дышащее жабрами и *покрытое чешуею*, есть рыба» даютъ опредѣленію видъ слишкомъ *тѣснаго* опредѣленія, нарушающаго правило 1-е, хотя опредѣленіе и не утверждаетъ ничего невѣрнаго.

Тавтологія, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, всегда будетъ приводить къ ошибочнымъ выводамъ того, который относится къ ней съ точки зрѣнія правила, что «исключеніе доказываетъ правило».

Случайныя обстоятельства иногда принимаются за существенныя.

Часто случается, что одно или нѣсколько изъ вышеприведенныхъ правилъ бываетъ нарушено вслѣдствіе стремленія ввести въ опредѣленіе, на ряду или вмѣсто *существенныхъ* условій, такія условія, которыя, собственно говоря, *случайны*. Этимъ я хочу сказать, что въ представленіяхъ, составляемыхъ о значеніи даннаго термина и на основаніи приводимыхъ ими объясненій, къ этому представленію присоединяется то обстоятельство, которое *вообще*, *но не всегда* соединено съ предметомъ, о которомъ говорится; обстоятельство это

(по строгому смыслу слова особенность (accident) можетъ «быть и не быть, не измѣняя этимъ существеннаго характера предмета». Составленное такимъ образомъ опредѣленіе, хотя оно вообще будетъ невѣрно и можетъ во многихъ случаяхъ ввести въ ошибку, часто бываетъ принято во всеобщее употребленіе, потому что оно, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, замѣняетъ вѣрное опредѣленіе.

Напр. слово *полуденный* для обозначенія южныхъ странъ годно въ этимологическомъ отношеніи для нашего полушарія, хотя оно было бы совершенно невѣрно для другаго полушарія. Точно также, если бы кто опредѣлилъ сѣверный полюсъ какъ тотъ, который наклоненъ къ солнцу, то это было бы вѣрно и могло бы замѣнять вѣрное опредѣленіе *въ теченіи полугода*, но было бы противуположно истинѣ въ теченіи слѣдующаго полугода.

Эти рѣзкіе примѣры погрѣшностей, повтореніе которыхъ въ практикѣ кажется невѣроятнымъ, хорошо выказываютъ значеніе тѣхъ ошибокъ, которыя обыкновенно дѣлаются. Почти у всѣхъ писателей представляются примѣры подобнаго введенія случайныхъ признаковъ въ опредѣленія «богатства» и «цѣнности». Писатели эти дѣлали *«работу»* необходимою составною частью опредѣленія. Дѣйствительно *случается*, по опредѣленію Провидѣнія, что цѣнные предметы *почти во всѣхъ случаяхъ* получаются посредствомъ работы; но тѣмъ не менѣе это условіе случайное, а не существенное.

Если бы аэролиты, падающіе по временамъ, были алмазами или жемчугами и если бы эти предметы только такимъ путемъ и могли быть получены, и если бы при этомъ они, случайно, были бы находимы въ такомъ же количествѣ, какъ теперь посредствомъ рытія земли и ырянія въ море, то они имѣли бы такую же цѣну, какъ и теперь. Въ Политической экономіи вообще часто смѣшиваютъ *причину* и *слѣдствіе*: жемчуги не *оттого* получаютъ высокую цѣну, что люди ныряютъ за ними, напротивъ, люди ныряютъ за ними, потому что они имѣютъ большую цѣну *).

---

*) Pol. Econ. Lect. IX, стр. 251—253.

КНИГА III.

Объ ошибкахъ.

Введеніе.

Хотя въ предъидущихъ книгахъ были въ разныхъ случаяхъ приводимы многіе примѣры ошибокъ въ разсужденіяхъ, но мы находимъ нужнымъ подвергнуть этотъ предметъ болѣе обстоятельному изслѣдованію.

Опредѣленіе ошибокъ.

Подъ ошибкой обыкновенно подразумѣваютъ «всякій неправильный способъ разсужденій, который повидимому приводитъ насъ къ принятію его выводовъ и кажется намъ рѣшающимъ разсматриваемый вопросъ, между тѣмъ какъ это на самомъ дѣлѣ, не имѣетъ мѣста. Я намѣренъ разсмотрѣть этотъ предметъ съ логической точки зрѣнія, такъ какъ скорое открытіе и ясное обнаруженіе ошибокъ гораздо болѣе важно и представляетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ это кажется многимъ. Для этого я намѣренъ разсмотрѣть различные роды ошибокъ и дать научный анализъ тѣхъ процессовъ разсужденія, которые происходятъ при совершеніи ихъ.

Конечно и послѣ этого открытіе каждой отдѣльной ошибки на самомъ дѣлѣ будетъ болѣе всего зависѣть отъ природной и пріобрѣтенной находчивости, и нельзя дать такихъ правилъ, одно знаніе которыхъ дало бы намъ средство *прикладывать* эти правила съ механическою точностью и скоростью; но мы увидимъ, что пріобрѣтеніе правильнаго общаго взгляда на предметъ и знакомство съ научными изслѣдованіями о немъ болѣе всего способствуетъ развитію *тѣхъ свойствъ ума*, которыя дѣлаютъ его наиболѣе способнымъ къ такой практикѣ.

Относительно этого слѣдуетъ сказать тоже самое, что и относительно Логики вообще. Едва-ли найдется кто нибудь, кто бы, въ ежедневной практикѣ, излагалъ бы свои или чьи-либо другія разсужденія въ видѣ полныхъ силлогизмовъ; но однако же знакомство съ началами Логики весьма много способствуетъ — и это чувствуютъ всѣ тѣ, которые дѣйствительно знакомы съ ними — къ пріобрѣтенію привычки ясно и правильно разсуждать. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ умѣ нашемъ происходятъ процессы (когда мы имѣемъ дѣло съ предметомъ, совершенно знакомымъ намъ) съ такою быстротою, что они не оставляютъ никакого слѣда въ нашей памяти и что мы при этомъ прикладываемъ такія правила, которыхъ, на сколько мы это сознаемъ въ данную минуту, мы не имѣли въ виду.

Неточный языкъ прежнихъ писателей.

Тѣмъ не менѣе мы вовсе не имѣемъ въ виду подвергать въ настоящемъ случаѣ полному изслѣдованію вопросъ, какимъ образомъ извѣстные роды занятія производятъ, въ концѣ концовъ, извѣстныя дѣйствія на умъ; для насъ, въ настоящемъ случаѣ, будетъ достаточно признать *фактъ*, что привычка къ научному анализу (не говоря уже о внутренней прелести и возвышенности такого занятія) приводитъ къ практическимъ послѣдствіямъ. Поэтому я хочу изслѣдовать сущность ошибокъ, основываясь на началахъ Логики. Можетъ быть, послѣ того что было прежде сказано вообще въ защиту Логики, было бы излишне приводить какія бы то ни было объясненія, почему я такъ дѣлаю, еслибы большинство писателей о Логикѣ не слѣдовало совершенно противоположному плану при изложеніи того же самаго предмета. Какъ только имъ приходится трактовать о какомъ либо предметѣ, не относящемся къ элементамъ Логики, они сейчасъ же перестаютъ ссылаться на начала, постановкою и объясненіемъ которыхъ они до тѣхъ поръ занимались, и говорятъ растянутымъ, неяснымъ и популярнымъ языкомъ, который могъ бы быть пригоденъ для публичной рѣчи, но совершенно нейдетъ сочиненію, носящему названіе трактата о Логикѣ. Чтобы мы сказали о пишущемъ геометрію, если-бы онъ, при изложеніи ея основаній, всегда приводилъ точныя опредѣленія и доказательства, перейдя же къ механикѣ совершенно сталъ бы пренебрегать началами науки, отбросилъ бы всѣ научные термины, а трактовалъ бы о пред-

метѣ, употребляя неопредѣленныя слова и приводя неточныя и популярныя доказательства? Показалось бы также страннымъ, если бы ботаникъ, при обращеніи къ тѣмъ, которыхъ онъ знакомитъ съ принципами и терминологіею своей системы, не принималъ ее во вниманіе при описаніи растеній, а сталъ бы говорить народнымъ языкомъ. Можно утвердительно сказать, что нападки со стороны людей, отрицающихъ всякое значеніе Логики, получили нѣкоторое значеніе только вслѣдствіе того, что тѣ писатели, которые выдаютъ себя за преподавателей ея, никогда не дѣлаютъ сами никакихъ приложеній ея началъ и не упоминаютъ объ нихъ и притомъ въ тѣхъ именно случаяхъ, *когда* подобныхъ приложеній и ссылокъ и можно было *только* ожидать. Если начало какой-бы то ни было системы *хорошо* постановлено, если ея техническій языкъ тщательно выработанъ, то эти начала и этотъ языкъ навѣрное доставятъ (тѣмъ, которые основательно изучили ихъ) лучшій, самый ясный, простой и краткій методъ для разсужденій о какихъ бы то ни было предметахъ, имѣющихъ связь съ этою системою. Не смотря на это, при разсужденіи о дилеммѣ и объ ошибкахъ, писатели, даже тѣ, которые вообще отличались проницательностью, очень часто забывали, что они трактуютъ о Логикѣ, и излагали свои сочиненія вялымъ и риторическимъ слогомъ, и не только не дѣлали при этомъ какихъ бы то ни было приложеній прежде постановленныхъ ими началъ, а, напротивъ того, по

временамъ. значительно отклонялись отъ нихъ (*). Самые опытные учителя, при обращеніи къ тѣмъ, которые знакомы съ элементарными началами Логики, считаютъ приличнымъ не приводить ея начала во всѣхъ подробностяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ходъ разсужденія совершенно очевиденъ, но всегда, такъ сказать, наводятъ ихъ на путь, ведущій къ этимъ началамъ, — послѣ чего ученики могутъ сами продолжать путь до конца и съ научной точки зрѣнія разсматривать предметъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на тѣхъ математиковъ, которые избѣгаютъ скучныхъ подробностей при изложеніи весьма простаго доказательства, такъ какъ это доказательство легко можетъ быть найдено учащимся, если онъ того пожелаетъ; но при этомъ они не перестаютъ говорить точнымъ математическимъ языкомъ и ссылаться на начала математики, хотя и не высказываютъ всякій разъ этихъ началъ во всей полнотѣ. Я и не берусь поэтому, точно также какъ

(*) Ольдричъ (какъ и нѣкоторые другіе писатели) гораздо менѣе ясенъ въ своемъ разсужденіи объ Ошибкахъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ его сочиненія, чему доказательствомъ можетъ служить ужъ одинъ слѣдующій примѣръ: раздѣливши ошибки на тѣ, которыя зависятъ отъ *выраженія* и другія, которыя зависятъ отъ *предмета* (*in dictione* и *extra dictionem*) онъ замѣчаетъ относительно одной или двухъ изъ послѣдняго рода, что ихъ неправильно назвали *ошибками*; такъ какъ это не суть неправильные по формѣ силлогизмы (syllogisimi forma peccantes) — какъ будто-бы всякая такая ошибка могла быть «fallacia extra dictionem».

и они, писать (о предметахъ, имѣющихъ связь съ наукою) языкомъ, понятнымъ и для тѣхъ, которые совершенно незнакомы съ первыми основаніями науки. Еслибъ я поступилъ иначе, то это показало бы, что я не смотрю на предметъ съ научной точки зрѣнія и не хочу пользоваться установленными началами и точнымъ и краткимъ техническимъ языкомъ, который былъ придуманъ для этого предмета.

Неправильные взгляды на задачу Логики.

Выведенныя прежде правила позволяютъ намъ раскрыть начала, на основаніи которыхъ ведется разсужденіе о какихъ бы то ни было предметахъ, и убѣдиться въ годности или негодности какого бы то ни было изъ приведенныхъ доказательствъ, и это на столько, на сколько дѣло зависитъ отъ *формы выраженія*. Въ этомъ одномъ и состоитъ истинная задача Логики.

Но, очевидно, что мы черезъ это не избавляемся отъ возможности быть обманутыми и запутанными въ своихъ доводахъ, вслѣдствіе допущенія *ложныхъ или сомнительныхъ посылокъ*, или чрезъ употребленіе *неясныхъ или неточныхъ терминовъ*. Поэтому многіе изъ писателей, по предмету Логики, побуждаемые желаніемъ выставить свои системы по возможности въ совершенномъ видѣ, предприняли дать правила для пріобрѣтенія ясныхъ идей и для «руководства въ сужденіяхъ», и воображая или высказывая, что они успѣли въ этомъ они, довольно послѣдовательно, называли Логику «искусствомъ пользоваться разумомъ». Она бы и была этимъ на самомъ дѣлѣ и замѣнила бы собою

почти всѣ другія науки, если бы имѣла средства сама по себѣ опредѣлять *смыслъ* всякаго *термина* и справедливость или несправедливость всякаго предложенія, подобно тому какъ она дѣйствительно можетъ опредѣлять годность всякаго доказательства. Къ этому привело этихъ писателей отчасти то обстоятельство, что Логику разсматривали какъ науку, занимающуюся «тремя процессами ума», а именно: простымъ понятіемъ, сужденіемъ и разсужденіемъ, и при этомъ теряли изъ виду, что она не *одинаково* занимается этими тремя процессами, такъ какъ только послѣдній изъ нихъ составляетъ ея истинную задачу, первые же два разсматриваются на столько, на сколько они имѣютъ отношенія къ разсужденію.

Недовѣріе относительно Логики.

Презрѣніе, которое справедливо выпало на долю этихъ притязаній, неосновательно распространилось и на самую науку, совершенно подобно тому, какъ химія получила дурную славу въ глазахъ немыслящихъ людей вслѣдствіе чудовищныхъ притязаній алхимиковъ. Но указанныхъ писателей по Логикѣ осуждали не за то, что они *предъявляютъ* такія притязанія (за что они собственно и достойны осужденія), а за то, что они не *удовлетворили* имъ. Возражали между прочимъ, что начала Логики оставляютъ насъ еще въ недоумѣніи относительно самаго важнаго и труднаго предмета въ разсужденіи, а именно относительно удостовѣренія въ смыслѣ употребленныхъ терминовъ и устраненія ихъ двухсмысленностей. Жалоба эта напоминаетъ ту, которую высказывалъ (согласно съ

анекдотомъ, разсказаннымъ Уарбуртономъ (*) и на который мы прежде ссылались) человѣкъ, находившій неправильности во всѣхъ предлагаемыхъ ему лавочникомъ очкахъ, между тѣмъ какъ онъ не *умѣлъ читать*. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ жалоба имѣетъ еще меньше основаній, такъ какъ нѣтъ и даже не можетъ быть придумана система, которая могла бы удовлетворять предложенному требованію, то есть разъяснять двухсмысленности терминовъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ и здѣсь представляются нѣкоторыя выгодныя стороны, такъ какъ законы Логики, хотя они сами по себѣ и не даютъ средствъ удостовѣриться и разъяснить двухсмысленность какого нибудь термина, указываютъ однакожъ въ *какомъ* изъ терминовъ доказательства нужно искать этого двухсмыслія, и обращаютъ наше вниманіе на средній терминъ какъ на тотъ, двухсмысліе котораго легче всего приводитъ къ ошибкѣ. Поэтому полезно будетъ описать и классифицировать различные роды двухсмысленностей и различные пути, посредствомъ которыхъ легко, не замѣчая того, постановить ложную или по крайней мѣрѣ неправильно понимаемую посылку. Подобныя замѣчанія, хотя и не могутъ быть разсматриваемы, какъ входящія въ область собственно Логики, не могутъ быть разсматриваемы какъ неумѣстныя здѣсь, если принять во вниманіе, на сколько существенно они связаны съ приложеніями началъ этой науки.

(*) Въ *Warburton* Div. Leg.

§ 1.

Раздѣленіе ошибокъ.

Раздѣленіе ошибокъ на ошибки *въ словахъ* (in dictione) и ошибки въ *сущности* (extra dictionem) не было до сихъ поръ основываемо ни однимъ писателемъ на какомъ нибудь опредѣленномъ началѣ, или по крайней мѣрѣ на такомъ началѣ, котораго бы они сами всегда придерживались. Между тѣмъ смѣшеніе этихъ двухъ родовъ ошибокъ сильно препятствуетъ ясному понятію о задачахъ Логики, такъ какъ оно очевидно находится въ связи съ весьма распространеннымъ, но неправильнымъ мнѣніемъ, будто Логика есть *искусство пользоваться умственными способностями вообще* и имѣетъ своей задачей *открытіе истины*, при чемъ всякаго рода знанія входятъ въ ея область. Отъ этого же смѣшенія зависѣли всѣ тѣ неопредѣленныя и неосновательныя мудрствованія, которыя приводили къ безконечной запутанности и ошибкамъ и подали поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ на Логику. Поэтому будетъ полезно основать раздѣленіе ошибокъ на логическія и нелогическія на такомъ началѣ, которое бы устранило всю эту неясность и запутанность. Если бы кто нибудь возразилъ, что принимаемое нами раздѣленіе ошибокъ въ нѣкоторомъ родѣ произвольное, и что мы относимъ къ одной категоріи такія ошибки, изъ которыхъ многія могли бы быть отнесены къ другой, то мы обратили бы его вниманіе не только на неотчетливость всѣхъ прежнихъ подраздѣленій, но на совершенную невозможность даже представить себѣ такое подраз-

дѣленіе, которое могло бы быть свободно отъ подобнаго упрека, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ составились такія различныя и неопредѣленныя мнѣнія о предметѣ, именно вслѣдствіе отсутствія яснаго начала, на которомъ подраздѣленіе было бы основываемо. Вслѣдствіе эллиптической формы, въ которой обыкновенно выражается всякое разсужденіе, и вслѣдствіе той особенной запутанности и неправильности, подъ которыми, въ большей части случаевъ, скрываются ошибки, отнесеніе не только какого бы то ни было вида ошибокъ къ извѣстному роду, но даже подведеніе всякой *отдѣльной* ошибки къ извѣстному виду — можетъ вообще вызывать сомнѣніе или, скорѣе, зависѣть отъ произвола. Дѣйствительно, такъ какъ въ большей части разсужденій одна изъ посылокъ упускается, то, при ошибкахъ, часто случается, что слушающему разсужденіе приходится добавлять эту посылку и попадать при этомъ, или на такую, которая *невѣрна* или же на такую, которая *не доказываетъ* заключенія. Напримѣръ: если кто нибудь разсказываетъ о бѣдствіяхъ въ извѣстной странѣ и за тѣмъ показываетъ, что въ ней господствуетъ произволъ, то мы должны при этомъ предполагать, что разсказчикъ принимаетъ, *или* что «во всякой бѣдствующей странѣ господствуетъ произволъ», что конечно будетъ невѣрно, или же что «всякая страна бѣдствуетъ, когда въ ней господствуетъ произволъ», что, будучи само по себѣ вѣрнымъ, все таки ничего не доказываетъ, такъ какъ *средній членъ* (разсужденія) нераспредѣленъ. Въ пер-

Неопредѣленный характеръ ошибокъ.

вомъ случаѣ ошибка будетъ отнесена къ ошибкамъ «въ сущности» (въ смыслѣ), во второмъ-же— къ ошибкамъ въ словахъ. Какую-же изъ этихъ ошибокъ сдѣлалъ говорившій? Разумѣется каждый изъ слушателей можетъ это думать по своему: одинъ припишетъ ему невѣрную посылку, другой же—неточный силлогизмъ; только для софиста это будетъ безразлично, пока слушатели его соглашаются съ его заключеніемъ.

Поэтому, не имѣя притязанія на то, чтобы постановить правила, которыя могли бы быть легко приложимы (и въ томъ случаѣ, когда лицо, которому приходится ихъ примѣнять, не обладаетъ никакимъ искусствомъ и не желаетъ прилагать къ тому трудъ) и въ каждомъ частномъ случаѣ рѣшали бы вопросъ, въ какой бы формѣ не излагалось разсужденіе, я тѣмъ не менѣе предлагаю раздѣленіе ошибокъ, которое по крайней мѣрѣ основано на совершенно ясномъ началѣ и кажется по возможности согласуется съ мнѣніями объ этомъ предметѣ, принятыми многими логиками.

§ 2.

Логическія ошибки.

При всякой ошибкѣ заключеніе или *вытекаетъ*, или *не вытекаетъ изъ посылокъ*. Когда заключеніе не вытекаетъ изъ посылокъ, то ошибка очевидно заключается *въ разсужденіи* и только въ немъ одномъ. Такого рода ошибки мы поэтому будемъ называть логическими, (*), такъ какъ въ нихъ, собственно

(*) Подобно тому, какъ называемъ *Уголовными* судами тѣ суды, въ которыхъ *судятся* уголовные проступки.

говоря, нарушаются тѣ правила разсужденія, изложеніе которыхъ входитъ въ область Логики.

Иныя изъ этихъ ошибокъ можно разсматривать какъ *чисто-логическія*, такъ какъ въ нихъ ошибка можетъ быть замѣчена по самой формѣ выраженія, не обращая вниманія на смыслъ словъ. Къ этому классу относятся: 1) нераспредѣленный средній членъ; 2) незаконный процессъ; 3) отрицательныя посылки, или положительныя заключенія изъ отрицательныхъ посылокъ, и наоборотъ; къ этимъ тремъ родамъ можно еще прибавить четвертый родъ ошибокъ, а именно когда разсужденіе явственно содержитъ болѣе трехъ терминовъ.

Полулогическія ошибки.

Другія же ошибки могутъ быть названы *полулогическими*. Къ этимъ относятся всѣ случаи, когда средній членъ двухсмысленъ, за исключеніемъ того случая, когда онъ нераспредѣленъ. Дѣйствительно, хотя и въ этомъ случаѣ заключеніе не вытекаетъ изъ посылокъ и хотя законы Логики и укажутъ на это, *коль скоро будетъ доказана двухсмысленность средняго члена*, но открытіе этой двухсмысленности и убѣжденіе въ ея существованіи требуетъ изслѣдованія *смысла этого средняго члена* и знанія того предмета, къ которому онъ относится. Здѣсь, слѣдовательно, Логика научаетъ насъ не тому, *какъ находить* ошибку, а только *гдѣ искать* ея и какими началами пользоваться при разсужденіи о ней.

То обстоятельство, что самое трудное въ разсужденіи предполагается разрѣшеннымъ, то есть что смыслъ терминовъ считается извѣстнымъ, по-

давало поводъ къ весьма рѣзкимъ нападкамъ на Логику. Подобные же нападки можно было бы направить противъ всякаго изъ существующихъ искусствъ; такъ напр. относительно науки о земледѣліи можно сказать, что излагаемыя въ ней правила для обработки земли предполагаютъ владѣніе фермой, или также что законы перспективы безполезны для слѣпаго человѣка. Но это возраженіе становится особенно нелѣпымъ, когда оно направлено противъ Логики, потому что при этомъ ее осуждаютъ за невыполненіе того, что не *можетъ* быть выполнено какимъ бы то ни было искусствомъ. Дѣйствительно, можно ли себѣ представить такой методъ, такую науку или такую систему, которая бы давала каждому средства узнавать полный и точный смыслъ каждаго существующаго слова? Все, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣкоторыя общія правила, на которыя мы могли бы опираться при такого рода изслѣдованіяхъ. Правила эти даны нами въ первыхъ двухъ главахъ книги II (*).

Общеупотребительность термина отлична отъ яснаго пониманія его смысла.

Ничто, можетъ быть, не способствуетъ болѣе тому, что люди не замѣчаютъ своего несовершеннаго пониманія смысла слова, какъ то, что они мо-

(*) Самый авторъ этого возраженія говоритъ: «Этимъ (пониманіемъ смысла общихъ терминовъ) каждый долженъ заниматься самъ и никакія правила Логики (какъ бы они ни были полезны для руководства въ нашихъ занятіяхъ) не могутъ сдѣлать такого рода занятія ненужными». D. Stewart, Phil. Vol. II, Chap. 2 Стр. 2.

гутъ совершенно понимать данный процессъ умозаключенія, въ который этотъ терминъ входитъ, хотя ему и не приписываютъ какого бы то ни было опредѣленнаго значенія, — какъ напримѣръ когда буквы X, Y, Z или другія стоятъ вмѣсто различныхъ терминовъ въ правильномъ силлогизмѣ. Значитъ человѣкъ можетъ *употреблять* извѣстный терминъ и не *чувствовать надобности* въ его пониманіи. Это можетъ подать ему поводъ думать, что онъ его понимаетъ, когда, на самомъ дѣлѣ, это не такъ и когда слово употребляется неопредѣленно и неправильно. Это приводитъ къ ошибочнымъ умозаключеніямъ и смѣшенію понятій. Нужно сознаться, что подобный упрекъ можно сдѣлать весьма многимъ логикамъ, которые разсматривали эту науку, какъ сводъ правилъ «для правильнаго пользованія разумомъ», давали «правила для полученія ясныхъ идей» и тому подобные ἀλαζονεία, какъ ихъ называетъ Аристотель (Ретор. кн. I, гл. II).

§ 3.

Ошибки въ сущности.

Остальныя ошибки (то есть когда заключеніе вытекаетъ изъ посылокъ) могутъ быть названы ошибками въ сущности или нелогическими. Онѣ бываютъ двухъ родовъ (*): 1) когда посылки таковы, что ихъ нельзя принять и 2) когда высказы-

(*) Такъ какъ очевидно, что если только ошибка существуетъ, то она должна заключаться или 1) въ посылкахъ, или 2) въ заключеніи, или наконецъ 3) въ связи между тѣми и другими.

вается не то заключенiе, которое надо, а другое, неотносящееся къ дѣлу. Такую ошибку обыкновенно называютъ «ignoratio elenchi» (несоотвѣтствующее заключенiе), потому что приводимый здѣсь доводъ не есть «elenchus» (то есть доказательство отрицающее) положенiя противника, между тѣмъ какъ доводъ долженъ бы быть этимъ, а не доказывать вмѣсто того какое-то положенiе только сходное съ требуемымъ. Такъ какъ Логика опредѣляетъ, что такое есть отрицанiе, то инымъ можетъ показаться удобнымъ относить послѣдняго рода ошибки къ числу логическихъ, такъ какъ изслѣдованiе ихъ повидимому входитъ въ область этой науки; но лучше будетъ вѣроятно остаться при первоначально высказанномъ раздѣленiи ошибокъ, не только вслѣдствiе его ясности, но также вслѣдствiе того, что немногiе были бы склонны обвинить разсматриваемыя ошибки въ логической неубѣдительности и признать, что онѣ зависѣли отъ неправильнаго разсужденiя. Кромѣ того, мы дѣлали бы натяжку, предполагая, что въ каждомъ случаѣ существуетъ оппонентъ и отрицанiе; проще будетъ разсматривать дѣло такъ, что когда мнѣ приходится по какой-бы то ни было причинѣ доказывать извѣстное заключенiе, я, вмѣсто того, чтобы доказывать его, доказываю другое, ошибочно принимаемое за первое. Въ этомъ собственно и заключается ошибка послѣдняго рода.

Ignoratio elenchi.

Поэтому желательно было бы отбросить названiе ignoratio elenchi, хотя оно на столько обще принято, что объ немъ нельзя не упомянуть. Къ

другому роду ошибокъ въ сущности (насколько неопредѣленный и темный языкъ логиковъ позволяетъ намъ догадываться) относятся ошибки «*non causa pro causa*» и «*petitio principii*». Между первыми они различаютъ «*a non vera pro vera*» и *a non tali pro tali*». Послѣднія суть повидимому тѣ, въ которыхъ при заключеніи принимается, что пропущенная посылка *параллельна* высказанной, между тѣмъ какъ это не такъ, т. е. говоря языкомъ логиковъ, когда *выпущенная* посылка невѣрна. Въ ошибкахъ же non vera pro vera *высказанная* посылка невѣрна, вслѣдствіе чего этотъ последній родъ ошибокъ сводится на простое допущеніе невѣрной посылки. **Non causa pro causa.**

Ошибки изъ рода «*petitio principii*» (отсутствіе вопроса) происходятъ тогда, когда одна изъ посылокъ (будетъ ли она вѣрна или невѣрна) совершенно равнозначна съ заключеніемъ или же можетъ быть допущена только тогда, когда и это заключеніе принято. Я сказалъ, «*одна* изъ посылокъ», потому что во всякомъ правильномъ умозаключеніи обѣ посылки, взятыя вмѣстѣ, должны подразумѣвать и слѣдовательно давать возможность доказывать заключеніе. Но тѣмъ не менѣе нельзя вообще провести рѣзкой границы между разсматриваемымъ здѣсь родомъ ошибокъ и правильнымъ разсужденіемъ, такъ какъ то, что одному кажется правильнымъ разсужденіемъ, для другаго будетъ представляться отсутствіемъ вопроса; точно также для одного посылка можетъ казаться болѣе очевидною, чѣмъ заключеніе, между тѣмъ какъ дру- **Отсутствіе вопроса.**

гой не допустилъ бы ея, если бы не разсматривалъ ея, какъ слѣдствіе заключенія. Форма, въ которой эту ошибку особенно трудно бываетъ открыть, есть разсужденіе по *кругу* и это тѣмъ болѣе-чѣмъ *больше* этотъ кругъ.

Разсужденіе по кругу.

§ 4.

Всякая Ошибка можетъ быть подведена подъ одинъ изъ вышеприведенныхъ разрядовъ. Въ трактатахъ о Логикѣ иногда перечисляются другіе разряды ошибокъ, какъ отличные отъ приведенныхъ нами; но на самомъ дѣлѣ они не отличаются отъ послѣднихъ и, слѣдовательно, могутъ быть подведены подъ наше раздѣленіе, которое мы представимъ въ слѣдующей схеметической таблицѣ:

Ошибки

Логическія
т. е. когда ошибка заключается собственно въ процессѣ разсужденія, и когда заключеніе *не вытекаетъ* изъ посылокъ.

Чисто логическія (§ 7)
(когда ошибка видна *по самой формѣ выраженія*)

Нераспредѣленный средній членъ

Неправильный процессъ и пр.

Полу-логическія
(когда средній членъ двузначенъ *по смыслу*)

самъ по себѣ

случайно

вслѣдствіе нѣкоторой связи между различными смыслами

сходство

аналогія

причина и слѣдствіе и т. д.

(§ 11) Ошибки раздѣленія и составленія.

(§ 12) Ошибки случайныя и т. д.

отъ сопровождаемыхъ словъ.

Нелогическія или по существу
т. е. когда заключеніе вытекаетъ изъ посылокъ.

Невѣрно принятая посылка

(§ 13) Petitio principis.
Посылка основана на заключеніи

Кругъ

допущеніе предложенія, отличнаго отъ разсматриваемаго и неправильно содержащаго это послѣднее.

Ложная или недоказанная посылка (§ 14)

Невытекающее заключеніе
(ignoratio elenchi)

Ошибка выраженія (§ 17)

Удаленіе отъ основаній (§ 16)

къ чему либо, совершенно не относящемуся къ дѣлу

переходя попеременно отъ посылки къ посылкѣ

Ошибка въ употребленіи общихъ и сложныхъ терминовъ (§ 15),

Ошибка обращенія къ страстямъ,—ad hominem, ad verecundiam и т. д.
(§ 15)

§ 5.

Теперь я намѣренъ говорить отдѣльно о каждой изъ перечисленныхъ и охарактеризованныхъ нами Ошибокъ. Этому, впрочемъ, я считаю нужнымъ предпослать два общія замѣчанія, а именно 1) о *важности* и 2) о *трудности* открыть и описать ошибки. Того и другаго мы слегка коснулись уже прежде; здѣсь же подвергнемъ этотъ предметъ болѣе полному и обстоятельному изслѣдованію.

Важность открытія ошибокъ.

Многіе убѣждены, что ошибка становится опаснымъ оружіемъ только тогда, когда прикрыта и отдѣлана языкомъ искустнаго софиста. Если они и допускаютъ, что честный спорщикъ можетъ, въ пылу спора, безсознательно впасть въ ошибку, то все таки они при этомъ не перестаютъ, повидимому, думать, что нѣтъ основанія бояться ошибки тамъ, гдѣ нѣтъ спора. Между прочимъ гораздо больше вѣроятности незамѣтно впасть въ ошибку при такъ называемыхъ *уединенныхъ умозаключеніяхъ* и даже на столько увлечься неосновательною вѣрою въ полученное заключеніе, чтобы имъ руководить свои поступки. Здѣсь подъ «уединеннымъ умозаключеніемъ» я подразумѣваю не тотъ случай, когда кто либо ищетъ *доводовъ* для доказательства даннаго вопроса, а тотъ, когда онъ стремится сдѣлать *какой нибудь практическій выводъ* изъ предварительно собраннаго запаса свѣдѣній (*).

Вліяніе словъ на мысли.

Здѣсь мы приведемъ одинъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ, изъ которыхъ нѣкоторые бу-

(*) См. гл. «Выводы и доказательства» (кн. IV, гл. III).

дутъ встрѣчаться и въ послѣдующихъ частяхъ этой книги. Такъ напр. нужно считать вѣроятнымъ, что посредственность многихъ рѣчей зависѣла отъ двухсмысленности слова «простой». Молодой ораторъ, замѣтивши справедливость пословицы, что «для необразованныхъ классовъ языкъ не можетъ быть слишкомъ простой (т. е. ясный и безъискусственный, чтобы его можно было понимать, не обладая ни образованіемъ, ни догадливостью), будетъ, такъ сказать, постоянно имѣть эту «*простоту*» передъ глазами при произнесеніи рѣчей, и она будетъ ему препятствовать пользоваться *украшеніями* слога, каковы — метафора, эпитеты, противуположенія и т. п. Хотя эти украшенія будутъ противуположны «простотѣ» при совершенно другомъ смыслѣ этого послѣдняго слова, потому что они не необходимо противуположны ясности, а напротивъ часто способствуютъ ей, чему примѣромъ могутъ служить самыя понятныя изъ рѣчей Спасителя, къ числу которыхъ относятся наиболѣе богатыя фигуральныя выраженія. Изъукрашенный слогъ, напротивъ того, совершенно пригоденъ для необразованнаго класса и чрезвычайно нравится ему. Между прочимъ желаніе быть «простымъ», при темномъ представленіи о тѣхъ различныхъ значеніяхъ, которыя можетъ имѣть это слово, часто побуждаетъ говорить и писать сухимъ и дурнымъ слогомъ, который не имѣетъ за собою преимуществъ ясности и менѣе всего подходитъ подъ вкусъ необразованной публики. Этотъ примѣръ я взялъ не изъ воображенія, а изъ дѣйствительной жизни.

Другой примѣръ, показывающій степень вліянія словъ на наши идеи, можетъ быть взятъ изъ совершенно другой области. Многіе обнаруживаютъ нѣкоторое *удивленіе*, услышавши первый разъ о результатахъ новѣйшихъ изслѣдованій земледѣльческой химіи, которые показали, что почвы, называемыя *тяжелыми*, суть вообще, на самомъ дѣлѣ, самыя *легкія* и наоборотъ. Откуда происходитъ это *удивленіе*? Вѣдь никто не былъ убѣжденъ въ томъ, чтобы это названіе почвы употреблялось въ его буквальномъ и простомъ смыслѣ, для того чтобы выражать результать совмѣстнаго взвѣшиванья различныхъ почвъ. При поверхностномъ размышленіи становится понятнымъ, что всякія илистыя почвы, а также и черноземъ фигурально называются тяжелыми, вслѣдствіе трудности вспахиванья ихъ и вслѣдствіе того, что прилипаютъ къ ногамъ, когда они мокры, при чемъ ощущается *впечатлѣніе, подобное* тому, которое мы испытываемъ при нагруженіи ногъ какой нибудь тяжестью. Тѣмъ не менѣе названія легкій и тяжелый, хотя и употребляемыя здѣсь фигурально, навѣрное вызываютъ въ умахъ большинства людей хотя отчасти тѣ представленія, которыя соотвѣтствуютъ ихъ первобытному смыслу. Тѣ же самые эпитеты, будучи прикладываемы къ предметамъ, употребляемымъ въ пищу, вводили многихъ въ ошибки, такъ какъ многіе допускали, что тѣ вещи, которыя легки по *своему вѣсу*, также *легки и для пищеваренія*. На этомъ оправдывается остроумное замѣчаніе Гоббса: «слова служатъ счет-

чиками для умныхъ людей и деньгами для дураковъ».

«Люди воображаютъ, говоритъ Бэконъ, что языкъ управляется ихъ умомъ; но часто случается, что языкъ управляетъ ихъ умомъ». Нѣкоторые слабые и нелѣпые доводы, часто приводимые противъ самоубійства, нужно приписать вліянію словъ на мысль. Когда отъ христіанскаго моралиста требуютъ указанія на изрѣченія Свящ. Писан. противъ самоубійства, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ «не убей», вмѣсто того, чтобы отвѣчать, что библія не есть вовсе сводъ *законовъ, а система мотивовъ и принциповъ*. Допустивши затѣмъ, на основаніи доводовъ, добытыхъ отчасти путемъ мышленія, отчасти же изъ Откровенія, что самоубійство есть родъ убійства (ссылаясь напр. на его названіе), многіе и готовы основываться на этомъ шаткомъ доводѣ. Такая ошибка приноситъ истинѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Разсматривая сущность, а не названіе самоубійства, мы ясно увидимъ, что ему недостаетъ самой существенной характеристики убійства, а именно нанесеніе *вреда* своему ближнему чрезъ лишеніе его жизни, и всѣмъ вслѣдствіе того *страха за жизнь*, который они будутъ испытывать. Такъ какъ, собственно говоря, никто не можетъ быть несправедливъ къ самому себѣ, то и нельзя сказать, чтобы кто нибудь могъ обокрасть себя или убить себя, придавая этимъ словамъ ихъ буквальный и первоначальный смыслъ. Тотъ, кто оставляетъ мѣсто, предназначенное ему Творцомъ, и самонадѣянно прерываетъ милостиво

дарованное ему испытаніе (въ дѣйствіяхъ или въ терпѣливомъ испытаніи) «ради его спасенія», тотъ конечно совершаетъ большой грѣхъ; но грѣхъ этотъ не представляетъ никакой аналогіи съ убійствомъ. Онъ не предполагаетъ вовсе безчеловѣчности. Гораздо большую аналогію имѣетъ самоубійство съ тратою жизни па пустяки и съ празднымъ препровожденіемъ времени, съ тратою той жизни, которая дарована намъ для добытія безсмертія. Дѣйствительно, то, что обыкновенно называется «убивать время», въ нѣкоторомъ смыслѣ приближается къ уничтоженію своей собственной жизни, такъ какъ «время есть то вещество, изъ котораго сдѣлана жизнь».

Ошибки, происходящія отъ употребленія аналогическихъ словъ.

Потерянное время
Есть самоубійство, при которомъ болѣе чѣмъ пролита кровь Юнгъ (*).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ вліяніе аналогическихъ терминовъ на полученіе ошибочныхъ выводовъ въ теологіи; здѣсь самые важные термины аналогичны, и не смотря на это постоянно употребляются при разсужденіи, не обращая должнаго вни-

(*) Благоразумнѣе и безопаснѣе ограничиваться такими доводами, которые могутъ быть подвергнуты ближайшему изслѣдованію, чѣмъ обращаться къ такимъ, которые, хотя и кажутся сперва наиболѣе подходящими и сильными, при точномъ разборѣ слишкомъ часто заставляютъ спорщика согласиться съ ошибками противника. Диспутанты часто имѣютъ вообще привычку приводить все, что только *можетъ* быть приведено и хвататься за всякое попадающее въ руки оружіе (furor arma ministrat), не обращая вниманія на то, *истинное*-ли оно.

манія (чаще по неосторожности, чѣмъ по дурному умыслу) на это свойство ихъ. Многія изъ ошибокъ, въ которыя впали теологи, могутъ быть отчасти приписаны этому обстоятельству (*).

Двойная опасность отъ ложнаго допущенія.

Говоря о важности опроверженія ошибокъ (гдѣ я подъ этимъ именемъ подразумѣваю, какъ это будетъ видно въ послѣдствіи, и всякое ложное положеніе, употребляемое какъ посылка), не надо упускать изъ вида слѣдующаго обстоятельства: неосновательное начало, которымъ пользовались для вывода нѣкоторыхъ ложныхъ заключеній, не сразу становится безвреднымъ и не стоющимъ опроверженія; какъ только выведенное помощью его заключеніе будетъ отринуто и когда это ложное начало перестаетъ быть примѣняемо къ этому частному случаю, оно можетъ привести и къ *другимъ* не меньшимъ ошибкамъ. «Ложная посылка, смотря по тому, соединяется-ли она съ тою или другою вѣрною посылкою, будетъ, въ каждомъ случаѣ, приводить къ различнымъ, но всегда ложнымъ заключеніямъ. Такъ, допустивши, что нужно во всякомъ случаѣ уничтожать всякую важную религіозную ошибку, мы можемъ быть приведены или къ *гоненіямъ*, или къ вольнодумному *равнодушію*. Иные станутъ оправдывать уничтоженіе ереси помощью судебнаго преслѣдованія; другіе же, которыхъ возмущаютъ подобные поступки и которые со всѣхъ сторонъ слышатъ порицаніе гоненій, могутъ, основываясь на томъ же началѣ, смотрѣть на рели-

*) См. примѣчаніе къ гл. 5, § 1 предъидущей книги.

гіозныя ошибки, какъ на неимѣющія никакого значенія, и выводить, что для Бога безразличны всякаго рода религіозныя убѣжденія» (*).

Преувеличенное представленіе о дѣйствіи нѣкоторыхъ ошибокъ.

Съ другой стороны нужно замѣтить, что нѣкоторымъ ошибкамъ приписываютъ такія дѣйствія, которыхъ онѣ, на самомъ дѣлѣ, не производятъ. Можно представить себѣ, что какая нибудь посылка высказывается торжественно, повторяется много разъ и что на нее ссылаются многіе какъ на истину, неподлежащую сомнѣнію, между тѣмъ, какъ она никого и никогда не убѣждала, и съ нею соглашались только тѣ, которые уже прежде были убѣждены въ ея справедливости. Для многихъ всякая пара благозвучныхъ фразъ, которыя имѣютъ нѣсколько общихъ словъ и въ нѣкоторомъ родѣ относятся къ одному и тому же предмету, будетъ служить посылкою и заключеніемъ; и когда мы встрѣчаемъ человѣка, который объявляетъ, что пришелъ къ своимъ убѣжденіямъ на основаніи подобныхъ доказательствъ, то умственное его развитіе можетъ намъ показаться безнадежнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ могло случиться, что его разсудительныя способности были въ это время въ усыпленіи. Въ другомъ случаѣ онъ, можетъ быть, согласился-бы и съ правильнымъ умозаключеніемъ, которое приводитъ къ заключенію, уже прежде допущенному имъ. Ребяческія ошибки, которыя приходится встрѣчать у иныхъ людей, при разсужденіи о нѣкоторыхъ предметахъ, мо-

(*) См. Essays, 3 series. Гл. 5, § 2, стр. 228.

жетъ быть на столько-же мало *имъ принадлежать*, какъ и здравыя разсужденія, приводимыя ими относительно другихъ предметовъ; могло случиться, что они приняли тѣ и другія, не размышляя и что еслибы что нибудь разшевелило ихъ мысли, то они были бы совершенно въ состояніи отличить здравыя разсужденія отъ нездравыхъ (*). Этимъ мы ограничимъ наши замѣчанія о громадномъ практическомъ вліяніи Ошибокъ и о вытекающей изъ этого необходимости открывать и разъяснять ихъ.

§ 6.

Трудность открывать ошибки.

2) Между тѣмъ какъ здравое разсужденіе тѣмъ охотнѣе принимается, чѣмъ яснѣе обнаруживается его основательность, ошибки, наоборотъ, будучи отбрасываемы, коль скоро онѣ открыты, тѣмъ легче могутъ быть незамѣчены, чѣмъ сложнѣе и фигуральнѣе выраженія, подъ которыми онѣ скрываются.

Въ этомъ случаѣ ошибка случайно можетъ быть совершена неосторожнымъ мыслителемъ или смѣло высказана софистомъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы софистъ желалъ всегда дать замѣтить эту темноту и сложность; напротивъ того, его цѣли будетъ больше соотвѣтствовать, чтобы выраженія *казались* ясными и простыми, насколько это возможно, между тѣмъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ

(*) Пол. Экон. Лекц. 1 стр. 15.

стремится какъ можно болѣе запутать своего собесѣдника.

Ошибки, скрываемыя элиптическимъ языкомъ. Такъ напримѣръ при существующемъ обыкновеніи эллиптически выражать свое разсужденіе, т. е. такъ, что одна посылка (иногда же двѣ или три ступени изъ цѣлаго ряда доводовъ), которая будучи совершенно очевидною, безъ труда можетъ быть добавлена всякимъ, не высказывается; подобнымъ образомъ софистъ выпускаетъ то, что не очевидно и что на самомъ дѣлѣ, составляетъ самую слабую сторону разсужденія, стараясь въ это время (такъ какъ его искусство похоже на искусство фокусника) отвлечь наше вниманіе отъ того мѣста, гдѣ находится ошибка. Отъ этого зависитъ выше указанная нами неопредѣленность, къ какому классу должна быть отнесена всякая отдѣльная ошибка; отъ этого-же открытіе и выясненіе ошибки представляетъ гораздо болѣе трудности, чѣмъ пониманіе и изложеніе здраваго разсужденія. Это походитъ на открытіе и уличеніе преступника, несмотря на его искусство скрывать свою вину и уклоняться отъ обвиненія. Уличеніе и наказаніе его не представляютъ уже никакого затрудненія, когда все уже раскрыто и онъ приводится въ судъ со всѣми уликами въ совершеніи преступленія. Съ этимъ примѣромъ имѣютъ аналогію тѣ ошибки, которыя приводятся въ примѣръ въ курсахъ Логики: въ нихъ ошибки уже открыты, потому что высказываются въ полной и правильной формѣ и приводятся какъ бы для того, чтобы *выслушать приговоръ*. Ошибочное умозаключеніе можетъ быть

также сравнено съ сложною и перепутанною кучею *счетовъ*, для разъясненія которыхъ и приведенія къ правильной и понятной формѣ нужно много догадливости и тщательнаго разбора; между тѣмъ, *когда это уже сдѣлано*, то все кажется уже совершенно простымъ и можно, не подумавши, не оцѣнить искусства и трудовъ, потраченныхъ на это.

Скрытіе ошибокъ растянутыми доводами.

Сверхъ того нужно помнить, что въ очень длинномъ разсужденіи очень легко скрывать ошибки. Подобно яду, софистика сразу открывается и отъ нея отворачиваются, коль скоро ее намъ предлагаютъ въ концентрированномъ видѣ; между тѣмъ та ошибка, которая будучи высказана коротко и въ немногихъ изреченьяхъ не обманула бы и дитяти, можетъ отуманить полъ міра, когда *распущена* въ объемистомъ сочиненіи. Подобно тому, какъ въ вычисленіи одна неправильная фигура можетъ насъ привести къ какимъ угодно ложнымъ результатамъ, хотя бы всѣ другія фигуры и дѣйствія были при этомъ правильныя, точно также, одно ложное допущеніе при умозаключеніи, хотя бы все остальное было въ немъ и правильно, можетъ привести насъ къ какимъ угодно выводамъ. Болѣе того, чѣмъ больше число вѣрныхъ допущеній въ этомъ разсужденіи, тѣмъ легче не замѣтить то одно ложное, которое вставлено въ него; но если вы поодиночкѣ разберете всякій шагъ въ рядѣ умозаключеній и при этомъ нападете на силлогизмъ, въ которомъ одна посылка вѣрна, а другая невѣрна, то софистика будетъ обнаружена. Такъ мнѣ однажды случилось слышать длинное

разсужденіе, которымъ старались доказать, что картофель не есть дешевый продуктъ для питанія; въ этомъ разсужденіи тщательно и можетъ быть правильно вычислялось количество урожая на десятинѣ для картофеля и для пшеницы, количество, теряемое въ отрубяхъ, расходы на помолъ, на печеніе хлѣба и т. п. и при этомъ, какъ бы нечаянно, вставлялось допущеніе, что *въ данномъ количествѣ картофеля содержится только одна десятая питательныхъ частей, содержащихся въ такомъ-же количествѣ хлѣба.* Изъ этого всего (хотя только одно изъ допущеній было, по всѣмъ вѣроятіямъ, неосновательно) торжественно выводилось высказанное положеніе (*).

Для лучшаго выясненія сказаннаго замѣтимъ что относительно ряда доводовъ можно сказать тоже, что говорится въ механикѣ относительно нитей: «они никогда не крѣпче самой некрѣпкой части ихъ». По этому цѣпь, въ которой одно звѣно слабо, порвется; увеличеніе же числа крѣпкихъ

(*) Доводы эти, не смотря на это, были признаны несомнѣнными въ одномъ обозрѣніи, которое вовсе не отличалось особеннымъ расположеніемъ къ автору ихъ, и обыкновенно обнаруживало гораздо болѣе скептицизма, чѣмъ склонности соглашаться съ чьими бы то ни было доводами! «Всѣ вещи, говоритъ одинъ апокрифическій писатель, имѣютъ двѣ стороны, одну противъ другой и ничто не создано напрасно». Смѣло высказывающій ложь повидимому легко находитъ цѣлыя толпы вѣрующихъ ему, лишь бы только это служило ихъ выгодамъ; эти же самые люди, готовые вѣрить всякому, не признаютъ самыхъ достовѣрныхъ истинъ религіи.

звѣньевъ, хотя не прибавляетъ ничего къ *крѣпости* цѣпи, увеличиваетъ вѣроятность того, что слабое звѣно *не будетъ замѣчено*. Относительно доводовъ, подобныхъ приведеннымъ мною выше, часто случается слышать, что *«въ нихъ много истины»*; можетъ быть *все* въ нихъ истинно, *за исключеніемъ только одной* существенной части.

Неоснователъность предположенія, что всякія ошибки легко открывать.

Поэтому было бы въ высшей степени неосновательно и даже нечестно утверждать, что не стоитъ упоминать о всѣхъ вычисленныхъ нами ошибкахъ, на столько онѣ очевидны и бросаются въ глаза, ссылаясь на примѣры, приводимые въ курсахъ логики, въ которыхъ ошибка совершается вполнѣ, и можетъ быть по этому легко открыта и въ такой формѣ не ввела бы никого въ заблужденіе. Можно согласиться конечно съ тѣмъ, что труднѣе открыть всякую *отдѣльную* ошибку и *подвести* ее *подъ* общее правило, чѣмъ *составить* такія правила; но это вовсе еще не докажетъ ненужность и безполезность послѣдняго, ни того, что оно не способствуетъ существенно первому. Нужно гораздо болѣе остроумія для открытія и арестованія преступника и для уличенія его въ преступленіи, чѣмъ для постановленія правилъ для слѣдствія и наказанія его; но и послѣдняя обязанность т. е. обязанность законодателя конечно не становится чрезъ это ненужною и пустою.

Прибавимъ къ этому, что точное наблюденіе и логическій анализъ ошибочныхъ доводовъ, такъ какъ они (согласно съ сказаннымъ выше) сообщаютъ уму привычки, способствующія открытію оши-

бокъ на практикѣ, по этому самому сдѣлаютъ насъ болѣе внимательными къ недопущенію ихъ, такъ какъ мы будемъ имѣть постоянно въ умѣ, что люди легко имъ поддаются. Такъ напр. *опровергнутый* доводъ *долженъ* считаться неимѣющимъ никакой цѣны (кромѣ того случая, когда есть основаніе думать, что нельзя привести лучшаго) (*), на самомъ же дѣлѣ онъ вообще оказывается вреднымъ вслѣдствіе ошибки, о которой мы и будемъ говорить. Только тотъ, кто основательно знакомъ со всею теоріею ошибокъ, можетъ на практикѣ быть внимателенъ къ этому и соотвѣтственно принимать противъ этого предосторожности, тогда какъ самый лучшій логикъ менѣе всего будетъ разсчитывать на то, *что люди* вообще таковы.

§ 7.

Объ ошибкахъ въ формѣ.

Объ этихъ ошибкахъ было уже достаточно сказано въ предъидущемъ краткомъ обозрѣніи; тамъ же было замѣчено, что мы можемъ часто *по произволу* относить извѣстную ошибку къ тому или другому разряду.

Не лишнее будетъ, впрочемъ, замѣтить, что удобнѣе всего относить къ разсматриваемому здѣсь классу ошибокъ, столь часто встрѣчающееся на практикѣ предположеніе, что заключеніе невѣрно,

(*) См. Essay II On Kingdom of Christ, § 22. Note.

потому что посылка невѣрна или же потому, что доводы неосновательны, а также заключеніе о вѣрности посылки, по вѣрности заключенія. Такъ напр. когда кто либо доказываетъ существованіе Божества тѣмъ, что таковое всѣми признается, то доводъ этотъ можетъ быть опровергнутъ указаніемъ на какой нибудь народъ, въ которомъ нѣтъ этой вѣры. Собственно говоря, этотъ доводъ (какъ было замѣчено выше) *долженъ идти за ничто*; но многіе будутъ изъ него заключать, что отсутствіе божества доказано. При этомъ ошибка ихъ будетъ заключаться въ неправильномъ употребленіи большаго термина, т. е. въ слѣдующемъ: «то, что всѣми признается, должно быть вѣрно; существованіе Бога не всѣми признается, значитъ оно невѣрно». Другіе, напротивъ того, будучи убѣждены въ вѣрности заключенія, станутъ изъ него заключать и о вѣрности посылки, — что будетъ подходить подъ разрядъ ошибокъ «нераспредѣленнаго средняго термина», т. е. «что всѣми признается — истинно; существованіе Божества истинно, слѣдовательно оно всѣми признается». Эти-же ошибки могутъ быть выражены въ гипотетической формѣ, такъ какъ въ одной изъ нихъ, очевидно, переходятъ отъ отрицанія предъидущаго къ отрицанію послѣдующаго, въ другой же отъ признанія послѣдующаго къ выводу предъидущаго. Такого рода ошибки обыкновенно соотвѣтствуютъ «неправильному употребленію, т. е. несоотвѣтствующему содержанію большаго термина» и «нераспредѣленію средняго термина».

Практическій вредъ слабыхъ доказательствъ.

На подобныя ошибки рѣдко обращаютъ вниманіе даже тѣ, которые употребляютъ ихъ; между тѣмъ нельзя сомнѣваться въ практической важности ихъ, такъ какъ, на практикѣ, слабый доводъ бываетъ всегда вреденъ, и такъ какъ нѣтъ такой нелѣпости, которой-бы не признали за вѣрное положеніе, коль скоро она, повидимому, приводитъ къ заключенію, въ справедливости котораго уже прежде были убѣждены. Этому даже легко можетъ поддаться искренній и впечатлительный писатель, когда онъ пріискиваетъ доказательства для поддержанія заключенія, въ справедливости котораго онъ самъ давно былъ вполнѣ убѣжденъ; т. е. онъ часто будетъ употреблять такія доказательства, которыя никогда не *убѣдили-бы* его самого, и не могутъ убѣдить другихъ, но скорѣе (дѣйствіемъ обратной ошибки) утвердитъ ихъ въ отрицаніи мнѣнія, съ которымъ они и прежде не соглашались.

Поэтому полезно поставить себя на мѣсто оппонента своихъ доводовъ, и разсмотрѣть, нельзя ли найти имъ какихъ либо опроверженій. Одобренія людей одинаковаго мнѣнія не представляютъ еще достаточнаго основанія для заключенія объ истинной силѣ доводовъ, а слѣдовательно и объ истинной пользѣ какого нибудь разсужденія. Гораздо лучшимъ пробнымъ камнемъ достоинствъ его служатъ разъясненіе недоразумѣній сомнѣвавшихся и убѣжденіе отрицавшихъ (*); но слушатели

(*) Весьма можетъ быть, что самое сильное изъ внѣшнихъ указаній на убѣдительность даннаго доказательства, есть внут-

этихъ разрядовъ, рѣдко высказываютъ свое одобреніе вслухъ и не спѣшатъ обнаруживать свои мнѣнія.

§ 8.

О двухсмысленномъ среднемъ членѣ.

Вообще тотъ случай, когда средній членъ нераспредѣленъ, относится къ предъидущей главѣ, такъ какъ одна форма выраженія уже вполнѣ обнаруживаетъ ошибку. Въ этомъ случаѣ крайніе члены сравниваются съ *двумя частями одного и того-же* члена; въ ошибкахъ же (о которыхъ мы будемъ теперь говорить), которыя называются полулогическими, крайніе члены сравниваются съ *двумя различными членами*, такъ какъ средній членъ употребляется въ двухъ различныхъ смыслахъ въ каждой изъ посылокъ (*).

Здѣсь нужно замѣтить, что противуположность между двумя смыслами (средняго члена) обнаруживается обыкновенно весьма рѣзко, когда разсужденіе приводится къ формѣ *правильнаго силлогизма*, такъ какъ въ этомъ случаѣ, обѣ посылки *ставятся вмѣстѣ*. Этимъ объясняется презрѣніе, съ которымъ многіе смотрѣли на самое упоминаніе объ ошибкахъ двухсмысленности, когда основывали

ренное признаніе заключенія со стороны тѣхъ, которые, тѣмъ не менѣе, не могутъ рѣшиться признать его.

(*) О нѣкоторыхъ примѣрахъ двухсмысленности см. въ Прибавленіи I.

свое представленіе о нихъ на примѣрахъ, приводимыхъ въ трактатахъ о Логикѣ, между тѣмъ какъ въ практикѣ обѣ посылки обыкновенно помѣщаются далеко одна отъ другой и разсматриваются въ различныхъ частяхъ сочиненія, причемъ невнимательный читатель легко можетъ упустить изъ виду двухсмысленность средняго члена. Изъ этого видно, какія преимущества доставляетъ постоянное вниманіе къ правиламъ Логики, заставляя насъ, съ постоянствомъ и напряженностью, слѣдить за *важнѣйшими* членами разсужденій.

Желая приписать какому нибудь разсужденію ошибку двухсмысленности средняго члена, недостаточно еще показать, что средній членъ есть слово или фраза, допускающія болѣе, чѣмъ одинъ смыслъ (такъ какъ имѣющихъ одинъ смыслъ весьма немного); для этого намъ нужно показать, что, для принятія обѣихъ посылокъ, нужно разсматривать средній членъ, въ одной изъ этихъ посылокъ, въ одномъ смыслѣ (и указать на *этотъ* смыслъ), въ другой-же посылкѣ — въ другомъ.

Необходимость тщательной разборчивости.

Если-бы кто нибудь сталъ презрительно отзываться «объ излишней точности» въ опредѣленіяхъ точнаго смысла, придаваемаго нѣкоторымъ словамъ, и слишкомъ тщательной разборчивости и т. под., то ему можно было-бы отвѣтить, что именно на мелочныя подраздѣленія и слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, такъ какъ только черезъ пренебреженіе *ими* ошибки могутъ оставаться незамѣченными.

Дѣйствительно очевидная и бросающаяся въ глаза двухсмысленность никого не введетъ въ заблужденіе; напр. «этотъ человѣкъ скиснетъ, потому что онъ *бродитъ* (въ водѣ)», или «внутренность груди легка, потому что въ ней находятся *легкія*»;— подобныя рѣзкія двухсмысленности могутъ быть употреблены только въ шутку. А между тѣмъ, какъ бы повидимому ни было мало различіе двухъ смысловъ въ обѣихъ посылкахъ, доводы будутъ во всякомъ случаѣ неубѣдительны, хотя несправедливость ихъ тѣмъ легче можетъ быть незамѣчена.

Вѣдь съ другой стороны упущеніе изъ виду *мелочныхъ* предосторожностей бываетъ причиною того, что дома обкрадываются или поджигаются. Ночные воры, вообще, не разбиваютъ главнаго входа въ домъ, но влѣзаютъ въ него чрезъ какое нибудь окошко, которое было небрежно закрыто; точно также поджигатель или беззаботный слуга не зажигаетъ боченка съ смолой, поставивши его по срединѣ комнаты, а подкладываетъ горящую спичку или свѣчной огарокъ въ солому или въ кучу стружекъ. Во многихъ случаяхъ справедлива поговорка, что «нужно заботиться о мелочахъ, крупныя же вещи сами о себѣ позаботятся».

Паронимныя (производныя) слова.

Къ разряду ошибокъ двухсмысленнаго средняго члена можетъ быть отнесена ошибка (которую логики называли *fallacia figurae dictionis*), имѣющая связь съ грамматическимъ строеніемъ языка и зависящая отъ того, что люди склонны думать, что паронимныя (или производныя) слова, т. е. суще-

ствительныя, прилагательныя, глаголы и т. д., происходящіе отъ одного корня, имѣютъ всегда точно соотвѣтствующіе смыслы въ каждомъ изъ этихъ производныхъ словъ; это же не всегда имѣетъ мѣсто. Такую ошибку было бы трудно подвести даже подъ строго-логическую форму и нужно было бы даже отказаться отъ попытокъ къ этому, такъ какъ она содержитъ два среднихъ члена не только по звуку, но и по смыслу. Но въ практикѣ чрезвычайно часто видоизмѣняютъ употребляемыя слова ради грамматическихъ удобствъ, и въ этомъ нѣтъ ничего неправильнаго, коль скоро *смыслъ* остается неизмѣннымъ; напр. «тотъ, кто совершилъ убійство заслуживаетъ смерти; этотъ человѣкъ убійца, слѣдовательно онъ долженъ умереть» и т. д. Здѣсь допускается (и въ этомъ случаѣ справедливо), что «совершить убійство» и «быть убійцею»,— «заслужить смерть» и быть такимъ, который «долженъ умереть», вполнѣ соотвѣтствующія и равнозначущія выраженія. Во многихъ случаяхъ, было бы въ высшей степени неудобно не имѣть права пользоваться такого рода свободой, хотя злоупотребленіе ею и приводитъ къ упомянутой ошибкѣ, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «прожектеры не заслуживаютъ довѣрія; этотъ человѣкъ составилъ проэктъ, слѣдовательно онъ не заслуживаетъ довѣрія (*). Здѣсь софистъ основывается на допущеніи, что всякій составитель *проэкта* долженъ быть *прожектеромъ*,

---

(*) Adam Smith. «*Богатство народовъ*».

между тѣмъ какъ дурное свойство подразумѣваемое послѣднимъ названіемъ, не вполнѣ содержится въ первомъ. Ошибку эту можно часто разсматривать, какъ содержащуюся не въ среднемъ членѣ, а въ одномъ изъ терминовъ заключенія; при этомъ выводимое заключеніе на самомъ дѣлѣ не содержалось въ посылкахъ, хотя грамматическое сродство словъ и придаетъ ему такой видъ. Напр. «знакомство съ преступникомъ есть *улика* преступности; этотъ человѣкъ знакомъ съ преступникомъ, слѣдовательно мы можемъ уличить его въ преступности». Этотъ доводъ построенъ на допущеніи совершеннаго соотвѣтствія между словами улика и уличать, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ «улика» обыкновенно употребляется въ смыслѣ *нѣкотораго подозрѣнія*, между тѣмъ какъ уличать будетъ уже слѣдствіемъ дѣйствительнаго убѣжденія.

Предъидущее замѣчаніе можетъ быть приложено къ нѣкоторымъ другимъ случаямъ двухсмысленности словъ, когда напр. заключеніе содержитъ слово, которое (хотя и не отличается по *выраженію* отъ соотвѣтствующаго ему слова въ посылкѣ) *можетъ быть* понято въ другомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который ему приписывается въ посылкахъ. Вообще впрочемъ такая посылка рѣже встрѣчается, потому что она имѣетъ меньше вѣроятія быть принятою въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ предъидущихъ, гдѣ слово, употребляемое въ заключеніи и будто-бы въ томъ-же самомъ смыслѣ, какъ и въ посылкѣ, имѣетъ другую *форму выраженія* и, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, больше *шансовъ* на то, что смыслъ

его другой; а это и есть именно то, чего добиваются софисты.

Можно привести безчисленное множество примѣровъ несоотвѣтствія между производными словами, сходнаго съ тѣмъ, которое обнаруживается въ выше приведенныхъ примѣрахъ, какъ напр. между *искусство* и *искусстный*, между *промыслъ* и *промышляющій*, *вѣра* и *вѣрный* и т. под. И чѣмъ менѣе разницы между смыслами, тѣмъ легче поддаться ошибкѣ, такъ какъ при значительномъ различіи смысла словъ всякій замѣтитъ ошибку и она можетъ быть сдѣлана только шутя.

Въ практикѣ, ошибка эта не можетъ быть опровергнута (исключая того случая, когда вы имѣете дѣло съ настоящимъ логикомъ) простымъ указаніемъ на невозможность привести такое доказательство къ строго-логической формѣ. Остается указать на несоотвѣтствіе вводимыхъ словъ, какъ напр. въ вышеприведенномъ примѣрѣ можетъ быть замѣчено, что можно говорить о *сильной* и *слабой* «уликѣ», между тѣмъ какъ эти эпитеты не прибавляются къ глаголу уличать, потому что подъ этимъ словомъ, мы подразумѣваемъ уже *актъ обвиненія по сильнымъ уликамъ*.

Въ спорахъ подобныя ошибки особенно часто встрѣчаются, такъ какъ при нихъ софисту представляется возможность перетолковать положеніе, допущенное или поддерживаемое его противникомъ и употребить его какъ оружіе противъ него. Такъ, легко себѣ представить, что въ разсмотрѣнномъ

примѣрѣ одна изъ посылокъ взята софистомъ у своего оппонента (*).

Этимологія.

Разсмотрѣнная ошибка находится въ близкой связи и можетъ быть даже разсматриваема, какъ одно изъ видоизмѣненій ошибокъ, основанныхъ на *Этимологіи*, въ которыхъ слово употребляется одинъ разъ въ своемъ обыкновенномъ, въ другой же разъ— въ этимологическомъ смыслѣ. Вѣроятно, слово *представитель* даетъ поводъ къ одному изъ самыхъ частыхъ повтореній такой ошибки: допустивши, что настоящій смыслъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ точному и первоначальному смыслу глагола «представлять», софистъ убѣждаетъ толпу въ томъ, что членъ Палаты Общинъ обязанъ во всѣхъ случаяхъ руководствоваться мнѣніемъ своихъ довѣрителей и вообще только *говорить за нихъ*, между тѣмъ какъ законъ и обычай, на основаніи которыхъ смыслъ этого слова долженъ быть въ настоящемъ случаѣ истолковываемъ, не требуютъ этого отъ представителя, а возлагаютъ на него обязанность дѣйствовать по *собственному* убѣжденію и на свою собственную отвѣтственность.

§ 9.

Ошибка вопроса.

Къ числу ошибокъ двухсмысленнаго средняго члена, должна быть еще отнесена такъ называемая «*fallacia plurium interrogationum*», которая можетъ

(*) Лексиконъ такихъ производныхъ словъ, значенія которыхъ вполнѣ соотвѣтствующія, былъ бы также полезенъ, какъ и лексиконъ синонимовъ, т. е. *псевдо-синонимовъ*.

быть просто названа «ошибкою вопроса». Состоитъ она въ томъ, что задаются нѣсколько вопросовъ подъ видомъ одного, такъ что когда даютъ какой бы то ни было *одинъ* отвѣтъ, приложимый только вообще къ одному изъ подразумѣваемыхъ вопросовъ, то онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ отвѣтъ на другой вопросъ. Общимъ средствомъ для уничтоженія этой ошибки служатъ *отдѣльные* отвѣты на каждый вопросъ, при чемъ двухсмысленность его обнаруживается.

Ошибка эта только въ тѣхъ случаяхъ и имѣетъ мѣсто, когда «нѣсколько вопросовъ *представляются въ видѣ одного*». По этому слѣдующій примѣръ, приводимый Ольдричемъ не относится къ числу такихъ ошибокъ: «не есть-ли человѣкъ животное или камень». Здѣсь *отчетливо* и *сознательно* задаются два вопроса, и въ этомъ (какъ и въ совмѣстномъ высказываніи двухъ положеній) нѣтъ ничего, могущаго сбивать другихъ.

Мы уже сказали, что эта ошибка можетъ быть отнесена къ числу ошибокъ двухсмысленнаго средняго члена. Очень часто въ разсужденіяхъ, одна изъ посылокъ высказывается въ видѣ вопроса, остальныя же части разсужденія высказываются уже тогда, когда полученъ отвѣтъ на вопросъ; при этомъ если одинъ изъ терминовъ вопроса двухсмысленъ, то на какой-бы изъ этихъ смысловъ ни былъ данъ отвѣтъ, а софистъ всегда употребитъ *другой* смыслъ этого термина въ остающейся посылкѣ. Такъ, сомнительному положенію даютъ часто видъ такого вопроса, относительно отвѣта на который *трудно сомнѣ-*

ваться; но коль скоро такія сомнѣнія возможны, то софисту представляется возможность пустить въ ходъ два ошибочные вывода. Такъ вопросъ, «можетъ-ли порочная вещь идти въ прокъ», разсматриваемый Цицерономъ (и повидимому весьма затрудняющій его) долженъ быть отнесенъ къ числу ошибокъ вопроса, вслѣдствіе двухсмысленности слова «въ прокъ»; оно по временамъ значитъ, «то, что ведетъ къ временному благосостоянію», иногда же «то, что ведетъ къ наивысшему благу». Будетъ ли отвѣтъ положительный или отрицательный, софисту представляется случай воспользоваться двухсмысленностью этого слова: при отрицательномъ отвѣтѣ доводы его могутъ быть такого рода — «то, что порочно не идетъ въ прокъ; то, что ведетъ къ пріобрѣтенію благосостоянія и увеличенію богатства, идетъ въ прокъ,— слѣдовательно оно непорочно». При положительномъ же отвѣтѣ на этотъ вопросъ, онъ могъ бы высказать такое разсужденіе: «то, что идетъ въ прокъ желательно; нѣкоторыя порочныя вещи идутъ въ прокъ, слѣдовательно онѣ желательны» (*).

Такъ, одинъ парламентскій комитетъ (въ 1832)

(*) Большая часть разглагольствованій противъ того, что называется «ученіемъ о достиженіи цѣли», хотя этому названію не придаютъ опредѣленнаго смысла (а между тѣмъ какъ бы противуполагаютъ «правильное» и «ведущее къ цѣли»), которыми сбиваютъ часто съ толку народныя собранія, могли бы быть оборваны слѣдующимъ простымъ вопросомъ: «такъ вы допускаете что предлагаемый вамъ способъ дѣйствія *не* ведетъ къ цѣли»?

спросилъ однажды у одного свидѣтеля, не знаетъ-ли онъ «какъ давно *прекратился* въ Ирландіи обычай отдѣлять четвертую часть десятины въ пользу бѣдныхъ». Это походитъ на то, еслибы спросили у кого нибудь — «*пересталъ* ли онъ бить своего отца». Знаменитый вопросъ короля Карла II, заданный королевскому обществу, можетъ быть также отнесенъ къ числу такихъ ошибокъ: онъ спросилъ, почему мертвая рыба не увеличиваетъ (между тѣмъ какъ живая увеличиваетъ) вѣсъ сосуда съ водою. Здѣсь задается два вопроса, изъ которыхъ одинъ, а именно, дѣйствительно-ли это такъ? былъ упускаемъ нѣкоторое время многими учеными; другой-же вопросъ слѣдующій: если это такъ, то какая причина этому?

Распредѣленіе и нераспредѣленіе. Часто ошибка такого рода заключается въ неопредѣленности не самаго *смысла* слова, а тѣхъ *границъ*, въ которыхъ терминъ долженъ быть разсматриваемъ, т. е. *распредѣленъ*-ли этотъ членъ или нѣтъ. Напр. въ вопросѣ: «дѣйствовалъ-ли А въ данномъ случаѣ по такому-то побужденію»? можно подразумѣвать слѣдующій вопросъ: «было-ли это его единственное побужденіе» или «было-ли это одно изъ его побужденій»? Въ первомъ случаѣ терминъ (то что побуждало А) распредѣленъ, во второмъ нѣтъ; и если А дѣйствовалъ вслѣдствіе *нѣсколькихъ* мотивовъ, то всякій отвѣтъ на вопросъ можетъ быть перетолкованъ и заключеніе опровергнуто. Напримѣръ тѣмъ, которые оспаривали у государства право дѣлать извѣстную религію обязательною, задавали вопросъ: «имѣетъ-ли государство право

дѣлать законы обязательными»? Отрицательный отвѣтъ можетъ быть истолкованъ, какъ отрицаніе права дѣлать какіе-бы то ни было законы обязательными, чтобы повлекло за собою уничтоженіе самаго государства; при положительномъ отвѣтѣ можно толковать такъ, что ими одобряется обязательность всякихъ законовъ, которые только могутъ быть придуманы законодательною властью, будутъ-ли они обязывать людей поклоняться распятію или попирать его ногами, будутъ-ли они дѣлать обязательнымъ поклоненіе Христу или Магомету и т. под. Двухсмысленность вопроса заключается въ двухсмысленности слова «законъ», которое понимается или какъ «*нѣкоторые* законы или какъ «*всякіе законы безъ исключенія*».

§ 10.

Существенная и случайная двухсмысленность.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ двухсмысленнаго средняго члена можно разсматривать этотъ членъ, какъ имѣющій самъ по себѣ и по своей природѣ два смысла (это повидимому соотвѣтствуетъ *fallacia equivocationis* у логиковъ); въ другихъ-же случаяхъ двух-смысленность средняго члена зависитъ отъ его связи, т. е. отъ того, что *подразумѣвается вмѣстѣ* съ нимъ. Хотя трудно провести рѣзкую границу между этими двумя случаями, но подраздѣленіе это оказывается полезнымъ.

Многіе термины становятся въ практикѣ двухсмысленными, вслѣдствіе эллиптическаго (сокращеннаго) способа изложенія, въ обыкновенномъ раз-

говорномъ языкѣ; при этомъ они, собственно говоря, употребляются не въ *различныхъ смыслахъ*, а только *прикладываются* различно, на что и слѣдуетъ обращать вниманіе. Такъ, христіанскій писатель употребляетъ слово «вѣра» для означенія христіанской вѣры, а мусульмане для означенія магометанства; но въ этихъ случаяхъ слово вѣра, само по себѣ, не имѣетъ двухъ различныхъ значеній. Также точно слово «избранный» иногда прикладывается къ тѣмъ, которые могутъ воспользоваться извѣстными преимуществами (какъ называется народъ Израильскій въ Библіи или всѣ христіане въ Новомъ Завѣтѣ); иногда же слово это прикладывается къ тѣмъ, которые правильно воспользовались подобными преимуществами и этимъ заслужили *окончательную награду* (какъ въ изреченіи Спасителя «много званныхъ, но мало избранныхъ»).

Амфиболія. Къ этому же классу могутъ быть отнесены тѣ ошибки, которыя у логиковъ называются ошибками амфиболіи и которыя рѣдко попадаются на практикѣ. Амфиболическимъ изреченіемъ называется то, которое можетъ имѣть два смысла, не вслѣдствіе двухсмысленности какого нибудь изъ входящихъ въ него словъ, а вслѣдствіе возможности принимать въ немъ два различныя построенія. Напр. «сѣно песокъ покрываетъ». Къ такого рода двухсмысленностямъ относится знаменитый отвѣтъ оракула. «Aio te, Aecida, Romanus vincere posse» (который теряетъ свою двухсмысленность при переводѣ на русскій языкъ) или изреченіе вѣдьмъ

у Шекспира: «The Duce yet lives that Henry shall depose», гдѣ остается неизвѣстнымъ, кто побѣдитъ кого, Пирръ или Римляне, или кто низложитъ кого, Гейнрихъ или герцогъ. Это происходитъ при построеніи фразы, называемомъ у Французовъ «construction louche», когда неизвѣстно, какое слово подлежащее, а какое дополнительное (волны корабли нагоняютъ и т. под.). Такъ въ Никомедійскомъ символѣ вѣры, слова «сотворившаго вся» грамматически могутъ быть относимы къ Отцу или къ Сыну. Вотъ еще примѣръ амфиболіи, взятый изъ газетъ: «такіе-то отказались, наперекоръ своимъ желаніямъ и внутреннему убѣжденію, подать голосъ за А», гдѣ неизвѣстно къ чему относится «наперекоръ и т. д.», къ слову-ли «отказались» или къ слову «подать голосъ».

Двухсмысленность словъ можетъ зависѣть отъ различныхъ причинъ. Случайныя двухсмысленности.

1) Она можетъ быть случайная (когда, повидимому, нѣтъ никакой связи между двумя смыслами слова). Слово «бродить» можетъ означать или химическій процессъ, или хожденіе по неглубокой водѣ. Всякое собственное имя человѣка, когда произносится въ присутствіи двухъ людей, носящихъ это имя, будетъ также двухсмысленность, потому что можетъ означать того или другаго человѣка, смотря потому, къ которому изъ нихъ мы обращаемся. Относящіяся сюда слова, въ строгомъ смыслѣ, *двухсмысленны*.

2) При употребленіи нѣкоторыхъ словъ необходимо бываетъ обращать вниманіе на различіе Первичный и вторичный смыслъ.

между *первичнымъ* и *вторичнымъ* смысломъ этого слова (*). Первичный смыслъ какого нибудь термина (согласно общему толкованію этого изрѣченія) имѣетъ нѣсколько *неопредѣленное* и *общее* значеніе и этимъ противупологается тому *точному* и *опредѣленному* значенію, которое это же слово имѣетъ въ отдѣльныхъ искусствахъ, наукахъ или системахъ и которое называется вторичнымъ смысломъ. Такъ, у нѣкоторыхъ земледѣльцевъ слово «скотъ» прикладывается исключительно только къ рогатому скоту; у иныхъ же охотниковъ, слово «звѣрь» означаетъ только дикихъ звѣрей. Первичные смыслы этихъ словъ извѣстны каждому и подразумѣваютъ всякій скотъ и всякихъ звѣрей; въ приведенныхъ же примѣрахъ, слова эти употребляются въ ихъ вторичныхъ смыслахъ.

Нѣкоторыя замѣчанія относительно вторичнаго смысла слова «видъ», когда оно прикладывается

(*) Я знаю, что существуетъ другое мнѣніе о значеніи изрѣченія «вторичный смыслъ» и что нѣкоторые понимаютъ Ольдрича такимъ образомъ (какъ и можно на самомъ дѣлѣ понимать его выраженіе), что *всякое сказуемое* необходимо должно употребляться во вторичномъ смыслѣ. Я не стану пытаться опровергать это ученіе, потому что сознаюсь, несмотря на самое тщательное вниманіе къ его истолкованіямъ, я никогда не былъ въ состояніи понять, что собственно хотятъ сказать имъ. Во всякомъ случаѣ, основательно-ли или неосновательно это ученіе, оно не имѣетъ повидимому никакой связи съ какимъ бы то ни было логическимъ процессомъ и можетъ быть поэтому не разсматриваемо въ настоящемъ случаѣ.

къ органическимъ существамъ (т. е. означаетъ растенія или животныя, которыя можно разсматривать какъ имѣющія общее происхожденіе), см. въ приложенныхъ изслѣдованіяхъ, Книга 4, гл. 5, § 1.

Понятно, что данный терминъ можетъ имѣть нѣсколько вторичныхъ значеній, смотря по тѣмъ наукамъ, въ которыхъ онъ употребляется и въ которыхъ онъ служитъ техническимъ терминомъ. Такъ, слово «линія» въ военномъ искусствѣ означаетъ извѣстный способъ расположенія кораблей или войскъ, въ географіи — нѣкоторыя дѣленія земли, въ метрологіи — извѣстную длину и т. д., все это суть вторичные смыслы и всякій изъ нихъ означаетъ нѣкоторое «протяженіе въ длину», которое, разсматриваемое вообще, и есть собственно первичный смыслъ этого слова, довольно близко подходящій къ тому смыслу, въ которомъ оно часто употребляется въ математикѣ.

Въ немногихъ случаяхъ, вторичный смыслъ или научное значеніе термина болѣе обширно, чѣмъ его первичный смыслъ, т. е. чѣмъ тотъ, который терминъ имѣетъ въ обще-разговорномъ языкѣ; такъ «плоды» въ ботаникѣ означаютъ всякій плодъ, а въ общежитіи только съѣдобный.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, извѣстный терминъ употребляется только, то въ одномъ, то въ другомъ изъ вторичныхъ его смысловъ; въ первичномъ же смыслѣ, онъ, строго говоря, не употребляется никогда, хотя этотъ первичный смыслъ и составляетъ *часть его значенія* въ каждомъ частномъ случаѣ. Понятно, что нужна тщательная разборчивость, чтобы

избѣгнуть смѣшенія между первичнымъ и вторичнымъ смысломъ, или между различными вторичными смыслами одного и того же слова.

3) Когда связь между двумя или большимъ числомъ вещей существуетъ вслѣдствіе сходства или аналогіи, то они часто носятъ одинаковое названіе. Такъ, «листъ бумаги, листъ желѣза» называются такъ вслѣдствіе сходства ихъ съ листомъ растеній. Но связь между двумя вещами можетъ существовать при совершенномъ отсутствіи сходства между ними, такъ какъ аналогія есть сходство отношеній; такъ «*нѣжный* свѣтъ *пріятно дѣйствуетъ* на наши глаза, подобно тому, какъ нѣжный звукъ пріятно дѣйствуетъ на наше ухо». Здѣсь одно и тоже слово «*нѣжный*» прикладывается къ свѣту и къ звуку, хотя свѣтъ не похожъ самъ по себѣ на звукъ. Такъ же точно, ножка стола не похожа на ногу животнаго, или подошва горы на подошву животнаго; но нога животнаго и ножка стола имѣютъ одинаковое значеніе для животнаго и для стола, подошва же горы имѣетъ такое же положеніе относительно горы, какъ подошва животнаго относительно животнаго. Такая аналогія можетъ быть выражена подобно математической аналогіи (или пропорціи) такимъ образомъ «нога : животное = подпорка : столъ».

Вообще можно прослѣдить заимствованіе названій предметовъ нравственнаго міра (что несомнѣнно имѣло первоначально мѣсто для всѣхъ этихъ названій) отъ аналогичныхъ предметовъ міра вещественнаго, хотя въ первоначальномъ смыслѣ.

Эти названія стали неупотребительны во многихъ случаяхъ. Такъ «назидать» не употребляется болѣе въ его первоначальномъ смыслѣ надстраивать и корень этого слова весьма часто упускаютъ изъ виду, хотя существительное «зданіе» остается во всеобщемъ употребленіи и сохраняетъ свой первоначальный смыслъ.

Но когда мы говоримъ о «взвѣшиваніи» доводовъ двухъ сторонъ, или что «видимъ и чувствуемъ» силу доказательства, или о томъ, что предметъ «врѣзался въ память», то мы сознательно переносимъ здѣсь названіе по аналогіи изъ міра физическаго въ міръ нравственный.

Во всѣхъ случаяхъ, подходящихъ подъ послѣдній (3-й) разрядъ двухсмысленностей, логики называютъ одно значеніе слова *истиннымъ*, точнымъ, — второе — *переноснымъ* или неистиннымъ. Такъ слово «сладкій» употребляется въ *истинномъ* своемъ значеніи, говоря о вкусѣ и въ *переносномъ* (т. е. по аналогіи) — говоря о звукѣ; слово же «мрачный» — въ истинномъ своемъ значеніи, говоря объ освѣщеніи зданія или комнаты, и въ переносномъ — о настроеніи духа. Истинное и переносное значеніе.

Когда переносное значеніе слова основано на воображаемой анологіи и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда слово приводится для украшенія фразы, то оно называется *метафорою*. Напр. «корабль *бороздитъ* глубину» — есть метафора; потому что переворачиваніе поверхности существенно для борожденія и несущественно для корабля. Впрочемъ когда аналогія болѣе глубока и существенна, и

особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣли другихъ словъ для выраженія нашего мнѣнія, кромѣ даннаго въ переносномъ смыслѣ, то оно называется *просто аналогичнымъ* (хотя и *метафора* также аналогична). Такъ, напр. врядъ-ли кто назоветъ *метафорическими* или *фигуральными* такія изрѣченія: «ножка стола», «спинка стула», «развѣтвленіе долины» и т. под.

Есть два рода весьма распространенныхъ ошибокъ при употребленіи аналогическихъ словъ, которыя ведутъ очень часто къ смѣшенію понятій.

a) Ошибка, зависящая отъ предположенія сходства между *самими предметами* по *сходству отношеній* этихъ предметовъ къ другимъ.

b) Еще чаще встрѣчается ошибка вслѣдствіе *распространенія* аналогіи на такія стороны предметовъ, для которыхъ аналогія не существуетъ (т. е. предположенія *болѣе полной* аналогіи, если она существуетъ на самомъ дѣлѣ), вслѣдствіе невниманія къ тому, въ чемъ именно состоитъ аналогія.

Напр. слово «слуги», встрѣчаемое нами въ переводахъ библіи и другихъ древнихъ книгъ, служитъ названіемъ по аналогіи и для нынѣшнихъ слугъ. Аналогія состоитъ въ тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на нашихъ слугахъ: прислуживать своимъ господамъ и исполнять ихъ приказанія. Въ этомъ отношеніи наши и древніе «слуги» дѣйствительно аналогичны и соотвѣтствуютъ другъ другу. На этомъ основаніи нѣкоторые выдумали прикладывать все сказанное въ Священномъ пи-

саніи о господахъ и слугахъ къ нашему времени, забывая при этомъ, что аналогія между тѣмъ и другимъ не полная и касается только выше указанныхъ сходныхъ сторонъ. Дѣйствительно «слуги» въ древности (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда говорится о *нанятыхъ* слугахъ) были *«рабами»* т. е. частью собственности господъ.

Связь по времени или мѣсту и проч.

4-е. Нѣкоторые предметы могутъ носить одинаковое имя (не имѣя никакой связи между собою по сходству или аналогіи) вслѣдствіе *связи по времени или мѣсту*. Сюда относится связь между *причиною* и *слѣдствіемъ*, между *частью* и *цѣлымъ* и т. под. Поренесеніе словъ такимъ образомъ отъ истиннаго къ переносному смыслу называется метонимією. Такъ слово *дверь* означаетъ какъ отверстіе въ стѣнѣ (проходъ), такъ и тѣ рамы, которыми это отверстіе закрывается; предметы-же эти не имѣютъ ни аналогіи, ни сходства между собою. Точно также, когда говорятъ «хлѣбъ имѣетъ вкусъ» и «человѣкъ имѣетъ вкусъ» (въ строгомъ смыслѣ), то слово «вкусъ» имѣетъ въ обоихъ случаяхъ различныя значенія: въ первомъ случаѣ говорится о нѣкоторомъ *качествѣ* хлѣба, во второмъ — о нѣкоторомъ *чувствѣ*, помощью котораго узнаютъ это качество; слова эти не имѣютъ никакой аналогіи между собою, хотя слово *вкусъ* одинаково прикладывается къ обоимъ. На такихъ *двузначностяхъ* словъ основаны были поражающіе парадоксы тѣхъ, которые утверждали, что въ огнѣ нѣтъ никакого тепла, или что во льду нѣтъ холода и т. под. *Чувство* тепла, холода и друг. вообще

можетъ существовать только въ чувствующемъ существѣ. Слово «достовѣрно» означаетъ или то состояніе *ума*, при которомъ мы свободны отъ сомнѣній, или же характеръ того *факта*, въ существованіи котораго мы не считаемъ возможнымъ сомнѣваться. Точно также говорятъ объ Гомерѣ вмѣсто того, чтобы говорить «труды Гомера», что также представляетъ слова въ переносномъ смыслѣ. «Выстрѣлъ» относится къ «заряду», т. е. къ тому, что кладется въ дуло, и къ самому акту стрѣльбы.

Слово «ученіе» обозначаетъ или процессъ пріобрѣтенія познаній, или же то, что познается, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: «ученіе дѣтей» и «послѣдователь такого-то ученія». Въ такомъже родѣ двусмысленно слово «владѣніе» и множество другихъ словъ. Замѣчательный и вмѣстѣ важный примѣръ двусмысленности представляютъ изрѣченія «тотъ самый», «одинъ и тотъ-же» и другія. (См. объ этихъ словахъ въ Приложеніи и также въ кн. IV, гл. V, § 1 и 2).

Отъ двусмысленностей такого рода, когда на нихъ не обращаютъ должнаго вниманія, происходитъ часто большая запутанность рѣчи. Въ греческомъ языкѣ дѣйствіе и плодъ дѣйствія выражаются всегда особенными словами и это богатство словъ и постоянная точность есть одна изъ сторонъ его, наиболѣе заслуживающихъ удивленія; напр.: πραξις — «дѣланіе чего либо»; πραγμα — «сдѣланная вещь».

Случается иногда, что два смысла одного слова не имѣютъ никакой связи между собою, но имѣютъ

связь съ третьимъ смысломъ. Напр. слово «лицо» означаетъ 1) всего человѣка (напр. «всѣми уважаемое лицо»), или 2) физіономію человѣка или 3) лучшую сторону (лицевую) матеріи или чего другаго (товаръ лицомъ). Первый и третій смыслъ не имѣютъ никакой непосредственной связи между собою, а только черезъ второй смыслъ.

Двусмысленности такого рода собственно можно разсматривать, какъ относящіяся къ первому разряду, потому что здѣсь *не видно* никакой связи между различными смыслами одного и того же слова.

Элиптическій (сокращенный) языкъ.

Другимъ источникомъ, производящимъ двусмысленность (какъ было уже замѣчено) служитъ то, что въ разговорахъ о предметахъ, о которыхъ люди привыкли часто и обыкновенно говорить, они обыкновенно говорятъ *элиптическими* выраженіями. Выраженія эти вначалѣ хорошо понимаются, но потомъ ихъ элиптическій характеръ упускается изъ виду на столько, что самое слово производитъ путаницу въ языкѣ, а слѣдовательно и въ понятіяхъ. Такъ, когда говорятъ о лицѣ, владѣющемъ состояніемъ 10,000 рублей, то это есть сокращенный способъ выраженія, означающій, собственно, что вся собственность этого лица, если бы ее продать, доставила бы означенную сумму денегъ. Въ девяносто девяти на сто случаевъ отъ этого сокращенія не происходитъ никакого смѣшенія понятій; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что это выраженіе много способствовало введенію и распространенію понятія, что «богатство состоитъ главнымъ

образомъ въ золотѣ и серебрѣ» (помощью которыхъ богатство выражается и измѣряется) и что лучшее средство для обогащенія страны состоитъ въ поощреніи ввоза и въ запрещеніи вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, или тому подобныхъ цѣнностей, составляющихъ такъ называемую «меркантильную систему». Точно также обыкновенно говорятъ такъ: «наказаніе такого-то преступника послужитъ *примѣромъ* для *предостереженія* другихъ отъ преступленія». Этотъ сокращенный способъ выраженія также вообще не ведетъ къ неправильному толкованію смысла фразы. Но софисты могутъ иногда воспользоваться имъ и сбить съ толку недогадливыхъ людей. Собственно говоря предостереженіе отъ преступленія въ разсматриваемомъ здѣсь случаѣ состоитъ въ *боязни самому* подвергнуться наказанію и *эта боязнь* можетъ быть вызвана *примѣромъ* наказанія другаго; но она можетъ быть вызвана и *безъ* этого примѣра, если только наказаніе будетъ объявлено, и можно думать, что такое объявленіе произведетъ свое дѣйствіе. Съ другой стороны примѣръ чужаго наказанія не предостерегаетъ того, въ которомъ оно *не* вызоветъ боязни за самого себя, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто считаетъ себя *неподлежащимъ* наказанію, какъ напр. деспоты въ дикихъ странахъ или безнравственные богачи, разсчитывающіе на подкупъ.

Точно также, когда человѣкъ жалуется, что онъ «безъ дѣла», или что онъ «ищетъ занятія» и «надѣется жить работою», то все это суть сокращенія рѣчи, вообще хорошо понимаемыя. Всѣ

мы знаемъ, что для жизни нужна пища и что кто ищетъ работы, тотъ нуждается въ пищѣ или въ другихъ необходимыхъ для жизни предметахъ, которые онъ надѣется получить въ обмѣнъ на свою работу и на которые, безъ работы, онъ не можетъ разсчитывать. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ сокращенный способъ говорить привелъ упускавшихъ изъ виду точный смыслъ этихъ выраженій къ положенію, что все то благодѣтельно для рабочаго класса, что *доставляетъ ему занятіе*, т. е. причиняетъ заботы, хотя бы этому увеличенію работы въ данной странѣ не соотвѣтствовало увеличеніе въ предметахъ для питанія и другихъ потребностей (*). Можно представить себѣ, что снѣжный наметъ, загромоздившій дорогу, и жила цѣнной руды дадутъ занятіе для одинаковаго числа работниковъ.

Чтобы избѣгнуть двусмысленности, нужно дать *опредѣленіе* термина, относительно котораго можно думать, что онъ можетъ имѣть различные смыслы; опредѣленіе должно быть *словесное* и не *дѣйствительное*, какъ было замѣчено въ Кн. II, гл. V.

Когда опредѣленіе бываетъ особенно нужно.

Необходимо замѣтить здѣсь, что то именно обстоятельство, которое въ данномъ случаѣ «дѣлаетъ опредѣленіе наиболѣе нужнымъ, можетъ склонить насъ къ *упущенію* его изъ вида». Дѣйствительно, когда употребляютъ терминъ, рѣдко вводимый въ разговорный языкъ, какъ напр. «параллелограмъ», «шаръ», «касательная», «пучекъ

(*) Pol. Econ. Лекц. IX.

лучей», «преломленіе», «кислородъ», «щелочи» и т. под. — то учащійся всегда готовъ составить, а писатель — предупредить его вопросъ о значеніи того или другаго термина. Хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ отвѣчать на такіе вопросы и давать опредѣленія, но, изъ двухъ случаевъ, опредѣленіе особенно нужно бываетъ тогда, когда его могутъ не спросить, когда слово, не будучи новымъ для учащагося, потому что употребляется въ обыденномъ разговорѣ, имѣетъ двоякій смыслъ, — что составляетъ самый обыкновенный случай для такихъ словъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя я и признаю, какъ сказано уже, что лучше съ самаго начала опредѣлять слова, звучащія странно и неправильно, но относительно ихъ значенія учащійся мало по малу составитъ себѣ довольно точное понятіе по мѣрѣ изученія предмета, такъ какъ ни что не сбиваетъ его съ толку и такъ какъ всѣ свои свѣдѣнія о значеніи термина онъ черпаетъ изъ изучаемаго имъ сочиненія. Самое желаніе его имѣть опредѣленіе для незнакомаго термина будетъ побуждать искать и вообще приведетъ къ достаточно точному, для него самого, опредѣленію.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о тѣхъ словахъ, къ которымъ привыкло наше ухо. Для такихъ словъ учащіеся обыкновенно не спрашиваютъ опредѣленій, предполагая, что они хорошо понимаютъ ихъ, хотя и можетъ случиться, что они на самомъ дѣлѣ (сами того не подозрѣвая) привыкли употреблять ихъ въ различныхъ смыслахъ и при-

писываютъ имъ неопредѣленное и неточное значеніе. Если вы станете говорить передъ кѣмъ либо, не учившимся въ школѣ, о какомъ либо предметѣ, имѣющемъ *сферическую* или круговую или *цилиндрическую* форму, то онъ навѣрное просилъ бы васъ объяснить значеніе вашей рѣчи; напротивъ, если вы скажете о какомъ либо предметѣ, что онъ *круглый*, то онъ не потребуетъ никакого объясненія, хотя онъ привыкъ употреблять это слово безъ различія для обозначенія выше упомянутыхъ трехъ формъ (*).

Впрочемъ нужно замѣтить (**) что, для устраненія такихъ ошибокъ или словесныхъ споровъ, нужно только употреблять данный терминъ всегда въ одинаковомъ смыслѣ, *на сколько дѣло касается изслѣдуемаго вопроса*. Такъ можетъ случиться, что два лица, при разсужденіи о томъ, былъ-ли Августъ *великій* человѣкъ, имѣютъ о словѣ «великій» не совсѣмъ сходныя понятія, но различіе между которыми несущественно для занимающаго ихъ вопроса; такъ одно лицо этимъ словомъ обозначаетъ только выдающіяся умственныя и нравственныя *качества*, между тѣмъ какъ другое даетъ этому слову такое значеніе, что эпитетъ «великій» всегда предполагаетъ совершеніе блестящихъ *дѣяній*. Въ настоящемъ случаѣ *отвлеченное* различіе между значеніями одного слова не произвело бы замѣшательства въ спорѣ, потому что Августъ соединялъ

(*) Pol. Econ. Lect. IX.

(**) См. Кн. II, гл. V, § 6.

въ себѣ свойства; считаемыя за принадлежности «великихъ» людей, какъ однимъ, такъ и другимъ спорщикомъ; но если бы одна изъ спорящихъ сторонъ (но не та и другая заразъ) подъ эпитетомъ «великій» понимала-бы чистый патріотизмъ, безкорыстный характеръ и т. под., то произошло бы несогласіе относительно прилагаемости термина къ Августу, хотя бы оба лица и согласились относительно его, что онъ не обладалъ послѣдними качествами (*). Поэтому опредѣленіе, разсматривая его какъ радикальное средство противъ двусмысленности, нужно употреблять и требовать его, принимая во вниманіе только что разсмотрѣнное обстоятельство: въ каждомъ частномъ случаѣ достаточно опредѣлить терминъ на столько, *на сколько это касается разсматриваемаго вопроса.*

Если бы мы, напр. упрекали кого либо за то, что онъ оставилъ церковь, которой онъ былъ членомъ, по прихоти, а не вслѣдствіе сильнаго и сознательнаго убѣжденія, и если бы, въ отвѣтъ на наши увѣщанія, онъ спросилъ бы насъ, что мы понимаемъ подъ словомъ *Церковь*, то вопросъ его былъ бы не кстати, если только онъ этимъ не хотѣлъ сказать, что оставляемая имъ община не есть церковь. Но если-бы мы и послѣ этого, называя какую бы то ни было религіозную общину, существующую на землѣ, всемірною или католическою, продолжали настаивать, что всякій христіанинъ обязанъ подчиняться ея приказаніямъ и опредѣленіямъ и

(*) См. Кн. IV, гл. IV, § 1.

что всякій, не принадлежащій къ ней, находится внѣ лона христовой *церкви*, то отъ насъ могутъ совершенно справедливо потребовать опредѣленія и притомъ такого, которое согласовалось бы съ фактами.

§ 11.

Двусмысленность, зависящая *отъ сопровождающихъ словъ*, бываетъ различныхъ родовъ. Иные изъ этихъ родовъ были перечисляемы писателями по Логикѣ, хотя они и не отнесли ихъ къ одному общему классу (подъ который они всѣ подведены здѣсь), и причисляли одни изъ нихъ къ ошибкамъ въ словахъ (in dictione), другіе же — къ ошибкамъ въ сущности (extra dictionem).

Мы можемъ разсматривать, какъ первый родъ этихъ ошибокъ, совмѣстныя ошибки «раздѣленія» и «составленія», такъ какъ въ каждой изъ нихъ средній членъ употребляется въ одной посылкѣ *собирательно*, а въ другой *распредѣлительно*. Если первое имѣетъ мѣсто для большей посылки, а второе для меньшей, то это называется «ошибкой раздѣленія», такъ какъ слово, употребляемое сперва собирательно, впослѣдствіи распредѣляется; «ошибка составленія» — въ обратномъ случаѣ. Обыкновенные примѣры такихъ ошибокъ суть слѣдующіе: «Всѣ углы треугольника равны двумъ прямымъ угламъ; АВС есть уголъ треугольника,—слѣдовательно онъ равенъ двумъ прямымъ»; «пять есть одно число; три и два составляютъ пять, — слѣдовательно три

Ошибки раздѣленія и составленія.

и два есть одно число»; или «три и два суть два числа, три и два составляютъ пять, слѣдовательно пять есть два числа». Ясно, что въ послѣднемъ примѣрѣ средній членъ «три и два» двусмысленъ, такъ какъ въ большей посылкѣ нужно сказать «три и два, взятые отдѣльно», а въ меньшей — «взятые вмѣстѣ». Тоже можно сказать и объ остальныхъ примѣрахъ.

Сюда не должна быть отнесена весьма распространенная ошибка преувеличенія вѣроятности заключенія въ тѣхъ случаяхъ, когда каждая посылка только вѣроятна; вѣроятность заключенія въ разныхъ случаяхъ меньше вѣроятности *наименѣе* вѣроятной посылки. (*) Предполагая, что вѣроятность

(*) См. ниже § 14. Нѣкоторые выказываютъ презрѣніе всякимъ такого рода вычисленіямъ, ссылаясь на то, что мы не можемъ вполнѣ достовѣрно опредѣлить степень точности каждой посылки. Это справедливо; но эта *неизбѣжная* недостовѣрность не должна мѣшать намъ остерегаться *добавочнаго* источника недостовѣрности, которой *можно* избѣгнуть. Есть нѣкоторая выгода въ томъ, что бы имѣть не *болѣе* сомнѣній относительно достовѣрности заключенія, чѣмъ мы имѣемъ относительно посылокъ.

Есть даже предпріятія, которыя основаны на вычисленіяхъ такого рода, въ которыхъ приняты во вниманіе случайности самыхъ различныхъ родовъ, вѣроятность которыхъ можетъ быть оцѣнена только догадочно, — какъ въ страхованіяхъ не только отъ обыкновенныхъ случайностей (вѣроятность которыхъ извлекается изъ статистическихъ таблицъ), но и отъ всѣхъ возможныхъ случайностей, вѣроятности которыхъ никто не можетъ точно оцѣнить. Во всякомъ случаѣ вычисленіе основывается на лучшихъ данныхъ, какія только могутъ быть добыты.

одной изъ посылокъ есть $^6/_{10}$, и другой $^7/_{10}$ (т. е. каждая посылка имѣетъ *за* себя болѣе шансовъ, чѣмъ *противъ* себя), то вѣроятность заключенія будетъ только $^{42}/_{100}$, т. е. немного болѣе $^2/_5$; заключеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ болѣе *противъ* себя, чѣмъ *за* себя. Ошибка эта можетъ быть удобно выражена въ условной формѣ, вообще удобной для всѣхъ ошибокъ съ двусмысленнымъ среднимъ членомъ. Напр. «Если вѣроятнѣе то, что обѣ посылки справедливы (взятыя вмѣстѣ), чѣмъ то, что онѣ несправедливы, то вѣроятнѣе и то, что заключеніе справедливо; но справедливость обѣихъ посылокъ (взятыхъ порознь) болѣе вѣроятна, чѣмъ ихъ несправедливость — слѣдовательно и справедливость заключенія болѣе вѣроятна, чѣмъ его несправедливость». Здѣсь одинъ терминъ — а именно «справедливость посылокъ болѣе вѣроятна, чѣмъ невѣроятна» въ первой посылкѣ взятъ *собирательно*, а во второй — *распредѣлительно*.

Къ такого же рода ошибкамъ должна быть отнесена ошибка, которая иногда приводила или заставляла думать, что пришли къ заключенію, признающему ученіе о необходимости. Напр. «кто необходимо идетъ или стоитъ (т. е. собственно говоря «кто *необходимо стоитъ* или *необходимо идетъ*), тотъ не свободно дѣйствуетъ; вы должны необходимо итти или стоять (т. е. вы должны необходимо *сдѣлать то или другое*), — слѣдовательно вы не свободно дѣйствуете». Подобную же ошибку дѣлаютъ азартные игроки въ лотерею: «большой выигрышъ не составляетъ необыкновеннаго случая; то что не

составляетъ необыкновеннаго случая, то можно справедливо ожидать; слѣдовательно большой выигрышъ можетъ быть справедливо ожидаемъ.» Здѣсь заключеніе, прикладываемое къ отдѣльной личности (что всегда бываетъ въ дѣйствительности), должно быть понимаемо такъ: «можетъ быть справедливо ожидаемъ нѣкоторымъ лицомъ». Поэтому въ большой посылкѣ, чтобы она была вѣрною, нужно средній членъ понимать въ такомъ смыслѣ: «не составляетъ необыкновеннаго случая для нѣкотораго лица»; изъ этого же слѣдуетъ, что въ меньшей посылкѣ (которая стоитъ здѣсь первою), для того, чтобы она была вѣрною, нужно поставить: «не составляетъ необыкновеннаго случая для *того или другого* лица». Здѣсь, слѣдовательно, сдѣлана ошибка составленія.

Нѣтъ ошибки болѣе обыкновенной и болѣе способной ввести въ заблужденіе, чѣмъ разсматриваемая нами. Обыкновенно она дѣлается въ слѣдующей формѣ: постановляется истина, *отдѣльно* относящаяся къ *каждому отдѣльному* члену нѣкотораго класса, и за тѣмъ заключаютъ тоже самое обо *всемъ* классѣ *въ совокупности*. Такъ нѣкоторые невѣрующіе старались доказать относительно нѣкоторыхъ чудесъ Господа нашего Іисуса Христа, что они могли произойти отъ случайнаго стеченія различныхъ естественныхъ обстоятельствъ; затѣмъ они пытаются доказать тоже самое относительно другихъ чудесъ, и т. д.; наконецъ выводятъ заключеніе, что *всѣ* они, разсматриваемыя послѣдовательно одно за другимъ,

могли быть такими же случайными стеченіями обстоятельствъ. Съ такимъ же основаніемъ они могли бы говорить, что «вслѣдствіе не особенной невѣроятности того, что кто либо попадетъ на шесть (въ домино) въ какой бы то ни было изъ ста кидковъ, не особенно невѣроятно и то, что кто нибудь попадетъ на шесть всѣ сто кидковъ подъ рядъ».

Таумотропическая ошибка.

Часто случается, что два предмета, которые заразъ *несовмѣстны*, хотя каждый изъ нихъ и доступенъ порознь, неосновательно кажутся совмѣстными, вслѣдствіе частаго перехода отъ одного изъ нихъ къ другому. Напр. можно доказать, что 100 фунт. стерл. могли бы произвести *этотъ* предметъ; затѣмъ,—что они же могли бы произвести *другой* предметъ; послѣ этого снова возвращаются къ первому предмету, потомъ ко второму, до тѣхъ поръ, пока не составится представленіе о возможности произвести *оба* предмета съ этими 100 ф. Посредствомъ ловкаго и частаго сопоставленія двухъ отдѣльныхъ предметовъ, можно вызвать *въ умѣ* невнимательнаго читателя впечатлѣніе совмѣстности между предметами, между тѣмъ какъ *въ дѣйствительности* предметы эти не могутъ быть совмѣщены. Ошибочное мнѣніе, вызываемое такимъ образомъ, имѣетъ поразительное сходство съ оптической иллюзіею, производимою посредствомъ остроумной и научной игрушки, называемой таумотропомъ; въ ней два предмета, нарисованные на противоположныхъ сторонахъ картона, напр. человѣкъ и лошадь, или птица и клѣтка,—вслѣдствіе

быстраго поворачиванія картона, производятъ на глазъ совмѣстное впечатлѣніе и вызываютъ впечатлѣніе одного изображенія, напр. человѣка на лошади или птицы въ клѣткѣ. Но коль скоро картонъ не вращается, то мы видимъ изображенія, какъ они есть, отдѣльно и на противоположныхъ сторонахъ картона. Весьма сходна съ этою умственная иллюзія, производимая быстрымъ и попеременнымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому, вслѣдствіе котораго въ умѣ составляется представленіе о дѣйствительномъ соединеніи предметовъ, которые на самомъ дѣлѣ несовмѣстимы. Большая часть доводовъ, выставляемыхъ различными писателями въ защиту системы *ссыльныхъ колоній*, состоитъ главнымъ образомъ въ нѣкотораго рода умственныхъ таумотропахъ. *Благоденствіе колоніи* и *укрощеніе преступленій*, посредствомъ быстрыхъ переходовъ отъ одного къ другому, представляются уму соединенными въ одно представленіе. Но при сколько нибудь спокойномъ и внимательномъ разсмотрѣніи предмета легко будетъ увидѣть, что оба предмета нарисованы на противоположныхъ сторонахъ картона (*).

Двусмысленность слова «всѣ».

Ошибка «дѣленія» очень часто можетъ быть разсматриваема, какъ зависящая отъ двусмысленности слова «всѣ», и можетъ быть легко устранена подстановкою вмѣсто него словъ «каждый», «всякій», когда значеніе его таково. Напр. «всѣ эти деревья даютъ густую тѣнь» двусмысленно, такъ какъ фраза

(*) Remarks on Transportation, стр. 25 и 26.

можетъ означать или что «каждое изъ этихъ деревьевъ», или «всѣ они вмѣстѣ».

Этою ошибкою люди весьма склонны *обманывать самихъ себя:* при представленіи множества особенностей уму, многіе, по слабости или по лѣности, не могутъ возвысить всѣ особенности заразъ, а ограничиваются отдѣльнымъ и попремѣннымъ разсмотрѣніемъ каждой изъ нихъ и рѣшаютъ, дѣлаютъ заключенія и дѣйствуютъ на этихъ основаніяхъ. Такъ расточительный человѣкъ, находя, что онъ можетъ сдѣлать эту, *или* другую, *или* третью затрату, забываетъ, что *всѣ* эти *затраты, сдѣланныя заразъ*, разоряютъ его.

Къ тому-же разряду должно быть отнесено ошибочное разсужденіе, посредствомъ котораго люди оправдываютъ самихъ себя предъ собственною совѣстью и передъ другими лицами за пренебреженіе къ выполненію тѣхъ *неопредѣленныхъ* обязанностей, способъ выполненія которыхъ, хотя онѣ и неизбѣжны и выполненіе ихъ, слѣдовательно, не зависитъ отъ нашего произвола, предоставляется на наше благоусмотрѣніе, точно также какъ и выборъ случаевъ ихъ примѣненія. Такъ говорятъ часто: «я не обязанъ участвовать въ этомъ именно благотворительномъ дѣлѣ; ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ»—и приходятъ къ *практическому* выводу, что можно совершенно обойтись безъ *всякой* благотворительности.

Подобно тому какъ люди склонны забывать, что всякія два обстоятельства (не связанныя между собою естественно) рѣже встрѣчаются вмѣстѣ, чѣмъ

порознь, хотя и не могутъ быть разсматриваемы какъ вполнѣ несовмѣстныя; точно также они склонны думать, находя, что предметы рѣдко *бываютъ* въ соединеніи, что между ними *существуетъ* несовмѣстность. Напр. если существуетъ вѣроятность десять противъ одного, что человѣкъ не обладаетъ сильными умственными способностями, и такая же вѣроятность — что онъ имѣетъ прекрасный вкусъ, то вѣроятность противъ соединенія обоихъ качествъ (предполагая, что между ними не существуетъ ни связи, ни противорѣчія) будетъ сто на одинъ. Многіе, находя соединеніе этихъ качествъ въ столь рѣдкихъ случаяхъ, станутъ заключать, что они въ нѣкоторой мѣрѣ несовмѣстимы. Ошибку эту можно выразить въ видѣ нераспредѣленнаго средняго члена: «несходныя качества рѣдко бываютъ въ соединеніи; превосходство умственныхъ способностей и вкуса рѣдко бываютъ въ соединеніи; поэтому эти качества не сходны между собою».

Прибавленіе къ § 11 (*).

Я недавно замѣтилъ, что прежнія разсужденія вызвали недоразумѣніе, на которое я не разсчитывалъ и потому принялъ мѣры противъ него; и что особенно странно, это то, что въ эту ошибку впали люди, не лишенные ни разсудка вообще, ни образованія.

Когда я говорю о выраженіи въ видѣ дроби

(*) Это прибавленіе въ подлинникѣ помѣщено въ концѣ книги. Ред.

вѣроятной справедливости какого бы то ни было предложенія, то нѣкоторые предположили, на этомъ основаніи, не высказывая этого явно, что дробь, дополняющая данную вѣроятность до единицы, т. е. остающіеся шансы должны показывать *вѣроятность несправедливости* этого же предложенія. Такъ, когда какіе либо свидѣтели показываютъ, что они видѣли А. В. въ Лондонѣ въ извѣстное время, и найдено, что всѣ показанія ихъ дѣлаютъ вѣроятность дѣйствительнаго нахожденія А. В. въ Лондонѣ равною $^4/_7$, то предполагаютъ, не имѣя на то ни малѣйшаго основанія, что это указываетъ на вѣроятность, равную $^3/_7$, что онъ *не былъ* въ Лондонѣ, а гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, хотя, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего доказывающаго это. Дѣйствительно $^3/_7$ выражаетъ только *совмѣстность* его неприсутствія въ Лондонѣ съ показаніями, данными свидѣтелями. Если бы даже оказалось, что показанія свидѣтелей были не только сомнительнаго свойства, но что они совершенно не заслуживаютъ вѣры и что потому на нихъ вовсе не слѣдуетъ полагаться, то и тогда, можетъ быть, что А. В. былъ въ Лондонѣ и что могутъ быть найдены несомнѣнныя доказательства этого. Хотя опровергнутый доводъ, какъ я замѣтилъ выше, и долженъ итти за ничто, но онъ часто принимается неосмотрительными и поспѣшными людьми за *опроверженіе* заключенія. Не смотря на то, что мнѣніе это, будучи высказано отчетливо, кажется неподлежащимъ сомнѣнію труизмомъ, оно, въ практикѣ, постоянно упускается изъ виду.

Представьте себѣ, что кто либо, ссылаясь на извѣстные органическіе остатки, открываемые въ наслоеніяхъ земли и на нѣкоторыя собранныя имъ преданія, сталъ бы доказывать существованіе Ноева потопа и что, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ доводовъ, оказалось бы, что вѣроятность дѣйствительнаго существованія его доходитъ только до 1/2 или даже менѣе того, то какъ бы нелѣпо было думать на этомъ основаніи, что столь же вѣроятно, что потопъ существовалъ, какъ и то, что *никакого* такого потопа не было. Тщательное и длинное вычисленіе, вѣрное во всемъ, исключая одного совершенно неосновательнаго начальнаго положенія, которое впрочемъ не высказано отчетливо, можетъ часто ввести въ заблужденіе какъ автора, такъ и читателя.

Правда, въ нѣкоторыхъ случахъ мы съ основаніемъ дѣлаемъ выводъ на основаніи приведенія слабыхъ доводовъ, *когда другихъ доводовъ не приводятъ* и когда ссылаются *исключительно* на неидущія къ дѣлу доказательства. Но въ этихъ случаяхъ выводъ дѣлается не на основаніи самыхъ доводовъ, а на основаніи *отсутствія* другихъ, когда есть основанія думать, что лучшіе доводы *были бы* приведены, если бы только они существовали.

Если напр. нѣсколько ученыхъ и умныхъ философовъ станутъ искать опроверженій для нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, и по прошествіи долгаго времени и послѣ большихъ усилій, выставятъ совершенно слабыя придирки, то это доставитъ сильное подтвержденіе истины Священнаго Писа-

нія. Но выводъ этотъ дѣлается не на основаніи самыхъ доводовъ ихъ, а на томъ, что такіе люди *нашли-бы* сильныя возраженія, если бы только оно таковыя допускало.

Точно также, когда человѣкъ, обладающій столь острымъ и счастливымъ умомъ какъ Юмъ (Hume), принимается искать во всѣхъ исторіяхъ параллели со Священнымъ Писаніемъ и приводитъ (какъ показалъ Палэй) только такія исторіи, которыя совершенно несходны съ нимъ во всѣхъ существенныхъ частяхъ, то изъ этого справедливо заключаютъ, что никакой такой параллели не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Но заключеніе это основано не на приводимыхъ Юмомъ примѣрахъ, а на основаніи того, что намъ извѣстны искуство, ученость и анти-христіанское рвеніе Юма, при которыхъ онъ несомнѣнно нашелъ бы доводы для подтвержденія своей мысли, если бы только подходящіе доводы существовали.

Всѣ эти соображенія не имѣютъ впрочемъ (какъ могъ уже замѣтить внимательный читатель) никакого отношенія къ вопросу, о которомъ я разсуждалъ и въ которомъ разсматривалась степень вѣроятности, сообщаемая данному предложенію тѣмъ или другимъ изъ приводимыхъ доводовъ, не разсуждая о томъ, существуютъ или не существуютъ другія доказательства, приводящія къ тому же заключенію.

§ 12.

Другой и вмѣстѣ послѣдній родъ ошибокъ съ двусмысленнымъ среднимъ членомъ, на который я

обращу здѣсь вниманіе и въ которомъ ошибка зависитъ отъ сопровождающихъ словъ, есть «ошибка случайная» (falacia accidentis) вмѣстѣ съ обратною ошибкою «falacia a dicto secundum quid ad dictum simplicifer». Въ обѣихъ ошибкахъ средній членъ употребляется въ одной посылкѣ для обозначенія чего либо разсматриваемаго просто и непосредственно по существу, въ другой же посылкѣ этотъ терминъ обозначаетъ предметъ въ совокупности съ случайными особенностями его, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «то, что покупаютъ на рынкѣ, идетъ въ пищу; сырая мука покупается на рынкѣ, слѣдовательно сырая мука идетъ въ пищу». Здѣсь въ большей посылкѣ при среднемъ терминѣ «покупается на рынкѣ» подразумѣвается еще «только по существу»; въ меньшей же при немъ подразумѣвается «при нѣкоторыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ».

Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести ошибки, основанныя вообще на случайномъ, частномъ и временномъ измѣненіи въ смыслѣ извѣстнаго термина, зависящемъ отъ различныхъ обстоятельствъ личныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, вслѣдствіе которыхъ, вмѣстѣ съ терминомъ, подразумѣвается что либо выходящее за предѣлы его точнаго и буквальнаго смысла. Такъ напр. слово «вѣрноподанность», обозначающее собственно говоря приверженность *законному* правительству, будетъ ли это правительство короля, президента, сената и т. под., смотря по государственнымъ учрежденіямъ страны, часто употребляютъ для исключительнаго обозначенія при-

верженности *королевской* власти и даже въ томъ случаѣ, когда она переступаетъ за предѣлы законности. Слово «реформатъ» иногда примѣнялось только къ протестантскимъ реформатамъ въ *религіи*, въ другое время — къ защитникамъ извѣстной *парламентской* реформы и т. под. Когда такое слово станетъ лозунгомъ и сборнымъ кличемъ партіи, то оно всегда подразумѣваетъ кое-что, не означаемое дѣйствительнымъ и буквальнымъ смысломъ этого слова. Поэтому утвержденіе о комъ либо, что онъ «вѣрноподданный» или «реформатъ» въ одномъ смыслѣ, потому что онъ призналъ себя тѣмъ или другимъ, но въ другомъ смыслѣ будетъ ошибка, которую слѣдуетъ отнести къ этому разряду.

§ 13.

Переходимъ къ нелогическимъ или ошибкамъ по существу и начнемъ съ «отсутствія вопроса» (petitio principii). **Отсутствіе вопроса.**

Неясное и нефилософское опредѣленіе, данное писателями о Логикѣ для ошибокъ «*non causa*» и «*petitio principii*», не позволяетъ намъ рѣшить, въ чемъ заключалась, по мнѣнію ихъ, разность между ними и что составляло ихъ характерныя особенности. Я не стану по этому придерживаться ихъ языка, я буду стараться самъ выражаться отчетливо, не отступая при этомъ отъ принятыхъ воззрѣній болѣе, чѣмъ это необходимо для ясности изложенія.

Пусть названіе «petitio principii» (отсутствіе вопроса) примѣняется только къ тѣмъ случаямъ, когда одна изъ посылокъ имѣетъ очевидно одинаковый смыслъ съ заключеніемъ, или когда посылка дѣйствительно доказывается посредствомъ заключенія или наконецъ такова, что ваши собесѣдники не могутъ знать ее или принять иначе, какъ выводя ее изъ заключенія (*); какъ напр. если бы кто нибудь выводилъ достовѣрность нѣкоторой исторіи на томъ основаніи, что она сообщаетъ тѣ или другіе факты, дѣйствительное существованіе которыхъ подтверждается только этою же исторіею.

Всѣ другіе случаи, когда нѣтъ достаточныхъ основаній допустить посылку (будетъ-ли она высказана, или же только подразумѣваема), я буду называть «ошибкою неосновательнаго допущенія посылки».

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ случаяхъ, (повидимому) подходящихъ подъ разсматриваемый, мы не должны спѣшить признаніемъ разсужденія ошибочнымъ. *Въ началѣ* какого либо разсужденія можетъ быть совершенно кстати допустить посылку, которая не болѣе очевидна, чѣмъ заключеніе, и представляетъ даже парадоксъ, — если только эта посылка будетъ впослѣдствіи хорошо доказана. Точно также бываетъ удобно и правильно вывести заключеніе изъ посылки, совершенно равнозначной съ нимъ, что можетъ привести къ такому виду

(*) Потому что изъ двухъ предложеній одно можетъ казаться болѣе очевиднымъ для однихъ, а другое для другихъ.

этого предложенія, въ которомъ его удобно доказывать.

Но «разсужденіе по кругу» во всякомъ случаѣ составляетъ ошибку, хотя оно часто и безсознательно употребляется въ практикѣ. Такъ напр. нѣкоторые механики пытаются доказать (то, что слѣдовало бы высказывать какъ вѣроятную, но не несомнѣнную гипотезу), что всякая частица вещества тяготѣетъ одинаково; «почему»? — Потому что тѣла, содержащія больше частицъ, всегда тяготѣютъ сильнѣе, т. е. они тяжелѣе. «Но (могутъ сказать) не всегда тяжелѣйшія тѣла имѣютъ бо̀льшіе объемы». — Это такъ, но все же они содержатъ больше частицъ, хотя частицы въ нихъ лежатъ ближе одна отъ другой, чѣмъ въ другихъ тѣлахъ. «Какимъ образомъ узнали вы это?» — Узнавши, что эти тѣла тяжелѣе. «Какимъ же образомъ это послѣднее свойство доказываетъ предыдущее?» — Такъ какъ всѣ частицы вещества тяготѣютъ одинаково, то тѣло, имѣющее наибольшій удѣльный вѣсъ, необходимо должно имѣть большее число частицъ въ данномъ объемѣ.

Разсужденіе по кругу.

Вообще, чѣмъ теснѣе «кругъ», тѣмъ менѣе вѣроятности, что онъ останется незамѣченнымъ самимъ разсуждающимъ (такъ какъ люди часто обманываютъ *самихъ* себя такимъ образомъ) или его слушателями. Но если разсужденіе состоитъ изъ длиннаго ряда вводныхъ предложеній, при посредствѣ которыхъ возвращаются къ первоначальному заключенію, то часто можетъ остаться незамѣченнымъ, что разсужденіе ведется по «кругу»,

подобно тому какъ при движеніи чего либо *по прямой линіи* (какъ мы привыкли говорить это) на плоской поверхности земли, мы совершенно не замѣчаемъ, что движеніе въ дѣйствительности происходитъ *по дугѣ круга* (вслѣдствіе того, что земля есть шаръ) и что еслибъ мы постоянно могли итти по одному направленію, то пришли бы къ тому мѣсту, изъ котораго вышли. Напротивъ, мы хорошо замѣчаемъ изгибъ, когда переходимъ черезъ небольшую гору.

Такъ напр., если кто уговариваетъ васъ подчиниться руководству его собственному или его партіи и т. под., потому что онъ или его партія стоятъ за правую сторону; затѣмъ доказываетъ, что то, за что они стоятъ, правильно, потому что этого придерживаются люди, которымъ вы обязаны подчиниться и которые составляютъ его партію; или опять, когда кто утверждаетъ, что то или другое должно быть дурно въ нравственномъ отношеніи, потому что оно осуждается въ *нравственной части* Моисеева закона, и что осужденіе этого составляетъ часть *нравственнаго* (а не формальнаго или гражданскаго) отдѣла закона, потому что это *нравственно дурно*; — въ однихъ случаяхъ «круги» на столько тѣсны, что ихъ нельзя не замѣтить, если только не будутъ вставлены нѣсколько промежуточныхъ ступеней. Особенно же легко впасть въ заблужденіе, если при каждомъ возвращеніи къ прежнему предложенію *мѣняютъ* форму выраженія, не мѣняя его смысла.

Обыкновенный пріемъ для открытія такой

ошибки состоитъ въ пріемахъ, обратныхъ тѣмъ, посредствомъ которыхъ она дѣлается незамѣтною: нужно сжать «кругъ», выключивши изъ него промежуточныя предложенія, и выразить предложеніе при его вторичномъ постановленіи такими же словами, какъ и при первомъ.

Косвенность выраженія.

Такъ какъ для успѣшнаго проведенія ошибки *petitio principii*, какъ и всѣхъ другихъ ошибокъ, весьма важны косвенность и неопредѣленность выраженія, то софистъ вообще прибѣгаетъ къ «кругу» и не рѣшится *высказать* свое положеніе относительно разсматриваемаго вопроса отчетливо, и предпочтетъ постановить нѣкоторое предложеніе, подразумѣвающее первое, (*) устраняя такимъ образомъ отъ вниманія самый разбираемый вопросъ, въ то именно время, когда онъ постановляетъ его рѣшеніе. Отъ этого происходитъ частое соединеніе этой ошибки съ *ignoratio elenchi* (см. § 15). Англійскій языкъ можетъ быть болѣе всѣхъ другихъ способенъ къ ошибкѣ petitio principii вслѣдствіе того, что она составлена изъ двухъ различныхъ языковъ и потому изобилуетъ однозначными выраженіями, не имѣющими ни сходства по звуку, ни этимологической связи. Такимъ образомъ софистъ можетъ высказать положеніе въ словахъ сак-

---

(*) Гиббонъ представляетъ самый замѣчательный образецъ такого слога. То, о чемъ онъ въ дѣйствительности хочетъ говорить, почти никогда не дѣлается подлежащимъ предложенія. Его манера писать напоминаетъ тѣхъ лицъ, которыя никогда не рѣшаются смотрѣть прямо въ глаза.

сонскаго происхожденія и какъ основаніе этого положенія привести тоже самое положеніе, высказанное посредствомъ словъ норманскаго происхожденія.

§ 14.

Невѣрное допущеніе.

Теперь переходимъ къ ошибкѣ, зависящей отъ невѣрности или по крайней мѣрѣ невѣрнаго допущенія посылки, которая не соотвѣтствуетъ и не зависитъ отъ заключенія. Ошибка эта повидимому соотвѣтствуетъ той, которую логики подразумѣваютъ, говоря объ ошибкѣ *«non causa pro causa»* (не причина за причину). Но названіе это, какъ кажется, должно бы было обнимать гораздо менѣе обширный классъ ошибокъ, такъ какъ есть одинъ видъ разсужденія, въ которомъ идутъ *отъ причины къ слѣдствію* и для котораго необходимо 1) *достаточность* причины и 2) ея постановка. Это и составляетъ двѣ посылки, и если *первая* допущена невѣрно, то мы строимъ разсужденія, идя отъ *не* достаточной причины, принимая ее за достаточную. Такъ напр. могутъ доказывать, что такой-то человѣкъ будетъ навѣрное подвергнутъ какому либо земному наказанію и скоро погибнетъ, потому что онъ былъ несправедливъ и жестокъ. Въ этомъ примѣрѣ, допустивши въ посылкѣ существованіе предполагаемой причины, софистъ выводитъ въ заключеніи существованіе ея предполагаемаго слѣдствія, существованіе котораго и составляло сущность вопроса. Наоборотъ предполагаемое слѣдствіе можетъ служить для доказа-

тельства причины, напр. при заключеніи о грѣховности кого либо по постигшимъ его земнымъ несчастіямъ. Но коль скоро предполагаемыя причина и слѣдствіе приняты какъ существующія, то софистъ можетъ сдѣлать выводъ на основаніи ихъ совмѣстнаго существованія, т. е. возьметъ какъ посылку слѣдующее предложеніе: «изъ двухъ принятыхъ нами обстоятельствъ одно есть причина другого». Такимъ путемъ Уайтфильдъ могъ приписывать постигшую его въ дорогѣ градовую бурю тому обстоятельству, что онъ не говорилъ проповѣди въ послѣднемъ городѣ; такимъ же образомъ противники Реформаціи допускаютъ, что она была причиною волненій, сопровождавшихъ ея распространеніе, и изъ этого заключаютъ, что она была зломъ.

Признакъ, выставляемый какъ причина.

Во многихъ случаяхъ *признакъ* (См. Rhetoric. Ч. 1), посредствомъ котораго мы можемъ распознавать извѣстное явленіе, разсматривается какъ причина этого явленія (какъ если бы кто нибудь принялъ паденіе ртути барометра за причину дождя, между тѣмъ какъ это есть только его признакъ), хотя часто бываетъ совершенно наоборотъ. Напр. большое количество монеты въ данной странѣ служитъ почти вѣрнымъ признакомъ ея богатства, вслѣдствіе чего на это смотрѣли иногда какъ на причину богатства, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это есть его слѣдствіе. Тоже самое относится къ многочисленному и быстро возрастающему *народонаселенію*. Такъ опять разсматривали работу, потраченную на какой нибудь предметъ потребле-

нія, какъ причину его цѣнности, между тѣмъ какъ всѣ признали-бы хорошій жемчугъ цѣннымъ предметомъ, хотя-бы онъ попался случайно при ѣдѣ устрицъ. Правда жемчуги добываются посредствомъ труднаго ырянія; но высокая цѣна ихъ зависитъ не отъ этого, и, напротивъ того, люди ныряютъ за ними вслѣдствіе ихъ дорогой цѣны (*). Также точно испытаніе нужды и лишеній въ молодости разсматривалось, какъ причина крѣпкаго тѣлосложенія людей и животныхъ, взросшихъ въ неплодородной странѣ и въ неблагопріятномъ климатѣ. Между тѣмъ опытные скотоводы на опытѣ знали, что, при тождественности остальныхъ условій, животныя тѣмъ крѣпче, чѣмъ лучше ихъ кормили и щадили въ молодости, но что вмѣстѣ съ тѣмъ дурной кормъ и дурное обхожденіе въ молодости, уничтожая всѣхъ слабыхъ, удостовѣряютъ въ крѣпости переживщихъ ихъ; крѣпость же эта есть причина, а не слѣдствіе жизни при такихъ условіяхъ. Точно также, наконецъ, если зарядить ружье до самаго дула и затѣмъ выстрѣлить, то это не дастъ намъ силы ружья, хотя и докажетъ, въ случаѣ если ружье при этомъ не будетъ разорвано, что оно было крѣпко.

Ссылки на предполагаемый опытъ.

Очень часто случается слышать, что кто нибудь съ увѣренностью говоритъ, какъ бы ссылаясь на свой собственный опытъ, что такой-то больной былъ излеченъ такимъ-то лекарствомъ, между тѣмъ

(*) Pol. Econ. Lec. IX, p. 253.

какъ ему достовѣрно *извѣстно* только, что больной принялъ лекарство и выздоровѣлъ.

Такъ же точно поступаютъ многіе, которые, не будучи въ сущности *теоретиками*, нашли *на опытѣ*, что распространеніе образованія дѣлаетъ низшій классъ неспособнымъ къ чорной работѣ. Могло дѣйствительно произойти, что имъ причинила какой-либо вредъ неспособность этихъ классовъ къ чорной работѣ, и они, при нелюбви къ образованію, не приписываютъ этого возрастанію нищенства, т. е. привычкѣ больше полагаться на вспомоществованіе прихода, чѣмъ на собственный заработокъ, что для всякаго безпристрастнаго наблюдателя служитъ самымъ естественнымъ объясненіемъ уменьшенія заработковъ. Между тѣмъ эти люди требуютъ, чтобы были приняты результаты ихъ опыта, потому что они люди *практики*, и чтобы всѣ соглашались съ ихъ неудачными указаніями на причину и слѣдствіе потому именно, что они *не* привыкли разсуждать.

Я думаю, что сюда не должны быть отнесены такъ часто развиваемыя опасенія, что какое либо *измѣненіе*, какъ бы ничтожно и безвредно само по себѣ оно ни было, есть во всякомъ случаѣ опасная вещь, потому что ведетъ къ обширнымъ и опаснымъ нововведеніямъ. Можно найти много примѣровъ, что небольшія измѣненія *сопровождались* большими и неудачными (*); но я сомнѣваюсь, что

Опасныя измѣненія, приписываемыя безопаснымъ.

(*) Post hoc, ergo propter hoc (послѣ этого и; потому, вслѣдствіе этого).

бы во всей исторіи могъ быть найденъ хотя бы одинъ примѣръ, въ которомъ большія нововведенія могли бы быть разсматриваемы какъ *причиненныя* небольшими. Вообще первое измѣненіе предшествуетъ второму; кромѣ того произведено было много неудачныхъ нововведеній,—но это, думаю я, произошло отъ ложно направленнаго стремленія къ достиженію блага или къ устраненію зла, а не изъ любви къ нововведеніямъ ради ихъ самихъ. Большинство людей въ важныхъ интересахъ жизни придерживается того, что усвоено и сдѣлалось привычнымъ, и когда они рѣшаются произвести быстрыя измѣненія, то это можетъ быть объяснено слишкомъ долгимъ *откладываніемъ* необходимыхъ перемѣнъ, вслѣдствіе чего (какъ при Реформаціи) зло достигаетъ невыносимыхъ размѣровъ, прежде чѣмъ люди подумали о томъ, какъ пособить ему. Даже въ такихъ случаяхъ многіе такъ сильно сопротивляются предлагаемому пособію, что доводятъ другихъ до опасныхъ крайностей, ссылаясь на которыя намъ съ торжествомъ говорятъ: опытъ показываетъ, что всякое начало нововведеній *причиняетъ* печальныя крайности. «Я говорилъ вамъ, что если вы только начнете исправлять вашъ домъ, то вамъ пріидется разрушить его до основанія.» — «Да, но вы были не правы: если бы я началъ поправку раньше, то можно было бы ограничиться перекладкою нѣсколькихъ кирпичей; неудача заключается не въ томъ, что снятъ первый кирпичъ, а въ томъ, что онъ оставался слишкомъ долго».

Разсужденія, подобныя вышеприведеннымъ, могли бы по справедливости быть названы «*non causa pro causa*» (не причина за причину); но невѣроятно, чтобы писатели о Логикѣ сдѣлали такое (дѣйствительно совершенно ненужное и неидущее къ дѣлу) ограниченіе. Вѣроятнѣе же то, что они смѣшивали *причину* и *доказательство*, такъ какъ вытеканіе *заключенія* изъ *посылокъ* постоянно смѣшивается ими съ вытеканіемъ *слѣдствія* или дѣйствія изъ физической *причины*. Поэтому лучше будетъ оставить названіе, могущее и впослѣдствіи вызывать это смѣшеніе понятій и называть ошибки такого рода «невѣрнымъ допущеніемъ» посылки, когда эта посылка не очевидна или не доказана удовлетворительно.

Смѣшеніе причины съ доказательствомъ.

Причины, побуждающія людей обманывать самихъ себя и другихъ принятіемъ невѣрныхъ посылокъ и при томъ такъ, *чтобы невѣрность допущенія не была замѣчена* (а въ *этомъ* и состоитъ *ошибка*), могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Иногда (какъ было замѣчено) *выпускаютъ сомнительную посылку* какъ бы потому, что она на столько очевидна, что не нуждается въ доказательствѣ или даже въ постановкѣ, и потому еще, что весь вопросъ какъ бы основывается на другой высказываемой посылкѣ. Такъ Горнъ Тукъ, посредствомъ длиннаго наведенія, доказываетъ, что всѣ частицы были когда-то именами или глаголами и изъ этого заключаетъ, что всѣ онѣ, въ дѣйствительности, ни что иное иное и что, слѣдовательно, обычное дѣленіе частей рѣчи нелѣпо. При этомъ

онъ упускаетъ изъ виду, какъ вполнѣ очевидную, другую посылку, которая совершенно невѣрна, а именно что «значеніе и смыслъ слова теперь и всегда должно быть такое же, какое оно или его корень первоначально имѣли».

Косвенное допущеніе. Иногда пристыжаютъ людей и заставляютъ ихъ принять невѣрное положеніе тѣмъ, что съ увѣренностью говорятъ имъ, что оно на столько очевидно, что сомнѣніе въ справедливости его служило бы признакомъ совершеннаго незнанія. Вообще впрочемъ, самые искусные софисты стараются избѣгнуть *прямаго утвержденія* того, что они желаютъ заставить неосновательно принять, потому что это могло бы привлечь вниманіе читателя къ изслѣдованію вопроса, вѣрно-ли это допущеніе или нѣтъ, и потому еще что то, что не подлежитъ сомнѣнію, не нуждается въ частомъ подтвержденіи. Поэтому лучше *намекнуть* на предложеніе, какъ представляющее нѣчто любопытное и замѣчательніе, подобно тому какъ члены Королевскаго Общества были озадачены вопросомъ, отчего вѣсъ сосуда съ водою не увеличивается отъ прибавленія въ него мертвой рыбы; пока они искали *причины* этого они забывали удостовѣриться въ справедливости самаго *факта*, и потому, сами того не подозрѣвая, допустили нелѣпость. Точно также, одинъ замѣчательный писатель (*), вмѣсто того, чтобы *утверждать*, что защитники Логики были поражены и оказались безъ опоры во всѣхъ спо-

(*) Дугальдъ Стюартъ.

рахъ (положеніе, если-бы только оно было высказано, неосновательность котораго можетъ быть легко доказана), только замѣчаетъ, что «нисколько не *замѣчательно* то обстоятельство и т. д.»

Тотъ, кто возстаетъ противъ всякихъ *свидѣтельствъ* въ подтвержденіе христіанства, врядъ ли рѣшится *открыто утверждать*, что такъ поступали апостолы и что они призывали людей вѣрить въ то, что они проповѣдывали, не имѣя никакихъ доказательствъ для этого вѣрованія. Такое утвержденіе составляло бы слишкомъ рѣзкое противорѣчіе истинѣ. Удобнѣе просто стоять на постоянномъ со стороны апостоловъ требованіи вѣры, расчитывая на то, что невнимательный читатель упуститъ изъ виду *основаніе*, на которомъ они основывали свои требованія, т. е. свидѣтельство чудесъ и пророчествъ. Такимъ образомъ можно убѣдить кого нибудь, что мы подражаемъ апостоламъ, между тѣмъ какъ поступаемъ совершенно противуположно имъ.

Ошибка ссылки.

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ пріемовъ, употребляемыхъ съ такою цѣлью, можетъ быть названъ «ошибкою ссылки», и особенно часто встрѣчается въ популярныхъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Всякому положенію можно придать вѣсъ, показавши, что оно опирается на многія мѣста Священнаго писанія или Отцовъ церкви или вообще на мнѣнія древнихъ писателей, сочиненія которыхъ рѣдко попадаютъ въ руки большей части читателей. Когда писатель не находитъ вовсе такихъ мѣстъ, которыя отчотливо и рѣшительно под-

тверждаютъ его мнѣніе, то онъ во всякомъ случаѣ можетъ найти много такихъ мѣстъ, которыя могутъ быть истолкованы согласно съ его мнѣніемъ и которыя, такъ или иначе, находятся въ отдаленной связи съ разсматриваемымъ имъ предметомъ. Если бы эти тексты были приведены цѣликомъ, то можно было-бы тотчасъ замѣтить, какъ мало они относятся къ дѣлу; поэтому обыкновенно прибѣгаютъ къ простой *ссылкѣ* на нихъ, въ надеждѣ, что изъ двадцати читателей девятнадцать ни за что не обратятся къ цитируемымъ источникамъ, а примутъ на вѣру, что каждая цитата доставляетъ нѣкоторое подтвержденіе развиваемой мысли, и будутъ окончательно убѣждены, видя, что всякое положеніе опирается, какъ они думаютъ, на пять или шесть текстовъ Священнаго Писанія, на столько же изрѣченій Отцовъ Церкви и т. д.

Особенную силу придаютъ такой ошибкѣ горькими *упреками* или рѣзкимъ *осмѣяніямъ* противника, котораго обвиняютъ въ отрицаніи священной истины или очевидной аксіомы, выставляя при этомъ, что онъ отрицаетъ *вѣрную* посылку и устраняя отъ разсмотрѣнія то положеніе, которое составляетъ сущность вопроса. Такъ напр. витія, представляющій какое либо ученіе, какъ основанное на Священномъ Писаніи, можетъ навязать своему оппоненту неуваженіе къ авторитету Священнаго Писанія и упрекать его въ невѣріи, между тѣмъ какъ вопросъ въ дѣйствительности только и состоитъ въ томъ, основано-ли это ученіе на Священномъ Писаніи или нѣтъ.

Очень часто другая ошибка, а именно «ошибка несоотвѣтствующаго заключенія» (*ignoratio elenchi*) присоединяется къ предыдущей, т. е. посылка допускается на основаніи другого предложенія, *нѣсколько сходнаго съ нею*, и которое было доказано. Такъ напр., доказывая что-либо примѣрами и т. под., часто утверждаютъ существованіе полной *аналогіи* между двумя предметами, основываясь на сходствѣ между ними *въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ*, хотя и можетъ случиться, что они разнятся именно въ томъ отношеніи, которое существенно для разсматриваемаго вопроса. Такъ напр., изъ того обстоятельства, что нѣсколько человѣкъ изъ низшаго класса, получившии хорошее образованіе, становятся склонными считать себя выше черной работы, заключаютъ, что всеобще образованіе низшихъ классовъ сопровождалось бы всеобщимъ бездѣльемъ. Разсужденіе это вообще основывается на предполагаемомъ параллелизмѣ обоихъ случаевъ, т. е. прошедшаго и будущаго, между тѣмъ какъ нѣкоторое обстоятельство дѣлаетъ эти случаи совершенно несходными между собою, а именно, что коль скоро образованіе сдѣлается *всеобщимъ*, оно перестанетъ быть *отличіемъ*. Это же послѣднее и дѣлаетъ, по всей вѣроятности, образованныхъ людей столь гордыми.

Соединение этой ошибки съ лѣдующею.

Подъ этотъ-же разрядъ подходятъ параллели, проводимыя Юмомъ (въ его Essay on Miracles) и христіанскими писателями между чудесами, сообщаемыми новымъ завѣтомъ, и тѣми, которыя сообщены въ сказаніяхъ о предполагаемыхъ Святыхъ,

между тѣмъ какъ послѣднія могутъ быть разсматриваемы какъ чудеса, подобно тому какъ поддѣльная монета можетъ быть принята за настоящую,—потому что первая *похожа* на послѣднюю.

Ошибка эта иногда примѣняется въ обратномъ смыслѣ, — когда пытаются подорвать силу доказательства, основаннаго на примѣрахъ, указывая на *нѣкоторое различіе* между двумя разсматриваемыми случаями, хотя они и сходны между собою во всемъ по отношенію къ изслѣдуемому вопросу.

Вычисленіе вѣроятности. Нужно еще прибавить, что мы можемъ часто впасть въ ошибку, не только допустивши посылку, которая совершенно ни на чемъ не основана, но и приписывая какой либо въ дѣйствительности вѣроятной посылкѣ *большую* степень вѣроятности, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ имѣетъ. Произойти можетъ это отъ упущенія вычисленія вѣроятности каждаго послѣдующаго шага въ длинномъ рядѣ доводовъ и отъ повторяемой каждый разъ при этомъ ошибки раздѣленія (см. § 11). Всякая изъ послѣдовательно вводимыхъ посылокъ, какъ мы показали выше, можетъ имѣть больше вѣроятности за себя, чѣмъ противъ себя, заключеніе же можетъ выйти, несмотря на это, совершенно невѣроятнымъ. Напр. «Всѣ Y суть (вѣроятно) X; всѣ Z суть (вѣроятно) Y; слѣдовательно Z есть (вѣроятно) X». Пусть вѣроятность справедливости большей посылки болѣе, чѣмъ ея невѣроятность, — другими словами, что вѣроятность ея больше $^1/_2$, напр. = $^4/_7$, и пусть вѣроятность справедливости меньшей посылки еще больше, напр. = $^2/_3$. Черезъ перемноженіе этихъ

дробей мы получаемъ $^4/_7 \times ^2/_3 = ^8/_{21}$, означающее вѣроятность справедливости заключенія, которая, какъ видно, менѣе $^1/_2$, т. е. болѣе вѣроятности, что заключеніе несправедливо, чѣмъ то, что оно справедливо. Еще примѣръ: «Свѣдѣнія, добытыя этимъ авторомъ (вѣроятно) вѣрны; это (что-либо изъ сообщаемаго имъ) есть свѣдѣніе, (вѣроятно) добытое имъ, — слѣдовательно это вѣрно». Допустивши, что большинство добытыхъ имъ свѣдѣній, — напр. 4 на 7 (или 12 на 21) — вѣрны, и что оно вообще 2 раза на 3 (или 8 на 12) вѣрно повторяетъ то, что до него доходитъ, то все таки выйдетъ изъ 21 сообщаемыхъ имъ свѣдѣній только 8 (вѣроятно) вѣрныхъ.

Еще болѣе поразительны результаты этого вычисленія, когда оно примѣняется къ длинному ряду вѣроятныхъ доводовъ. Не смотря на это весьма многіе неопытные мыслители поддаются вліянію множества доводовъ и *приведенія множества вѣроятностей*, — въ подтвержденіе какого-либо заключенія, въ видѣ длинной цѣпи доводовъ, каждое послѣдующее звѣно которой слабѣе предыдущаго, и смотрятъ на это, какъ на собраніе доказательствъ, подтверждающихъ каждое *въ отдѣльности* достовѣрность или вѣроятность того-же заключенія (*).

(*) Обратная ошибка разсматривается ниже въ § 18.

Когда дѣйствительно существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ доказательствъ, не имѣющихъ никакой связи между собою, и каждое изъ нихъ отдѣльно доказываетъ вѣ-

Нужно еще наконецъ замѣтить, что, согласно сказанному прежде, часто зависитъ отъ произвола подвести ошибку подъ разсматриваемый здѣсь разрядъ или по разряду двусмысленныхъ среднихъ членовъ: *если* средній употребленъ здѣсь въ *этомъ* смыслѣ то это *двусмысленно; если-же въ томъ*, то предложеніе *невѣрно*.

роятность заключенія, то мы опредѣляемъ, зная степень вѣроятности каждаго отдѣльнаго доказательсгва, общую (*собирательную*) силу ихъ посредствомъ вычисленія, обратнаго предыдущему. Подобно тому какъ въ предыдущемъ случаѣ, при двухъ вѣроятныхъ посылкахъ, вѣрное заключеніе получается только въ тѣхъ случаяхъ, когда *обѣ* посылки вѣрны такъ, въ случаѣ двухъ отдѣльныхъ и независимыхъ доказательствъ справедливости даннаго положенія (то же примѣняется къ большему числу независимыхъ доказательствъ), положеніе это будетъ невѣрно только въ томъ случаѣ, когда оба доказательства невѣрны. Поэтому нужно перемножить между собою дроби, выражающія *вѣроятную несправедливость* обоихъ доказательствъ; произведеніе и будетъ выражать вѣроятность несправедливости заключенія. Вычтя же эту дробь изъ единицы, получимъ вѣроятность справедливости заключенія. Напр. догадываются, что извѣстная книга написана такимъ то авторомъ, отчасти 1) вслѣдствіе сходства ея по слогу съ его извѣстными сочиненіями, и отчасти 2) отъ того, что она приписывается ему кѣмъ либо, могущимъ имѣть объ этомъ точныя свѣдѣнія. Пусть вѣроятность справедливости заключенія, основаннаго только на первомъ доказательствѣ будетъ $^2/_5$, на второмъ — $^3/_7$; въ такомъ случаѣ противуположныя вѣроятности (его несправедливости) будутъ соотвѣтственны $^3/_5$ и $^4/_7$, черезъ перемноженіе которыхъ получаемъ $^{12}/_{35}$ — вѣроятность *противъ* заключенія, т. е. вѣроятность, что сочиненіе не принадлежитъ предполагаемому автору, не смотря на приведенныя для подтвержденія этого мнѣнія доказательства, слѣдовательно

§ 15.

Несоотвѣтствующее заключеніе.

Послѣдній родъ ошибокъ, на который необходимо обратить вниманіе, есть тотъ, въ которомъ дается несоотвѣтствующее заключеніе и который обыкновенно называется *ignoratio elenchi*.

Смотря по обстоятельствамъ, вмѣсто предложенія, которое нужно доказать, подставляютъ различнаго рода предложенія: иногда подставляютъ частное вмѣсто общаго, иногда предложеніе съ различными терминами. Кромѣ того употребляютъ различные пріемы, чтобы совершить и скрыть это замѣщеніе и чтобы получаемое при этомъ заключеніе производило на практикѣ такое же дѣйствіе, какое произвело бы и то, которое слѣдовало-бы получить. Я говорю «производило бы на практикѣ такое-же дѣйствіе», — потому что можно иногда

вѣроятность *за* заключеніе будетъ $^{23}/_{35}$ (см. прибавл. къ § 11).

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ получится совершенно отчетливое доказательство при *сочетаніи* нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя, сами по себѣ, не имѣли бы никакой или весьма мало силы для основанія на нихъ заключенія; при этомъ же сочетаніи можно иногда достигнуть почти полнаго убѣжденія, когда обстоятельства таковы, что существуетъ очень большая вѣроятность противъ возможности ихъ случайнаго совпаденія. Такъ бываетъ напр., когда два или большее число лицъ, незаслуживающихъ довѣрія, даютъ показанія (при невозможности предварительнаго сговора), совершенно согласныя во всѣхъ подробностяхъ относительно какого нибудь дѣла (См. Rhetoric. Ч. I, гл. II, § 4).

вызвать извѣстное впечатлѣніе или привести умъ въ извѣстное состояніе (посредствомъ искуснаго пользованія такого рода ошибкою), при которомъ люди приходятъ въ настроеніе, соотвѣтствующее вашей цѣли, хотя бы они и не согласились съ вашимъ *положеніемъ* и не могли даже высказать его себѣ отчотливо (*). Такъ, когда софисту приходится защищать кого либо, виновнаго въ важномъ проступкѣ, и онъ хочетъ уменьшить значеніе этого проступка, не будучи при этомъ въ состояніи доказать его ничтожность, то онъ практически достигаетъ той-же цѣли, если ему удастся *разсмѣшить публику* какимъ нибудь случайнымъ эпизодомъ.

Точно также, если кто либо указалъ на обстоятельства, облегчающія вину въ данномъ частномъ случаѣ, такъ что она чрезъ это становится весьма отличною отъ большинства провинностей того-же рода, и если софисту не удается опровергнуть эти облегчающія обстоятельства, то онъ устраняется отъ ихъ вліянія, продолжая просто *относить дѣйствіе къ тому же классу*, — чего никто не можетъ отрицать и чего одного достаточно для того, что бы вызвать отвращеніе, могущее противудѣйствовать ослабляющимъ обстоятельствамъ. Представьте себѣ напр. случай расхищенія казны, и что при разсужденіи объ дѣлѣ выставлены многія *облегчающія вину* обстоятельства, которыхъ нельзя опровергнуть; въ такомъ случаѣ софистъ будетъ отвѣчать: «правда,

(*) См. Rhetoric, ч. II.

но и послѣ всего сказаннаго, человѣкъ этотъ все-таки *воръ*, и этимъ характеризуется все дѣло». Но на самомъ дѣлѣ вопросъ объ этомъ и не поднимался; и хотя одно это утвержденіе того, чего никто не отрицалъ, конечно не должно считать рѣшающимъ вопросъ, а между тѣмъ, въ практикѣ, ненавистность самаго названія, зависящая въ большей части случаевъ отъ *сочетанія проступка съ тѣми именно обстоятельствами*, которыя свойственны *большинству* проступковъ *этого класса*, но которыхъ, согласно нашему предположенію, недоставало въ *этомъ частномъ случаѣ*, вызываетъ въ слушателяхъ то именно *чувство* отвращенія, которое сильно подрываетъ убѣдительность защиты. Къ этому-же классу ошибокъ мы можемъ также отнести всѣ случаи, когда некстати обращаются къ страстямъ и всему тому, что, согласно Аристотелю, не имѣетъ отношенія къ разсматриваемому вопросу.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ было замѣчено прежде, изслѣдуемая здѣсь ошибка примѣняется съ цѣлью дать кажущееся подтвержденіе не *окончательному* заключенію, а (какъ это очень часто бываетъ) для подтвержденія какой либо *посылки* (т. е. если требуемая посылка утверждается на основаніи какого либо предложенія, сходнаго съ нею и доказаннаго прежде), то происходитъ сочетаніе этой ошибки съ предыдущею.

Сочетаніе этой ошибки съ предыдущею.

Такія ошибки происходятъ, когда, вмѣсто того, чтобы доказывать, что «этотъ заключенный совершилъ ужасное преступленіе», вы станете доказы-

вать, что «совершонное имъ преступленіе ужасно»; когда вмѣсто доказательства (какъ въ извѣстной сказкѣ про Кира и двѣ одежды), что «сильнѣйшій мальчикъ имѣетъ право заставить другаго помѣняться съ нимъ одеждою», вы докажете, что «обманъ былъ бы выгоденъ для обоихъ»; или когда вмѣсто доказательства, что «человѣкъ не имѣетъ права воспитывать своихъ дѣтей и располагать своею собственностью такъ, какъ *онъ находитъ это лучшимъ*», вы станете доказывать, что «принятый имъ способъ образованія дѣтей и распоряженія своею собственностью не есть *дѣйствительно лучшій*»; когда вмѣсто доказательства, что «бѣднымъ лучше помогать такимъ путемъ, чѣмъ другимъ», доказываютъ, что бѣднымъ *нужно помогать*»; когда вмѣсто доказательства, что «неразумное существо — будетъ ли это животное или съумашедшій человѣкъ — никогда не могутъ быть удержаны отъ какого либо поступка боязнью наказанія» (напр. собака—отъ кидація на овецъ изъ боязни быть битою), доказываютъ, что «наказаніе собаки не дѣйствуетъ какъ *примѣръ* на *другихъ* собакъ», и т. под.; получивши-же такимъ образомъ заключенія, постановляютъ посылки, отличныя отъ тѣхъ, которыя были дѣйствительно получены.

Хорошій примѣръ такой ошибки представляетъ Ѳукидидъ въ рѣчахъ Клеона и Діодота, касающихся Митиленцевъ; первый (сверхъ того, что онъ вызывалъ гнѣвное раздраженіе своихъ слушателей) разсуждалъ о *справедливости* наказать ихъ смертью, на что второй замѣтилъ, что это не идетъ къ дѣлу,

такъ какъ Аѳиняне не засѣдали въ *судѣ*, а подвергали вопросъ *обсужденію*, цѣлью котораго должно быть рѣшеніе *полезности*. Доказать же, что они имѣютъ право наказать ихъ смертью еще не значитъ доказать, что такой поступокъ будетъ *полезенъ*.

Понятно, что *ignoratio elenchi* можетъ быть одинаково примѣняемо для кажущагося *опроверженія*, какъ и для кажущагося подтвержденія какого либо предложенія, такъ какъ въ сущности, *доказательство* того, что не было оспариваемо, и *опроверженіе* того, что не было утверждаемо, совершенно сходны между собою. Послѣднее бываетъ не рѣже перваго; но оно еще вреднѣе того, потому что оно часто сводится на личную обиду, потому что при этомъ могутъ быть приписаны кому либо такія мнѣнія и воззрѣнія, къ которымъ это лицо питаетъ отвращеніе. Такъ, когда при разсужденіи кто либо оправдываетъ, ссылаясь на всеобщую пользу, какой нибудь частный случай сопротивленія правительству, вызванный невыносимымъ угнетеніемъ, противникъ можетъ съ важностью утверждать, что «мы не должны дѣлать зло съ цѣлью сдѣлать добро»,— то оно при этомъ высказываетъ положеніе, противъ котораго никто, можетъ быть, и не спорилъ, такъ какъ вопросъ, въ этомъ случаѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: «*было* ли сопротивленіе въ этомъ случаѣ зломъ или нѣтъ?» Или иногда, желая опровергнуть «*право* свободнаго убѣжденія въ дѣлахъ религіи» съ важностью вставляютъ замѣчаніе, что «невозможно, чтобы каждый былъ *правъ въ своемъ мнѣніи*». Въ этихъ при-

Употребленіе этой ошибки при опроверженіяхъ.

мѣрахъ (какъ и въ нѣкоторыхъ предыдущихъ) соединены ошибки *petitio principii* (отсутствіе вопроса) съ *ignoratio elenchi* (несоотвѣтствующее заключеніе), что очень часто и съ успѣхомъ примѣняется въ практикѣ. При этомъ софистъ доказываетъ или опровергаетъ не то предложеніе, которое составляетъ предметъ разсужденія, а другое, находящееся въ такой зависимости отъ перваго, что можетъ быть поддержано убѣжденіе, что первое уже рѣшено и не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ; такимъ образомъ его «допущеніе относительно сущности вопроса» дѣлается на столько косвенно и мимоходомъ, что легко можетъ быть не замѣчено, такъ что онъ дѣйствительно дѣлаетъ свое заключеніе въ тотъ самый моментъ, когда отвлекъ вниманіе собесѣдника на другой предметъ, какъ напр., адвокатъ станетъ распространяться о тяжкой *преступности* извѣстнаго проступка и о необходимости строгаго наказанія за него, предполагая (вмѣсто того, чтобы доказать это), что онъ *совершенъ.*

Есть еще другіе роды доказательствъ, разсматриваемыя и относимыя писателями о Логикѣ къ числу ошибокъ, но которыя вообще не могутъ быть разсматриваемы какъ таковыя, и которыя только при *неправильномъ* употребленіи и при другихъ недостаткахъ могутъ быть относимы къ разсматриваемому здѣсь роду ошибокъ. Таковы *argumentum ad hominem* («личное доказательство»), *argumentum ad verecundiam*, *argumentum ad populum* и т. под., противуполагаемыя *argumentum ad*

rem (доказательствамъ, относящимся къ дѣлу) или какъ ихъ называютъ иные (подразумѣвая вѣроятно тоже самое) «*ad judicium*». Всѣ эти роды доказательствъ были описаны не научнымъ образомъ, а тѣмъ неточнымъ и популярнымъ языкомъ, о которомъ мы уже говорили выше. «Argumentum ad hominem», говорятъ эти писатели, основывается на частныхъ обстоятельствахъ, характерахъ, признанныхъ взглядахъ или прежнемъ поведеніи индивидуума и потому имѣетъ отношеніе только къ нему одному, а не касается прямо и безотносительно дѣйствительнаго вопроса, какъ это бываетъ при *argumentum ad rem*. Съ другой стороны *argumentum ad verecundiam* описываютъ, какъ призывъ съ чьей либо стороны къ уваженію къ извѣстному авторитету или ко всѣмъ почитаемому учрежденію, а *argumentum ad populum*—какъ призывъ къ страстямъ, предразсудкамъ и т. под. толпы. Подобнымъ же образомъ говорятъ и объ остальныхъ. Вмѣстѣ съ указанными здѣсь пріемами доказательствъ обыкновенно упоминаютъ еще «*argumentum ad ignorantiam*», который здѣсь выпущенъ, такъ какъ онъ, очевидно, есть ничто иное, какъ употребленіе *какой бы то ни было* ошибки, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, при разсужденіи съ тѣми, которые могутъ быть легко обмануты ею.

Техническій анализъ личнаго и другихъ доказательствъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что (говоря техническимъ языкомъ) въ *argumentum ad hominem*, въ заключеніи постановляется не *безусловное* и *общее* рѣшеніе вопроса, а *относительное* и *частное;* т. е. не «фактъ этотъ такой то», а «*этотъ человѣкъ* дол-

женъ принять это, согласуясь съ своими пріемами разсужденія, съ своимъ поведеніемъ и т. под. (*) Такое заключеніе можетъ и иногда должно быть сдѣлано для того, чтобы заставить замолчать тѣхъ, которые не поддаются хорошимъ общимъ доводамъ, или для того, что бы убѣдить тѣхъ, которые, по

(*) *Argumentum ad hominem* иногда производитъ такое дѣйствіе, что взваливаетъ бремя доказательства, и по справедливости, на противника. (См. Rhet., ч. I, гл. III, § 2). Обыкновенный примѣръ такого доказательства представляютъ оправданія, краткія и рѣшительныя, высказываемыя охотниками, когда ихъ упрекаютъ въ жестокости за то, что они, ради забавы, убиваютъ беззащитныхъ зайцевъ и сернъ; они отвѣчаютъ своимъ противникамъ и въ большей части случаевъ совершенно основательно: «зачѣмъ вы ѣдите мясо беззобидныхъ овецъ и быковъ». И что отвѣтъ этотъ составляетъ сильное опроверженіе, это видно изъ того, что на него обыкновенно отвѣчаютъ явною нелѣпостью, а именно, что «животныя, убиваемыя для пищи, приносятся въ жертву *необходимости*», хотя не только люди *могутъ*, но весьма многіе изъ нихъ (вѣроятно громадное большинство) дѣйствительно существуютъ и обладаютъ здоровьемъ и силою, не питаясь мясомъ. Земля имѣла бы гораздо большее народонаселеніе, если бы этотъ обычай былъ всеобщій.

Когда они бываютъ сбиты и съ этого доказательства, то они иногда говорятъ, что если бы не употреблять животныхъ въ пищу, то ихъ расплодилось бы слишкомъ много. Но этотъ доводъ, если бы онъ былъ и годенъ, не оправдываетъ употребленія *рыбъ* въ пищу; будучи-же принятъ вполнѣ, онъ оправдалъ бы предложеніе Свифта относительно прекращенія излишняго размноженія народонаселенія Ирландіи. Они не укажутъ при этомъ на истинную причину, а именно, что они ѣдятъ мясо, потому что оно имъ по вкусу и что они вообще любятъ удовольствіе стола, но не охоту.

слабости или по предразсудкамъ, не могутъ признать ихъ силы. Такимъ образомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во многихъ случаяхъ заставлялъ умолкнуть искушенія Евреевъ, — какъ напр. при защитѣ излеченія въ субботу, которое сопоставлено съ принятымъ обычаемъ вытягивать животное, упавшее въ колодезь. Все это, говорю я, совершенно правильно, если только дѣлается открыто и ясно; но если при этомъ пытаются подставить это частное и относительное заключеніе вмѣсто болѣе общаго, если вы торжествуете постановку вашего предложенія безотносительно и вообще, между тѣмъ какъ постановили его только по отношенію къ вашему противнику, то въ такомъ случаѣ вы совершаете ошибку того рода, который мы теперь разсматриваемъ: вы даете не то заключеніе, которое по вашему собственному сознанію, нужно было доказать. Ошибочность зависитъ отъ *обмана* или отъ намѣренія обмануть. Тоже самое можетъ быть сказано объ «*argumentum ad verecundiam*» объ остальныхъ.

Употребленіе двусмысленныхъ терминовъ въ такихъ ошибкахъ.

Употребленіе двусмысленныхъ терминовъ съ цѣлью дать ходъ ошибкѣ «несоотвѣтствующаго заключенія» весьма обыкновенно,—когда напр. при невозможности доказать предложеніе въ томъ смыслѣ, который ему сперва давали, доказываютъ его въ другомъ смыслѣ. Такъ напр. тѣ, которые оспариваютъ пользу *вѣры*, обыкновенно употребляютъ это слово въ смыслѣ *вѣрованія*, несопровождаемаго никакими нравственными или практическими результатами, а разсматриваемаго какъ простой умственный процессъ; доказавши-же при

такихъ условіяхъ свое заключеніе, они противуполагаютъ его другому, въ которомъ это слово употребляется въ совершенно другомъ смыслѣ (*).

(*) Когда рѣчь идетъ о предметѣ, который не вызываетъ или не можетъ произвести нужнаго впечатлѣнія на предстоящихъ слушателей, то обыкновенно прибѣгаютъ къ реторическому обороту, помощью котораго рѣчь сводится на предметъ, который *вызоветъ* это впечатлѣніе. И когда слушатели на столько возбуждены, что не въ состояніи спокойно разсудить, то не трудно бываетъ поднятыя уже страсти обратить въ нужную сторону и выставить имъ дѣло въ совершенно другомъ свѣтѣ. Раскаленному металлу легко дать какую угодно форму. Такъ пылкое негодованіе противъ какого либо *преступленія* можетъ быть обращено на *лицо*, виновность котораго въ этомъ преступленіи не доказана, или неопредѣленныя разглагольствованія противъ испорченности, угнетенія и т. п., или противъ зла анархіи, сопровождаемыя пышными восхваленіями свободы, человѣческихъ правъ и т. под., или-же восхваленіями общественнаго порядка, справедливости, государственныхъ учрежденій, законовъ, вѣры и т. д., — все это мало по малу приведетъ слушателей къ убѣжденію, хотя оно и не доказано, что предлагаемая мѣра влечетъ за собою тѣ или другія невзгоды, или такія-то выгоды и, вслѣдствіе этого она, безъ всякаго основанія, сдѣлается предметомъ отвращенія или почитанія. Дѣйствительно самое произнесеніе такихъ словъ, съ которыми связано множество, можно сказать, *возбуждающихъ* идей, волшебно дѣйствуетъ на умъ, въ особенности-же необразованныхъ и немыслящихъ людей и подымаетъ такое множество чувствованій, что разсужденіе будетъ ими затемнѣно. Такимъ образомъ тирада съ неопредѣленными ругательствами или восхваленіями можетъ часто произвести дѣйствіе правильнаго разсужденія». — Rhetoric, ч. II, гл. II, § 6.

§ 16.

Ошибка «несоотвѣтствующаго заключенія» (*ignoratio elenchi*) особенно обыкновенна въ затянувшемся спорѣ, когда одна изъ сторонъ, послѣ тщетныхъ попытокъ устоять на своемъ основаніи, по возможности незамѣтно для другаго *мѣнять свое основаніе*, вмѣсто того, чтобы честно уступить. Примѣръ тому представляетъ одно нападеніе на систему, которой держатся въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ. Нападающіе, видя невозможность устоять на своемъ обвиненіи въ *настоящемъ* пренебреженіи (это относится къ 1810 г.) математики въ этомъ учрежденіи (которому они приписывали позднѣйшій общій упадокъ въ этой области знаній), перемѣнили свое основаніе и стали доказывать, что этотъ университетъ «никогда не славился математиками», что не только не подтверждаетъ ихъ прежняго мнѣнія, но совершенно опровергаетъ его, такъ какъ не имѣя *никогда* успѣха въ этомъ стремленіи, онъ не могъ произвести *упадка* этихъ наукъ.

Измѣненіе основанія.

Подобные пріемы особенно часто встрѣчаются при устныхъ спорахъ, когда опровергаютъ *обѣ* посылки противника *поперемѣнно* и переносятъ нападеніе съ одной на другую, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія относительно одной изъ нихъ прежде чѣмъ оставлять ее. «И кромѣ того» есть выраженіе, которое часто приходится слышать при спорахъ, когда кто либо переходитъ къ новому доказательству, не будучи въ состояніи подтвердить, но и не желая оставлять прежнее.

Ошибка при поперемѣнномъ опроверженіи каждой посылки.

Выше было замѣчено, что одинъ изъ родовъ предложеній, который, въ этой ошибкѣ, подставляется вмѣсто настоящаго, есть *частное* предложеніе вмѣсто *общаго* или же замѣненіе условнаго предложенія съ *общимъ* вводнымъ словомъ такимъ же предложеніемъ, но съ *частнымъ* вводнымъ словомъ, которое обыкновенно бываетъ труднѣе доказать. Пусть напр. требуется доказать, что «извѣстная предлагаемая мѣра неудобна, если только она противорѣчитъ *какимъ бы то ни было* (т. е. нѣкоторымъ) частнымъ интересамъ», и считаютъ это доказаннымъ, когда будетъ доказано, что «если она противорѣчитъ *всѣмъ* частнымъ интересамъ, то она должна быть вредна». Сюда же весьма близко подходитъ весьма распространенный обычай доказывать, что что-либо *возможно*, между тѣмъ какъ слѣдовало бы доказывать, что это въ высшей степени *вѣроятно*; или что это *вѣроятно*, когда нужно доказать, что оно *необходимо*, или же наоборотъ, когда доказываютъ, что что-либо *не необходимо*, когда нужно бы доказать, что это *невѣроятно*; или, наконецъ, доказываютъ *невѣроятность*, когда слѣдовало бы доказать *невозможность*. Аристотель (Реторика, Кн. II) жалуется на послѣдній родъ ошибокъ, потому что онъ доставляетъ незаслуженное преимущество противнику. Многіе преступники обязаны ему своимъ оправданіемъ, потому что присяжные думаютъ, что приведенныя доказательства не вполнѣ доказываютъ невозможность его невинности, хотя-бы виновность его и была въ высокой степени вѣроятна.

§ 17.

Сходна съ разсмотрѣнною ошибкою другая, которая можетъ быть названа *«ошибкою возраженія»*, при которой показываютъ, что *есть* возраженія противъ извѣстнаго плана извѣстной теоріи или системы, и потому заключаютъ, что они должны быть отвергнуты. На самомъ же дѣлѣ *нужно* было бы доказать, что существуетъ *болѣе* доказательствъ или *болѣе сильныя* доказательства противъ предлагаемаго, чѣмъ за него. Такова обыкновенная и почти всеобщая ошибка противниковъ Христіанства, и противъ нее слѣдуетъ на первыхъ-же порахъ и особенно предостерегать молодыхъ вѣрующихъ. Они находятъ множество возраженій противъ различныхъ мѣстъ священнаго Писанія и на нѣкоторыя изъ нихъ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта; неосторожный слушатель, обратившп свое вниманіе на эти возраженія, можетъ весьма легко забыть, что есть гораздо болѣе сильныя возраженія противъ того, что христіанство имѣетъ *человѣческое* происхожденіе. И если мы не всегда можемъ отвѣчать на всѣ возраженія, то разсудокъ и честь обязываютъ насъ принять мнѣніе, противуположное послѣднему. Я считаю себя въ правѣ утверждать это по слѣдующей причинѣ: *нѣтъ возможности полно и доказательно объяснить (и это не было сдѣлано до сихъ поръ), какимъ образомъ могла произойти и завоевать міръ христіанская вѣра, если только допускать, что она есть человѣческая выдумка.* Между тѣмъ такого

Ошибка возраженія.

объясненія можно съ полнымъ правомъ требовать отъ тѣхъ, которые не признаютъ ея божественнаго происхожденія. Вѣра существуетъ: это составляетъ явленіе; тѣ, которые не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что она произошла отъ Бога, обязаны объяснить это явленіе другимъ допущеніемъ, не подверженнымъ такимъ возраженіямъ. Они, конечно, не обязаны показать, что она дѣйствительно произошла тѣмъ или другимъ путемъ, но должны указать (не противорѣча признаннымъ фактамъ) другой путь, которымъ она *могла бы* произойти и который не противорѣчилъ бы всѣмъ условіямъ этого факта. Такъ какъ невѣрующіе никогда не сдѣлали этого, хотя они имѣли 1,800 лѣтъ на такія попытки, то на это можно смотрѣть, какъ на сознаніе невозможности такой гипотезы, которая не подвергалась бы еще большему числу возраженій, чѣмъ Христіанская вѣра (*).

Преобразованія подвержены возраженіямъ.

Ошибка возраженія служитъ также опорою для противниковъ нововведеній, которые сопротивляются безразлично всякимъ преобразованіямъ и измѣненіямъ. Дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть предложенія или образа дѣйствій, противъ которыхъ нельзя было-бы сдѣлать сильныхъ и даже неотразимыхъ возраженій, — такъ что никогда

(*) Въ статьѣ «Essay on the Omissions of our Sacred Writers» я указываю на нѣкоторыя обстоятельства, которыхъ никто и никогда не пытался объяснять иначе, какъ на основаніи допущенія, что они не только суть *истинныя* свидѣтельства, но что *внушены* чудеснымъ образомъ.

нельзя сдѣлать шага впередъ, не взвѣсивши возраженій съ обѣихъ сторонъ. Такъ напр. защитники системы ссылки (преступниковъ), — системы, которая, по замѣчанію одного великаго писателя, «была принята вопреки разуму и сохраняетъ свою силу вопреки опыту» — защитники ея обыкновенно спрашиваютъ: «какимъ наказаніемъ второй степени вы замѣните ссылку»? и когда имъ указываютъ на тотъ или другой родъ наказанія, то они выставляютъ возраженія противъ него и разныя дѣйствительныя или вымышленныя затрудненія, съ которыми оно сопряжено; такимъ же образомъ поступаютъ они, когда имъ указываютъ на другой родъ наказанія, и т. д. безъ конца. Дѣйствительно всѣ другіе роды наказаній второй степени, которые были испытаны или предложены, даже *лучшіе* изъ нихъ подвержены *нѣкоторымъ* возраженіямъ, хотя худшій изъ нихъ *менѣе* подверженъ возвраженіямъ, чѣмъ ссылка (*). «Есть возраженія, говорилъ д-ръ Джонсонъ, противъ того, что міръ *наполненъ*, и есть возраженія противъ того, что онъ *пустой;* но одно изъ этихъ мнѣній должно быть справедливо.»

Эта же ошибка можетъ быть также употребляема (какъ было сказано выше) и съ противоположною цѣлью тѣми, которые склонны отвергать всѣ принятыя мнѣнія. если только могутъ представить какое либо возраженіе противъ него,

(*) См. письмо къ лорду Грей о ссылкѣ.

не разсматривая того, не подвержено ли ихъ собственное мнѣніе еще большему числу и болѣе сильнымъ возраженіямъ. Впрочемъ въ такихъ случаяхъ противники ихъ имѣютъ явное преимущество, потому что они могутъ основательно сдѣлать слѣдующее предложеніе: «мы не требуемъ отъ васъ, что бы вы сразу *отбросили* то, на что высказываются возраженія, а просимъ только *воздержаться отъ заключенія* и не приходить къ рѣшенію вопроса до тѣхъ поръ, пока доводы *будутъ* въ пользу обѣихъ сторонъ; такъ какъ въ дѣйствительности доводы въ пользу обѣихъ сторонъ всегда *будутъ* существовать, то это *воздержаніе отъ рѣшенія* будетъ на практикѣ вполнѣ соотвѣтствовать *рѣшенію въ пользу существующаго порядка* вещей.» Не рѣшать значитъ рѣшать (*). *Отложить* судъ равнозначно съ *оправданіемъ* (**).

§ 18.

Ошибка доказательства части вопроса.

Другой видъ «несоотвѣтствующаго заключенія» (ignoratio elenchi), особенно выгодный для отвѣтчика, состоитъ въ доказательствѣ или опроверженіи *нѣкоторой части* предлагаемаго, послѣ чего

(*) Бэконъ.

(**) Нужно считать за счастье для людей то, что во многихъ изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ ихъ жизни внѣшнія условія вообще рѣшаютъ *за* нихъ; это не только избавляетъ ихъ отъ муки сомнѣній и отъ опасности, зависящей отъ отсрочки рѣшенія, но и отъ сожалѣній, такъ какъ мы гораздо охотнѣе примиряемся съ тѣмъ, что неизбѣжно.

на этомъ останавливаются, упуская изъ виду все остальное.

Такъ, если какой либо университетъ обвиняется въ томъ, что въ немъ преподаются *только* основанія математики, а въ отвѣтъ на это приводятъ списокъ книгъ, служащихъ въ немъ учебниками, то обвиненіе будетъ по справедливости отвергнуто, если только *нѣкоторыя* изъ этихъ книгъ не будутъ элементарныя; но софистъ можетъ съ важностью утверждать, что *нѣкоторыя* изъ названныхъ книгъ элементарныя, и такимъ образомъ устранить изъ виду дѣйствительный вопросъ, т. е. *всѣ* ли книги таковы (*).

Или также, кто либо станетъ утверждать (и совершенно справедливо), что *одних*ъ умственныхъ способностей, *одной* способности разсужденія недостаточно для достиженія истины въ вопросахъ вѣры; и станетъ затѣмъ утверждать (какъ бы продолжая ту же мысль), что *всякое* пользованіе разсужденіемъ, всякое умственное развитіе совершенно безполезны въ этихъ вопросахъ и должны быть отброшены, какъ не идущія къ этому предмету.

Искуство составлять разборы.

Въ этомъ состоитъ большое искуство составителей разборовъ книгъ. Предположимъ, что общія положенія какого либо сочиненія неопровержимы; но во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ доказа-

(*) «Отвѣтъ на клеветы Edinburgh Review противъ Оксфорда». 1810.

тельствъ въ немъ или нѣкоторыя частности допускаютъ основательныя возраженія. Тогда опонентъ, основываясь на одномъ изъ этихъ частныхъ вопросовъ, предлагаетъ «отвѣтъ» на извѣстное сочиненіе. Такой «отвѣтъ» особенно удобно составляется и получаетъ большую силу, если случается, что можно представить дѣйствительное и удовлетворительное возраженіе противъ одного или большаго числа доводовъ, доказывающихъ, каждый отдѣльно, одно и то же заключеніе (подобно тому какъ многія теоремы Эвклида допускаютъ нѣсколько разныхъ доказательствъ), или когда даютъ отвѣтъ на одно или большее число возраженій, которыя, каждое отдѣльно, рѣшительно говорятъ противъ извѣстнаго предположенія или теоріи; но по разсужденіи ясно, что если при этомъ остальные доводы или только одинъ изъ нихъ остаются неопровергнутыми и не допускающими возраженія, то заключеніе остается и стоитъ также крѣпко, какъ если-бы опонентъ не дѣлалъ никакихъ возраженій.

Тотъ, кто отвѣчаетъ такимъ образомъ на приводимые доводы, находится въ такихъ-же условіяхъ, какъ комендантъ крѣпости, защищающій всѣ проходы въ укрѣпленія, *кромѣ одного*. Такого рода частные «отвѣты» могутъ быть удобны только въ томъ случаѣ, когда каждое доказательство утверждаетъ не *достовѣрность*, а только *вѣроятность* заключенія; въ такомъ случаѣ заключеніе конечно не можетъ совершенно опираться на одно изъ доказательствъ, а только на *совокуп-*

ность ихъ, и потому сила его уменьшается по мѣрѣ опроверженія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсматриваемая здѣсь ошибка и состоитъ въ принятіи предыдущаго случая за этотъ (т. е. принимаютъ доказательства достовѣрности заключенія за доказательства его вѣроятности) или же за случай, разсмотрѣнный выше (§ 14), когда дается *цѣпь* доказательствъ, изъ которыхъ каждое доказываетъ не *одно и тоже* заключеніе, а посылку слѣдующаго разсужденія.

Опасно утверждать слишкомъ много.

Отъ этого зависитъ опасность утверждать болѣе, чѣмъ можно хорошо доказать, потому что опроверженіе излишняго можетъ часто подкопать все заключеніе. Квакеры можетъ быть до сихъ поръ успѣли бы устранить наши излишнія и неприличныя клятвы, если бы они, кромѣ многихъ вѣрныхъ и сильныхъ доводовъ, не приводили множества другихъ слабыхъ и легко опровержимыхъ доказательствъ. Точно также обвиняемый можетъ быть оправданъ, когда обвинитель хочетъ доказать слишкомъ большую вину, или, при большомъ числѣ свидѣтельствъ противъ него, когда нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ неудовлетворительны. Поэтому преступникъ можетъ иногда быть оправданъ, доказавши, что одинъ изъ свидѣтелей противъ него, есть безчестный доносчикъ и шпіонъ, а между тѣмъ если-бы упустить это свидѣтельство, то остающіяся были бы достаточны для полнаго обвиненія.

Подобные случаи можно также относить къ ошибкамъ, прежде разсмотрѣннымъ нами, когда

заключаютъ о невѣрности заключенія по невѣрности одной посылки; дѣйствительно такая ошибка находится въ тѣсной связи съ разсматриваемою здѣсь, такъ какъ вопросъ заключается собственно въ томъ, «*должно-ли быть допущено* извѣстное заключеніе; софистъ же ограничивается вопросомъ, «*вытекаетъ-ли* заключеніе *изъ даннаго частнаго доказательства*. Отвѣтивъ на послѣдній вопросъ, софистъ предоставляетъ слушателямъ заключить, что и первый вопросъ при этомъ рѣшается; этотъ же выводъ будетъ только въ томъ случаѣ вѣренъ, когда есть твердыя основанія думать, что были бы приведены другія и лучшія доказательства, если бы только такія существовали. (См. выше, конецъ § 6).

§ 19.

Упущеніе заключенія.

Легко понять, что ничто не можетъ болѣе воспрепятствовать успѣху расматриваемой здѣсь ошибки, какъ ясная постановка, при самомъ началѣ, того предложенія, которое предполагаютъ или должны доказать; для успѣха-же ея лучше *начать* съ *посылокъ* и ввести довольно длинную цѣпь разсужденій, прежде чѣмъ дойти до заключенія. Беззаботный слушатель считаетъ несомнѣннымъ, при самомъ началѣ, что эта цѣпь разсужденій приведетъ къ искомому заключенію, и когда разсужденіе пришло къ концу, то онъ считаетъ полученное заключеніе за дѣйствительно вытекающее, потому что основная идея вопроса стала мало по малу неотчетливою. Особенно способствуетъ этой

ошибкѣ весьма распространенный обычай упускать заключеніе, предоставляя постановку его самому слушателю, вслѣдствіе чего ему, въ этомъ случаѣ, становится труднѣе увидѣть, дѣйствительно-ли это то заключеніе, «которое слѣдовало доказать», чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы это заключеніе было отчетливо постановлено. Поэтому указанный обычай по меньшей мѣрѣ подозрительный и лучше избѣгать его, и давать и требовать отчетливой постановки вытекающаго заключенія.

Разсматриваемая здѣсь ошибка представляетъ, можетъ быть, самую обыкновенную форму того смѣшенія понятій, которому подвержены дурно и неправильно обученные люди, — которые собрали можетъ быть довольно много свѣдѣній, но не привели ихъ въ систему и не развили въ себѣ логическихъ пріемовъ, которые (какъ мнѣ пришлось однажды слышать) узнали много *отвѣтовъ*, не зная соотвѣтствующихъ *вопросовъ*. Многія изъ неправильныхъ положеній въ отношеніи нравственности и другихъ предметовъ, которыя такъ обыкновенны у подобныхъ людей, могутъ быть разсматриваемы какъ «ошибки несоотвѣтствующаго заключенія». Такъ напр. извѣстное заключеніе Кира относительно двухъ мальчиковъ и ихъ платья, за которое Киръ былъ наказанъ своимъ наставникомъ, зависѣло отъ смѣшенія ошибочнаго вопроса «какое платье лучше *идетъ* каждому мальчику» съ дѣйствительнымъ вопросомъ «кто имѣетъ право располагать платьемъ». Ошибки, подобныя этой, случаются каждый день. Совершенно параллельный

случай представляетъ вопросъ относительно права налагать разныя ограниченія и подвергать разнымъ взысканіямъ людей, исповѣдующихъ вѣру, отличную отъ той, которой мы слѣдуемъ. Объ этихъ вопросахъ обыкновенно разсуждаютъ такъ, какъ будто нужно рѣшить вопросъ «какая религія лучше», или «велика-ли разница между ними», а не вопросъ «имѣетъ-ли человѣкъ право заставлять другихъ слѣдовать своей религіи», или «имѣютъ-ли послѣдователи истинной религіи право на монополію въ общественномъ правѣ и въ гражданскихъ преимуществахъ». Точно также (какъ другой примѣръ того-же правила, но въ отличной отъ первой формѣ) постоянно смѣшиваютъ вопросы «позволительно-ли христіанину сражаться, защищая себя отъ угнетенія и оскорбленій» и «можетъ-ли христіанскій правитель употреблять физическое понужденіе и налагать уголовныя наказанія на преступниковъ», — эти вопросы постоянно смѣшиваютъ со слѣдующими: «позволительно-ли христіанамъ сражаться какъ христіане, т. е. сражаться *за* свою вѣру и противъ тѣхъ, которые искажаютъ или отвергаютъ вѣру» и «можетъ ли христіанскій правитель употреблять понужденіе ради христіанской вѣры и налагать наказанія на еретиковъ, какъ на преступниковъ».

Часто случается еще слышать, что, вслѣдствіе небрежности или софизмовъ, смѣшиваютъ два предложенія, подобныя слѣдующимъ: «Апостолы *имѣли духовныя собранія* въ первый день недѣли» и «они *перенесли празднованіе субботы* съ седьмаго

дня недѣли на первый». «Еврей, магометанинъ или католикъ не суть лица, *наиболѣе годныя для избранія* на должности въ протестантской странѣ» смѣшиваютъ съ слѣдующимъ: «такія лица по закону *не должны быть* избираемы». «Апостолы *учредили* такой то образъ правленія въ церкви, ими основанной» смѣшиваютъ съ тѣмъ, что «они указали на этотъ образъ правленія, какъ на обязательный для всѣхъ христіанъ и какъ на *постановленіе*, которому вѣчно слѣдуетъ подчиняться» и т. под.

§ 20.

Прежде, чѣмъ оставить изслѣдованіе ошибокъ, не лишнимъ будетъ упомянуть справедливое и остроумное замѣчаніе, что шутки суть смѣшныя ошибки, т. е. ошибки, столь явныя, что они никого немогутъ обмануть, а между тѣмъ имѣютъ сходство съ доказательствомъ; это обстоятельство, вслѣдствіе контраста, и дѣлаетъ ихъ забавными, — подобно тому, какъ пародія становится забавною вслѣдствіе противуположности между ея пустотою и возвышенностью серьёзнаго произведенія, подъ которое она поддѣлывается. На самомъ дѣлѣ есть даже что-то смѣшное въ тѣхъ ошибкахъ, которыя предназначаются для серіознаго убѣжденія, если только эти ошибки совершенно обнаружены (*). Шутки.

(*) См. «Wallis, Logic»; а также Rhetoric, ч. I, гл. III, § 7.

Есть разнаго рода шутки и насмѣшки, которыя соотвѣтствуютъ различнымъ родамъ ошибокъ. Двусмысленность (pun), напр., есть очевидно въ большей части случаевъ шуточное доказательство, основанное на очевидной двусмысленности средняго термина; другія шутки соотвѣтствуютъ такимъ-же образомъ другимъ ошибкамъ и представляютъ *подражаніе* серіознымъ разсужденіямъ.

Нужно считать вѣроятнымъ, что всѣ шутки, игры и забавы, при внимательномъ изслѣдованіи, могутъ быть сведены на *подражанія* серіознымъ дѣйствіямъ, какъ напр. войнѣ, торговлѣ и т. под. (*). Но въ настоящемъ случаѣ было-бы неудобно входить въ подробное разсмотрѣніе этого предмета.

Я присоединю къ этому нѣсколько общихъ заключеній о законной области разсужденія и о его связи съ индуктивною философіею и съ реторикою. Въ этомъ отношеніи существовало много предубѣжденій, которыя затемняли цѣли и образъ примѣненія разсматриваемой здѣсь науки.

Разсужденіе о такъ называемыхъ «законахъ доказательствъ» — т. е. собственно говоря о различныхъ родахъ доказательствъ и о случаяхъ, въ которыхъ они соотвѣтственно примѣняются, и т. под., которое ожидаютъ встрѣтить въ сочиненіи о Логикѣ, содержится въ первой части «Элементовъ Реторики».

(*) См. нѣсколько превосходныхъ замѣтокъ «О подражаніи» въ посмертныхъ опытахъ д-ра А. Смита.

КНИГА IV.

Изслѣдованіе области, въ которой прикладывается разсужденіе.

Такъ какъ Логика занимается теоріею разсужденія, то для правильнаго взгляда на эту науку, очевидно, необходимо устранить всѣ недоразумѣнія относительно тѣхъ случаевъ, въ которыхъ прикладывается процессъ разсужденія относительно цѣлей, къ которымъ онъ ведетъ и границъ, которыя его опредѣляютъ.

Хотя для тѣхъ, которые только поверхностно думали объ этомъ предметѣ, онъ можетъ показаться простымъ и очевиднымъ, но при болѣе тщательномъ разсужденіи онъ оказывается весьма запутаннымъ и темнымъ вслѣдствіе неточнаго и неопредѣленнаго способа выраженія многихъ извѣстныхъ писателей. Неясному и неправильному понятію о процессѣ разсужденія нужно приписать большую часть весьма распространенныхъ ложныхъ взглядовъ на Логику, какъ науку, и множество неправильныхъ и не философскихъ доводовъ, столь часто встрѣчающихся въ сочиненіяхъ даже остроумныхъ писателей.

На эти ошибки было, при случаѣ, обращаемо вниманіе въ предыдущихъ частяхъ книги. Но я нахожу нужнымъ, прежде чѣмъ оставить этотъ предметъ, присоединить нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній, которыя не могли быть высказаны преж-

де вслѣдствіе того, что они произвели-бы слишкомъ большой перерывъ въ изложеніи самой системы. Впрочемъ мало или даже почти ничего не остается сказать такого, что бы не *содержалось* уже въ прежде постановленныхъ положеніяхъ; но можно во многихъ случаяхъ упустить изъ виду слѣдствія и приложенія извѣстныхъ началъ, если только не указать на нихъ отчотливо. Такъ какъ эти добавочныя замѣчанія вызваны главнымъ образомъ возраженіями и ошибками тѣхъ, которые отчасти или всецѣло не понимали природы Логики, то они не требуютъ и не допускаютъ того систематичнаго расположенія предмета, къ которому мы до сихъ поръ стремились.

Не надо кромѣ того упускать изъ виду, что такъ какъ я пишу не обозрѣніе или комментаріи на какое либо сочиненіе о Логикѣ, а введеніе въ эту науку, то я не считаю необходимымъ во всѣхъ случаяхъ указывать, согласенъ ли я во взглядахъ на извѣстные предметы съ другими писателями или нѣтъ и употребляю ли такіе-же термины, какъ тотъ или другой изъ нихъ.

Глава I.

Объ Индукціи.

§ 1.

Ошибочное противупоставленіе индукціи и силлогизма.

Много было говорено нѣкоторыми писателями о преимуществахъ индуктивнаго метода надъ силлогистическимъ при разысканіи истины,—какъ будто бы

эти методы были противуположны одинъ другому; говорятъ также о преимуществахъ, представляемыхъ приложеніемъ Органона Бэкона надъ Органономъ Аристотеля и т. под., что указываетъ на совершенное непониманіе истиннаго значенія того и другаго. Впрочемъ есть много обстоятельствъ, оправдывающихъ смѣшеніе понятій относительно этого предмета, потому что многіе великіе писатели трактовали или по крайней мѣрѣ имѣли видъ, что трактуютъ объ индукціи, какъ объ особенномъ родѣ доказательства, отличномъ отъ силлогизма. Если бы это было такъ, то индукція дѣйствительно могла бы противуполагаться силлогизму или, правильнѣе, вся теорія силлогизмовъ должна была бы рушиться, такъ какъ однимъ изъ основныхъ положеній ея служитъ то, что *всякое* разсужденіе, къ какому-бы предмету оно ни относилось, представляетъ одинъ и тотъ-же процессъ и можетъ быть выражено въ формѣ силлогизма. Трудно поэтому предполагать, что-бы упомянутые писатели сознательно раздѣляли это мнѣніе, хотя и нужно допустить, что они неточностью выраженій способствовали утвержденію разсматриваемаго здѣсь ложнаго взгляда.

Слово индукція имѣетъ два смысла.

Эти невѣрныя понятія повидимому были вызваны главнымъ образомъ неопредѣленностью слова *индукція*, которое иногда употребляется для обозначенія процесса *изслѣдованія* и собиранія фактовъ, иногда-же для обозначенія извлеченія вывода изъ этихъ фактовъ. Первый изъ этихъ процессовъ (т. е. наблюденіе и опытъ) несомнѣнно *отличенъ*

отъ того, который имѣетъ мѣсто при силлогистическомъ разсужденіи, но онъ не есть процессъ *разсужденія*; что-же касается до послѣдняго, то онъ есть процессъ разсужденія и, какъ всѣ другія разсужденія, можетъ быть выраженъ въ формѣ силлогизма. Отсюда произошло то, что на индукцію смотрятъ, какъ на особый родъ *разсужденія*, отличный отъ силлогизма. Эту ошибку можно особенно кратко и ясно высказать въ слѣдующей технической формѣ, съ которою мы можемъ считать нашихъ читателей знакомыми.

«Индукція отлична отъ силлогизма:
Индукція есть процессъ разсужденія»: слѣдовательно
«Есть процессъ разсужденія, отличный отъ силлогизма».

Здѣсь слово «индукція», составляющее средній членъ, употребляется въ различныхъ смыслахъ въ каждой посылкѣ.

Индукція, на столько, на сколько она есть *разсужденіе*, можетъ быть, какъ и всѣ другія разсужденія выражена въ формѣ силлогизма; но коль скоро ее разсматривать, какъ *процессъ изслѣдованія* съ цѣлью получить посылки для разсужденія, то она не входитъ въ область Логики. Въ послѣднемъ случаѣ слово индукція разсматривается въ первоначальномъ и точномъ своемъ смыслѣ. Собственно говоря, слово это означаетъ не выводъ заключенія, но *приведеніе* или перечисленіе одного за другимъ фактовъ, касающихся разсматриваемаго вопроса, пока такихъ фактовъ не наберется

достаточное количество. Лучше всего можно было избѣгнуть выше указанной двусмысленности, причинившей до сихъ поръ столько запутанности, замѣтивъ, что мы, собственно говоря, разсуждаемъ не *посредствомъ* индукціи, а *на основаніи* индукціи; т. е. на основаніи нашихъ наблюденій надъ однимъ или нѣсколькими индивидуумами, мы дѣлаемъ заключеніе касательно класса, къ которому они относятся, или подобнымъ-же образомъ переходимъ отъ нѣсколькихъ видовъ къ роду, обнимающему всѣ эти виды. Говоря техническимъ (для Логики) языкомъ, мы при этомъ сказываемъ что либо объ *общемъ* терминѣ, который (терминъ) обнимаетъ *особенные* термины, относительно которыхъ сказывали тоже самое; или такимъ-же образомъ переходимъ отъ утвержденія относительно видовъ къ утвержденію относительно рода. Напр. «земля движется вокругъ солнца по элиптической орбитѣ; тоже самое справедливо относительно Меркурія и Венеры, и Марса и т. д.; слѣдовательно *всякая планета* (общій терминъ, обнимающій всѣ сказанные особенные) движется вокругъ солнца и т. д.» «Филиппъ не щадилъ человѣческой жизни; тоже слѣдуетъ сказать объ Александрѣ, Ю. Цезарѣ, Августѣ и т. под.; слѣдовательно указанное свойство составляетъ принадлежность всякаго *завоевателя*».

Истинное значеніе индукціи.

Казалось бы, что самое ясное и простое изложеніе такихъ доказательствъ, съ цѣлью высказать ихъ смыслъ, должно было-бы совершаться по *третьей* фигурѣ, въ которой заключеніе вообще бываетъ *частное*, т. е. въ слѣдующемъ видѣ:

Индуктивное разсужденіе, выраженное посредствомъ силлогизма.

Земля, Меркурій, Венера и т. д. движутся и т. д. (средн. пос.). Это суть планеты; слѣдовательно *Нѣкоторыя* планеты движутся и проч.

Но когда мы разсуждаемъ на основаніи индукціи, то обыкновенно желаемъ получить болѣе, чѣмъ *частное* заключеніе, вслѣдствіе чего многіе писатели и излагаютъ подобное разсужденіе посредствомъ силлогизма въ первой фигурѣ (*Barbara*), вставляя другую среднюю посылку, получаемую въ простѣйшемъ случаѣ, черезъ перестановку терминовъ. И дѣйствительно, если я имѣю право утверждать, что не только «Меркурій, Венера и всѣ названныя мною небесныя тѣла суть планеты», но также, что «всѣ планеты суть эти (т. е. названныя тѣла)», т. е. что *всѣ* индивидуумы, обнимаемые терминомъ «планета», вычислены мною, то я конечно имѣю право сдѣлать *общее* заключеніе. Но было бы очевидно невѣрнымъ, если бы мы стали утверждать, что послѣднее предположеніе имѣетъ мѣсто въ большей части случаевъ примѣненія индукціи; только въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти примѣръ того, что въ Логикѣ называется «совершенною индукціею», т. е. такой примѣръ, гдѣ бы были вычислены всѣ индивидуумы, относительно совокупности которыхъ мы утверждали-бы то, что прежде было сказываемо о каждомъ индивидуумѣ отдѣльно, — какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Иванъ въ Англіи, Ѳома также, и Вильгельмъ также; всѣ сыновья такого-то суть Иванъ, Ѳома и Вильгельмъ; слѣдовательно всѣ сыновья его въ Англіи». Подобные случаи индук-

ціи, какъ я сказалъ уже, весьма рѣдки, да и кромѣ того врядли можетъ подобная индукція (которую Бэконъ разсматриваетъ какъ дѣтскую забаву — ves puerilis) (*) служить для серіозныхъ цѣлей, такъ какъ она не ведетъ отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному.

Обыкновенно индукціи бываютъ таковы, что допущеніе въ нихъ меньшей посылки, подобной посылкѣ приведеннаго примѣра, было-бы, собственно говоря, ложнымъ. Поэтому тѣ писатели о Логикѣ, которые излагаютъ разсужденіе на основаніи индукціи въ вышеприведенной общей формѣ, хотятъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, чтобы средняя посылка была понимаема въ переносномъ смыслѣ, при чемъ предложенія «всѣ планеты суть Меркурій, Венера и проч.», или «всѣ завоеватели суть Филиппъ, Александръ и проч.» означаютъ, что «всѣ планеты могутъ быть *уподоблены* Меркурію и проч.», или «всѣ завоеватели могутъ быть *уподоблены* Филиппу, Александру и проч.» — т. е. что эти индивидуальные предметы или лица представляютъ достаточно полный *образецъ* того, объ чемъ идетъ разсужденіе, т. е. того класса, къ которому они принадлежатъ.

(*) Можетъ также случиться, что (подобно вышеприведенному примѣру) какое либо обстоятельство имѣетъ на самомъ дѣлѣ мѣсто для каждаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному классу, но не имѣетъ при этомъ никакой связи, кромѣ случайной, съ *классомъ, разсматриваемымъ самъ по себѣ*, т. е. съ его *опредѣленіемъ* и съ тѣмъ, что *дѣлаетъ* его классомъ.

Большая посылка упускается.

Я думаю поэтому, что будетъ понятно, когда мы выскажемъ просто и отчетливо то, что хотимъ утверждать. Поступая такимъ образомъ мы найдемъ, что высказываемая посылка энтимемы, — т. е. та, въ которой дѣлается утвержденіе чего либо относительно индивидуумовъ — есть *меньшая* посылка, *большая* же посылка выпускается, потому что она, въ сущности, одинакова во всѣхъ случаяхъ и имѣетъ такой смыслъ: «*то, что принадлежитъ индивидууму или индивидуумамъ, размотрѣннымъ нами, принадлежитъ* (навѣрное или вѣроятно, смотря по обстоятельствамъ) *всему классу, къ которому они относятся*». Такъ напр., найдя при наблюденіи надъ нѣсколькими овцами, что каждая изъ нихъ пережевываетъ жвачку, мы дѣлаемъ заключеніе, что тоже самое имѣетъ мѣсто для *всего вида* овецъ, найдя далѣе при наблюденіи нѣсколькихъ овецъ, быковъ, оленей и другихъ животныхъ, неимѣющихъ верхнихъ рѣзцовъ, что все они пережевываютъ жвачку, мы дѣлаемъ (съ большею или меньшею вѣроятностью) заключеніе, что всѣ четвероногія животныя, не имѣющія верхнихъ рѣзцовъ, суть жвачныя. При этомъ всегда подразумѣвается упущенная большая посылка, а именно, что «то, что принадлежитъ отдѣльнымъ овцамъ, разсмотрѣннымъ нами, должно принадлежать всему виду» и т. д.

Нужно много остроумія и осторожности для того,. чтобы рѣшить достаточно ли обстоятельно постановлено то, что собственно составляетъ индукцію, т. е. взято ли достаточное число индиви-

дуумовъ или отдѣльныхъ случаевъ, хорошо ли удостовѣрились въ характерныхъ свойствахъ этихъ случаевъ и насколько разсматриваемые индивидуумы *могутъ* тѣмъ или другимъ свойствомъ походить на *остальныхъ* членовъ класса и т. под. Но для этихъ изслѣдованій и предосторожностей Логика не можетъ оказать никакого пособія, потому что при этомъ въ дѣйствительности рѣшается вопросъ, можно-ли *постановить извѣстную посылку*, т. е. имѣемъ-ли мы право утверждать, что «имѣющее мѣсто для разсмотрѣнныхъ индивидуумовъ, имѣетъ мѣсто и для всего класса», и что то или другое дѣйствительно имѣетъ мѣсто для данныхъ индивидуумовъ. Правила Логики, какъ извѣстно, не имѣютъ никакого отношенія къ вѣрности или невѣрности посылокъ, за исключеніемъ только того случая, когда эти посылки суть заключенія нѣкоторыхъ предварительныхъ разсужденій; правила эти научаютъ насъ распознавать *дѣйствительно-ли вытекаетъ* заключеніе изъ посылокъ, а не рѣшаютъ вопроса, *правильно-ли постановлены* самыя посылки.

Необходимость допустить большую посылку.

Впрочемъ было замѣчено нѣкоторыми, что то, что мы разсматриваемъ какъ большія посылки, при полученіи выводовъ на основаніи индукціи, въ концѣ концевъ сводится на утвержденіе «однообразія законовъ природы» или на другое положеніе, имѣющее такой же смыслъ, и такъ какъ это положеніе само получено на основаніи *индукціи*, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что должна существовать по крайней мѣрѣ *одна* индукція —

и притомъ такая, отъ которой зависятъ всѣ другія, — которую нельзя изложить въ видѣ силлогизма.

Но ясно, и это всѣми признается, что во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ выводъ получается на основаніи индукціи (если только не называть этимъ именемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣлаютъ простыя догадки, неимѣющія никакого основанія). намъ необходимо придти къ убѣжденію, что приведенныхъ примѣровъ «*достаточно* для законнаго вывода заключенія», что «*позволительно*» разсматривать эти примѣры какъ образчики, обезпечивающіе правильность заключенія относительно всего класса. Но выразивъ это убѣжденіе словами, мы приходимъ къ *той самой большой посылкѣ*, о которой говорили. Если только согласиться съ этимъ, то нельзя будетъ отрицать и того, что безъ исключенія всякое разсужденіе на основаніи индукціи можетъ быть изложено въ формѣ силлогизма и что поэтому было бы противорѣчіемъ говорить о такой индукціи, которая *не можетъ* быть такъ изложена.

Въ настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ надобности вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса, составляетъ-ли вѣра въ постоянство законовъ природы, — вѣра, отъ которой никто не можетъ освободиться, — врожденную способность человѣческаго ума, какъ это думаютъ нѣкоторые замѣчательные метафизики, или же что эта вѣра пріобрѣтена и какимъ путемъ это совершилось. Для насъ достаточно показать необходимость допущенія всеобщей большей посылки, которую высказываютъ или подраз-

умѣваютъ, съ цѣлью получить правильный выводъ на основаніи индукціи, и что эта необходимость признается даже тѣми, которые пытаются отрицать ее.

§ 2.

Допущеніе посылокъ при индукціи.

Вопросъ о томъ, можно-ли основательно допустить извѣстную посылку или нѣтъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, для рѣшенія которыхъ необходимо обстоятельное знаніе *природы самаго предмета*. Такъ въ большой части отдѣловъ естествознанія, въ которыхъ обстоятельства, вызывающія извѣстныя слѣдствія, обыкновенно бываетъ гораздо легче опредѣлить, чѣмъ въ человѣческихъ дѣлахъ, разсматриваютъ одинъ *единственный примѣръ*, какъ достаточный для индукціи; убѣдившись напр. въ томъ, что одинъ извѣстный магнитъ притягиваетъ желѣзо, мы имѣемъ право заключить, что свойство это обще всѣмъ магнитамъ; въ метеорологіи и нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ естествознанія, которые менѣе разработаны, бываетъ необходимо привести гораздо больше примѣровъ для полученія индукціи. Наконецъ относительно человѣческихъ дѣлъ едва-ли можно когда либо считать основательнымъ выводъ, полученный изъ одного только примѣра.

Но тѣмъ не менѣе достойно замѣчанія, что во всѣхъ, безъ различія, случаяхъ разсужденія на основаніи индукціи мы питаемъ тѣмъ большее довѣріе къ нашему выводу, чѣмъ больше наше

убѣжденіе въ полнотѣ дознанныхъ нами обстоятельствъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу. Всѣ на практикѣ признаютъ это, и притомъ во всѣхъ случаяхъ одинаково, будутъ ли они касаться физическихъ или нравственныхъ вопросовъ, потому что всегда приписываютъ *ошибку* въ своихъ выводахъ незнанію или неправильной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ условій, связанныхъ съ предметомъ разсужденія.

Иные случаи постоянно сопровождаются многими условіями, точное изслѣдованіе которыхъ болѣе затруднительно чѣмъ въ другихъ, — и соотвѣтственно съ этимъ измѣняется степень достовѣрности большей посылки. Но тѣмъ не менѣе, *степень достовѣрности* всякаго предложенія, утверждаемаго нами какъ посылка (будетъ ли она выражена или только подразумѣваема), не можетъ быть вообще опредѣлена ни Логикою, ни *какою-либо другою особенною* наукою; опредѣленіе степени достовѣрности каждой посылки относится къ той наукѣ, которая занимается изслѣдованіемъ предметовъ, входящихъ въ разсужденіе. Только политикъ можетъ справедливо судить о степени достовѣрности какого либо предложенія, касающагося политики, только натуралистъ можетъ судить о томъ же, когда говорится о естествознаніи, и т. д.

Изслѣдованіе. Вотъ примѣръ: разсматривая нѣсколько рогатыхъ животныхъ, каковы овцы, быки и т. под., естественникъ увидитъ, что у всѣхъ ихъ копыта двойныя. *Искуство натуралиста* выкажется въ его сужденіи о томъ, имѣютъ ли эти животныя

сходство въ формѣ ихъ копытъ со всѣми другими рогатыми животными. Совершеніе такого сужденія, сопровождаемое изслѣдованіемъ индивидуумовъ и составляетъ то, что обыкновенно называютъ *индуктивнымъ процессомъ*. Ему приписываютъ полученіе *новыхъ истинъ* и разсматриваютъ его, какъ независимый отъ Логики, потому что, строго говоря, онъ не можетъ быть названъ *разсужденіемъ*, а есть *изслѣдованіе*. Но убѣдившись въ существованіи большей посылки и соединяя ее съ меньшею, т. е. что «животныя, разсмотрѣнныя имъ, имѣютъ расколотыя копыта», онъ можетъ *вывести заключеніе логическимъ путемъ*, т. е. что «ноги у всѣхъ рогатыхъ животныхъ двукопытныя» (*). Точно также, когда кто либо, испытавъ нѣсколько разъ неудачи въ пятницу, сдѣлаетъ заключеніе, что пятница вообще есть несчастливый день, то можно возражать противъ его *индукціи*, хотя она и *не будетъ нелогична*, если разсматривать ее какъ *разсужденіе*, потому что заключеніе дѣйствительно получается, если принять подразумѣваемую въ немъ посылку, а именно что «событія, случившіяся въ замѣченныя имъ пятницы, таковы, что должны всегда или особенно легко могутъ случаться по пятницамъ». Мы можемъ возражать противъ поста-

---

(*) Я нарочно выбралъ примѣръ, въ которомъ можно основываться *только* на индукціи, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, никогда и никто не высказывалъ основанія, изъ котораго можно было бы *a priori* догадаться о существованіи этого факта.

новки такой посылки, и можемъ утверждать, что его *индукція* невѣрна, хотя разсужденіе его правильно.

Наиболѣе сомнительная посылка упускается при индукціи.

Здѣсь нужно замѣтить, что при индукціи не соблюдается обыкновенное вразило, соблюденіе котораго требуется отъ всякаго правильнаго разсужденія, а именно, чтобы въ энтимемахъ всегда была упускаема та посылка, относительно вѣрности которой существуютъ *наименьшія сомнѣнія*. Въ случаѣ индукціи наиболѣе сомнительная изъ посылокъ есть *бóльшая*, такъ какъ во многихъ случаяхъ нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что индивидуумы, разсмотрѣнные съ нѣсколькихъ извѣстныхъ сторонъ, могутъ быть основательно разсматриваемы какъ образецъ всего класса. Если же она при этомъ высказывается рѣдко, то это зависитъ отъ указанной причины, т. е. оттого, что ее легко дополнить, такъ какъ она (mutatis mutandis) одинакова во всѣхъ индукціяхъ.

То, что сказано относительно индукціи, прикладывается также и къ примѣру, который отличается отъ индукціи только характеромъ заключенія; въ примѣрѣ оно бываетъ *единичное*, а въ индукціи— общее. Такъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ относительно общаго всѣмъ завоевателямъ свойства, мы могли бы сдѣлать выводъ, относящійся не ко всѣмъ завоевателямъ вообще, а только къ *извѣстному* завоевателю, желая доказать такимъ образомъ, что онъ не щадилъ человѣческой жизни; въ такомъ случаѣ *каждый* изъ случаевъ, приведенныхъ для доказательства этого,

назывался бы примѣромъ. (См. Elements of Rhetoric, ч. I, гл. II, § 6).

Нѣкоторые утверждали, что, приведя примѣры, мы прямо переходимъ отъ одного отдѣльнаго случая къ другому безъ посредства какого бы то ни было всеобщаго предложенія. Но право дѣлать выводы на основаніи примѣра должно зависѣть отъ такъ называемаго *параллелизма* обоихъ случаевъ, т. е. отъ того, что ихъ можно разсматривать какъ сходные въ нѣкоторомъ отношеніи, на которое, въ данномъ случаѣ, обращено вниманіе. Если бы этотъ параллелизмъ высказать на словахъ, то и получилось бы *общее предложеніе*. Тотъ, кто имѣетъ это предложеніе въ умѣ, въ дѣйствительности какъ бы высказываетъ его при каждомъ примѣрѣ; кто же этого предложенія не сознаетъ, тотъ, дѣлая даже вѣрный выводъ, долженъ сознаться, что получилъ его только случайно.

Изъ сказаннаго въ этомъ и предыдущемъ параграфахъ можно уже, вѣроятно, видѣть всю несостоятельность возраженій, высказываемыхъ въ послѣднее время съ видомъ торжества противъ предыдущаго опредѣленія процесса разсужденія, основаннаго на индукціи и на примѣрѣ. Возраженія эти имѣютъ только при первомъ взглядѣ кажущуюся основательность, но, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, они оказываются пустыми и противорѣчащими самимъ себѣ, потому что, въ сущности, въ нихъ допускаются тѣ самые принципы (иначе только выраженные), которые ими опровергаются.

Глава II.

Объ открытіи истины.

§ 1.

Вопросъ о томъ, обнаруживается ли новая истина посредствомъ процесса разсужденія, рѣшается повидимому отрицательно на основаніи того, что сказано до сихъ поръ, хотя многіе знаменитые писатели считали утвердительный отвѣтъ за достовѣрный. Весьма можетъ быть, что вопросъ этотъ, въ значительной степени, сводится на споръ, относящійся къ употребленію словъ; но изъ этого не слѣдуетъ вовсе, чтобы рѣшеніе его не было важно и не заслуживало вниманія, потому что неправильное употребленіе словъ въ научныхъ разсужденіяхъ можетъ весьма легко привести къ смѣшенію понятій и къ ошибочнымъ выводамъ. Этому обстоятельству въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ приписать то неосновательное презрѣніе, съ которымъ относились къ Логикѣ, какъ наукѣ. Дѣйствительно, принявши положенія, что «разсужденіе имѣетъ важное значеніе при открытіи истины» и что «Логика не оказываетъ никакого содѣйствія при открытіи истины» (гдѣ каждое предложеніе справедливо при извѣстномъ значеніи входящихъ въ него терминовъ, но не *одинаковомъ* значеніи для обоихъ предложеній), то естественно приходятъ къ заключенію, что существуютъ процессы разсужденія, къ которымъ силлогистическая теорія не при-

кладывается, — вслѣдствіе чего получается совершенно ложное понятіе объ наукѣ.

Различныя значенія словъ «открытіе» и «новый», когда они прикладываются къ слову «истина».

Стоя за отрицательный отвѣтъ на вышепредложенный вопросъ, нужно предварительно принять три положенія, а именно: 1) Нельзя признать того, чтобы открытіе всякихъ истинъ, касающихся предметовъ, не производящихъ дѣйствительныхъ впечатлѣній на чувства, могло совершаться (или по крайней мѣрѣ обыкновенно совершалось) *безъ* разсужденія, хотя разсужденіе при этомъ и не составляетъ *всей сущности* процесса, не составляетъ всего того, что играетъ въ немъ важную роль. 2) Разсужденіе нужно понимать не въ смыслѣ *какого бы то ни было* примѣненія разсудка, а въ смыслѣ *доказательства* (*argumentation*), въ которомъ мы его постоянно употребляли до сихъ поръ, согласно съ опредѣленіями, которыя были даны ему всѣми писателями о Логикѣ, и въ силу которыхъ разсужденіе означаетъ «выводъ нѣкотораго предложенія, какъ слѣдствія другихъ предложеній, принятыхъ за достовѣрныя». Наконецъ 3) подъ словомъ «новая истина» нужно подразумѣвать нѣчто, что бы не утверждалось прежде ни явно, ни скрытно и что бы не содержалось уже въ прежде извѣстномъ предметѣ.

На этихъ данныхъ совершенно легко съ очевидностью доказать справедливость нашего мнѣнія. Дѣйствительно, такъ какъ всякое разсужденіе (въ только что данномъ смыслѣ этого слова) можетъ быть сведено на силлогизмъ или силлогизмы и такъ какъ даже противники Логики жалуются

на то, что посылки силлогизма скрытно содержатъ заключеніе, то изъ этого непосредственно вытекаетъ, что новая истина (въ выше данномъ смыслѣ) не можетъ быть найдена посредствомъ процесса разсужденія.

На этомъ основаніи, конечно, стояли какъ пользующійся справедливою извѣстностью авторъ «Philosophy of Rhetoric», такъ и многіе другіе, когда возражали противъ пригодности какого бы то ни было силлогизма, потому что въ немъ необходимо имѣетъ мѣсто *отсутствіе вопроса* (petitio principii). Упомянутый авторъ вѣроятно не привелъ бы этого опроверженія, еслибы замѣтилъ, что принять ли его за вѣрное или нѣтъ, *оно одинаково можетъ относиться ко всякому доказательству.* Еслибы онъ замѣтилъ, что силлогизмъ отличается отъ другихъ родовъ доказательства только по формѣ, и что онъ представляетъ на самомъ дѣлѣ *всякое* доказательство (*), когда оно правильно и вполнѣ постановлено, то онъ получилъ бы болѣе правильное понятіе о цѣли всякаго разсужденія; онъ увидѣлъ бы, что разсужденіе можетъ только выдѣлить и раскрыть положенія, содержащіяся и такъ сказать завернутыя въ тѣ предложенія, на которыхъ мы основываемся, и что оно можетъ такимъ образомъ привести кого-либо къ пониманію и признанію всего значенія принятыхъ имъ посылокъ;

(*) Это допускается Дугальдъ-Стюартомъ, хотя онъ принимаетъ возраженіе Кампбелля.

оно можетъ служить для разсмотрѣнія предмета съ различныхъ сторонъ, для того чтобы признать за предметомъ въ одномъ состояніи то свойство, которое приписывалось ему въ другомъ, и, наконецъ, для того, чтобы отдѣлить и отказаться отъ того, что несовмѣстно съ нимъ.

Нельзя сказать, чтобы обнаруженіе нѣсколькихъ значеній и различныхъ приложеній даже одного предложенія составляло во всѣхъ случаяхъ легкую задачу. Общій терминъ обнимаетъ неопредѣленное, иногда чрезвычайно большое число индивидуумовъ или даже классовъ, при чемъ случается, что послѣдніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильно отличаются одни отъ другихъ; при употребленіи такого общаго термина трудно кому бы то ни было обращать вниманіе и имѣть въ виду всѣ индивидуумы или даже всѣ классы, обнимаемые имъ. Къ тому же не надо забывать, что какъ раздѣленіе, такъ и обобщеніе зависятъ въ значительной степени отъ произвола, т. е. что мы можемъ различно дѣлить данный родъ, измѣняя основанія этого раздѣленія и точно также можемъ относить данныхъ индивидуумовъ или данные виды то къ тому, то къ другому классу, смотря по содержанію рѣчи и цѣли разсужденія, при чемъ отнесеніе къ каждому классу доставляетъ особенный средній терминъ, пригодный для даннаго случая. Такъ напр. желая доказать, что «лошадь чувствуетъ» (этотъ неудачный примѣръ взятъ нами у названнаго выше писателя), мы должны отнести ее къ роду «животныхъ»; чтобы доказать, что «она

имѣетъ только одинъ желудокъ», нужно отнести ее къ роду «не жвачныхъ»; чтобы доказать, что «она можетъ вырождаться въ очень холодномъ климатѣ» нужно ее отнести къ классу существъ «первоначально произведенныхъ жаркимъ климатомъ», и т. д. Каждый изъ этихъ терминовъ, и множество другихъ содержатся въ томъ же словѣ «лошадь», хотя нельзя ожидать, что бы всѣ эти термины сразу представились въ умѣ при произнесеніи этого названія. Тѣмъ менѣе можно ожидать этого, когда вмѣсто такихъ словъ мы употребляемъ термины абстрактные или имѣющіе весьма сложное значеніе (*), какъ напр. «правленіе, справедливость» и т. под.

Поэтому когда мы говоримъ, «Всякій X есть Z, и всякій Y есть X», то при этомъ могутъ быть другіе термины и даже большое число ихъ, относительно которыхъ можно было бы утверждать «Z»; но мы останавливаемъ наше вниманіе на одномъ изъ нихъ, именно на «X», о немъ опять можно сказывать неопредѣленное число сказуемыхъ, кромѣ «Y», точно также, какъ и говоря объ «Y», мы выбираемъ «X» изъ неопредѣленнаго числа другихъ терминовъ, которые можно было бы утверждать относительно «Y». Такимъ образомъ представляется уму въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выразить обѣ посылки, что нужно допустить—вы-

(*) Въ самой Philosophy of Rhetoric есть нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній по этому предмету. Кн. IV, гл. VII.

сказать или подразумѣвать,—желая получить заключеніе. Кромѣ того, обыкновенно бываетъ необходимо повторить подобный-же процессъ для доказательства одной или обѣихъ посылокъ, а затѣмъ иногда и для доказательства тѣхъ посылокъ, которыми доказываются *первыя* и т. д.

Одна изъ причинъ, вовлекшихъ упомянутыхъ писателей въ разсматриваемую здѣсь ошибку, состояла въ подборѣ примѣровъ (подобные которымъ, нужно сознаться, часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ о Логикѣ), въ которыхъ заключеніе составляетъ только часть того, что содержится у нея въ одной изъ посылокъ по самому *смыслу* того термина, который составляетъ ея подлежащее и содержится при этомъ на столько ясно, что представляется каждому при произнесеніи этого слова. Такъ въ предыдущемъ примѣрѣ самый терминъ «лошадь» (содержитъ) подразумѣваетъ терминъ «животное», коль скоро слово это произносится кѣмъ-либо, понимающимъ его значеніе (*). Отъ этого и зависитъ, что нѣкоторые авторы, хотя и не лишенные ума, вообразили себѣ, что при разсужденіи мы выводимъ заключеніе изъ одной посылки.

Дурныя послѣдствія, зависящія отъ выбора пустыхъ примѣровъ.

Но вмѣсто примѣровъ, подобныхъ тѣмъ, которые беретъ Камбель и другіе, мы обратимъ вниманіе на выводъ естествоиспытателя, относящійся къ ископаемому животному, относительно котора-

(*) См. Кн. II, гл. V, § 1.

го онъ заключаетъ, что оно было «жвачное» изъ того, что оно имѣетъ рога на черепѣ. Можетъ случиться, что его выкопалъ земледѣлецъ, который не зналъ, что «всѣ рогатыя животныя суть жвачныя», или же, что натуралистъ, не бывшій при этомъ и до котораго дошли только недостаточныя свѣдѣнія о немъ, не будетъ знать «что животное имѣло рога». Ни тотъ, ни другой, взятые отдѣльно, не могутъ получить заключенія, что «это животное было жвачное»; но *соединивши* обѣ посылки, *совокупность* ихъ содержитъ въ себѣ и *дѣлаетъ возможнымъ утвержденіе* заключенія, хотя ни одна изъ нихъ, взятая отдѣльно, не приводитъ къ этому.

Силлогизмъ, выставляемый какъ западня.

Затѣмъ выставляли силлогизмъ (и притомъ тѣ, которые признавали, что всякое правильное разсужденіе можетъ быть изложено въ такой формѣ), какъ средство для заманиванія людей въ западню, изъ которой они потомъ не могутъ вырваться. Но допустивши *вѣрность* заключенія, человѣкъ *можетъ* вырваться изъ ловушки; если-же онъ увидитъ, что оно несправедливо, то изъ этого можетъ заключить, что одна изъ посылокъ *невѣрна.* Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, допустивши о чемъ-либо все то, что считается достовѣрнымъ или вѣроятнымъ, предоставляютъ вашему произволу принять или отрицать выводъ и гдѣ вы и послѣ того не пріобрѣтаете никакихъ новыхъ свѣдѣній о достовѣрности или вѣроятности утверждаемаго, тамъ, какъ всякій пойметъ, будетъ не дѣйствительное, а только *кажущееся* доказательство.

Плоскіе трупзмы, приводимые, какъ я замѣтилъ, вмѣсто примѣровъ писателями о Логикѣ, привели тѣхъ, которые не вдумывались внимательно въ значеніе процесса разсужденія вообще, къ заключенію, что силлогизмъ всегда имѣетъ такое пустое содержаніе. Тотъ, кто сказалъ, что итоги двухъ счетовъ суть 2 и 3, въ дѣйствительности утверждалъ при этомъ, что общій итогъ ихъ есть 5; въ данномъ случаѣ *это* немногимъ нужно *напоминать*; но тоже самое будетъ имѣть мѣсто и тогда, когда говорятъ объ итогахъ, равныхъ нѣсколькимъ сотнямъ или тысячамъ, т. е. и въ этомъ случаѣ въ дѣйствительности утверждаютъ, что общая сумма этихъ итоговъ такая-то, хотя теперь понадобится самому лучшему счетчику нѣкоторое время на то, что бы свести вмѣстѣ всѣ отдѣльные итоги. Подлежащее, относительно котораго нужно доказать что-либо, относится, какъ было уже сказано, къ тому или другому классу, смотря потому, что нужно бываетъ доказать.

Категоріи (*) или предикаменты (сказываемыя),

(*) Категоріи, перечисляемыя Аристотелемъ суть слѣдующія (въ возможно близкомъ переводѣ съ греческаго): сущность, количество, качество, отношеніе, мѣсто, время, положеніе, владѣніе, дѣйствіе и страданіе (испытываніе дѣйствія). Этотъ перечень (конечно весьма поверхностный) расширялся нѣкоторыми писателями, какъ это, очевидно, легко сдѣлать, подраздѣляя нѣкоторыя категоріи; другіе же обрѣзывали его потому что, не менѣе очевидно, всѣ они, въ концѣ концовъ, могутъ быть сведены къ двумъ отдѣламъ: *существу* и *принадлежности* или (согласно съ нѣкоторыми логиками) *обстоятельству*.

о которыхъ разсуждали Аристотель и другіе писатели о Логикѣ, суть нѣкоторыя общія понятія или summa genera, къ одному изъ которыхъ или къ нѣсколькимъ изъ нихъ можно относить всякій терминъ, вслѣдствіе чего они какъ бы указываютъ тѣ пріемы и пути, которымъ нужно слѣдовать, желая получить средніе термины въ каждомъ случаѣ разсужденія. Дѣйствительно для правильнаго обобщенія желательно, чтобы не терялась изъ виду сущность вопроса, или, другими словами, чтобы мы отвлекали ту сторону предмета, которая существенна для даннаго разсужденія. Нѣкоторыя общеупотребительныя выраженія, указывающія на подобныя же предосторожности, какъ напр. «дѣло идетъ не о сущности предмета, а о *величинѣ* его»; «весь вопросъ состоитъ во *времени* или въ *мѣстѣ*» и т. под., говоря языкомъ логиковъ, нужно было выразить такъ: «предметъ долженъ быть отнесенъ къ той или другой категоріи».

Два рода открытій.

Что касается тѣхъ терминовъ, о которыхъ мы говорили выше, т. е. «открытіе» и «новая истина», то для насъ безразлично, примемъ ли мы самый тѣсный смыслъ ихъ, или самый обширный, лишь бы только мы *отличали* ихъ. «Новыя истины» и «открытія» могутъ быть конечно двухъ родовъ, если давать этимъ словамъ самый обширный изъ придаваемыхъ имъ смысловъ. Къ одному роду надо отнести тѣ истины, которыя были *совершенно* (абсолютно) неизвѣстны, пока не были открыты, и которыя не содержались ни въ чемъ, прежде извѣстномъ намъ, хотя бы мы и могли считать ихъ

за вѣроятныя. Таковы всѣ *фактическія свѣдѣнія* въ точномъ смыслѣ, когда онѣ сообщаются кому-либо, не имѣвшему прежде никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о данныхъ фактахъ, на основаніи которыхъ онъ могъ бы ихъ вывести *a priori*, т. е. посредствомъ разсужденія. Такою новою истиною будетъ напр. сообщеніе кому либо, незнающему этого, что «существуетъ англійская колонія въ Новомъ Южномъ Валисѣ», что «солнце находится на такомъ-то разстояніи отъ земли», или что «платина тяжеле золота». Сообщеніе подобныхъ свѣдѣній обыкновенно называютъ *извѣстіями* или *свѣдѣніями* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Узнаемъ мы ихъ посредствомъ *наблюденія* или же *свидѣтельства* другихъ. Никакая *исключительно внутренняя работа* ума (исключая того случая, когда самъ умъ составляетъ предметъ наблюденія) или никакое *исключительно* словесное изслѣдованіе не могутъ открыть намъ факта, хотя и нужно весьма много остроумія при *сужденіи о томъ, какія свидѣтельства должны быть приняты*, и при составленіи *предположеній*, которыя могутъ привести къ *полезному* (поучительному) *наблюденію* и къ опытамъ, дающимъ возможность дѣлать эти наблюденія.

Свѣдѣнія.

Другаго рода открытія имѣютъ совсѣмъ отличный отъ перваго характеръ. То, что можетъ быть выведено посредствомъ разсужденія и что, слѣдовательно, содержалось въ томъ, что прежде было извѣстно, обязательно для насъ на этомъ основаніи, а не на основаніи опыта или свидѣтельства.

Еслибы кто принялъ какую либо геометрическую истину *на вѣру*, или попытался бы убѣдиться въ справедливости ея посредствомъ опытовъ, тотъ обнаружилъ бы этимъ совершенное незнаніе настоящаго характера данной науки. При самыхъ длинныхъ доказательствахъ учитель математики повидимому ведетъ насъ, пользуясь нашими собственными свѣдѣніями и указываетъ намъ, какъ много мы уже прежде допустили. Правда и во многихъ вопросахъ, касающихся морали, мы соглашаемся съ нѣкоторыми предложеніями, какъ только услышимъ ихъ, хотя прежде не только не слышали, но и не думали объ нихъ; точно также мы сейчасъ-же *соглашаемся* съ *свидѣтельствомъ* достойнаго вѣры человѣка, который разсказываетъ намъ, что войска наши одержали побѣду; но согласіе наше имѣетъ въ первомъ и въ послѣднемъ случаяхъ совершенно иной характеръ. Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ чувствовать благодарность сообщившему эти свѣдѣнія, потому что они такого рода, что никакой умъ и никакое образованіе не могло бы сдѣлать ихъ извѣстными; въ первомъ же случаѣ мы обыкновенно говоримъ: «*совершенно справедливо*», «это хорошее и справедливое замѣчаніе», «это никогда не приходило мнѣ на умъ», — признавая такимъ образомъ практически наше незнаніе этого обстоятельства и въ то же время сознавая, что мы имѣемъ, въ нашихъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ, средство убѣдиться въ справедливости новой истины и что мы, гово-

ря коротко, можемъ привести *наше свидѣтельство* въ подтвержденіе ея.

Конечно, въ практическомъ отношеніи истина послѣдняго рода можетъ быть также совершенно неизвѣстна, какъ и первая; но ее *признаютъ* за согласную съ прежними свѣдѣніями и содержащуюся въ нихъ, коль скоро она будетъ высказана и коль скоро будутъ показаны доводы, соединяющіе ее съ этими свѣдѣніями.

Теорія Платона.

Нужно считать вѣроятнымъ, что ученіе Платона о «Воспоминаніи» (Возстановленіи) произошло отъ слишкомъ поспѣшнаго распространенія того, что было замѣчено имъ въ этихъ случаяхъ пріобрѣтенія свѣдѣній, на всѣ другіе случаи. Его теорія идей смѣшиваетъ между собою *фактическія свѣдѣнія*, касающіяся природы вещей (которыя могутъ быть совершенно новы для насъ), съ предложеніями, относящимися къ *нашимъ собственнымъ представленіямъ* и образу мыслей (или, говоря, можетъ быть, правильнѣе, — къ нашимъ собственнымъ произвольнымъ знакамъ), и которыя (предложенія) должны содержаться въ этихъ весьма сложныхъ представленіяхъ, при чемъ справедливость ихъ будетъ заключаться въ согласіи съ нашею гипотезою, а не съ самою природою вещей. Таковы всѣ предложенія въ математикѣ и нѣкоторыя въ этикѣ, т. е. тѣ предложенія, въ которыхъ не утверждается ничего чисто фактическаго. Справедливо было замѣчено (*), что математиче-

---

(*) Dugald Stewart. Philosophy, Vol. II.

скія предложенія не могутъ быть разсматриваемы, какъ истинныя или ложныя въ томъ же смыслѣ, какъ какое-либо предложеніе, касающееся дѣйствительно существующаго факта. Поэтому-то истина (въ подходящемъ смыслѣ) такого предложенія необходима и вѣчна, потому что отъ нея требуется только *согласія съ гипотезою*, съ которой мы начали. Предложеніе: «вѣра въ будущую жизнь, соединенная съ полною преданностью настоящей жизни, не согласуется съ осторожностью» — будетъ одинаково справедливо какъ въ томъ случаѣ, если-бы будущая жизнь была пустою химерою, такъ и если бы осторожность была совершенно небывалымъ качествомъ; точно также истина математическаго заключенія, что «круги относятся между собою, какъ квадраты діаметровъ», не поколебалась бы, если-бы было доказано, что никогда въ природѣ не существовало круга или квадрата, соотвѣтствующихъ опредѣленіямъ.

Поэтому человѣкъ, обладающій математическими способностями, можетъ, помощью одного разсужденія, узнать много математическихъ истинъ, потому что эти истины содержатся въ опредѣленіяхъ. Но никакое искусство и стараніе не привело бы его, помощью *одного* «разсужденія», къ познанію того, что случилось въ какой-либо чужой странѣ, или что дѣлается съ ложкою соли или извести, когда они брошены въ воду, или что произойдетъ съ лучомъ свѣта, когда онъ пройдетъ черезъ призму.

Этимъ объясняются между прочимъ тщетныя

попытки Кларка и другихъ писателей *доказать* (въ математическомъ смыслѣ этого слова) существованіе Божества, потому что можно дать (кажущееся) доказательство этого, допустивши скрытно въ посылкахъ то, что предполагается доказать. Никакое *чисто фактическое обстоятельство* не можетъ быть доказано математически, хотя существованіе его и можетъ быть подтверждено настолько, что на этотъ счетъ не будутъ возможны ни малѣйшія сомнѣнія. Такъ напр. я не менѣе сомнѣваюсь въ томъ, что я въ томъ или другомъ мѣстѣ встрѣтилъ такого-то человѣка, какъ и въ томъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ; но самый *родъ* достовѣрности этихъ двухъ истинъ совершенно иной: утвержденіе, что я *не* встрѣтилъ этого человѣка, было бы конечно несправедливо, но въ немъ не было бы ничего *невѣроятнаго, самому себѣ противорѣчащаго* и *нелѣпаго*, между тѣмъ какъ все это можно было бы сказать объ утвержденіи, что сумма угловъ въ треугольникѣ не равна двумъ прямымъ.

Факты не могутъ быть доказываемы.

Различеніе этихъ двухъ родовъ «открытія истины» въ высшей степени важно. Для означенія перваго рода открытія (фактической) истины употребляютъ обыкновенно, желая говорить точнѣе, слово *извѣстіе, свѣдѣніе* (information), для втораго-же — *объясненіе* (instruction). Впрочемъ я здѣсь говорю объ *обыкновеніи* только, потому что ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, чтобы различные писатели одинаково употребляли эти

Различіе между извѣщеніемъ и объясненіемъ.

слова или даже чтобы одинъ писатель употреблялъ эти или другіе термины всегда въ одинаковомъ смыслѣ. Мы говоримъ, что историкъ сообщаетъ намъ *свѣдѣнія* о прошломъ времени, путешественникъ — о чужихъ странахъ; съ другой стороны моралистъ *объясняетъ* намъ начала своей науки, математикъ *объясняетъ* намъ наши обязанности, и т. под Впрочемъ какія бы слова ни употребляли въ этихъ случаяхъ, во всякомъ случаѣ существуетъ различіе между двумя родами истинъ и его слѣдуетъ имѣть въ виду. Рѣшеніе-же вопроса, должно-ли слово «открытіе» обнимать и нахожденіе тѣхъ истинъ, которыя содержатся въ прежде извѣстномъ намъ и могутъ быть поэтому открыты однимъ разсужденіемъ, не существенно для насъ.

Нужно замѣтить, что подобные же разсужденія о словахъ могутъ быть дѣлаемы и во многихъ другихъ случаяхъ. Такъ напр. случается, что кто-либо позабылъ (т. е. не можетъ *вспомнить*) имя лица или мѣста и напрасно старается припомнить его самъ; по прошествіи нѣкотораго времени кто-либо припоминаетъ это имя и тогда сразу *узнаютъ* его какъ то, которое нужно было припомнить. Спрашивается, было-ли въ этомъ случаѣ имя въ нашемъ умѣ или нѣтъ? Отвѣтъ нужно дать слѣдующій: въ одномъ смыслѣ имя было въ умѣ, въ другомъ же — нѣтъ. Или представимъ себѣ рудоносный слой въ землѣ, принадлежащей извѣстному человѣку, который ничего не знаетъ о его существованіи; составляетъ-ли эта руда часть его вла-

денія или нѣтъ, и если онъ найдетъ ее и станетъ разрабатывать, то *пріобрѣтаетъ-ли* онъ при этомъ *новое* владѣніе или нѣтъ? — Конечно нѣтъ, если понимать это въ томъ смыслѣ, какъ при полученіи по завѣщанію владѣнія, на которое не имѣлось прежде никакого *права;* въ практическомъ же отношеніи владѣніе это *есть* новое. Примѣръ этотъ можетъ служить для поясненія того, что мы разсматривали выше. Во всѣхъ-же случаяхъ, когда понимаютъ дѣйствительное различіе, вопросъ о словесномъ различіи не имѣетъ большаго значенія.

Приведемъ еще одно разъясненіе. Кто-то основательно сравнивалъ разсужденіе со складываніемъ кусковъ камня одинъ на другой. Каждый камень отдѣльно можетъ служить пьедесталомъ, на который можно подняться, оставаясь впрочемъ всегда на небольшой высотѣ; если-же сложить ихъ искусно, то получится высокая стѣна или лѣстница, по которой можно подняться на большую высоту. Когда всѣ матеріалы приготовлены, когда камни выломаны, отесаны и предоставлены въ распоряженіе строителя, то (развивая далѣе аналогію) его трудъ похожъ на одинъ изъ родовъ открытія, а именно на тотъ, который мы назвали *объясненіемъ*; если же онъ самъ долженъ добывать всѣ или часть матеріаловъ, если онъ самъ долженъ добывать камни изъ каменоломни, то его дѣло будетъ сходно съ другого рода открытіемъ (*).

(*) Существенное различіе между этими двумя родами человѣческаго познанія, а также и зависящія отъ этого слѣд-

§ 2.

Физическія открытія.

До сихъ поръ я говорилъ объ употребленіи разсужденія для доказательства тѣхъ гипотетических истинъ (какъ можно назвать ихъ), которыя относятся только къ нашимъ абстрактнымъ представленіямъ. Этимъ я не хотѣлъ вовсе сказать, что для разсужденія нѣтъ вовсе мѣста при пріобрѣтеніи чисто фактическихъ свѣдѣній; но я разсматривалъ другого рода истины на первыхъ порахъ, потому что для нихъ процессъ разсужденія,

---

ствія, не могутъ быть объяснены яснѣе, чѣмъ слѣдующими извѣстными словами знаменитаго писателя: «Умный человѣкъ, говоритъ сэръ Дж. Гершель, оставленный одинъ и предоставленный самому себѣ на неопредѣленное время, можетъ доказать для самого себя всѣ истины математики, идя отъ тѣхъ простыхъ свѣдѣній о пространствѣ и числѣ, отъ которыхъ онъ не можетъ освободиться, не переставъ думать. Но никакая сила мысли не откроетъ ему, что сдѣлается съ кускомъ сахару, когда его погрузить въ воду, или какое впечатлѣніе получитъ его глазъ при смѣшеніи желтаго цвѣта съ голубымъ, такъ какъ эти свѣдѣнія можно добыть только опытнымъ путемъ. Поэтому крайніе предѣлы человѣческаго познанія зависятъ, съ одной стороны исключительно отъ разсудка, съ другой-же — отъ чувствъ. Весьма большая часть этихъ познаній, и притомъ та, которая можетъ быть разсматриваема какъ наиболѣе важная, находится на серединѣ между этими предѣлами и происходитъ отъ попеременнаго познаванія тѣмъ или другимъ путемъ, т. е. состоитъ въ приложеніи «разсужденія» къ явленіямъ, представляемымъ природою (и наблюдаемымъ посредствомъ чувствъ)». Prout's Bridgewater Treatise, стр. 2.

всегда составляетъ *главную* и часто *единственную* сторону, на которую слѣдуетъ обращать вниманіе, коль скоро мы знаемъ точно и отчетливо значеніе терминовъ, между тѣмъ какъ въ предложеніяхъ, касающихся дѣйствительнаго существованія, намъ нельзя упускать изъ виду и другой важной стороны, а именно опредѣленія *степени вѣроятности* фактовъ, которую всегда нужно помнить, потому что безъ этого на наше заключеніе нельзя будетъ положиться, какъ бы правильно ни было совершено разсужденіе. Но, нѣтъ сомнѣнія, мы можемъ посредствомъ разсужденія прійти къ знанію обстоятельствъ, касающихся фактовъ, если мы имѣемъ *факты, отъ которыхъ можемъ идти, какъ отъ данныхъ*, хотя можетъ иногда случиться, что (какъ замѣчаетъ Кампбель) «мы будемъ извлекать только вѣроятныя заключенія, идя отъ достовѣрныхъ фактовъ», потому что другая посылка, введенная въ разсужденіе, только вѣроятна. Къ разсужденію совершенно примѣняется слѣдующее изрѣченіе изъ механики: «ничто не крѣпче самой слабой своей части». Кампбель замѣтилъ напр., что (какъ въ одномъ изъ послѣднихъ примѣровъ) мы изъ *достовѣрной* неживучести извѣстныхъ деспотическихъ правительствъ заключаемъ *вѣроятность*, что тоже самое имѣетъ мѣсто и въ другихъ тираніяхъ, — упуская при этомъ изъ виду, что при этомъ подразумѣвается посылка, весьма существенная, для разсужденія, а именно что «всѣ тираніи походятъ на разсмотрѣнныя нами»; посылка эта, будучи только вѣроятною, дѣлаетъ и заключеніе недосто-

вѣрнымъ. Сомнительность еще *умножается* когда *обѣ* посылки недостовѣрны; дѣйствительно, такъ какъ вѣрность заключенія имѣетъ мѣсто только при вѣрности обѣихъ посылокъ, то вѣроятность его и будетъ вычислена, когда выразимъ вѣроятную справедливость каждой посылки помощью дроби, при чемъ произведеніе этихъ вѣроятностей и дастъ вѣроятную справедливость заключенія (*).

Часто случается, что, помощію искуснаго сопоставленія обсужденія прежде извѣстныхъ фактовъ, открываютъ неизвѣстный *отдѣльный* фактъ; интереснымъ примѣромъ этому служатъ открытія преступленій чиновниками полиціи и адвокатами, которые пріобрѣтаютъ иногда посредствомъ практики такую ловкость въ этомъ отношеніи, что умѣютъ извлекать вѣрныя заключенія изъ обстоятельствъ, которыми другіе не съумѣли бы воспользоватъся для этой цѣли. Но во всѣхъ случаяхъ, когда посредствомъ индукціи выводится *общій* законъ, то онъ получается (какъ мы прежде замѣтили уже) *окончательно*, какъ заключеніе разсужденія. Такъ знаменитый скотоводъ Бэкуель замѣтилъ во многихъ отдѣльныхъ животныхъ способность откармливаться, между тѣмъ какъ другія животныя этою способностью не обладали. Въ перваго рода животныхъ онъ *наблюдалъ* особенный *складъ*, хотя они разнились между собою величиною, цвѣтомъ и т. под.; животныя же другаго

Общіе законы открываются посредствомъ разсужденій на основаніи индукціи.

(*) См. кн. III, § 14.

рода также во многихъ отношеніяхъ отличались между собою и всѣ они отличались складомъ отъ первыхъ. Эти наблюденія доставили ему основные факты, изъ которыхъ, связавъ ихъ съ общимъ началомъ, что «природа слѣдуетъ постоянно одинаковымъ пріемамъ для достиженія своихъ цѣлей», онъ, *логическимъ путемъ* вывелъ заключеніе, что «животныя извѣстнаго склада вообще имѣютъ особенную способность къ откармливанію». Главная заслуга скотовода состояла въ *производствѣ* наблюденій, въ умѣніи *соединить* ихъ такимъ образомъ, что-бы можно было *отвлечь* изъ множества отдѣльныхъ случаевъ, совершенно различныхъ во многихъ отношеніяхъ, тѣ обстоятельства, въ которыхъ они всѣ сходны между собою, и въ удачномъ предположеніи, что тѣ же самыя обстоятельства составляютъ принадлежность всѣхъ животныхъ этого класса. Когда говорятъ объ *индукціи,* то обыкновенно понимаютъ подъ этимъ производство подобныхъ наблюденій и особенно соединеніе ихъ, отвлеченіе изъ нихъ существеннаго и обсужденіе ихъ (*).

Процессы эти конечно отличны отъ разсужденія (**). Тоже самое можетъ быть сказано и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ напр. относительно открытія закона *инерціи* и другихъ основныхъ законовъ естественной философіи.

(*) См. Pol. Econ. Lect. IX, стр. 229—239.

(**) См. Кн. I, § 1, Примѣчаніе.

Не лишнее будетъ замѣтить здѣсь, что иногда самыя обширныя наблюденія фактовъ становятся болѣе чѣмъ безполезны, когда эти наблюденія попадаются въ руки людей, не обладающихъ способностью разбирать и отбирать ихъ. Знаніе для такихъ людей, будетъ-ли оно обширно или нѣтъ, имѣетъ такое-же значеніе, какъ пища для тѣла, пищеварительные органы котораго на столько повреждены, что не могутъ извлекать изъ нея питательныхъ частей. Когда пытаются пособить этимъ недостаткамъ ума, «сообщая ему новыя свѣдѣнія,— доставляя ему преимущества обширнаго опыта надъ тѣми, которые не могутъ пользоваться опытомъ, то это походитъ на то, когда пытаются увеличить кругозоръ близорукаго, взводя его на вершину горы» (*).

Но, могутъ спросить теперь, къ какому-же классу относятся открытія, о которыхъ мы говорили? — Всѣ согласятся назвать ихъ «новыми истинами», какъ только они становятся извѣстными, и это въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и этимъ какъ бы признаютъ, что они относятся къ тому классу, который, для отличія, можетъ быть названъ *«физическими открытіями»*; но такъ какъ они,
Логическія открытія.
въ концѣ концовъ, устанавливаются и подтверждаются посредствомъ разсужденія, то, на основаніи предыдущихъ разсужденій, ихъ можно было бы отнести и къ другому классу, который можетъ

(*) Polit. Econ. Лекція IX, стр. 236.

быть названъ *«логическими открытіями»*, такъ какъ все открываемое посредствомъ разсужденія должно было содержаться и скрытно утверждаться въ посылкахъ. Въ отвѣтъ на это я скажу, что *по отношенію* къ одному лицу, они принадлежатъ къ послѣднему классу, если только это лицо обладало *знаніемъ данныхъ*, необходимыхъ для вывода новой истины; но для того, кто этими данными не обладаетъ, это будетъ «новая истина» другаго рода. Нужно всегда помнить, что слова «новая истина» и «открытіе» имѣютъ *относительное* значеніе. Можетъ быть содержаніе даннаго предложенія совершенно извѣстно одному; для другаго (которому оно никогда не *приходило въ голову*, хотя онъ обладаетъ всѣми данными, на основаніи которыхъ оно можетъ быть *доказано*) оно сдѣлается извѣстнымъ посредствомъ такъ называемаго *«логическаго открытія»* (когда онъ узнаетъ содержаніе предложенія посредствомъ *объясненія*); для третьяго, наконецъ, (незнакомаго съ этими данными) оно будетъ совершенно *неизвѣстно* и будетъ, при сообщеніи, совершенно новою истиною въ строгомъ смыслѣ этого слова,—новымъ свѣдѣніемъ, *физическимъ открытіемъ*, какъ мы назвали его. (*) Значитъ, для уче-

(*) Въ этомъ мѣстѣ не лишне будетъ опредѣлить, что̀ собственно подразумѣвается подъ словомъ *знаніе* (knowledge). Оно подразумѣваетъ три обстоятельства: 1) твердую *вѣру*, 2) въ то, что *истинно* 3) на достаточныхъ *основаніяхъ*. Если напр. кто нибудь имѣетъ *сомнѣнія* относительно какого либо доказательства Эвклида, то нельзя сказать, чтобы онъ зналъ

наго, который приходитъ къ открытію, разсуждая на основаніи своихъ наблюденій и сопоставляя ихъ съ другими установленными уже началами, открытіе будетъ принадлежать къ первому классу; для большинства же оно будетъ принадлежать ко второму классу, такъ какъ есть большая вѣроятность, что большинство не обладаетъ знаніемъ данныхъ, изъ которыхъ новая истина можетъ быть выведена.

§ 3.

Свойство научныхъ истинъ.

Изъ того, что было сказано, слѣдуетъ, что въ чистой математикѣ и въ этическихъ вопросахъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы разсматривали, мы признаемъ возможнымъ *только* логическое открытіе, т. е. никакой выводъ не можетъ быть въ этихъ случаяхъ признаваемъ за правильный, если онъ не содержится въ опредѣленіяхъ и аксіомахъ, съ которыхъ мы начинаемъ и которыя составляютъ основныя положенія. Дѣйствительно, выводы въ этихъ случаяхъ не могутъ устанавливать факта, и потому единственная истина, которая *можетъ* содержаться въ нихъ, *состоитъ* въ согласіи съ основными на-

---

предложеніе, доказываемое имъ; если кто *убѣжденъ* совершенно въ справедливости чего либо, что не *истинно* (справедливо), то онъ ошибается, считая что *знаетъ* это; наконецъ, если два лица *совершенно убѣждены*, одно въ томъ, что луна обитаема, а другое — что она необитаема, то (хотя одно изъ этихъ мнѣній должно быть *истинно*) нельзя сказать, чтобы кто либо изъ нихъ *зналъ* истину, такъ какъ никто не имѣетъ достаточныхъ *доказательствъ* для этого.

чалами. Поэтому для того, кто *знаетъ* эти начала, такіе выводы суть истины, содержащіяся въ прежде извѣстномъ, потому что онѣ могутъ быть раскрыты посредствомъ разсужденія, если только онъ не лишенъ способности къ такого рода разсужденіямъ; для того-же, кому *не* понятны эти начала (т. е. который не понимаетъ опредѣленій), выводы эти не имѣютъ смысла. *Можетъ* конечно случиться, что предложенія, касающіяся фактовъ, содержатся въ томъ, что прежде извѣстно (какъ напр. тотъ, кому извѣстенъ климатъ Альпъ, Андовъ и друг. горъ, въ дѣйствительности уже призналъ общій фактъ, что «вершины горъ имѣютъ сравнительно холодный климатъ»); но такъ какъ предложенія эти обладаютъ абсолютною физическою новизною, то они и *должны быть* разсматриваемы какъ абсолютно «новыя» истины, такъ какъ истина ихъ не *заключается въ самыхъ терминахъ предложенія*. Истина или невѣрность какого либо предложенія касательно треугольниковъ заключается въ самомъ смыслѣ того или другаго геометрическаго термина; между тѣмъ можно *понимать* (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова) вполнѣ значеніе терминовъ «планета» и «обитаемый», и всякихъ другихъ терминовъ въ языкѣ, и тѣмъ не менѣе не быть въ состояніи съ достовѣрностью вывести изъ этого, обитаемы-ли планеты или нѣтъ.

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ: «Всякій отдѣлъ знаній, достойный носить названіе и имѣющій характеръ науки (въ самомъ обширномъ значеніи этого слова), долженъ удовлетворять двумъ усло-

віямъ: 1) правильно *удостовѣриться въ данныхъ*, на которыхъ будутъ основаны разсужденія, и 2) обладать правильнымъ процессомъ *для вывода заключеній* изъ нихъ. Хотя удовлетвореніе этимъ двумъ условіямъ во всѣхъ случаяхъ необходимо, но достиженіе этого въ различныхъ случаяхъ представляетъ чрезвычайно различныя какъ вообще, такъ и по отношенію между собою, степени трудности, смотря потому, какое мѣсто занимаютъ, если можно такъ выразиться, соотвѣтствующіе этимъ условіямъ процессы въ данной области знаній. Въ чистой математикѣ, напр. мы начинаемъ съ опредѣленій и допущеній (postulate), которыя легко могутъ быть поняты, и они служатъ намъ основаніями, на которыхъ, помощью аксіомъ, почти не нуждающихся въ напоминаніи, мы строимъ наши разсужденія. При этомъ нѣтъ надобности удостовѣриться въ какомъ бы то ни было фактѣ, ни совершить гдѣ бы то ни было индуктивный процессъ. Разсужденіе составляетъ здѣсь почти все. Въ геологіи же (чтобы взять случай противоположнаго отношенія процессовъ) нуженъ возможно большій запасъ свѣдѣній, и хотя и здѣсь нужно пользоваться здравымъ разсужденіемъ для того, чтобы примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенныя знанія, но извѣстно, что даже сильные мыслители, которые слишкомъ скоро довольствовались недостаточно точными и многосторонними наблюденіями, придумывали совершенно ошибочныя теоріи.

Различные отдѣлы естествознанія занимаютъ въ этомъ отношеніи различныя промежуточныя сту-

пени: два процесса, которые я пытался описать подъ именемъ «физическаго изслѣдованія» и «логическаго изслѣдованія», представляютъ въ различныхъ случаяхъ различныя относительныя трудности и играютъ различныя роли. Такъ напр. оптика почти приблизилась къ чистой математикѣ, потому что хотя основанія ея состоятъ изъ фактовъ, дознанныхъ на опытѣ, но ихъ сравнительно немного и въ нихъ легче удостовѣриться, чѣмъ въ фактахъ, относящихся къ другимъ областямъ натуральной философіи. Въ оптикѣ, допустивши или принявши нѣсколько основныхъ положеній, понятныхъ безъ пособія опыта и чувствъ, извлекаютъ изъ нихъ столь обширныя слѣдствія, что, какъ извѣстно, слѣпой математикъ, который не помнилъ вовсе свѣта, могъ прочесть интересный курсъ по этому предмету. Но въ *приложеніяхъ* этой науки къ объясненію весьма многихъ любопытныхъ явленій природы необходимо обширное знаніе фактовъ.

«Что касается политической экономіи, то никто-бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, не сомнѣвался въ томъ, что основные факты ея немногочисленны и доступны наблюденіямъ каждаго, если-бы не распространено было ошибочное смѣшеніе теоретическаго и практическаго отдѣловъ ея, т. е. того, что̀ собственно составляетъ *науку* политической экономіи, и практическія *приложенія* ея. Теорія доставляетъ начала, которыя могутъ быть затѣмъ прикладываемы въ практикѣ къ произвольному числу разнообразныхъ случаевъ; кромѣ того, для правильнаго приложенія ихъ, необходимо еще вообще точное

знаніе всѣхъ обстоятельствъ каждаго частнаго случая. Но не надо забывать, что тоже самое можетъ быть сказано и относительно геометріи: коль скоро мы хотимъ прикладывать ее къ практикѣ и примѣняемъ ее къ дѣйствительнымъ измѣреніямъ, необходимо весьма тщательное вниманіе къ фактамъ для того, чтобы получить точный результатъ. Точно такъ, и въ политической экономіи, мы должны въ каждомъ частномъ случаѣ, представлаемомъ дѣйствительностью, обращать вниманіе и опредѣлять вліяніе тѣхъ особенныхъ условій, которыя въ большей или меньшей степени измѣняютъ результаты, получаемые изъ общихъ положеній, подобно тому какъ въ механикѣ, переходя къ практикѣ, мы должны принять во вниманіе толщину, вѣсъ и степень гибкости веревокъ и рычаговъ.

«Поэтому для практическаго рѣшенія въ каждомъ *отдѣльномъ* случаѣ въ политической экономіи можетъ понадобиться принять во вниманіе вообще неопредѣленное количество фактовъ (точно также, какъ и при *приложеніи* началъ *всякой* науки), которые иногда бываетъ трудно собрать; но факты, на которыхъ *основаны* общіе принципы науки, доступны наблюденію каждаго» (*).

§ 4.

Двусмысленность слова разсужденіе.

Если-бы насъ спросили, были-ли, или могутъ-ли быть совершены посредствомъ *разсужденія* тѣ ве-

---

(*) Politic. Econ. Lect. IX, стр. 225.

ликія открытія, которыя сдѣланы въ натуральной философіи, то нужно было-бы напомнить предлагающему этотъ вопросъ, что онъ двусмысленъ. На него можно отвѣтить утвердительно, если къ *«разсужденію»* относить и *допущеніе посылокъ*. Для хорошаго выполненія *этого* необходимо бываетъ во многихъ случаяхъ не только знаніе фактовъ и знаніе степени достовѣрности сомнительныхъ предложеній (для чего иногда наблюденія и опытъ бываютъ необходимы), но и умѣніе *выбрать* и *собрать* извѣстные факты и начала; для этого-же необходимо между прочимъ пускать въ ходъ *отвлеченіе*, помощью котораго можно уловить общія обстоятельства, точки совпаденія въ довольно большомъ числѣ отдѣльныхъ случаевъ, несходныхъ между собою въ другихъ отношеніяхъ. Если же понимать «разсужденіе» въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ его обыкновенно опредѣляютъ, то нужно дать отрицательный отвѣтъ на предъидущій вопросъ, и сказать, что такія открытія дѣлаются посредствомъ разсужденія *въ соединеніи* съ другими дѣйствіями.

Въ томъ процессѣ, который я описывалъ, *есть* вообще много разсужденія и потому весь онъ назывался, безъ основанія, «процессомъ разсужденія».

Нѣтъ впрочемъ основанія жаловаться на то, что слово разсужденіе *употребляется въ двухъ смыслахъ*, а слѣдуетъ только помнить, что эти два смысла постоянно *смѣшиваютъ между собою*. Этимъ объясняется почему многіе писатели о Логикѣ вообразили, что разсужденіе (т. е. то, чѣмъ занимается Логика) представляетъ методъ для открытія истины,

другіе же жаловались на Логику за то, что она не служитъ для этой цѣли, такъ какъ «силлогизмъ» (т. е. разсужденіе, хотя они упускали изъ виду это совпаденіе) никогда не приводитъ къ положенію, которое, строго говоря, было бы *неизвѣстно* тому, который принялъ посылки; для достиженія этой цѣли, т. е. для направленія ума при изслѣдованіи они предлагали даже ввести какую-то «раціональную логику». Но предположивши даже, что можно было бы придумать такую науку, что ей можно было бы даже сообщить строгую научную форму (на что врядъ ли есть основаніе разсчитывать), предположивши наконецъ, что эта система приносила бы весьма большую пользу и что она носила бы имя «Логики» (потому что не стоило бы спорить объ имени),—во всякомъ случаѣ она занималась бы предметами, отличными отъ тѣхъ, которыми занимается Логика Аристотеля, и не могла бы быть разсматриваема какъ ея соперница. Весьма можетъ быть что *плугъ* болѣе остроумный и нужный приборъ, чѣмъ *цѣпъ*, но ни въ какомъ случаѣ нельзя первымъ замѣнить послѣдній.

Новыя истины могутъ имѣть различный характеръ по отношенію къ различнымъ лицамъ.

Открытія общихъ законовъ природы и т. под., о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, имѣютъ характеръ «логическихъ открытій» *для того, кто знаетъ всѣ посылки, изъ которыхъ они могутъ быть выведены*; *для большинства* же, незнакомаго со многими изъ этихъ посылокъ, они суть «новыя истины» въ строгомъ смыслѣ этого слова; этимъ объясняется почему люди обыкновенно даютъ названіе «открытіе» по преимуществу всѣмъ *общимъ*

фактамъ, потому что для *нихъ* факты эти дѣйствительно имѣютъ такое значенie въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ посылки, изъ которыхъ они выведены, не только были первоначально неизвѣстны имъ, но часто *остаются неизвѣстными и въ послѣдствiи.* Такъ напр. общее заключенie относительно откармливанiя животныхъ, найденное Бэкуелемъ, извѣстно большинству агрономовъ (и многимъ другимъ лицамъ); но тѣ посылки, отъ которыхъ онъ шелъ, т. е. факты, найденные имъ изъ наблюденiй надъ нѣсколькими отдѣльными быками (а нахожденie этихъ фактовъ и составляло его первое *открытie*) извѣстны весьма немногимъ съ достаточною обстоятельностью.

Наблюденie и опытъ.

Нужно замѣтить здѣсь, что открытiя отдѣльныхъ фактовъ, получаемыя какъ *непосредственный* результатъ *наблюденiя*, не представляютъ сами по себѣ ни интереса, ни значенiя, *пока* они не будутъ соединены такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ вытекалъ важный общiй выводъ. Тѣ, которые постоянно наблюдали и записывали времена затмѣнiя спутниковъ Юпитера, вѣроятно мало думали о томъ, къ какому важному открытiю они такимъ образомъ открывали путь (*). Въ этомъ заключается одна изъ добавочныхъ причинъ, почему слово «открытie» почти исключительно примѣняется къ важнымъ общимъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что они для большинства суть дѣй-

(*) На этомъ основанiи Бэконъ увѣщеваетъ искать *истину*, не требуя отъ нея сейчасъ-же практическихъ приложенiй.

ствительно совершенно новыя истины, какъ это мы сейчасъ говорили,—потому что не содержатся въ чемъ либо, *что* предварительно извѣстно *ему*. Конечно можетъ иногда случиться, что получаемое такимъ образомъ заключеніе есть не болѣе, какъ *вѣроятная догадка*; но она можетъ навести испытателя на такой *опытъ* или рядъ опытовъ, которые вполнѣ подтвердятъ справедливость ея. Такъ, сэръ Г. Дэви, найдя, что пламя водорода не проходитъ черезъ длинную тонкую трубку, предположилъ, что того же самаго можно достигнуть помощью болѣе короткой, но соотвѣтственно болѣе тонкой трубки: это привело его къ опытамъ, въ которыхъ онъ постепенно укорачивалъ трубки, уменьшая въ тоже время ихъ діаметръ и наконецъ пришелъ къ проволочной сѣткѣ своей *безопасной* (предохраняющей) лампы.

Нужно замѣтить также, что все то *уваженіе*, которое приноситъ *«открытіе»* тому, кто разсматривается какъ совершившій его, должно быть точно также оказываемо и тѣмъ которые искусно подбираютъ и сопоставляютъ извѣстныя истины (*особенно* тѣ, которыя *давно* и *всѣмъ извѣстны*), изъ которыхъ такимъ образомъ получаются важныя и до того упускаемыя изъ виду заключенія. Умъ такихъ людей—хозяинъ фактовъ; но и люди, обладающіе гораздо меньшими дарованіями, могутъ иногда эмпирическимъ путемъ открывать совершенно новые факты и оказывать такимъ образомъ услугу, доставляя матеріалъ для другихъ, къ которымъ они относятся точно также, какъ (въ прежнемъ примѣрѣ) дѣлающій кирпичи или каменотесъ

относится къ архитектору. Заслуга Адама Смита и Мальтуса тѣмъ возвышается особенно, что данныя, изъ которыхъ они вывели столь важныя заключенія, были извѣстны и доступны каждому въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Что же касается математическихъ открытій, то они должны *всегда* (какъ мы это прежде сказали) принадлежать къ разряду тѣхъ, которыя мы условились называть «логическими открытіями», такъ какъ для понимающаго значеніе математическихъ терминовъ (а только для такихъ и могутъ быть, собственно говоря, понятны самыя истины) получаемые выводы содержались въ предварительно извѣстномъ, изъ чего они и могутъ быть выведены логическимъ путемъ. Этимъ я впрочемъ не хочу сказать, чтобы математическія открытія совершались только посредствомъ *одного* разсужденія; хотя здѣсь и нѣтъ надобности разсуждать о степени вѣроятности посылокъ, ни прибѣгать къ опытамъ или наблюденіямъ, какъ это бываетъ въ физикѣ, но нужно не менѣе искуства въ *выборѣ* и *сочетаніи* посылокъ, для того, чтобы изъ нихъ получалось новое, т. е. *незамѣченное* и *непридуманное* заключеніе.

Конечно для того, чтобы *слѣдить* за доказательствомъ или *подобрать* къ нему примѣръ не надо ничего, кромѣ чистаго разсужденія. Но *выборъ посылокъ не составляетъ части* разсужденія въ точномъ и техническомъ значеніи этого слова. По этому многіе изъ тѣхъ, которые могутъ *слѣдить* за математическимъ доказательствомъ или за ка-

кимъ либо другимъ разсужденіемъ, не съумѣютъ сами *придумать* ни одного доказательства (*).

§ 5.

Дѣйствія, соединенныя съ разсужденіемъ.

И такъ, при всякихъ открытіяхъ, какъ логическихъ, такъ и физическихъ, необходимы бываютъ нѣкоторыя дѣйствія, не входящія въ область «разсужденія» въ строгомъ смыслѣ этого слова. При логическихъ открытіяхъ необходимо бываетъ искусно *выбрать* и *соединить извѣстныя истины*; при физическихъ же мы должны *присоединить* (говоря вообще) къ этому процессу *наблюденія* и *опытъ*. Обыкновенно при изученіи природы и всего, относящагося къ фактамъ, соединяются *оба* способа изслѣдованія, т. е. нужно бываетъ подтвердить посредствомъ наблюденій нѣсколько фактовъ или основныхъ положеній, которыя *какъ посылки* служатъ *исходными точками разсужденія*, или же, какъ въ случаѣ предохранительной лампы Дэви, нужно бываетъ *подтвердить* на опытѣ послѣднее *заключеніе*. Такимъ образомъ въ теченіи одного процесса, происходятъ физическія и логическія открытія. Поэтому то не слѣдуетъ удивляться, что эти два рода открытій постоянно смѣшиваются. Въ математикѣ же, съ другой стороны, и въ большей части разсуж-

(*) По этому учащійся не долженъ ограничиваться одними пассивными занятіями, если только дѣйствительно хочетъ сдѣлаться математикомъ.

деній, относящихся къ этикѣ и законовѣдѣнію, физическія открытія совершенно не имѣютъ мѣста и потому дѣло состоитъ въ *удачномъ пользованіи* предложеніями, находящимися въ нашемъ распоряженіи, когда изъ нихъ желаютъ получить какой либо выводъ.

Впрочемъ изслѣдованія въ послѣдней области отличаются отъ первыхъ еще и въ *другомъ* отношеніи. Помимо того обстоятельства, что эти изслѣдованія не содержатъ вовсе вопросовъ, касающихся *фактовъ* и потому не допускаютъ приложенія наблюденія, существуетъ еще значительная разница, въ примѣненіи къ обоимъ случаямъ, въ томъ, что́ можетъ быть названо *логическимъ изслѣдованіемъ*, такъ какъ *посылки*, служащія основаніемъ разсужденія. совершенно отличны по своему характеру въ этихъ случаяхъ.

Такъ напр. въ математикѣ опредѣленія, служащія основаніями нашихъ разсужденій, весьма *немногочисленны*, аксіомы — еще менѣе; тѣ и другія по большой части *при самомъ началѣ постановляются* и *предлагаются учащемуся*; всякое новое опредѣленіе или новая аксіома, которыя встрѣчаются сравнительно рѣдко и черезъ длинные промежутки, высказываются *формально*, такъ что не остается никакого *сомнѣнія* относительно нихъ. Съ другой стороны, при разсужденіяхъ, касающихся фактовъ, мы почти *на каждомъ шагу* вводимъ новыя предложенія (и иногда до весьма большаго числа), которыя не были выведены въ теченіи самаго разсужденія, а принимаются какъ данныя, т. е. какъ

факты, законы природы, которые въ настоящемъ случаѣ служатъ основами нашихъ разсужденій, служатъ *правилами* или «основаніями вѣры», соотвѣтствующими аксіомамъ въ математикѣ. Если-бы въ началѣ какого либо трактата напр. химіи или сельскаго хозяйства, или политической экономіи и т. под. захотѣли сдѣлать, какъ въ математикѣ, формальную постановку всѣхъ предложеній, которыя разсматриваются какъ данныя во всемъ сочиненіи, то авторы и читатели были-бы поражены большимъ числомъ этихъ предложеній, изъ которыхъ многія были-бы только вѣроятны, и подали бы поводъ къ сомнѣніямъ какъ относительно степени вѣроятности ихъ, такъ и относительно разсужденій, помощью которыхъ она опредѣляется.

Кромѣ того математическія аксіомы всегда употребляются въ совершенно *одинаковой и простой формѣ*, какъ напр. аксіома: «двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою» приводится всегда въ однихъ и тѣхъ же словахъ, между тѣмъ, какъ правила, касающіяся другихъ родовъ предметовъ, допускаютъ и даже требуютъ постоянныхъ видоизмѣненій въ различныхъ своихъ приложеніяхъ. «Постоянство законовъ природы», напр., составляющее наше постоянное основаніе во всѣхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ области натуральной философіи, является во многихъ различныхъ видахъ и въ иныхъ изъ нихъ обладаетъ не столь полною достовѣрностью, какъ въ другихъ. Въ томъ случаѣ, когда, замѣтивши, что извѣстная овца всегда пережевываетъ жвачку,

мы заключили, что эта именно овца будетъ всегда пережевывать жвачку, то мы принимаемъ, что «свойство, принадлежавшее прежде этой овцѣ, остается безъ измѣненія»; когда мы дѣлаемъ такое же заключеніе относительно другихъ овецъ, то принимаемъ, что «свойство, принадлежащее этому индивидууму, принадлежитъ всему виду»; если при сравненіи овцы съ другими рогатыми животными (*) находимъ, что всѣ они пережевываютъ жвачку, и дѣлаемъ выводъ, что «всѣ рогатыя животныя пережевываютъ жвачку», то мы принимаемъ при этомъ, что «все, принадлежащее къ одному роду или классу, согласуется въ тѣхъ свойствахъ, въ которыхъ согласуются нѣкоторые виды, принадлежащіе къ этому же роду», или, другими словами, что «если одно свойство *часто* сопровождало другое и никогда не было наблюдаемо безъ него, то первое *всегда* и *вообще* сопровождается другимъ». Всѣ эти положенія суть различныя формы одного и того-же, а именно, что «природа однообразна въ своихъ дѣйствіяхъ»; оно мѣняется въ способѣ выраженія почти въ каждомъ частномъ случаѣ, когда его приходится прикладывать, и самыя приложенія имѣютъ всякія степени достовѣрности, начиная съ полной нравственной достовѣрности до простой догадки (**).

(*) Т. е. имѣющими *рога на черепѣ*. Такъ называемые рога носорога имѣютъ совсѣмъ другое происхожденіе, строеніе и положеніе, чѣмъ рога собственно.

(**) См. Приложеніе I, слово *невозможно*.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о множествѣ другихъ положеній и изрѣченій, примѣняемыхъ въ каждомъ особенномъ отдѣлѣ знаній. Поэтому ходъ разсужденія въ нихъ весьма сложенъ въ сравненіи съ тѣмъ, который прикладывается въ математикѣ, такъ какъ отъ перваго требуется гораздо болѣе, чѣмъ отъ послѣдняго, въ которомъ нужно только логическимъ путемъ вывести заключеніе изъ посылокъ. Вслѣдствіе этого самыя длинныя математическія доказательства излагаются и понимаются гораздо легче, чѣмъ несравненно болѣе короткій рядъ правильныхъ разсужденій, касающихся какихъ либо дѣйствительныхъ фактовъ. Математическое доказательство съ основаніемъ сравнивали съ длинною, но правильно расположенною лѣстницею, для восхожденія на которую нужны только крѣпкія легкія, сила и настойчивость; другія же доказательства похожи на крутой, изрытый и неправильный подъемъ изъ пропасти, для восхожденія па который нужны зоркіе глаза, ловкость и твердый шагъ, и при этомъ нужно смотрѣть то въ ту, то въ другую сторону, выглядывая, по мѣрѣ восхожденія, гдѣ бы найти выступъ, на которомъ можно умѣстить ногу и чтобы не стать на слабо держащійся камень, могущій обвалиться. По всѣмъ вѣроятіямъ въ одномъ изъ длиннѣйшихъ доказательствъ Эвклида есть столько-же ступеней простаго и чистаго разсужденія, сколько ихъ находится въ диссертаціи о какомъ либо другомъ предметѣ, наполняющей иногда объемистую книгу.

Это показываетъ, что математическое разсужденіе слѣдуетъ считать самымъ лучшимъ упражненіемъ въ разсужденіи для начинающихъ, такъ какъ оно не требуетъ изслѣдованій относительно вѣроятности посылокъ; это-же самое обстоятельство дѣлаетъ, что люди, слишкомъ исключительно занимающіеся имъ, неправильно разсуждаютъ о другаго рода предметахъ.

Математика полезна какъ первоначальное упражненіе въ разсужденіи.

Что же касается до этическихъ и юридическихъ разсужденій, на которыя мы только что указывали, какъ на сходныя съ разсужденіемъ математическимъ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ вовсе положеній, касающихся фактовъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующаго различія между ними: въ этикѣ и законовѣдѣніи люди не только не вполнѣ *согласились* относительно основныхъ положеній и принциповъ, но и нельзя, кромѣ того, посредствомъ произвольнаго опредѣленія, разъ на всегда абсолютно утвердить значеніе каждаго термина, а, напротивъ того, большая часть нашей работы тратится на тщательный разборъ различныхъ смысловъ, въ которыхъ люди употребляютъ каждое слово, на опредѣленіе того, какой изъ этихъ смысловъ наилучше подходитъ, и на постоянную заботу о томъ, чтобы избѣгнуть смѣшенія между ними.

Не лишнее будетъ прибавить здѣсь, что для благопріятнаго примѣненія разсужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда различныя чувства и желанія дѣлаютъ насъ склонными къ ошибкамъ, нужно чистосердечное и сильное желаніе разсуждать правильно

Несправедливое пренебреженіе къ разсужденію.

и достигнуть истины; но нѣкоторые не признаютъ этого и потому презрительно относятся ко *всякому* примѣненію способности разсужденія къ предметамъ религіознаго и нравственнаго содержанія, ссылаясь съ жалобами на недостаточность *одной* силы ума для достиженія истины въ подобныхъ случаяхъ и признавая при этомъ необходимость обращаться болѣе къ сердцу, чѣмъ къ головѣ и т. под.; такимъ образомъ они и себя и читателей приводятъ къ заключенію, что чѣмъ менѣе мы *разсуждаемъ* о подобныхъ предметахъ, тѣмъ безопаснѣе для насъ.

Истинная роль искренности.

Но истинная роль искренности состоитъ въ *подготовленіи* ума къ правильному *воспріятію* доказательствъ, а не къ *непризнанію* всякаго доказательства; она не должна *замѣнять* доказательства, а должна способствовать *правильному взвѣшиванію* доказательства съ обѣихъ сторонъ. Придерживающіеся вышеуказаннаго мнѣнія на самомъ дѣлѣ какъ бы говорятъ, что такъ какъ *однѣ* правильныя гири, безъ вѣрныхъ вѣсовъ, не даютъ возможности взвѣсить хорошо, то намъ слѣдуетъ заботиться только о вѣсовыхъ чашкахъ, гири-же сами о себѣ позаботятся.

Такого рода направленіе особенно часто встрѣчается у писателей, считающихъ удобнымъ распространять между людьми такія понятія, которымъ — какъ есть много основаній подозрѣвать — они сами не вполнѣ вѣрятъ и относительно которыхъ боятся, что они имѣютъ тѣмъ болѣе вѣроятія быть

отвергнуты, чѣмъ болѣе объ нихъ будутъ разсуждать (*).

Глава III.

О выводѣ и доказательствѣ.

§ 1.

Такъ какъ изъ предыдущаго оказывается, что человѣку вообще необходимо обладать нѣкоторыми свойствами, кромѣ способности разсуждать, для того, чтобы *прикладывать* эти способности къ данной цѣли, какова бы она ни была, то нужно разсмотрѣть, нельзя-ли дать теоріи, изслѣдующей эти «*другія дѣйствія*» и «умственные процессы, отличные отъ разсужденія, къ которымъ бываетъ иногда необходимо обращаться для изслѣдованія истины» (**), и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться постановить правила, на основаніи которыхъ они должны быть совершаемы.

Различныя приложенія разсужденія.

Кое-что было уже сдѣлано нѣсколькими писателями въ этомъ направленіи, и можно было бы сдѣлать еще болѣе, если-бы при этомъ совершенно понимались и постоянно имѣлись въ виду основныя правила Логики въ точномъ смыслѣ этого слова. Но врядли было бы возможно построить объ этомъ предметѣ что либо, похожее на настоящую

(*) См. *Powell*, «Tradition Unveiled».
(**) D. Stewart.

науку, подобную Логикѣ по отношенію къ теоріи разсужденія. Тѣмъ не менѣе не лишнее будетъ замѣтить, что эти *«другія дѣйствія»*, о которыхъ мы говорили и которыя служатъ подготовленіемъ къ разсужденію, бываютъ *двухъ родовъ*, смотря по свойству цѣли, которая преслѣдуется. Дѣйствительно разсужденіе обнимаетъ какъ процессъ *вывода*, такъ и процессъ *доказательства*, которые не суть двѣ отличныя между собою вещи, но одна и таже, разсматриваемая *съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія*, — подобно дорогѣ изъ Лондона въ Іоркъ и изъ Іорка въ Лондонъ. Кто выводитъ (*), тотъ и доказываетъ, и кто доказываетъ, тотъ выводитъ. Но слово «выводить» останавливаетъ вниманіе *сперва* на посылкахъ, а затѣмъ на *заключеніи*, между тѣмъ какъ слово «доказывать», на оборотъ, переводитъ наше вниманіе *отъ* заключенія къ посылкамъ. Поэтому существительныя, произведенныя изъ этихъ глаголовъ, часто употребляются соотвѣтственно для обозначенія того, на что, въ данномъ случаѣ, было обращено вниманіе *въ концѣ*: *выводъ* употребляется часто для обозначенія *заключенія* (т. е. *выведеннаго предложенія*), а *доказательство* — для обозначенія *посылки*. Мы говоримъ также: «Какъ *докажете* вы это?» и «Что вы *выведете изъ* этого»? и вопросы эти не были-бы совершенно отчотливы, если-бы мы переставили въ нихъ глаголы.

(*) Я подразумѣваю подъ этимъ словомъ вообще *правильный* выводъ.

Поэтому можно опредѣлить «*доказательство*», какъ «указаніе причины (т. е. довода), подтверждающей *данное* предложеніе», а «выводъ», — какъ «*извлеченіе* заключенія изъ *данныхъ* посылокъ». Въ первомъ случаѣ наше *заключеніе* уже дано (т. е. предложено намъ какъ вопросы), и намъ предстоитъ *пріискать ему доводы* (аргументы): во второмъ же— *даны* посылки и нужно *пріискать* заключеніе, т. е. нужно сопоставить данныя прежде предложенія и опредѣлить, *что* изъ нихъ вытекаетъ. Или, говоря логическимъ языкомъ, въ одномъ случаѣ мы пытаемся *отнести предметъ, о которомъ мы должны сказать что либо, къ классу* (*), *къ которому это сказуемое* (положительно или отрицательно) *прикладывается*; въ другомъ — мы пытаемся *показать, что предметъ, о которомъ мы сказывали что либо, обнимаетъ нѣкоторые термины*, къ которымъ это сказуемое прежде не прикладывалось (**). *То и другое суть опредѣленія разсужденія.*

§ 2.

Изслѣдователь и адвокатъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что «выводить» есть дѣло *ученаго*, а *доказывать* — дѣло *адвоката*. Первому

(*) Нужно замѣтить, что слово «классъ», какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ употребляется для обозначенія дѣйствительнаго или же только возможнаго, какъ онъ можетъ быть названъ, класса. См. Кн. I, § 3.

(**) *Доказательство* можетъ быть сравнено съ *укладкою* какого либо предмета въ подходящее помѣщеніе, содержащее подобные-же предметы; *выводъ*-же—съ *нахожденіемъ* нужнаго предмета.

нужно извлечь *какую бы то ни было* важную истину изъ большаго числа извѣстныхъ и признанныхъ истинъ, но которую до того времени не замѣчали; иногда онъ дѣлаетъ это, не зная навѣрное, какіе термины войдутъ въ его заключеніе. Такъ напр. математикъ стремится опредѣлить, *каково* отношеніе между окружностями, или *какова* линія, квадратъ которой равенъ площади даннаго круга. Съ другой стороны адвокатъ имѣетъ передъ собою предложеніе, которое ему нужно сколько возможно поддерживать. Дѣло его состоитъ въ *нахожденіи среднихъ терминовъ* (что составляетъ *inventio* Цицерона), между тѣмъ какъ ученому нужно сопоставлять и выбирать извѣстные уже факты и начала такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ вытекало заключеніе, которое, хотя и содержалось въ посылкахъ, было не замѣчаемо прежде. Другими словами, ученому нужно дѣлать логическія открытія.

Вопросы касательно сказуемаго и касательно связки.

Къ этому нужно еще прибавить, что всѣ вопросы можно относить къ двумъ классамъ, а именно: «*что* нужно *сказывать* объ извѣстномъ подлежащемъ?» «*Какая связка*, утвердительная или отрицательная, должна соединять извѣстныя подлежащее и сказуемое?» Говоря короче, мы спрашиваемъ 1) «что такое А?» и 2) «Есть-ли А, В или нѣтъ?» Первый классъ вопросовъ принадлежитъ ученому, второй — адвокату (см. Rheteric, Appendix G., стр. 387).

Различіе между этими двумя родами вопросовъ лучше всего можетъ быть высказано ссылкою на такой примѣръ, въ которомъ различныя стороны

оспариваютъ *каждый* изъ вопросовъ. Вотъ такой примѣръ: Апостолъ Павелъ говоритъ, что апостолы проповѣдывали «Христа распятаго; для Евреевъ — камень преткновенія, для Грековъ — нелѣпость». Что Іисусъ, претерпѣвшій позорную смерть, былъ Мессія, Спаситель міра,— этому ученію сопротивлялись какъ Евреи, такъ и язычники, хотя основанія ихъ сопротивленія были различны, соотвѣтственно различнымъ предразсудкамъ. Евреи «требовали знаменія» (т. е. пришествія Мессіи въ облакахъ и установленія славнаго царства на землѣ), и были оскорблены, скандализированы ученіемъ о *страждущемъ* Мессіи. Греки-же, которые «стремились къ философской мудрости» (т. е. къ превознесенію *ими самими* своей собственной природы безъ всякой божественной помощи), осмѣивали самую идею небеснаго Спасителя, которую Евреи признавали. Говоря логическимъ языкомъ, мы должны сказать, что язычники не могли понять сказуемаго, Евреи-же отрицали связку.

Обвиненія въ парадоксѣ и безсмыслицѣ.

Замѣтимъ, что въ настоящее время дѣйствія указанныхъ предразсудковъ обозначаются соотвѣтственно посредствомъ словъ «парадоксъ» («камень предкновенія») и «безсмыслица» («нелѣпость»), которыя часто употребляются, первое — тѣми, которые привыкли держатся мнѣнія *противоположнаго* утверждаемому, второе-же тѣми, которые не составили *никакого* мнѣнія о предметѣ. Авторы, доказывающіе *непріятную* истину, обвиняются въ *парадоксальности*; тѣхъ же, которые обнаруживаютъ

неизвѣстныя и *нежданныя* истины, обвиняютъ въ безсмыслицѣ.

§ 3.

Различные пріемы ума, соединенные съ этими процессами.

Таковы подготовительные процессы въ каждомъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ знанія, — въ философскомъ и реторическомъ. Процессы эти сильно отличаются одинъ отъ другаго; они производятъ совершенно различныя привычки ума и требуютъ совершенно различныхъ пріемовъ и правилъ. Ясно, что занятія адвоката и судьи въ этомъ отношеніи противоположны, такъ какъ одному надо отыскать доводы для поддержанія дѣла своего довѣрителя, другому-же нужно разыскать истину. Поэтому тѣ, которые наиболѣе отличались въ перваго рода дѣятельности, часто оказывались несостоятельными въ послѣдней, хотя *сущность дѣла*, подлежащаго ихъ изслѣдованію, одна и таже. Спорщикъ, оппонентъ и вообще риторъ, наиболѣе искусный въ своемъ дѣлѣ, можетъ быть неспособенъ для философскаго изслѣдованія даже въ томъ случаѣ, когда нѣтъ недостатка въ наблюденіяхъ и когда всѣ нужные для изслѣдованія факты *извѣстны*. Въ тоже время самый лучшій ученый и философъ можетъ быть только посредственнымъ диспутантомъ, особенно въ томъ случаѣ, кода доводы, приведшіе *его* къ заключенію и которые для него имѣютъ наиболѣе вѣса, не оказываются совершенно сильными при спорѣ.

Впрочемъ, чаще всего случается, что забываютъ роль ученаго или богослова, а принимаютъ на себя некстати роль адвоката. Поэтому весьма полезно остановиться долѣе на различіи между тѣмъ и другимъ. Что касается чистаго процесса разсужденія, то *онъ* одинаковъ въ обоихъ случаяхъ; но подготовительные процессы, необходимые для полезнаго *примѣненія* разсужденія, совершаются по двумъ различнымъ путямъ. Для каждаго изъ этихъ путей можно безъ сомнѣнія дать нѣсколько полезныхъ правилъ, но тѣмъ не менѣе этихъ путей не слѣдуетъ смѣшивать. Бэконъ избралъ отдѣлъ философіи и далъ въ своемъ Organon'ѣ не только правила для веденія опытовъ, имѣющихъ цѣлью удостовѣриться въ новомъ фактѣ, но также для подбора и сопоставленія извѣстныхъ фактовъ и положеній съ цѣлью получить важные *выводы*. По всѣмъ вѣроятіямъ система подобныхъ правилъ и составляетъ то, что иные писатели подразумѣваютъ (если только имѣютъ опредѣленное мнѣніе объ этомъ) подъ именемъ предлагаемой ими «Логики». **Научное изслѣдованіе.**

Относительно другаго отдѣла правила даны Аристотелемъ и другими писателями о реторикѣ, какъ входящія въ эту область (*). На сколько эти **Реторическое изслѣдованіе.**

(*) И я пытался сдѣлать тоже въ 1 ч. Элементовъ Реторики, хотя (по какому то недоразумѣнію) меня помѣщаютъ въ ряду другихъ писателей, признающихъ это за *невозможное*. Если-бы я когда либо высказывалъ такое мнѣніе, то я былъ бы вѣроятно первымъ писателемъ, предпринявшимъ то, что *признается* за невозможное.

правила могутъ быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ этой системѣ,—слѣдуетъ-ли разсматривать «методъ» *частью Логики*, слѣдуетъ-ли вводить въ эту же систему *предметъ* (matter) Логики (т. е. общія положенія, аксіомы или общія мѣста), слѣдуетъ ли разсматривать Органонъ Бэкона какъ родъ Логики, — все это суть словесные вопросы, относящіеся къ расширенію не *науки*, а только *имени*. Чистый процессъ разсужденія, т. е. извлеченіе заключенія изъ посылокъ будетъ составлять дѣйствіе, отличное отъ *постановленія* посылокъ, хотя-бы для послѣдняго и другихъ, связанныхъ съ нимъ процессовъ и были или могли быть даны весьма полезныя правила и хотя-бы эти правила и удобно могли быть присоединяемы къ положеніямъ системы, къ которой прикладывается названіе «Логика» въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Правила, о которыхъ я говорю здѣсь, могутъ оказывать большія услуги, но онѣ всегда будутъ, какъ я это замѣтилъ прежде, сравнительно неопредѣленны и общи, что дѣлаетъ ихъ неспособными къ построенію правильной и демонстративной теоріи, подобной теоріи силлогизма. Къ послѣдней-же теоріи они относятся почти также, какъ основанія и правила поэтической и реторической критики относятся къ правиламъ грамматики, или же какъ правила практической механики относятся къ чистой геометріи. Я не имѣю ничего противъ расширенія значенія терминовъ; но я считаю нужнымъ предостерегать отъ смѣшенія подъ однимъ общимъ именемъ существенно

различныхъ вещей, и обличать софизмы, посредствомъ которыхъ стараются унизить значеніе такъ называемой *«школьной Логики»*, постоянно *противуполагая* ей систему, которая имѣетъ общаго съ нею только *имя* и предметъ которой существенно отличенъ отъ предмета Логики.

§ 4.

Органоны Аристотеля и Бэкона.

Замѣчательно, что писатели, способъ выраженія которыхъ приводитъ къ смѣшенію подъ однимъ общимъ именемъ двухъ отдѣловъ знанія, не имѣющихъ ничего общаго кромѣ этого имени (выставляя ихъ такъ, какъ будто это суть два различные пути для достиженія *одной и той-же* цѣли), жалуются на одно изъ послѣдствій этого смѣшенія, а именно на раннее введеніе курса *Логики* въ систему академическаго образованія, такъ какъ подъ именемъ Логики, говорятъ они, «люди теперь (*) вообще подразумѣваютъ сочиненія Бэкона, Локка и друг.», которыя (какъ справедливо замѣчаютъ) неудобны для начинающихъ. Этого бы никогда не случилось, если-бы люди всегда помнили значеніе или значенія каждаго изъ употребляемыхъ ими словъ.

Нужно еще прибавить, что какъ бы ни справедливо было расширеніе значенія слова «Логика», мы не имѣемъ основанія примѣнять къ Логикѣ

(*) Т. е. въ Шотландскихъ университетахъ

Аристотеля только что приведенныхъ замѣчаній, касающихся Логики Бэкона, къ чему могла бы насъ привести двусмысленность этого слова, если только ее упустить изъ виду. Согласившись даже, что сочиненіе Бэкона составляетъ часть Логики, то изъ непригодности *его* для *учащихся* вовсе не слѣдуетъ еще, что-бы нужно было держать ихъ въ невѣдѣніи элементовъ теоріи разсужденія, точно также какъ элементы Эвклида и общая арифметика не могутъ быть разсматриваемы какъ неудобныя для занятія съ дѣтьми, потому что «*Основанія Ньютона*, носящія также названіе *математическія*, выше ихъ пониманія. Изъ двухъ отдѣловъ знанія, носящихъ одно имя, или даже изъ двухъ частей одного и того-же отдѣла, одна можетъ быть удобна для начала, а другая для завершенія академическаго курса.

Относительно того, въ какой періодъ этого курса удобно вводить изученіе писателей, носящихъ вообще названіе метафизическихъ, можно навѣрное утверждать, что тѣ, которые наиболѣе опытны въ преподаваніи Логики, въ истинномъ смыслѣ этого слова, а также и другихъ отдѣловъ знанія, предпочитаютъ и вообще слѣдуютъ пріему, при которомъ ихъ ученики входятъ въ эту область вслѣдъ за изученіемъ элементовъ математики.

Глава IV.

О словесныхъ и дѣйствительныхъ вопросахъ.

§ 1.

Остроумный авторъ «*Философіи Реторики*» и другіе писатели утверждали или, правильнѣе, предполагали, что Логика можетъ быть прикладываема только къ словеснымъ вопросамъ, и потому полезно будетъ указать на различіе между словесными и дѣйствительными вопросами (хотя я всюду старался показывать приложимость Логики ко всякому разсужденію), и такимъ образомъ прійти къ исходной точкѣ заблужденія Кампбелля. Такимъ образомъ, прослѣдя ошибку до ея источника, можно иногда бросить болѣе яркій свѣтъ на изслѣдуемый предметъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда удовлетворяются однимъ открытіемъ и опроверженіемъ ошибки.

Всякій вопросъ, могущій представиться, въ сущности состоитъ или изъ вопроса о томъ, приложимо-ли, или нѣтъ извѣстное сказуемое къ извѣстному подлежащему, или же *какое* сказуемое приложимо (*). Какъ бы ни толковали какіе бы то ни было писатели сущность сомнѣній или споровъ касательно даннаго предмета, дѣло въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ сводится на одинъ изъ

(*) См. Гл. III, § 2.

Различіе между словеснымъ и дѣйствительнымъ вопросомъ.

указанныхъ вопросовъ. Но когда вопросъ идетъ о значеніи и содержаніи употребляемыхъ *терминовъ*, иногда же — о *предметахъ*, обозначаемыхъ этими терминами. Если оказывается, что противоположныя стороны въ данномъ вопросѣ удерживаются лицами, которыя имѣютъ одинаковыя *мнѣнія о предметѣ* спора, то такой вопросъ нужно признать словеснымъ, такъ какъ онъ зависитъ отъ различія въ смыслѣ употребляемыхъ ими *терминовъ*. Если же, напротивъ, оказывается, что термины употребляются спорящими въ одинаковыхъ смыслахъ, но они не соглашаются между собою относительно приложенія одного термина къ другому, то вопросъ должно признать дѣйствительнымъ, такъ какъ спорящіе въ этомъ случаѣ имѣютъ различныя мнѣнія о *предметѣ* вопроса.

Если напр. (возвращаясь къ прежде взятому примѣру кн. III, § 10) два лица спорятъ о томъ, заслуживалъ-ли Августъ названія «великаго человѣка», и если оказывается, что одинъ изъ спорящихъ разсматриваетъ «безкорыстный патріотизмъ» какъ одно изъ свойствъ, подразумѣваемыхъ въ словѣ «великій», и *на этомъ основаніи* выключитъ Августа изъ класса великихъ людей, такъ какъ онъ этимъ качествомъ не обладалъ; другой-же также не признаетъ за Августомъ этого качества, но подъ словомъ «великій» подразумѣваетъ только высокій умъ, силу характера, блестящія дѣла,—въ такомъ случаѣ спорящія стороны отличаются между собою только въ значеніи, придаваемомъ ими одному термину, и значитъ, что вопросъ былъ словесный.

Если же окажется, что одинъ изъ спорящихъ *признавалъ* за Августомъ безкорыстный патріотизмъ, который отрицался другимъ и каждый изъ нихъ включалъ это свойство въ представленіе о значеніи термина «великій», то вопросъ дѣйствительный. Очевидно, что каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ быть рѣшаемъ по правиламъ Логики; но *вводимые* при этомъ *средніе термины будутъ различны*, и это, между прочимъ, есть одна изъ причинъ, почему слѣдуетъ различать словесные споры отъ дѣйствительныхъ. Въ первомъ случаѣ можно напр. (съ основаніемъ) сказать, что всеобщее употребленіе выраженія «великій и добрый» показываетъ, что идея добра не содержится въ обыкновенномъ смыслѣ слова великій; для рѣшенія же вопроса во второмъ случаѣ, такой доводъ не могъ бы имѣть вообще рѣшающей силы (*).

§ 2.

Словесные вопросы, принимаемые за дѣйствительные.

Совершенно нѣтъ основанія предполагать, что всѣ словесные вопросы вообще пусты и тщетны. Часто бываетъ весьма важно установить правильно смыслъ слова, или согласно съ общепринятымъ его значеніемъ, или же согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое придаетъ ему извѣстный писатель или классъ людей. Но *ошибочное принятіе* словеснаго вопроса за дѣйствительный производитъ большое смѣшеніе понятій и безполезное словопреніе, кото-

(*) См. кн. III, конецъ § 10.

Логомахія. рое обыкновенно называютъ *Логомахіею.* И не всегда бываетъ легко и просто, какъ это можетъ показаться съ перваго разу, отличить такіе вопросы одинъ отъ другаго. Дѣйствительно, нѣсколько предметовъ, носящихъ одно общее имя, отличаются между собою иногда во многихъ отношеніяхъ, и не смотря на это одно имя можетъ быть прикладываемо ко всѣмъ имъ (однозначно) въ одномъ и томъ же смыслѣ и можетъ быть съ основаніемъ разсматриваемо, какъ родъ, обнимающій всѣ эти предметы, если только они согласуются въ томъ, что обозначается этимъ именемъ, различія-же между ними относятся къ тѣмъ свойствамъ, которыя не существенны въ характеристикѣ этого рода. Корова и лошадь отличаются во многихъ отношеніяхъ, но сходны во всемъ томъ, что обозначается терминомъ «четвероногія», который и можетъ быть прикладываемъ къ каждому изъ нихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ (*). Также точно дома въ древности во многихъ отношеніяхъ отличались отъ нашихъ жи-

(*) Тѣмъ не менѣе часто несправедливо упрекаютъ писателя въ двусмысленности, вслѣдствіе собственнаго произвольнаго допущенія. Такъ напр. восточный писатель можетъ говорить о «вьючныхъ животныхъ», и читателю можетъ прійти въ голову, что здѣсь говорится о лошадяхъ и мулахъ, и онъ остается убѣжденнымъ, что эти животныя и подразумѣвались подъ этимъ именемъ. Если же потомъ окажется, что подразумѣвались верблюды, то онъ, можетъ быть, станетъ жаловаться на то, что авторъ не опредѣляетъ точно вида вьючныхъ животныхъ, говоря: «я не могъ думать, что онъ говоритъ о верблюдахъ». Но авторъ и *не* думалъ говорить о верблюдахъ

лицъ, корабли-же — еще болѣе. Но никто не станетъ спорить о томъ, что термины «домъ» и «корабль» двусмысленны, когда прикладываются къ обоимъ родамъ домовъ и кораблей, потому что существенную характеристику дома составляетъ не форма его или матеріалъ, изъ котораго онъ построенъ, а то, что онъ служитъ жилищемъ для людей; жилища эти можно разсматривать, какъ *два различные рода домовъ*, и потому слово «домъ» можно прикладывать къ каждому изъ нихъ безъ всякой двусмысленности и однозначно. Тоже слѣдуетъ сказать и о другомъ примѣрѣ.

Но можетъ случиться, съ другой стороны, что два или большее число предметовъ носятъ одно и тоже имя, имѣютъ между собою сходство во многихъ отношеніяхъ и болѣе того, вслѣдствіе этого сходства получили общее названіе, но если окажется что существеннаго при этомъ названіи качества нѣтъ въ одномъ изъ предметовъ, обнимаемыхъ имъ, то слово должно быть признано двусмысленнымъ.

Такъ слово «священникъ» прикладывается къ исполнителямъ религіозныхъ обрядовъ какъ въ еврейской и языческой, такъ и христіанской религіяхъ. Безъ сомнѣнія терминъ этотъ былъ перенесенъ такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что онъ обозна-

---

исключительно; онъ говорилъ, что думалъ, о «вьючныхъ животныхъ», къ числу которыхъ относятся верблюды также, какъ лошади и мулы. Авторъ не можетъ отвѣчать за ваше предположеніе.

чаетъ вообще *служителя* (въ нѣкоторомъ родѣ) религіи (*). Терминъ этотъ не былъ бы двусмысленъ, если-бы и оказалась какая либо разность между священниками различныхъ религій, но въ томъ только случаѣ, если разность эта не существенна въ представленіи, вызываемомъ словомъ священникъ. Хотя напр. священникъ евреевъ служилъ истинному Богу, а священникъ язычниковъ—вымышленному и хотя это составляетъ весьма большую разницу между ними, но терминъ не дѣлается отъ этого двусмысленнымъ, потому что ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не содержится и не составляетъ необходимой принадлежности термина Ἱερευς, который поэтому прикладывался къ священникамъ евреевъ и язычниковъ. Но терминъ этотъ повидимому подразумѣваетъ обязанность приносить *жертвы* какъ искупленіе за грѣхи народа, и служить посредниками между людьми и предметомъ его почитанія. Поэтому терминъ этотъ не прикладывается ни къ одной христіанской религіи, ни къ кому, кромѣ одного Искупителя. Такъ какъ христіанскіе священники не имѣютъ этой обязанности, которая составляетъ существенную принадлежность представленія, вызываемаго словомъ Ἱερεὺς′ (жрецъ), то ихъ никогда и не называли этимъ именемъ, а другимъ, —πρεσβύτερος. Нужно изъ этого заключить, что слово «священникъ» двусмысленно, такъ какъ

(*) См. рѣчь «the Christian Priesthoad», приложенная къ Bampton Lectures.

оно соотвѣтствуетъ обоимъ терминамъ — Ἱερεύς и πρεσβύτερος и это несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, значенія этихъ терминовъ согласуются. Здѣсь нужно разсматривать не два различные рода священниковъ, но разсматривать слово «священникъ» въ двухъ различныхъ *смыслахъ*, такъ какъ (по выраженію Аристотеля) опредѣленія ихъ, на сколько они священники, были бы неодинаковы.

Дѣйствительный вопросъ принимается ошибочно за словесный.

Точно также можетъ случиться, что «дѣйствительный» вопросъ будетъ принятъ за «словесный», — когда предполагаютъ о лицахъ, употребляющихъ на самомъ дѣлѣ слово въ одинаковомъ смыслѣ, что они употребляютъ его въ различныхъ смыслахъ. Происходитъ это иногда вслѣдствіе неосновательнаго убѣжденія, что то, что *вообще принадлежитъ вещи*, о которой говорятъ, должно заключаться въ *обыкновенномъ представленіи* о значеніи *имени* этого предмета, какъ напр. когда кто нибудь сдѣлаетъ заключеніе, что *обыкновенный смыслъ* слова «дерево» предполагаетъ плаваніе означаемаго этимъ именемъ вещества на водѣ, основываясь на томъ, что обыкновенные сорта дерева легче воды; иногда-же это происходитъ отъ того, что слишкомъ поспѣшно заключаютъ, что лица, имѣющія различныя мнѣнія о какомъ либо *предметѣ*, подразумѣваютъ эти различныя мнѣнія при произнесеніи *термина*, который обозначаетъ этотъ предметъ, какъ напр. когда два лица, имѣющія различныя мнѣнія относительно вопроса о епископствѣ, принимаются за имѣющія различныя понятія о словѣ «епископаль-

ный», такъ что одно изъ нихъ имѣетъ *вѣрное*, а другое — *невѣрное* представленіе о церковномъ управленіи, между тѣмъ какъ само слово не подразумѣваетъ и не содержитъ ни того, ни другаго, а означаетъ просто «приверженца епископальной формы правленія». Оба лица думаютъ въ этомъ случаѣ одно и тоже, и различіе ихъ мнѣній состоитъ въ томъ, хорошо-ли это или дурно.

Различныя приложенія одного термина не содержатъ двусмысленности.

Особенно часто неосновательно приписываютъ двусмысленность терминамъ, которые различными лицами употребляются, собственно говоря, въ *одномъ и томъ-же смыслѣ*, но когда лица эти привыкли *прикладывать* его различно, какъ требуютъ того условія, и такимъ образомъ въ умѣ своемъ *соединяютъ* одно имя съ различными предметами. Напр. слово «патріотизмъ» прикладывается каждымъ по отношенію къ своей странѣ, но само слово имѣетъ одинакое значеніе для всѣхъ, точно такъ, и слово «отецъ», хотя оно вызываетъ въ умѣ каждаго представленіе объ особенномъ индивидуумѣ. Точно также терминъ «правовѣрный», которымъ магометане обозначаютъ послѣдователя Корана, можетъ быть разсматриваемъ христіанами, какъ болѣе приложимый къ послѣдователямъ Евангелія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «одни *означаютъ* этимъ терминомъ то-то, а другіе — что либо другое», потому что они не придаютъ различныхъ смысловъ словамъ «правда» и «вѣрить», а отличаются только относительно того, что̀ *есть* правда и чему *слѣдуетъ* вѣрить.

Я обратилъ вниманіе на нѣсколько примѣровъ

подобныхъ заблужденій въ прибавленіи къ третьей серіи «Essays» и въ предисловіи «Политической Экономіи», изъ котораго и приведу здѣсь одно мѣсто.

«Говоря объ обмѣнѣ, я не думалъ ограничиваться однимъ *добровольнымъ* обмѣномъ, т. е. такимъ, гдѣ все дѣло происходитъ на основаніи полнаго соглашенія обѣихъ сторонъ относительно всѣхъ частностей условія. Дѣйствительно большая часть обмѣновъ удовлетворяютъ этому условію; но случай налога, — т. е. дохода, взимаемаго съ подданныхъ въ вознагражденіе за покровительство, доставляемое имъ правительствомъ, — представляетъ замѣчательное исключеніе, такъ какъ уплата налога обязательна и не назначается съ согласія плательщика. Будетъ-ли налогъ справедливъ и благоразумно назначенъ или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ онъ есть обмѣнъ. И что достойно замѣчанія, онъ только на столько и справедливъ, на сколько онъ есть обмѣнъ; платежъ этотъ подлежитъ вѣдѣнію этой науки на столько, на сколько за него доставляется покровительство, будетъ-ли оно соразмѣрно или несоразмѣрно съ налогомъ. Только этимъ и можетъ быть отличенъ *налогъ* отъ *открытаго грабежа*.

Хотя большинство обмѣновъ добровольно, но обстоятельство это не существенно для обмѣна собственно, такъ какъ въ противномъ случаѣ самое выраженіе «добровольный обмѣнъ» было бы лишнимъ и таутологическимъ. Но дѣло въ томъ, что логическая ошибка, будто то, что *обыкновенно* принадлежитъ *предмету*, содержится въ *обыкновен-*

номъ смыслѣ *слова*, весьма распространена. Хотя многіе дворяне владѣютъ большими помѣстьями, но слово «дворянинъ» не содержитъ въ себѣ понятія о владѣніи большимъ помѣстьемъ. Хотя большинство птицъ летаютъ, но обыкновенный смыслъ термина «птицы» не подразумѣваетъ свойства летать, такъ какъ пенгвинъ и страусъ всегда причисляются къ классу птицъ. Точно также, хотя, въ большинствѣ случаевъ, богатство пріобрѣтается посредствомъ труда, но обыкновенный смыслъ слова «богатство» не подразумѣваетъ этого обстоятельства, такъ какъ всѣ признаютъ жемчугъ предметомъ богатства, даже въ томъ случаѣ, когда кто либо найдетъ его, ѣвши устрицы.

Ясно, что постоянное вниманіе къ указанному выше различію весьма важно, такъ какъ при немъ, съ одной стороны, не станутъ обзывать словеснымъ споромъ тѣ споры, которые на самомъ дѣлѣ не словесные, и только потому, что вопросъ сводится (какъ это можетъ быть со всякимъ вопросомъ) на приложимость извѣстнаго сказуемаго къ данному подлежащему; съ другой же стороны — не будутъ впадать и въ противоположную ошибку, не будутъ принимать слова за предметы и заключать о согласіи въ мнѣніяхъ касательно какого либо предмета только по согласію или несогласію относительно употребляемыхъ терминовъ.

Глава V.

О Реализмѣ.

§ 1.

Ничто не способствуетъ болѣе только что указанной ошибкѣ и не приводитъ такимъ образомъ къ *скрытымъ* словеснымъ вопросамъ и безполезной Логомахіи, какъ признаніе мнѣнія Реалистовъ (*), что родъ и видъ суть дѣйствительные *предметы*, существующіе независимо отъ нашего представленія и выраженія, и что, подобно тому, какъ всякому особенному термину соотвѣтствуетъ нѣкоторый дѣйствительный индивидуумъ, точно тоже имѣетъ мѣсто и для всякаго общаго термина, т. е. и ему соотвѣтствуетъ нѣкоторый дѣйствительный предметъ, который есть предметъ нашихъ мыслей, когда мы произносимъ подобный терминъ (**).

(*) Извѣстно, какой яростный споръ долго велся во всѣхъ университетахъ Европы, между сектами Реалистовъ и Номиналистовъ и что жаръ его былъ унятъ Реформаціею, которая отвлекла вниманіе людей къ другому, болѣе важному вопросу.

(**) Это ученіе обыкновенно, но не основательно приписываютъ Аристотелю, который положительно противорѣчитъ ему. Онъ называетъ индивидуумовъ — «первичною сущностью» (πρῶται οὐσίαι), родъ и видъ—«вторичною», какъ не обозначающіе (τοδετι)» дѣйствительно существующаго предмета». Categ. § 3. Есть впрочемъ постоянная опасность, *незамѣтно* впасть въ реализмъ, если только не быть постоянно на сторожѣ, и этому примѣръ представляетъ Аристотель и многіе другіе писатели, не вполнѣ сознательно придерживающіеся этого ученія.

Техническое значеніе слова «видъ», когда оно прилагается къ организованнымъ существамъ.

Нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, которое, вѣроятно, не мало способствовало распространенію этого заблужденія, — а именно на особенный техническій смыслъ слова «видъ», когда оно прилагается къ *организованнымъ существамъ*.

Уже прежде было говорено въ этомъ сочиненіи, что когда наблюдаютъ сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между нѣсколькими индивидуумами, то можно дать имъ общее имя, указывающее (подразумѣвающее или «включающее») это сходство, приложимое ко всѣмъ имъ и къ каждому въ отдѣльности на столько, на сколько они обладаютъ общими свойствами, и отличающее ихъ отъ другихъ предметовъ. Такъ, нѣсколько отдѣльныхъ построекъ, отличающихся одна отъ другой во многихъ отношеніяхъ, но сходныхъ тѣмъ, что всѣ онѣ построены для людскаго жилья, носятъ общее имя «домъ»; кромѣ того, выше было замѣчено, что мы можемъ по произволу отвлекать тѣ или другія свойства предмета, и поэтому можемъ относить данный индивидуумъ къ нѣсколькимъ различнымъ видамъ, данный же видъ — къ нѣсколькимъ родамъ, смотря по той цѣли, которая имѣется въ виду. Отсюда и вытекаетъ съ полной ясностью, что родъ и видъ не суть *дѣйствительные предметы*, существующіе независимо отъ нашихъ мыслей, а суть только созданія нашего воображенія.

Но въ приложеніи къ видамъ *организованныхъ* существъ это мнѣніе, при первомъ взглядѣ, повидимому не подтверждается, такъ какъ видъ, къ которому принадлежитъ данный индивидуумъ, не

можетъ быть вовсе *произвольно* опредѣляемъ нами, а долженъ быть нѣчто дѣйствительное, неизмѣнное, независящее отъ нашихъ мыслей. Цезарь и Сократъ, напр., должны принадлежать къ виду «человѣкъ», какъ-бы ни были многочисленны различія между ними, и, болѣе того, они не могутъ быть причислены къ другому виду. Тоже можетъ быть сказано относительно всякаго отдѣльнаго животнаго или растенія: рогатую и безрогую овцу, напр., всякій натуралистъ отнесетъ къ одному и тому же виду.

Но, съ другой стороны, когда кто говоритъ: «эта яблоня скороспѣлая», «эта собака ласковая», то къ какому роду сказуемыхъ нужно отнести эти сказуемыя? — На основаніи правилъ Логики мы навѣрное должны отнести ихъ къ „*видамъ*", такъ какъ они не могутъ быть отнесены къ «обстоятельствамъ» или другому роду сказуемыхъ. Не смотря на это всякій натуралистъ сразу скажетъ, что *скороспѣлая* яблоня не есть особый видъ яблони, а только *отличіе* (variety) вида яблони. Этимъ не можетъ быть удовлетворенъ нашъ вопросъ относительно рода сказуемыхъ, къ которому слѣдуетъ отнести ихъ, и на первый взглядъ представляется необходимость установить для организованныхъ существъ добавочный родъ сказуемыхъ, подъ названіемъ «отличіе» или «порода».

Затрудненіе это разрѣшается, когда обратить вниманіе на особенный техническій смыслъ (или «вторичное значеніе») слова «видъ», когда оно прикладывается къ *организованнымъ существамъ*. Въ этомъ случаѣ слово это всегда прикладывается

(когда мы говоримъ въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ натуралисты) къ такимъ индивидуумамъ, которые разсматриваются, какъ *происшедшіе отъ общаго корня или рода*, и которые *могли* такимъ образомъ произойти, т. е. такіе, которые такъ походятъ одинъ на другого (говоря словами Кювье) какъ тѣ, которые произошли отъ общаго корня. Въ этомъ отношеніи всѣ (а не одни естественники) согласны между собою, и такъ какъ это есть *фактъ* (относительно котораго *удостовѣрились* или нѣтъ), что нѣкоторые индивидуумы соединены между собою такимъ образомъ, другіе же — нѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что всякій вопросъ относительно принадлежности извѣстнаго отдѣльнаго животнаго или растенія къ тому или другому виду, есть вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ не только отъ соглашенія, но и отъ *фактовъ*. Что-же касается до вопроса о *родѣ*, то онъ рѣшается иначе. Если напр. два натуралиста не согласятся между собою, и одинъ помѣститъ (какъ Линней) всѣ виды пчелы въ одинъ *родъ*, которые другими естественниками (какъ сдѣлали новѣйшіе изъ нихъ) распредѣляются между нѣсколькими родами, то очевидно, что споръ между ними не касается *фактовъ* и что здѣсь дѣло идетъ только о томъ, какое изъ этихъ *распредѣленіе удобнѣе*. Если-бы спорили о томъ, принадлежатъ-ли африканскіе и азіатскіе слоны къ одному или къ двумъ различнымъ *видамъ*, или же составляютъ только отличіе, то очевидно, что вопросъ шолъ бы здѣсь о фактахъ, такъ какъ придерживающіеся обоихъ мнѣній согласны между собою въ томъ, что если оба слона произошли (или могли

Натуралисты различаютъ видъ отъ отличія.

произойти) отъ одного поколѣнія, то что они принадлежатъ къ одному и тому-же виду; если-же нѣтъ, то къ двумъ различнымъ видамъ. Въ этомъ и состоитъ фактъ, относительно котораго они стремятся удостовѣрпться, на основаніи тѣхъ указаній, которыя находятся у нихъ въ распоряженіи.

И къ этому нужно еще прибавить, что такъ какъ этотъ фактъ принадлежитъ къ числу такихъ, относительно которыхъ только изрѣдка можно получить *непосредственныя* свѣдѣнія, то *мѣтки* (признаки), по которымъ *узнаются* виды животныхъ и растеній, не суть *самыя различія*, *составляющія эти виды*. Когда дѣло идетъ о неорганическихъ, существахъ, то оба ряда признаковъ совпадаютъ: признаки, которыми, напр. алмазъ отличается отъ другихъ минераловъ, составляютъ отличія, характеризующія видъ «алмаза». Тоже самое должно быть сказано и о *родахъ* органическихъ существъ: родъ (по Линнею) «felis», напр. (когда его разсматривать какъ видъ, т. е. подводить его подъ болѣе обширный классъ) отличается отъ другихъ родовъ того-же порядка тѣми именно признаками, которые составляютъ его отличіе. Но въ «низшихъ (меньшихъ) видахъ» (по мнѣнію одного естествоиспытателя) животныхъ и растеній это не имѣетъ болѣе мѣста, такъ какъ здѣсь различія, составляющія каждый такой видъ, содержатъ между прочимъ обстоятельство, относительно котораго нельзя прямо удостовѣриться (а именно происхожденіе всѣхъ индивидуумовъ отъ одного корня), но которое мы предполагаемъ на основаніи сходства. Такимъ образомъ *признаки*, по

которымъ узнается видъ, не составляютъ всего различія, а только какъ бы *указанія* на существованіе этого различія, т. е. указанія на происхожденіе изъ одного и того же корня.

Только къ немногимъ и даже весьма немногимъ другимъ видамъ можно приложить эти же замѣчанія, т. е. для которыхъ *различія, составляющія* видъ, и *признаки*, по которымъ *узнается* видъ, не были бы одно и тоже. Напр. «убійство»: различіе его состоитъ въ томъ, что оно совершено «предумышленно», и относительно его нельзя *прямо* удостовѣриться, поэтому мы *отличаемъ* убійство по обстоятельствамъ подготовленія къ нему и т. п., которыя собственно не составляютъ различія, а только *указанія* на различія, т. е. даютъ основанія для заключенія, что существовалъ дурной умыселъ.

Поэтому то и кажется, что виды, по отношенію къ органическимъ существамъ и также въ немногихъ другихъ случаяхъ, представляютъ нѣкоторые дѣйствительные предметы, независящіе отъ нашего воображенія и способа выражаться. Отсюда, естественнымъ образомъ, легко понять, по чему это же мнѣніе иногда распространяли и на *роды* и виды *другихъ предметовъ*, такъ что является представленіе, будто каждый отдѣльный предметъ, какой бы онъ ни былъ, *навѣрное* принадлежитъ къ какому либо извѣстному виду, а не къ другому, и что такимъ-же образомъ каждый видъ относится непремѣнно къ одному роду, вѣрно ли мы будемъ относить тотъ и другой, или нѣтъ.

Немногіе, а можетъ быть и никто, признаютъ и

придерживаются этого мнѣнія въ настоящее время; но тѣ, которые не принимаютъ особенныхъ предосторожностей, постоянно, не замѣчая того, впадаютъ въ эту ошибку.

Ничто не способствуетъ столько ошибкѣ реализма, какъ переносное и вторичное значеніе словъ «тотъ самый», «одинъ и тотъ же», «тождественный» и проч., когда не замѣчаютъ и не имѣютъ постоянно въ виду, что они употребляются во вторичномъ смыслѣ, и это гораздо чаще, чѣмъ въ первичномъ.

Двусмысленность словъ «тотъ самый», «одинъ и тотъ же» и. т. под.

Представьте себѣ напр., что тысяча человѣкъ думаютъ о солнцѣ. Очевидно, что всѣ отдѣльные умы заняты однимъ и тѣмъ же отдѣльнымъ предметомъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ существовать сомнѣній. Но если эти же люди думаютъ о треугольникѣ, и не о какомъ либо особомъ данномъ треугольникѣ, а о треугольникѣ вообще, и разсматриваютъ напр. свойство треугольника, что сумма его угловъ равна двумъ прямымъ угламъ, — то можетъ показаться, что и въ этомъ случаѣ, подобно тому какъ въ предыдущемъ, всѣ умы заняты однимъ и тѣмъ же «предметомъ», что этотъ предметъ ихъ мыслей не можетъ быть *только слово* треугольникъ, а то, что̀ *обозначается* этимъ словомъ; можетъ показаться, что предметъ ихъ мыслей не можетъ быть все то, къ чему прикладывается это слово, потому что они думаютъ не о *треугольникахъ*, а объ одномъ предметѣ. Тѣ, которые не придерживаются мнѣнія, что этотъ «одинъ предметъ» имѣетъ существованіе, независимое отъ человѣческаго ума, вообще удовле-

творяются тѣмъ, что, вмѣсто объясненія, говорятъ намъ, что предметъ ихъ мыслей есть абстрактная «идея» треугольника (*), и этимъ объясненіемъ довольствуются многіе, или, по крайней мѣрѣ, на него многіе не возражаютъ. Но можно сомнѣваться въ томъ, что они совершенно отчотливо понимали, что̀ за предметъ есть «идея», которая можетъ существовать заразъ въ умахъ тысячи людей, и быть въ тоже время «одною и тою же».

Дѣло въ томъ, что въ такихъ случаяхъ слова «единство» и «тотъ-же самый» употребляются не въ первичномъ смыслѣ, а только для обозначенія совершеннаго *сходства*. Когда мы говоримъ, что десять тысячъ различный людей имѣютъ всѣ «одну и ту же» идею въ умѣ, или имѣютъ всѣ «одно и то же» мнѣніе, то этимъ мы хотимъ выразить только, что всѣ эти люди *думаютъ совершенно сходно*. Когда мы говоримъ, что всѣ они имѣютъ «одну и ту же» позу, то этимъ мы хотимъ сказать, что всѣ они *стоятъ* или *сидятъ сходно*; точно также говорятъ, что всѣ они больны «одною и тою-же» болѣзнью, когда всѣ больны сходно.

Логомахія, проистекающая отъ этой двусмысленности.

Какъ примѣръ путаницы въ мысляхъ и безконечной логомахіи, проистекающихъ отъ невниманія къ этой двусмысленности словъ «одинъ и тотъ же» и друг., можетъ служить споръ, вызванный

(*) Тѣмъ, которые принимаютъ это объясненіе (если только оно можетъ быть разсматриваемо какъ объясненіе) даютъ иногда имя *концепціоналистовъ*, и къ числу ихъ относятъ Локка.

проповѣдью Д-ра Кинга (Архіепископа Дублинскаго), изданною около ста лѣтъ тому назадъ. Онъ замѣтилъ (выражаясь при этомъ не на столько осторожно - точно, какъ требовала того ярость его противниковъ), что «свойства Божества (т. е. мудрость, справедливость и проч.) не нужно разсматривать, какъ «одни и тѣже» съ человѣческими свойствами, носящими «*тоже самое*» имя только вслѣдствіе сходства и аналогіи». За это Епископъ Беркелей и множество другихъ опонентовъ даже до настоящаго времени выставляютъ его какъ атеиста или немного менѣе того. «Если свойства Божества», возражали они, «не совершенно тождественны по роду (хотя и превосходятъ ихъ въ степени) съ человѣческими свойствами, носящими тоже имя, то мы не можемъ *подражать* Божеству, какъ требуетъ того священное писаніе; мы не можемъ знать, на чемъ будутъ основываться при сужденіи о насъ, мы не можемъ быть даже увѣрены, что Богъ существуетъ»—и многое другое въ томъ же родѣ. Все это оказалось бы совершенно пустымъ и безполезнымъ, если бы эти авторы подумали о томъ, что слѣдуетъ удостовѣриться въ смыслѣ главнаго слова, употребляемаго ими.

«Одно и тоже» состоитъ въ сходствѣ и аналогіи.

Это потому, что 1) когда двумъ лицамъ (или предметамъ) приписываются «*одни и тѣже*» качества, особенности и тому под., то мы очевидно сказываемъ объ нихъ нѣкоторое *сходство*, и ничего болѣе. Извѣстный человѣкъ напр. не чувствуетъ болѣзни *другого*, но объ нихъ говорятъ, что они одержимы «одною и тою-же» болѣзнью

(не въ томъ смыслѣ, въ какомъ два человѣка могутъ быть убиты однимъ и тѣмъ же ядромъ, но) въ томъ смыслѣ, что они совершенно *сходны* по испытываемымъ ими болямъ; точно также говорятъ о двухъ лицахъ, что они имѣютъ одно тѣлосложеніе, если они имѣютъ сходное сложеніе, цвѣтъ кожи и т. под. 2) Тѣ качества, которыя совершенно *относительны* и состоятъ въ отношеніи разсматриваемаго предмета къ извѣстному другому предмету, — по отношенію къ этимъ качествамъ единственное *сходство*, *могущее* существовать, есть *сходство отношеній*, т. е **аналогія**. Смѣлость, напр. состоитъ въ отношеніи, въ которое ставятъ себя относительно опасности; воздержаніе и невоздержаніе — по отношенію къ тѣлеснымъ удовольствіямъ и т. под. Поэтому, когда говорятъ о двухъ смѣлыхъ людяхъ, что они имѣютъ *одно и тоже* качество, то единственное значеніе этого выраженія *можетъ* состоять въ томъ, что люди представляютъ совершенную *аналогію* по характеру, такъ какъ они имѣютъ сходныя отношенія къ извѣстнымъ сходнымъ предметамъ. Говоря коротко, подобно тому, какъ по отношенію ко всякимъ качествамъ, *тождество* можетъ означать только совершенное сходство, точно такъ для качествъ, которыя *относительны* по самой природѣ своей, *сходство* можетъ означать только *аналогію*. Изъ этого вытекаетъ, что тѣ выраженія Д-ра Кинга, которыя подвергнулись столь сильнымъ нападеніямъ, когда они относились къ Божеству, буквально вѣрны даже по отношенію къ самимъ лю-

дямъ т. е. только по аналогіи можно сказать о двухъ людяхъ, что они обладаютъ одною и тоюже добродѣтелью или другимъ подобнымъ качествомъ. 3) Мысль Д-ра Кинга, очевидно, состояла въ томъ, что утверждаемая имъ аналогія гораздо менѣе *точна и совершенна*, когда сравнивается Божество съ его созданіемъ, чѣмъ когда сравниваются человѣкъ съ человѣкомъ, — чего конечно никто не рѣшится отрицать. Да и вообще ученіе, служившее предметомъ нападеній, становится само по себѣ очевиднымъ, коль скоро мы принимаемъ во вниманіе значеніе словъ, посредствомъ которыхъ оно выражено (*).

Я разсмотрѣлъ болѣе подробно предметъ спора во Введеніи и примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію Рѣчей Архіепископа Кинга; предшествующее краткое замѣчаніе объ этомъ спорѣ внесено мною здѣсь вслѣдствіе тѣснаго отношенія его къ разсматриваемому предмету.

§ 2.

Источникъ двусмысленности словъ «тотъ-самый» и друг.

Источника вторичнаго смысла словъ «тотъ самый», «одинъ и тотъ же», «тождественный» и друг. (при вниманіи къ которому можно было-бы избѣгнуть безчисленнаго множества запутанныхъ разсужденій и логомахіи) слѣдуетъ искать въ примѣ-

(*) См. превосходный разборъ и защиту ученія Д-ра Кинга въ приложеніяхъ Д-ра Коплестона къ его «Четыремъ рѣчамъ».

неніи языка и другихъ *знаковъ* къ разсужденію и для взаимнаго сообщенія. Когда кто либо произноситъ «одно» слово «треугольникъ» и даетъ «одно» опредѣленіе его, то каждый человѣкъ, слушающій это, составляетъ себѣ въ умѣ извѣстное представленіе, которое *не отличается* ни въ какомъ отношеніи отъ представленій другихъ людей. Поэтому говорятъ, что всѣ они имѣютъ «одно и тоже» представленіе, потому что всѣ эти представленія вызваны и соотвѣтствуютъ «одному и тому же» (въ первичномъ смыслѣ этого слова) выраженію; поэтому-же говорятъ, что существуетъ «одна единственная» идея о всякомъ треугольникѣ (разсматриваемомъ просто какъ треугольникъ), потому что одно единственное *имя* или *опредѣленіе* одинаково приложимо къ всѣмъ имъ. Подобнымъ же образомъ говорятъ о всѣхъ монетахъ, отчеканенныхъ однимъ штемпелемъ, что онѣ имѣютъ «одинъ и тотъ-же» отпечатокъ, только потому, что всѣмъ монетамъ, совершенно сходнымъ съ данною, подходитъ (численно) «одно» *описаніе.* Нужно признать поэтому, что входящее теперь въ употребленіе выраженіе: «эти вещи соотвѣтствуютъ *одному описанію*» есть самое точное изъ всѣхъ, которыя могутъ быть примѣнены къ выраженію такой мысли.

Я вовсе не имѣю въ виду выводить изъ употребленія слова «тотъ самый», «тождественный» и друг., когда ихъ нужно употреблять въ указанномъ переносномъ смыслѣ. Если бы это было и желательно, то было бы совершенно невозможно. Я

хотѣлъ бы только возбудить постоянное вниманіе къ двусмысленности, проистекающей отъ этого, и остеречь отъ сопровождающихъ ее ошибокъ. О *словахъ* слѣдуетъ сказать тоже, что о *деньгахъ*: тѣ, которые наилучше знаютъ ихъ цѣну, не будутъ оттого наименѣе щедры. Мы должны *занимать* съ готовностью и щедро; но дѣлая это спокойно и безъ тщеславія, не лишнее будетъ вести точную записку въ нашей памятной книжкѣ всѣмъ суммамъ, лицамъ и обстоятельствамъ займа. Можетъ случиться, что деньги снова понадобятся намъ самимъ, или же занявшій можетъ дурно распоряжаться ими, или же онъ такъ долго владѣетъ ими, что начинаетъ смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не только дозволительно, но и совершенно правильно взять деньги обратно (*).

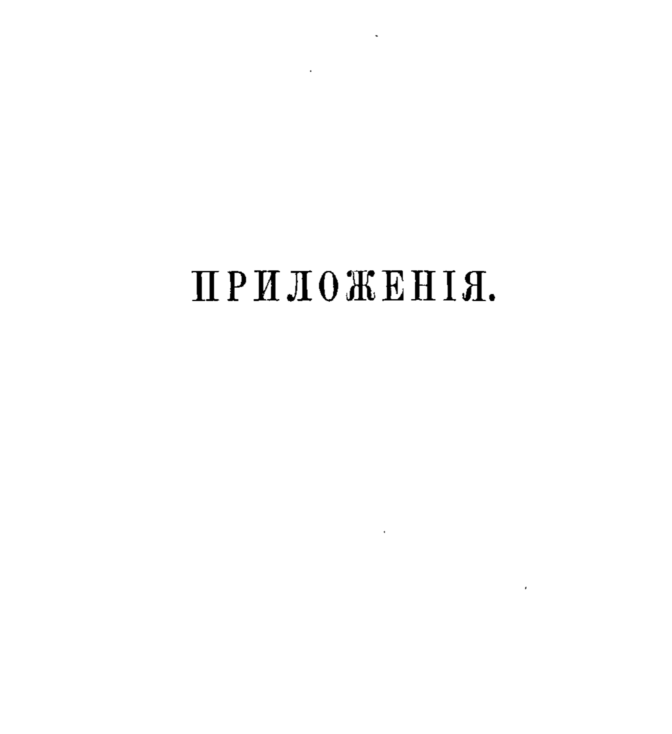
Затрудненія и путаница, которыми окруженъ вопросъ о *личномъ тождествѣ*, между прочимъ, должны быть главнымъ образомъ приписаны невниманію къ этимъ предосторожностямъ. Многіе писатели желали объяснить *первичный* смыслъ тождества (т. е. личнаго), обращаясь ко *вторичному* его смыслу. Всякій взрослый человѣкъ, напр., есть къ первичномъ смыслѣ *одно и тоже* лицо, какимъ онъ былъ дитятею. Это тождество, какъ мнѣ кажется, есть простое понятіе, которое было бы напрасно стараться объяснить помощью дру-

---

(*) «Logic Vindicatet», Oxford 1809.

гихъ, болѣе простыхъ понятій; когда ученые желаютъ получить еще болѣе ясное понятіе о немъ и обращаются къ тому случаю, гдѣ тождество сказывается въ другомъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ *подобія,* существующаго напр. между нѣкоторыми отдѣльными предметами, обозначаемыми однимъ именемъ (какъ въ томъ случаѣ, когда говоримъ что на Ливанѣ растутъ нѣсколько *тѣхъ самыхъ* деревьевъ, изъ которыхъ былъ построенъ храмъ, обозначая этимъ кедры того же *вида*), то это также неудачно, какъ если бы кто желалъ объяснить первичный смыслъ напр. слова «ярость», какою она бываетъ въ людяхъ, и для этого обращали-бы вниманіе на «ярость» морскихъ волнъ. Въ чемъ бы ни состояло личное тождество, во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ никакого отношенія къ подобію и сходству, такъ какъ всѣ одинаково говорятъ такимъ образомъ: «когда я *былъ* дитятею, я думалъ какъ дитя, говорилъ и понималъ какъ дитя; но когда я сдѣлался человѣкомъ, то отложилъ ребячество».

Впрочемъ полное разсмотрѣніе этого вопроса было бы неумѣстно въ этомъ сочиненіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

О нѣкоторыхъ терминахъ, которые могутъ быть особенно часто употребляемы двусмысленно (*).

Списокъ словъ, разобранныхъ въ этомъ прибавленіи.

1. Авторитетъ.
2. Возможно.
3. Вслѣдствіе чего.
4. Доказательство.
5. Достовѣрно.
6. Единство, единица.
7. Законъ.
8. Истина.
9. Можетъ и долженъ.
10. Невѣрность и неправда.
11. Невозможность.
12. Необходимо.
13. Одинъ.
14. Ожидать.
15. Опытъ.
16. Поэтому.
17. Почему.
18. Самый.
19. Старый.
20. Тождественно.

Я нашелъ полезнымъ, съ цѣлью показать всю необходимость обращать вниманіе на двусмысленность терминовъ, разобрать бо̀льшее число примѣровъ, чѣмъ сколько можно было съ удобствомъ помѣстить въ самомъ текстѣ или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, не вводя при этомъ слишкомъ длин-

---

(*) Переводчикъ помѣстилъ здѣсь только тѣ термины, къ которымъ и въ русскомъ языкѣ примѣнимы замѣчанія автора.

А. Ш.

наго перерыва въ послѣдовательномъ изложеніи разсужденія объ ошибкахъ.

Я выбралъ нарочно примѣры изъ *различныхъ* предметовъ, стараясь включить сюда-же нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ двусмысленностей; при этомъ я руководствовался тою мыслію, что неуваженіе и презрѣніе, съ которымъ обыкновенно относятся къ занятіямъ Логикою, отчасти можетъ быть приписано мнѣнію, что эта наука неприложима къ дѣйствительно серіознымъ предметамъ, и имѣетъ только въ виду доставить упражненіе въ остроуміи на пустыхъ труизмахъ, въ родѣ силлогизмовъ, доказывающихъ, что «лошадь есть животное», — мнѣніе конечно невѣрное, но пріобрѣтающее нѣкоторое подобіе основательности вслѣдствіе *исключительно* пустыхъ примѣровъ, приводимыхъ обыкновенно въ учебникахъ.

Число словъ и фразъ, могущихъ быть двусмысленными, вообще неисчислимо. Но для учащагося можетъ быть полезно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разборъ нѣсколькихъ наиболѣе часто встрѣчающихся въ самыхъ важныхъ спорахъ двусмысленностей, на двойное значеніе которыхъ обыкновенно не обращали вниманія; при этомъ мы не будемъ разсматривать *всѣхъ* смысловъ, въ которыхъ каждый терминъ можетъ быть употребляемъ, но только тѣ значенія, которыя особенно легко могутъ быть смѣшиваемы.

Достойно замѣчанія, что слова, двусмысленность которыхъ обыкновенно упускается изъ виду и особенно много способствуетъ смѣшенію понятій

и ошибкамъ, суть самыя *обыкновенныя* и значеніе которыхъ, по мнѣнію большинства, не представляетъ никакихъ поводовъ къ сомнѣніямъ (*). Это обстоятельство дѣлаетъ эти двусмысленности особенно опасными: наиболѣе употребительныя слова могутъ вопервыхъ легко переходить съ одного смысла на другой вслѣдствіе неточности обыкновеннаго разговорнаго языка, и вовторыхъ въ нихъ не расчитываютъ попасть на двусмысленность. *Близкое знакомство* постоянно принимаютъ за *точное знаніе* (**).

Кромѣ того нужно помнить, что самая фраза «авторъ употребляетъ такое-то слово въ томъ или другомъ смыслѣ», или «хочетъ этимъ сказать то-то» часто употребляется неточно. Мы не должны выражаться такимъ образомъ (какъ дѣлали это по неосторожности многіе), относясь къ тому мнѣнію, которое существуетъ *въ умѣ автора*, и къ его убѣжденіямъ относительно тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, — такъ какъ понятія, *вызываемыя въ другихъ словами*, могутъ сильно отличаться отъ понятій автора. Онъ можетъ быть убѣжденъ напр. въ томъ, что «луна не имѣетъ атмосферы», или что «Спартанцы были храбры», но онъ не можетъ предполагать, что термины «луна» и «Спартанцы» содержатъ (подразумѣваютъ) эти свойства (***). Да и кромѣ того нѣтъ

(*) См. кн. III, § 10.

(**) См. Pol. Econ. Lect. IX.

(***) См. Примѣчаніе къ послѣднему «Essay, 3 Series», и также кн. IV. Гл. IV, § 2.

основанія считать, что-бы тотъ смыслъ, который авторъ придаетъ слову, необходимо былъ *его* смысломъ, потому что авторъ можетъ *ошибаться* на этотъ счетъ. Но намъ нужно смотрѣть на то, какой смыслъ авторъ *разсчитывалъ* дать слову, обращая его къ извѣстному классу читателей. Понятно, что добросовѣстный авторъ долженъ всегда разсчитывать, что слово будетъ понимаемо, насколько позволяютъ это сопровождающія его слова, въ смыслѣ или въ одномъ изъ смысловъ, установленныхъ *обычаемъ*, за исключеніемъ только того случая, когда онъ самъ иначе объясняетъ его значеніе. Конечно многимъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, неудается иногда придать слову тотъ смыслъ, который они желаютъ ему дать. Кромѣ того въ настоящее время есть писатели, *разсчитывающіе* свои выраженія такъ, что-бы они имѣли различный смыслъ для различныхъ людей, одинъ—для обыкновеннаго читателя, другой — для посвящоннаго. Такимъ образомъ они оставляютъ себѣ выходъ, черезъ который можно отступить, когда на нихъ падетъ обвиненіе въ ложномъ ученіи, такъ какъ можно тогда доказывать, что ихъ не поняли «вслѣдствіе упущенія изъ виду *особеннаго смысла*, который они придаютъ словамъ.»

Вѣроятно слѣдующее предостереженіе пригодится моимъ читателямъ: всякій, заботящійся объ установленіи и объясненіи смысла словъ, употребляемыхъ въ какомъ либо спорѣ, какія бы старанія онъ ни тратилъ на убѣжденіе въ томъ, что его изслѣдованіе касается дознанія *признаннаго*

смысла слова, почти всегда подвергается обвиненію со стороны невнимательныхъ и софистовъ въ попыткахъ къ введенію *новаго* смысла этого слова съ цѣлью поддержать свое мнѣніе.

I. **Авторитетъ.** Слово это иногда употребляется въ своемъ первичномъ значеніи, — когда ссылаются на чей либо примѣръ, свидѣтельство или мнѣніе; напр. когда мы говоримъ о поправкѣ текста какого либо сочиненія, основываясь на авторитетѣ стараго манускрипта, когда утверждаемъ тотъ или другой фактъ, ссылаясь на авторитетъ такого-то историка, и т. под.

Въ этомъ смыслѣ слово довольно близко соотвѣтствуетъ латинскому «Auctoritas». Оно выражаетъ право на *уваженіе*.

Иногда-же оно употребляется, какъ равнозначное съ «potestas» власть, — когда напр. говорятъ объ авторитетѣ начальника и т. под. Въ такомъ случаѣ оно выражаетъ право на *послушаніе*.

Авторитетъ въ смыслѣ auctoritas (право на *уваженіе*) можетъ имѣть различныя степени, начиная съ совершенной непогрѣшимости (какую, въ дѣлѣ религіи, христіане приписываютъ Священному Писанію) и кончая слабѣйшею поддержкою. Но авторитетъ въ другомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ «законной *власти*» не допускаетъ *степеней*. Этимъ я не хочу сказать, чтобы одно лицо не могло обладать *большею* властью, чѣмъ другое; но только что въ каждомъ частномъ случаѣ извѣстное лицо имѣетъ или не имѣетъ законное право на послушаніе.

II. **Возможно.** — Слово это, подобно другимъ такого-же смысла, употребляется иногда для выраженія *случайности*, иногда же — для выраженія *власти* или свободы, и эти два смысла часто смѣшиваютъ. Въ первомъ смыслѣ мы говоримъ напр., «возможно, что этотъ больной выздоровѣетъ», не означая этимъ, что-бы это зависѣло отъ *воли* или *желанія больнаго*, а только, что мы не увѣрены, что это дѣйствительно произойдетъ. Въ другомъ смыслѣ, напр. въ фразѣ «возможно самому лучшему человѣку нарушать всѣ правила нравственности» — потому что если-бы онъ не имѣлъ *власти* поступать такимъ образомъ, когда ему этого захочется, то за нимъ нельзя было бы признать въ этомъ случаѣ никакой добродѣтели, хотя мы и можемъ быть совершенно увѣрены, что онъ этого никогда не *захочетъ*. — См. **Невозможно.**

III. **Вслѣдствіе чего.** См. **Почему.**

IV. **Доказательство** — было уже опредѣлено здѣсь въ строгомъ логическомъ смыслѣ (кн. II, гл. III, § 1), и въ этомъ смыслѣ слово это (какъ было и тамъ замѣчено) обозначаетъ какъ заключеніе, такъ и посылки. Поэтому мы и говоримъ, что силлогизмъ состоитъ изъ трехъ предложеній, т. е. изъ заключенія, которое доказывается, и тѣхъ предложеній, посредствомъ которыхъ оно доказывается.

Но въ обыкновенномъ разговорѣ слово доказательство очень часто употребляется для обозначенія однихъ *посылокъ*, какъ бы противуполагая ихъ заключенію, — какъ напр. когда говорятъ:

«заключеніе, которое желаютъ основать на этомъ доказательствѣ, слѣдующее».

Иногда же его употребляютъ для обозначенія того, что, собственно говоря, составляетъ *рядъ* или *цѣпь* такихъ доказательствъ, — когда извѣстное заключеніе основывается на посылкахъ, которыя сами доказываются въ этомъ же сочиненіи помощью другихъ предложеній и т. д. Все это изложеніе иногда называютъ *доказательствомъ*, имѣющимъ цѣлью доказать послѣднее заключеніе, хотя на самомъ дѣлѣ это есть *цѣпь доказательствъ*.

Не лишнимъ будетъ также замѣтить здѣсь, что *различныя формы постановки* доказательства иногда называются *различными родами* доказательства, каковы категорическія или гипотетическія доказательства, или доказательства въ первой или другой фигурѣ. Но это конечно невѣрно, такъ какъ всякое данное доказательство (разсужденіе) можетъ быть высказано въ различныхъ фигурахъ.

Это между прочимъ, вѣроятно, способствовало развитію ошибочнаго мнѣнія, что силлогизмъ есть особый родъ доказательства, *силлогистическое-же разсужденіе*—особый родъ разсужденія, между тѣмъ какъ это есть извѣстная *форма* для выраженія *всякаго* доказательства.

Что-же касается до различныхъ родовъ доказательства въ точномъ смыслѣ этого слова, то мы отсылаемъ читателя къ «Elements of Rhetoric».

V. **Достовѣрно**. — Двусмысленность этого и нѣкоторыхъ другихъ, имѣющихъ сходное съ нимъ значеніе (можетъ, должно, возможно и т. под.),

произвела безчисленное множество разъ путаницу при спорахъ о нѣкоторыхъ весьма важныхъ предметахъ, какъ напр. въ спорахъ о свободѣ человѣческихъ дѣйствій, о божественномъ предвидѣніи и т. под.

Въ первичномъ своемъ смыслѣ слово это прикладывается къ нѣкоторому состоянію чьего либо ума для обозначенія полной и совершенной увѣренности и вообще, хотя и не всегда, подразумѣвается при этомъ, что есть достаточное *основаніе* для такой увѣренности. Отсюда слово это естественнымъ образомъ перенято было для означенія *истины событій*, относительно которыхъ есть основаніе питать такую увѣренность. Тому-же правилу слѣдуетъ слово «недостовѣрно» (и существительныя и нарѣчія, происходящія отъ этихъ прилагательныхъ). Такъ говорятъ: «достовѣрно, что призошло сраженіе», «достовѣрно, что полнолуніе будетъ въ такой то день и часъ», «недостовѣрно, живъ-ли онъ или умеръ», «нельзя сказать достовѣрно, что завтра будетъ дождь», при чемъ мы желаемъ только сказать, что *мы*, во всѣхъ этихъ случаяхъ, увѣрены или неувѣрены и, не дѣлая при этомъ никакой разницы между характеромъ самихъ *событій*, говоримъ только о нашемъ знаніи относительно ихъ. Да и дѣйствительно одно и тоже можетъ быть достовѣрно и недостовѣрно въ тоже самое время для различныхъ людей, — какъ напр. въ извѣстное время для близко живущихъ друзей достовѣрно извѣстно, живъ ли кто изъ нихъ или нѣтъ, между

тѣмъ какъ для отсутствующихъ это недостовѣрно извѣстно или только вѣроятно.

Вслѣдствіе невниманія къ этому обстоятельству слова «достовѣрный» и «случайный» или (гдѣ послѣднее употребляется приблизительно въ томъ же смыслѣ, какъ слово «недостовѣрный» въ его вторичномъ смыслѣ) были понимаемы многими писателями, какъ обозначающія нѣкоторыя качества тѣхъ предметовъ, къ которымъ ихъ относятъ. Отъ этого произошла большая запутанность. Слово «случайный» прикладывается впрочемъ только къ событіямъ, а не къ лицамъ; но и оно не означаетъ какого либо качества событія самого по себѣ, а только, какъ было сказано, отношеніе этого событія къ лицу, которое не имѣетъ полныхъ свѣдѣній объ немъ. Упущеніе этого изъ виду, хотя оно и совершенно очевидно, когда его отчотливо высказать, привело къ тому, что Случай или Фортуну разсматривали, какъ дѣйствительнаго *дѣятеля*, которому древніе воздвигали статуи и поклонялись какъ Богу.

VI. **Единство** — См. **Одинъ**.

VII. **Законъ** — въ самомъ прямомъ смыслѣ, обозначаетъ приказаніе или распоряженіе, съ которымъ обращаются къ извѣстнымъ лицамъ, призывая ихъ сообразоваться съ ними. Въ такомъ смыслѣ говорили мы «законъ Моисея», «законъ страны» и т. п.

Въ переносномъ-же смыслѣ словомъ этимъ обозначаютъ постановку нѣкотораго *общаго факта*, съ которымъ согласуются отдѣльные случаи, *аналогично* съ тѣмъ, какъ поведеніе лицъ относится къ

закону, которому они повинуются. Въ такомъ смыслѣ говоримъ мы о «законахъ природы», когда говоримъ напр., что «сѣмя пускаетъ листья вверхъ, а корень внизъ, согласуясь съ закономъ природы». При этомъ мы хотимъ только сказать, что *таковъ общій фактъ*.

Понятно, что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, законъ *составляется* согласіемъ отдѣльныхъ случаевъ съ общимъ фактомъ. Если бы вода никогда не затвердѣвала ни при какой температурѣ, то замерзаніе воды перестало бы быть закономъ природы, — между тѣмъ какъ въ другомъ смыслѣ законъ не перестаетъ быть закономъ оттого, что отдѣльные факты подходятъ подъ него или нѣтъ, такъ что какое либо постановленіе законодательной власти остается во всякомъ случаѣ закономъ, хотя бы ему и не повиновались вовсе.

Различіе это можетъ показаться при ясной постановкѣ на столько очевиднымъ, что можетъ показаться излишнимъ упоминаніе даже о немъ. Между тѣмъ писатели, пользующіеся большою извѣстностью и весьма искусные, смѣшивали эти два значенія слова. Достаточно будетъ указать на Гукера (Hooker — въ началѣ его великаго творенія) и Монтескье. Послѣдній жалуется, что законы природы гораздо строже соблюдаются въ мірѣ, чѣмъ между людьми соблюдаются законы божескіе и человѣческіе, долженствующіе управлять поведеніемъ людей. Онъ упустилъ при этомъ изъ вида, что въ первомъ случаѣ соблюденіе и *составляетъ законъ*.

VIII. **Истина** — въ строгомъ логическомъ смыслѣ

прилагается къ предложеніямъ и ни къ чему болѣе; состоитъ она въ согласіи сказаннаго съ дѣйствительностью. Согласно съ опредѣленіемъ Олдрича то предложеніе «истинно», которое высказываетъ то, что *вещь есть*, — vera est, quae quod *ves est* dicit.

Было бы выгодно, если-бы для обозначенія этого условились употреблять слово «справедливость» или «истинность», такъ какъ слово истина очень часто употребляется для обозначенія *самаго* «истиннаго» *предложенія*. «То, что я говорю вамъ, *истина*». «*Истина* того, что я говорю, должна быть доказана». Въ этихъ двухъ фразахъ терминъ истина употребляется въ двухъ указанныхъ смыслахъ, т. е. въ «абстрактномъ» и «конкретномъ» смыслѣ (*). Подобнымъ-же образомъ слова ложь, ложность часто противуполагаются истинѣ также въ обоихъ смыслахъ, и обыкновенно употребляются для обозначенія свойства ложнаго предложенія.

Слово истина нерѣдко прикладывается также, когда говорятъ неточнымъ языкомъ, къ *доказательствамъ*, гдѣ приличнѣе употреблять слова «правильность», «убѣдительность», «сила».

Кромѣ того, *истина* часто употребляется въ смыслѣ *дѣйствительности*. Такъ говорятъ часто объ истинѣ или ложности *фактовъ*, между тѣмъ какъ они, собственно говоря, бываютъ *дѣйствительные* или *воображаемые*, а только *утвержденіе* относительно ихъ «истинно» или «ложно». Весьма

(*) См. кн. II, гл. V, § 1.

обыкновенно также выраженіе: «истинная» *причина* чего либо, — при чемъ собственно хотятъ сказать: «то, что съ истиною можетъ быть разсматриваемо какъ причина чего либо». Этому же соотвѣтствуютъ различные смыслы словъ ложь, ложность, ложный.

IX. **Можетъ** и **долженъ** (а также *не можетъ*), употребляются въ двухъ смыслахъ, которые часто смѣшиваются. Иногда они обозначаютъ *власть*, *свободу*, иногда же *возможность*.

Когда мы говоримъ о комъ либо, пріобрѣтшемъ извѣстную сумму денегъ, что «онъ *можетъ* купить то поле, которое онъ желалъ пріобрѣсть», то мы этимъ говоримъ, что покупка въ его *власти*; въ такомъ-же смыслѣ онъ *можетъ* спрятать или растратить эти деньги на что либо другое, — хотя бы мы и были убѣждены, зная хавактеръ и положеніе лица, что онъ этого не сдѣлаетъ. Когда-же говоримъ: «завтра можетъ пойти дождь, корабль могъ вчера прійти въ гавань»; — то здѣсь рѣчь вовсе не идетъ о власти, а только о возможности, т. е. мы хотимъ здѣсь сказать, что хотя мы не увѣрены въ томъ, что такое-то событіе случится или случилось, но мы не увѣрены и въ противномъ.

Съ другой стороны мы говоримъ: «этотъ человѣкъ, обладающій большою склонностью къ благодарности, *долженъ* ревностно ухватиться за возможность отблагодарить своего благодѣтеля»; или «тотъ, кто сочувствуетъ торговлѣ невольниками, долженъ быть весьма жестокосердъ», то при этомъ мы подразумѣваемъ только отсутствіе всякихъ *сомнѣній* касательно справедливости утверждаемыхъ

положеній. Самыя понятія о благодарности и жестокосердіи исключаютъ всякую мысль о *принужденіи* и о подчиненіи неопреодолимой власти. Когда же говоримъ: «всѣ люди *должны* умирать», или «этотъ человѣкъ, котораго насильно тащутъ, *долженъ* итти въ тюрьму», то при этомъ мы подразумѣваемъ, что происходитъ это, «желаютъ-ли они того или нѣтъ», и что у нихъ нѣтъ *власти* сопротивляться. Точно также, говоря, что существо, совершенно доброе, *не можетъ* дѣйствовать дурно, то мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы это не было въ его власти, — такъ какъ въ такомъ случаѣ поступки его не происходили бы даже отъ доброты; это выражаетъ только, что есть достаточно основаній для увѣренности, что оно этого не желаетъ. Это-же слово имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, когда говорятъ о человѣкѣ, заключонномъ въ тюрьму, что онъ „*не можетъ*" уйти изъ нея, такъ какъ здѣсь мы этимъ высказываемъ, что онъ не обладаетъ *средствами* сдѣлать это, хотя и *желаетъ* того.

Слова эти обыкновенно вводятся въ разсужденія о фатализмѣ и о свободѣ человѣческихъ дѣйствій, съ цѣлью объяснить смыслъ словъ «необходимый», «невозможный» и т. д. Вслѣдствіе разсмотрѣнной двусмысленности этихъ словъ они много способствуютъ запутанности этихъ разсужденій.

X. **Невѣрность, неправда.** — См. **Истина**.

XI. **Невозможность.** — Согласно съ опредѣленіями, которыя могутъ быть даны этому слову, можно сказать, что есть три вида невозможности, или же, что это слово употребляется въ трехъ

различныхъ смыслахъ. *Математическая* невозможность предполагаетъ нелѣпость и противорѣчіе. Такъ положеніе, что «двѣ прямыя могутъ совершенно ограничивать пространство» представляетъ не только невозможность, но этого и представить себѣ нельзя, потому что это противорѣчило-бы опредѣленію прямой линіи. Къ этому нужно еще прибавить, что неумѣніе и безсиліе сдѣлать что либо, невозможное въ этомъ смыслѣ, не показываетъ ограниченности *могущества* и *власти*, и совмѣстно даже со всемогуществомъ. Есди-бы напр. предлагали построить треугольникъ, одна сторона котораго равнялась бы двумъ остальнымъ, или же найти два числа, относящіяся между собою какъ сторона квадрата относится къ его діагонали, то невозможность отвѣчать на эти вопросы не зависитъ отъ недостатка въ знаніи или силѣ, а происходитъ отъ того, что самыя задачи не имѣютъ смысла и нелѣпы, и отъ того, что на самомъ дѣлѣ, въ нихъ не спрашиваютъ *ничего*.

Весьма важно то обстоятельство, что всякая невозможность такого рода можетъ быть *демонстративно доказана*. Этимъ я не хочу сказать, чтобы всякая такая невозможность *была* дѣйствительно доказана, какъ таковая, или даже, что мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что это будетъ когда либо сдѣлано; я хочу только сказать, что она *сама по себѣ способна* быть доказанною, такъ какъ матеріалы для доказательства и данныя, на которыхъ оно можетъ быть основано, находятся въ предѣлахъ познаваемаго (хотя и могутъ быть

не открыты). Это вытекаетъ изъ самаго свойства (разсмотрѣннаго выше (*)) истинъ, подобныхъ математическимъ, къ числу которыхъ относятъ и математическія невозможности. Дѣйствительно всякая такая истина должна содержаться въ опредѣленіяхъ, отъ которыхъ мы идемъ, — какъ бы велики или даже тщетны ни были усилія, чтобы извлечь ее изъ нихъ, а слѣдовательно она должна заключаться въ самыхъ терминахъ, которые суть точные представители этихъ опредѣленій. Напр., что всякія двѣ стороны треугольника больше третей,—другими словами, что *невозможно* построить треугольникъ, двѣ стороны котораго равнялись бы третей—это легко и давно уже доказывается. Несоизмѣримость стороны и діагонали квадрата, или, другими словами, невозможность найти два числа, находящіяся въ такомъ отношеніи какъ эти линіи, представляетъ истину, которой вѣрили прежде, чѣмъ найдено было доказательство ея, хотя она и содержится въ опредѣленіяхъ «прямой линіи» и «квадрата». Многіе математики стремились опредѣлить отношеніе окружности къ діаметру и до сихъ поръ ни одному не удалось, а можетъ быть никогда и не удастся доказать, каково это отношеніе или же что они несоизмѣримы; но то или другое должно заключаться въ предѣлахъ математическаго доказательства.

Поэтому когда кто либо говоритъ, что то или

(*) Кн. IV, гл. II, § 1.

другое *должно быть* невозможностью въ математическомъ смыслѣ, то, хотя мы и никогда не будемъ въ состояніи доказать, что это есть дѣйствительно такая невозможность, мы должны однако имѣть въ виду, что такое доказательство содержится *въ предѣлахъ самаго изслѣдованія*, и что не нужно никакого приращенія *знаній* въ смыслѣ «познанія фактовъ» для того, чтобы доставить матеріалъ для такого доказательства (*). Всякая такая невозможность должна содержаться въ самыхъ *терминахъ*, хотя бы мы этого и не усматривали. Говоря коротко, такая невозможность должна представлять «*противорѣчіе въ самыхъ терминахъ*».

2) То, что можетъ быть называемо *физическою* невозможностью, есть нѣчто противное извѣстнымъ законамъ природы, и что поэтому невозможно ни для одного существа, подчиненнаго (какъ люди) этимъ законамъ. Но легко представить себѣ существо, способное совершить то, что невозможно при обыкновенномъ ходѣ явленій природы. Такъ напр. умноженіе пяти хлѣбовъ, такъ что они доставили пищу множеству народа, или хожденіе по поверхности волнъ суть вещи физически невозможныя, но не содержащія въ себѣ противорѣчія; напротивъ того, мы не можемъ себѣ представить, чтобы Существо, если только оно есть, создавшее міръ, не могло по произволу мѣнять свойства веществъ, его составляющихъ.

(*) См. кн. IV, гл. II, § 1.

Происшествіе, имѣющее такой характеръ, мы называемъ *чудомъ*. Этимъ терминомъ означается не то, что одно лицо, не обладающее сверхъестественною силою, можетъ сдѣлать, хотя бы это было физически невозможно для другого, какъ напр. *человѣкъ* можетъ поднять большую тяжесть, что̀ для *дитяти* физически невозможно, потому что было бы противно законамъ природы, чтобы мускулы, обладающіе *извѣстною* степенью крѣпости, выдерживали растяженіе, для котораго нужна *другая бо̀льшая* степень крѣпости. Чудо будетъ совершено только въ томъ случаѣ, когда кто либо дѣлаетъ то, что находится за предѣлами естественно возможнаго для него или для человѣка вообще.

Много тщетныхъ разсужденій основаны были на упущеніи изъ виду различія между этими двумя смыслами разсматриваемаго термина. Доказывали даже, что никакія доказательства не должны убѣдить разсудительнаго человѣка въ томъ, что чудо когда либо произошло, потому что оно невозможно, другими словами — потому что это *чудо*. Но если бы оно *не* было невозможно для людей, то не было бы никакого чуда въ такомъ случаѣ. Такимъ образомъ разсматриваемый доводъ очевидно сводится на «отсутствіе вопроса». Тѣмъ не мѣнѣе это доказательство пускалось часто въ ходъ, вѣроятно вслѣдствіе неотчетливаго представленія о значеніи слова «невозможно», понимаемаго при этомъ въ первомъ своемъ смыслѣ, при чемъ, (т. е. когда невозможность означаетъ

себѣ противорѣчіе) допускаютъ, что никакіе доводы не могутъ основательно привести къ убѣжденію.

3-е *Нравственная* невозможность означаетъ только высокую степень невѣроятности, не оставляющую никакого мѣста сомнѣніямъ. Въ этомъ смыслѣ мы называемъ невозможнымъ то, что не составляетъ себѣ противорѣчія или нарушенія законовъ природы, но въ чемъ мы основательно убѣждены, что оно никогда не случится, и это на основаніи большой невѣроятности его. Такъ напр. невозможно, что-бы равномѣрной плотности кубикъ упалъ на одну и туже сторону сто разъ подъ рядъ (*). Въ этомъ смыслѣ трудно провести точную границу, на которой невѣроятность переходитъ въ невозможность, и потому часто приходится говорить о чемъ либо, что оно *почти* невозможно, хотя и не совершенно, и т. под. Другія-же невозможности не допускаютъ степеней. Что извѣстное событіе повторится два или три раза подъ рядъ, — это не признается слишкомъ невѣроятнымъ; невѣроятность повторенія возрастаетъ по мѣрѣ повторенія, но нельзя точно опредѣлить, когда повтореніе становится невозможнымъ, хотя никто и не задумается сказать, что сто повтореній событія невозможны.

Въ такомъ-же смыслѣ мы часто называемъ невозможными вещи, которыя совершенно находятся во власти кого либо, но относительно которыхъ

(*) Почему-же такъ? — Вѣдь такую-же невѣроятность имѣютъ за себя такія же повторенія всякихъ способовъ паденія кубика. См. Rhetor., Ч. I, Гл. II, § 4.

мы убѣждены, что это лицо ихъ не сдѣлаетъ. Такъ напр. всякій признаетъ за невозможность, что-бы всѣ цивилизованные народы міра согласились покинуть заразъ свои жилища и стали бродить по землѣ, какъ дикіе; при этомъ конечно не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они имѣютъ власть сдѣлать это, что дѣянія ихъ зависятъ отъ ихъ произвола и что, болѣе того, были примѣры, что такъ поступали изрѣдка отдѣльные люди. Точно также, если намъ говорятъ о человѣкѣ, котораго мы знаемъ, какъ обладающаго непреклонною храбростью, что онъ постыдно покинулъ свой постъ, то мы безбоязненно (и основательно, если только составили себѣ вѣрное представленіе о его характерѣ), признаемъ это невозможнымъ, подразумѣвая этимъ, что есть достаточное основаніе для увѣренности, что утверждаемое событіе никогда не могло совершиться, а не то, что лицо, о которомъ говорится, не имѣло власти или возможности убѣжать, если бы оно того захотѣло. Наше убѣжденіе основывается здѣсь на томъ именно, что это лицо можетъ дѣйствовать по своему произволу и что характеръ его таковъ, что оно никогда не поступитъ, какъ поступаетъ трусъ. Когда же, съ другой стороны, человѣкъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, то для него бѣгство невозможно въ другомъ смыслѣ, т. е. оно находится внѣ его *власти*.

Слово «способенъ» имѣетъ такую-же двусмысленность. Мы говоримъ напр., что тотъ или другой человѣкъ «способенъ» или «неспособенъ» къ

подлому поступку, придавая слову «способенъ» значеніе, отличное отъ того, которое придаемъ ему, говоря, что «тотъ-то «способенъ» или «неспособенъ» написать хорошую поэму».

XII. **Необходимо.** — Слово это употребляется, какъ противуположное «невозможному» при всѣхъ смыслахъ послѣдняго, и потому подвержено такимъ же двусмысленностямъ, какъ и оно. Такъ «математически необходимо», что-бы двѣ стороны треугольника были больше третьей, «физически необходимо», что-бы камень упалъ, и «нравственно необходимо», что существа извѣстнаго характера станутъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, когда будутъ предоставлены своему произволу, т. е. мы увѣрены, что они *захотятъ* такъ дѣйствовать, хотя и имѣютъ право дѣйствовать иначе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не было бы въ этомъ никакого нравственнаго дѣйствія (*). Двусмысленностью этого слова пользуются въ софизмахъ, приводимыхъ въ оправданіе безнравственнаго поведенія. Говорятъ, что никто не можетъ отвѣчать за то, что̀ сдѣлано по «необходимости» — т. е. «физической необходимости», какъ напр. когда внѣшняя сила увлекаетъ человѣка, когда онъ падаетъ, потому что нѣтъ у него силъ стоять. Но это оправданіе совершенно ошибочно распространяется и на «нравственную необходимость».

Есть кромѣ того множество различныхъ приложеній слова «необходимость» (и тѣхъ, которыя отъ

(*) См. статью «Невозможность».

него производятся), двусмысленность которыхъ зависитъ отъ различія предметовъ, подразумѣваемыхъ въ соединеніи съ этимъ словомъ. Такъ напр. «пища *необходима* — подразумѣвается для жизни; большое состояніе необходимо — для удовлетворенія человѣка, привыкшаго къ роскоши; нарушеніе нравственнаго долга бываетъ часто необходимо — въ виду различныхъ мірскихъ цѣлей». Такимъ образомъ слово «необходимость» сдѣлалось всеобщей отговоркой, на томъ основаніи, что такъ какъ никто не можетъ отвѣчать за то, что̀ составляетъ физическую необходимость и чего онъ не можетъ избѣгнуть, точно также нѣсколько оправдываютъ человѣка, который дѣлаетъ то, чего *можно* было-бы избѣгнуть, потому что оно кажется ему меньшимъ изъ двухъ золъ; какъ напр. когда голодающій бросается на первую попавшуюся пищу, потому что она «необходима» для поддержанія жизни или когда бросаютъ всякія вещи въ воду, когда это «необходимо» для спасенія корабля. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что допуская ссылку на необходимость, не спрашивая, *почему* то и другое необходимо, можно оправдать все, что угодно, такъ какъ никто не совершаетъ преступленія, которое, по его понятіямъ, не было бы «необходимо» для достиженія какихъ бы то ни было предполагаемыхъ преимуществъ или выгодъ.

Запутанность еще болѣе увеличивается при употребленіи въ неподходящихъ случаяхъ выраженія «*абсолютно* необходимо», которое, собственно говоря, можетъ быть прикладываемо только къ

тѣмъ случаямъ, гдѣ нѣтъ возможности выбора. Необходимо *для* чьей либо безопасности, что-бы извѣстное лицо оставалось въ домѣ, изъ котораго нельзя выйти, не подвергаясь опасности; *абсолютно* (или *просто*) необходимо ему остаться тамъ, если оно заключено въ этомъ же домѣ.

XIII. **Одинъ** — употребляется иногда для точнаго обозначенія численной единицы, иногда же — для обозначенія большаго сходства и соотвѣтствія съ однимъ и тѣмъ же описаніемъ. (См. *Самый*).

Въ послѣднемъ, т. е. вторичномъ и неточномъ смыслѣ говорятъ напр., что двѣ гинеи, вычеканенныя въ одной формѣ и изъ одинаковаго металла, «имѣютъ одну (и туже) форму, одинъ вѣсъ и сдѣланы изъ одного вещества»; въ такомъ же смыслѣ говорятъ, что «дитя имѣетъ одно тѣло съ матерью», или же просто «имѣетъ тѣло матери», — хотя въ обоихъ примѣрахъ двѣ монеты и дитя съ матерью численно отличны.

Понятно, что весьма важно имѣть постоянно въ виду и въ случаѣ надобности объяснять истинное значеніе этого слова, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно незамѣтно впасть въ ошибку. *Единство*, какъ и слѣдовало ожидать, подвержено такой же двусмысленности.

XIV. **Ожидать.** — Слово это употребляется иногда въ смыслѣ «предугадывать», «разсчитывать на что либо», «считать *вѣроятнымъ*»; иногда же — въ смыслѣ «требовать или считать основательнымъ», — «считать правильнымъ».

Такъ я могу основательно «ожидать» (считать

правильнымъ), что человѣкъ, съ которымъ я обходился хорошо, поддержитъ меня въ несчастіи; но я могу также имѣть основанія «ожидать» (считать вѣроятнымъ), что онъ этого не сдѣлаетъ. «Англія ожидаетъ, что каждый человѣкъ будетъ исполнять свою обязанность»; но было-бы совершенно неосновательно ожидать въ смыслѣ предугадывать, что всѣ будутъ исполнять свои обязанности. Поэтому, когда люди, получающіе большіе доходы, живутъ очень роскошно, то они обыкновенно оправдываются тѣмъ, что этого *ожидаютъ* отъ нихъ, — что можетъ быть иногда и вѣрно въ томъ смыслѣ, что это можно было предугадать, но не вѣрно въ томъ смыслѣ, что-бы этого отъ нихъ требовали или что-бы такое поведеніе одобряли. Точно также на основаніи того, что было-бы неосновательнымъ ожидать (т. е. расчитывать на то), что служащіе обществу будутъ обращать главное вниманіе на общественное благо, или что люди вообще будутъ слѣдовать правилу дѣлать другимъ то, что желали-бы, что бы для нихъ дѣлали, — на этомъ основаніи многіе оправдываютъ себя тѣмъ, что нѣтъ основанія ожидать (т. е. требовать), что они станутъ дѣйствовать по этимъ правиламъ. То, что можно основательно ожидать (въ одномъ смыслѣ слова), есть обычай большинства, такъ какъ *вѣроятность* составляется большинствомъ примѣровъ; то-же, что можно основательно ожидать (въ другомъ смыслѣ), очень часто весьма несходно съ обыкновенно имѣющимъ мѣсто.

XV. **Опытъ** (*). — Въ своемъ строгомъ смыслѣ слово это прикладывается къ тому, что произошло въ присутствіи кого-либо. Въ этомъ смыслѣ опытъ относится только къ *прошедшему*. Такъ человѣкъ знаетъ по опыту, какія страданія онъ вынесъ въ извѣстной болѣзни, или какой высоты достигъ приливъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время.

Но чаще употребляютъ это слово для обозначенія сужденія, основаннаго на *опытѣ* въ первичномъ *смыслѣ* этого слова, и это посредствомъ разсужденія, опирающагося на опытѣ и на другихъ данныхъ. Такъ, на основаніи опыта, что извѣстное лекарство помогло отъ данной болѣзни, можно утверждать, что это лекарство вообще полезно въ такой болѣзни; что можно всегда ожидать извѣстной высоты прилива при такихъ то обстоятельствахъ. Собственно говоря ни того, ни другаго нельзя знать *по* опыту, но это суть заключенія, выведенныя *изъ* опыта. Только въ этомъ смыслѣ можно прикладывать опытъ къ *будущему*, или, что сводится на тоже, ко всякому общему факту, какъ напр. когда мы говоримъ, что мы знаемъ, по опыту, что вода замерзнетъ при извѣстной температурѣ.

«Люди имѣютъ склонность разсуждать (часто безсознательно) правильно или неправильно о наблюдаемыхъ ими явленіяхъ и примѣшивать свои выводы къ положеніямъ, высказывающимъ сущность

(*) См. Elements of Rhetoric, кн. I.

явленія, или же теоризировать, (хотя-бы поверхностно и грубо) не замѣчая того. Если тщательно разобрать простѣйшее описаніе какого-либо происшествія или состоянія, то окажется почти всегда, что процессъ, выражаясь логическимъ языкомъ, происходитъ такъ: каждый имѣетъ въ умѣ извѣстныя *большія посылки* или правила, относящіяся къ разсматриваемому предмету; наблюденіе, дѣйствующее въ данномъ случаѣ на органы чувствъ, доставляетъ *меньшія посылки*; дѣлаемое-же утвержденіе (обыкновенно выдаваемое за данное опыта) на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ *заключенія*, выводимаго изъ сочетанія этихъ посылокъ.

«Отъ этого происходитъ, что различные люди, которые имѣли одинаковый или даже одинъ и тотъ-же опытъ, т. е. были свидѣтелями или дѣятелями въ извѣстномъ событіи, часто бываютъ похожи на различныхъ людей, смотрящихъ въ одну и туже книгу: одинъ, хотя и различаетъ отчетливо черные знаки на бѣлой бумагѣ, никогда не учился азбукѣ; другой можетъ читать, но не понимаетъ *языка*, на которомъ книга написана; третій *знакомъ* съ нимъ, но не понимаетъ его въ совершенствѣ; слѣдующій хорошо знаетъ языкъ, но не знакомъ съ предмотомъ сочиненія и ему не достаетъ ни силы, ни предварительныхъ знаній для полнаго пониманія мыслей автора; и только слѣдующій совершенно понимаетъ книгу.

«Предметъ, поражающій взоры нѣсколькихъ наблюдателей, одинъ и тотъ же; различіе получаемыхъ ими вычисленій зависитъ отъ различія ихъ умовъ.

«Этимъ объясняется, почему оказывается такое различіе въ результатахъ того, что называется опытомъ и здравымъ смысломъ, въ противуположность теоріи. Въ древнія времена люди знали по опыту, что земля стоитъ неподвижно и что солнце восходитъ и заходитъ. Здравый смыслъ говорилъ имъ, что не можетъ быть антиподовъ, такъ какъ люди не могутъ стоять головою внизъ, подобно мухамъ на потолкѣ. Опытъ научилъ короля Бентамскаго, что вода не можетъ затвердѣвать. Тотъ же опытъ и здравый смыслъ (возращаясь къ человѣческимъ дѣламъ) убѣдилъ одного изъ умнѣйшихъ и наблюдательныхъ историковъ, Тацита, что невозможно представить себѣ смѣшаннаго правленія, соединяющаго въ себѣ элементы королевской власти, аристократіи и демократіи, и что если бы такое правленіе могло быть учреждено, то оно весьма скоро распалось-бы» (*).

Есть кромѣ того два различныя приложенія этого слова (См. кн. III. § 10), которыя при невниманіи къ ихъ различію, ведутъ къ такой же путаницѣ, какъ и употребленіе его въ различныхъ смыслахъ. Иногда опытъ означаетъ *нашъ собственный* опытъ, иногда же *общій* опытъ. Юмъ воспользовался этою (практическою) двусмысленностью въ своемъ опытѣ о Чудесахъ. Онъ говоритъ, что мы знаемъ на опытѣ, какъ часто *свидѣтельство* бываетъ ложнымъ, что случаи чудесъ противорѣчатъ нашему опыту и что поэтому такіе

(*) Pol. Econ. Лекц. III.

случаи не могутъ быть принимаемы на вѣру на основаніи какихъ бы то ни было свидѣтельствъ. Если бы онъ при этомъ объяснилъ, о *чьихъ* опытахъ онъ здѣсь говоритъ, то разсужденіе его свелось-бы на ничто: если онъ подразумѣваетъ опытъ всего человѣчества, т. е. что *никому никогда* не приходилось видѣть чуда на опытѣ, то это очевидно сводилось-бы на уничтоженіе вопроса (begging the question); если онъ подразумѣваетъ опытъ человѣка, не бывшаго никогда свидѣтелемъ чуда, то это означало-бы признаніе правила (т. е что мы не должны вѣрить ничему, чего сами не испытали на опытѣ), на которое было бы совершенно нелѣпо полагаться въ практикѣ. На основаніи его не только оправдывается король Бентамскій (какъ признаетъ это самъ Юмъ) въ томъ, что не довѣрялъ никакимъ доводамъ, доказывающимъ существованіе льда, но *никто не имѣлъ бы права ожидать своей смерти* Непосредственный опытъ показываетъ каждому только то, что *другіе* умираютъ; опытъ же показываетъ ему, что всѣ вынесенныя *имъ* болѣзни не оканчивались такимъ образомъ, — такъ что если онъ станетъ судить о будущемъ, согласуясь строго съ этимъ правиломъ. то что помѣшаетъ ему думать точно также и о будущихъ своихъ болѣзняхъ?

Нѣкоторые критики никогда не обращали вниманія на это слѣдствіе положеній Юма, другіе же не успѣли разобрать ихъ и послѣ того, какъ на нихъ было указано. Но если читатель захочетъ этого, то онъ можетъ обратиться къ самому автору и

увидитъ тогда, что его положенія, понимаемыя согласно съ его собственнымъ толкованіемъ, таковы, какъ я ихъ здѣсь выставляю.

Можетъ-быть онъ подразумѣвалъ при этомъ, если только онъ имѣлъ опредѣленный взглядъ, нѣчто среднее между *общимъ* и *индивидуальнымъ* опытомъ, т. е. опытъ *большинства* касательно того, что часто и обыкновенно встрѣчается. Но въ такомъ случаѣ его положеніе сведется на то, что ложное свидѣтельство часто случается, а чудеса — рѣдко. Истина этого конечно очевидна, но она слишкомъ обща для того, чтобы изъ нея дѣлать заключенія касательно всякаго частнаго случая. Во всякомъ отдѣльномъ вопросѣ касательно признанія дѣйствительности какого либо событія считали-бы нелѣпымъ принимать во вниманіе только *среднюю вѣроятность* справедливости *свидѣтельства въ абстрактномъ смыслѣ*, не обращая вниманія на то, какое свидѣтельство существуетъ въ *частномъ*, *разсматриваемомъ случаѣ*. Такъ напр. никто не станетъ утверждать, что никакое свидѣтельство не можетъ подтвердить открытія Америки Колумбомъ, потому что гораздо болѣе обыкновенно, что путешественники лгутъ, чѣмъ то, что открываются новыя части свѣта (*). Подобный процессъ содержитъ очевидно несоотвѣтствующее заключеніе (ignoratio elenchi), такъ какъ два противуполагаемыя предложенія не могутъ быть разсматриваемы, какъ несовмѣстныя. Опытъ

(*) См. «Historic Doubts relative to Napoleon Buonaparte.»

показываетъ намъ, что «всеразрушающіе гуриканы бываютъ рѣдко»; нѣкоторыя лица утверждаютъ, что «въ такое-то время въ Вестъ-Индіи произошелъ разрушительный гуриканъ». Между этими двумя положеніями, какъ показалъ это д-ръ Кампбель нѣтъ никакого противуположенія.

Нужно еще кстати замѣтить, что сюда прибавляется новая двусмысленность, заключающаяся въ фразѣ «противно опыту». Въ одномъ смыслѣ чудо или другое событіе можетъ быть названо *противнымъ* опыту того лица, которое никогда не было свидѣтелемъ подобнаго, — какъ замерзаніе воды было противно опыту короля Бентамскаго; въ другомъ же и болѣе точномъ смыслѣ только то противно опыту кого либо, что, по опыту, извѣстно ему какъ невѣрное, какъ напримѣръ будетъ противно опыту кого либо утвержденіе, что извѣстное лекарство всегда помогаетъ въ болѣзни, когда это лицо видѣло, что это лекарство не оказывало никакого дѣйствія. Никакое свидѣтельство не можетъ подтвердить того, что́, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, противно опыту. Въ виду всего этого множества двусмысленностей можно ли удивляться тому, что люди съ обыкновеннымъ умомъ были отуманены подобными софизмами.

Подобныя разсужденія считаются остроумными и глубокими вслѣдствіе того предмета, къ которому они прикладываются. Но если бы ихъ стали прикладывать къ происшествіямъ обыденной жизни, то считали бы ихъ недостойными вниманія.

Я не желалъ-бы, что бы читатель подумалъ,

что я имѣю въ виду здѣсь опревергать сочиненіе Юма. Этого можно было бы достигнуть посредствомъ «reduchio ad absurdum» простою ссылкою на примѣръ короля Бентамскаго, приводимый самимъ авторомъ. Но этотъ знаменитый опытъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, никого никогда не обратилъ, хотя часто и служилъ забавою невѣрующему софисту для преслѣдованія тѣхъ, которые были не въ состояніи открыть его ошибку. Самъ авторъ его кажется смотрѣлъ на него, какъ на образецъ своего искусства разсуждать на заданную тему, такъ какъ онъ оспариваетъ чудеса, потому что они противны обыкновенному ходу явленій природы, между тѣмъ какъ, по его же мнѣнію, нѣтъ ничего, что могло-бы быть названо ходомъ явленій природы. Его скептицизмъ распространяется на весь внѣшній міръ, на всѣ предметы, за исключеніемъ идеи или впечатлѣнія на умъ индивидуума. Такимъ образомъ выходитъ, что чудо, которому *вѣрютъ*, имѣетъ по этому одному такое-же дѣйствительное существованіе, какое только вообще могутъ имѣть какіе либо предметы.

Но я имѣлъ только въ виду показать на этомъ примѣрѣ ошибки и путаницу, которыя могутъ произойти отъ невниманія къ двусмысленности слова «опытъ». Этого-же нельзя сдѣлать посредствомъ косвеннаго доказательства, которое конечно *опровергнетъ*, но не *объясняетъ*.

XVI. **Поэтому** — и

XVII. **Почему.** Послѣднее, какъ вопросительное, употребляется въ трехъ смыслахъ, а именно:

«По какимъ причинамъ?» «На какомъ основаніи?» и «Съ какою цѣлью?» Послѣдняя обыкновенно называется «конечною причиною». Напримѣръ «почему падаетъ камень на землю?» «Почему обвиняется этотъ узникъ въ преступленіи?» «Почему вы ѣдите въ Лондонъ?» Упущеніе изъ виду различія между смыслами этихъ вопросовъ производитъ большую путаницу.

XVIII. **Самый** — тотъ самый, одинъ и тотъ-же (подобно словамъ «одинъ», «тождественный» и другимъ, происходящимъ отъ нихъ словамъ) употребляется часто въ смыслѣ, весьма отличномъ отъ его первичнаго смысла (причемъ слово приложимо къ одному *единственно* предмету), для обозначенія большаго сходства. Когда нѣсколько предметовъ сходны между собою до того, что ихъ нельзя отличить, то ко всѣмъ имъ прикладывается *одно описаніе*, и тогда говорятъ о нихъ, что они имѣютъ *ту-же самую* природу, одинъ видъ и т. д. Такъ говорятъ: «домъ этотъ построенъ изъ того-же самаго кирпича, какъ и этотъ другой домъ», желая сказать, что кирпичей нельзя отличить по ихъ качествамъ одного отъ другаго, а не то, что первое зданіе построено изъ матеріала, полученнаго при разрушеніи послѣдняго. Между тѣмъ слово «тотъ самый», въ своемъ первичномъ смыслѣ, не предполагаетъ даже необходимо сходства или подобія. Дѣйствительно, когда мы говоримъ о комъ либо, что онъ сильно измѣнился съ такого-то времени, то мы при этомъ подразумѣваемъ, да и самое выраженіе указываетъ на то, что это

одно лицо, хотя и различное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно не было-бы *онъ*. Нужно также замѣтить, что слово «тотъ самый», употребляемое въ обыденномъ разговорѣ во вторичномъ смыслѣ, допускаетъ *степени*, такъ какъ говорятъ о двухъ вещахъ, почти тѣхъ же самыхъ, но не совершенно; *личное* же тождество не допускаетъ степеней.

Ничто можетъ быть не способствовало столько ошибкамъ реализма, какъ невниманіе къ двусмысленности этого слова. Когда говорятъ, что нѣсколько лицъ имѣютъ *тоже самое мнѣніе*, *туже* мысль, то многіе, упуская изъ виду точный смыслъ этого выраженія, означающій, что всѣ указанные люди *думаютъ одинаково*, ищутъ чего-то мистическаго и воображаютъ себѣ нѣкоторый *одинъ предметъ*, въ первичномъ смыслѣ этого слова, который присутствуетъ заразъ въ умахъ всѣхъ этихъ одинаково думающихъ лицъ. Такимъ образомъ произошла теорія Платона объ идеяхъ. Каждая идея, по мнѣнію Платона, есть нѣкоторый дѣйствительный и вѣчный предметъ, существующій всецѣло и вполнѣ въ каждой отдѣльной вещи, извѣстной подъ однимъ именемъ. Отсюда произошли сперва въ поэтической миѳологіи, а затѣмъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ олицетворенія Фортуны, Свободы, Мудрости (Минерва) и друг., затѣмъ боготвореніе и изображеніе ихъ въ статуяхъ; и все это происходитъ посредствомъ процесса, нѣсколько сходнаго съ тѣмъ, который юмористически описывается Свифтомъ, когда онъ говоритъ какимъ образомъ

ревность «изъ представленія сдѣлалась словомъ и затѣмъ, въ жаркое лѣто, созрѣла до вещества». Мы видимъ, что Сенека находитъ нужнымъ съ важностью оспаривать положеніе нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ стоиковъ, что «главныя добродѣтели суть животныя»; индѣйцы же и въ настоящее время не только называютъ оспу у различныхъ людей (какъ и мы) тою же самою болѣзнью, но, видя сходство между признаками ея у различныхъ больныхъ и передачу ея отъ одного другому, считаютъ ее за богиню, поселяющуюся въ каждомъ, зараженнымъ этою болѣзнью. Всѣ эти нелѣпости суть на самомъ дѣлѣ только доведенныя до крайнихъ предѣловъ развитія идеи реализма. — См. Разсужденіе, кн. IV, Гл. V.

XIX. **Старый**. — Слово это въ своемъ строгомъ и первичномъ смыслѣ, означаетъ *длину* времени, въ теченіе котораго что либо существовало. Многіе и не замѣчаютъ, что существуетъ обычай употреблять его въ какомъ либо другомъ смыслѣ. Между тѣмъ слово это весьма часто употребляется вмѣсто другого слова — «*древній*», — для обозначенія промежутка времени. Это представляетъ замѣчательный примѣръ вліянія двусмысленности слова даже на мысли тѣхъ, которые знаютъ его двусмысленность, но не остерегаются ея постоянно, такъ какъ понятіе, соединяемое обыкновенно со словомъ, когда его употребляютъ въ одномъ смыслѣ, незамѣтно впечатлѣваетъ умъ и при употребленіи его въ другомъ смыслѣ. Такъ напр. часто говорятъ: «въ старыя времена», «старый міръ» и т. п.

и эти выраженія почти всегда незамѣтно вызываютъ впечатлѣніе большаго знанія, зависящаго отъ большей опытности, которую мы вообще приписываемъ старымъ людямъ. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что міръ теперь старѣе, чѣмъ прежде, и что мудрость, зависящая отъ наблюденія надъ прошлымъ (составляющая преимущество *старыхъ людей*), должна возрастать, при постоянствѣ остальныхъ условій, съ каждымъ поколѣніемъ. Поэтому замѣчаніе Бэкона становится очевидною истиною, коль скоро оно высказано отчетливо; но, не смотря на это, только немногія изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній имѣютъ такую же важность. Вообще существуетъ наклонность съ такимъ же уваженіемъ относиться къ авторитету «стараго времени», какъ и къ авторитету «старыхъ людей».

Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что древніе *обычаи, учрежденія* и т. д., если они *существуютъ и въ данное время*, могутъ быть справедливо названы «старыми», и имѣютъ за собою то преимущество, что дѣйствіе ихъ можетъ быть опредѣлено на основаніи долгихъ опытовъ, между тѣмъ какъ мы не можемъ быть увѣрены относительно вновь постановленныхъ законовъ или системъ, что они не произведутъ дѣйствія, котораго мы первоначально не имѣли въ виду.

Тождественный. См. Одинъ и Самый.

Такъ какъ нижеслѣдующія слова связаны между собою по своимъ значеніямъ, то я нашелъ лучшимъ разобрать ихъ отдѣльно и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они, повидимому, сами располагаются.

Так какъ основы Политической Экономіи составляются изъ немногихъ общихъ положеній, выведенныхъ изъ опыта или же изъ сознанія, и притомъ такихъ, съ которыми вообще соглашаются, коль скоро они высказаны, то казалось-бы, что между политико-экономами должно существовать также мало различія въ мнѣніяхъ, какъ между математиками, и что они, согласившись относительно посылокъ, не могутъ отличаться своими заключеніями, за исключеніемъ только случаевъ, когда произойдетъ ошибка въ разсужденіи, которая впрочемъ должна быть на столько очевидна, что ее сейчасъ же можно открыть. Такъ вѣроятно и было-бы, если-бы политико-экономы имѣли словарь общихъ терминовъ и если бы эти общіе термины были также точно опредѣлены, какъ термины математическіе. Но такъ какъ термины этой науки берутся изъ обыденнаго разговорнаго языка и рѣдко опредѣляются съ точностью тѣми писателями, которые употребляютъ ихъ, то едва-ли одинъ изъ этихъ терминовъ имѣетъ установившееся и неизмѣнное значеніе, хотя двусмысленность ихъ постоянно упускается изъ виду. Главныхъ терминовъ только семь: *Цѣнность*, *Богатство*, *Работа*, *Капиталъ*, *Рента*, *Задѣльная плата*, *Проценты*. Термины Политической Экономіи.

1. **Цѣнность** (Value). Такъ какъ цѣнность есть единственное отношеніе, которымъ занимается Политическая Экономія, то можно бы ожидать, что всѣ экономисты согласны между собою относительно значенія этого слова. Между тѣмъ они въ этомъ отношеніи наиболѣе разногласны.

Обыкновенный и наиболѣе подходящій смыслъ слова означаетъ способность предмета быть отданнымъ и полученнымъ въ промѣнъ. При такомъ опредѣленіи слово это выражаетъ отношеніе. Цѣнность всякаго предмета должна опредѣляться количествами всякихъ другихъ предметовъ, которые могутъ быть получены въ обмѣнъ на данный, и не можетъ никогда оставаться постоянною ни на мгновеніе. Многіе писатели признаютъ годность этого опредѣленія при началѣ, но не всегда придерживаются его въ послѣдствіи.

Адамъ Смитъ опредѣляетъ цѣнность, какъ *полезность* извѣстнаго предмета, или какъ возможность *добывать другіе предметы необходимости*, доставляемая владѣніемъ этого предмета. Первое онъ называетъ «цѣнностью при употребленіи», второе — «цѣнностью при обмѣнѣ». Но вскорѣ затѣмъ онъ говоритъ, что равныя количества работы имѣютъ одинаковую *цѣнность* для работника во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, какое бы количество предметовъ необходимости онъ ни получалъ за нее, и что работа никогда не мѣняетъ своей *цѣнности*. Ясно, что онъ придаетъ здѣсь, или думаетъ, что придаетъ другое значеніе этому слову, такъ какъ первое изъ послѣднихъ положеній противорѣчитъ начальному, а второе — ложно, какое-бы изъ двухъ его опредѣленій ни было принято.

Рикардо, повидимому, начинаетъ съ признанія опредѣленія Адама Смита для цѣнности въ обмѣнѣ. Но въ большей части его «Principles of Political Eco-

nomy» онъ употребляетъ это слово какъ синонпмъ съ *цѣною* (cost — стопмость). Эта одна двусмысленность дѣлаетъ его книгу длинною загадкою.

Мальтусъ (*) опредѣляетъ цѣнность, какъ способность пріобрѣтенія или покупки. На слѣдующей-же страницѣ онъ различаетъ абсолютную и относительную цѣнность, — различеніе, противорѣчащее его-же опредѣленію термина, въ силу котораго онъ означаетъ *отношеніе*.

Макуллохъ (M'Culloch) (**) различаетъ дѣйствительную цѣнность отъ мѣновой или относительной. Въ силу его опредѣленія мѣновая или относительная цѣнность какого-либо предмета необходимости состоитъ въ его способѣ покупки, дѣйствительная-же — въ количествѣ работы, необходимой для производства и примѣненія.

Всѣ эти различія въ опредѣленіяхъ повидимому зависятъ отъ смѣшенія причины со слѣдствіемъ. Разъ сказавши, что предметы необходимости имѣютъ цѣнность, соотвѣтствующую потраченной на нихъ работѣ, естественно было признать эту работу за цѣнность ихъ.

Богатство (Wealth). Лордъ Лаудердэль опредѣлилъ богатство какъ «все то, чего человѣкъ желаетъ». Мальтусъ (***) — какъ «тѣ *вещественные* предметы, которые необходимы, полезны или пріятны». Адамъ Смитъ ограничиваетъ значеніе тер- Богатство.

(*) «Measure of Value», стр. 1.
(**) «Principles of Polit. Economy». Ч. III, стр. 1.
(***) «Principles of Pol. Econ.», стр. 28.

мина тѣми частями произведеній земли и работы, которыя могутъ быть собраны. Макуллохъ (*) и Шторхъ (**) — какъ тѣ вещественныя произведенія, которыя имѣютъ мѣновую цѣнность. Полковникъ Торренсъ (***) смотритъ на него, какъ на состоящее изъ полезныхъ предметовъ, которые произведены нѣкоторымъ добровольнымъ усиліемъ. Сэй (****) раздѣляетъ богатство на естественное и общественное, и къ послѣднему термину относитъ все, способное къ обмѣну. Нужно замѣтить, что главное различіе въ этихъ опредѣленіяхъ состоитъ въ допущеніи или опущеніи эпитетовъ «мѣновой» и «вещественный» (*****).

Было бы хорошо, еслибы двусмысленность этого слова служила только для подзадориванія ученыхъ. Одинъ изъ смысловъ его произвелъ меркантильную систему. На обыденномъ языкѣ

(*) «Supplement to the Encyclopedia Britanica», Vol. VI, стр. 217.

(**) «Cours d'Economie Politique», T. I, стр. 91.

(***) «Production of Wealth» стр. 1.

(****) «Traité d'Econ. Pol.», Кн. II, Гл. 2.

(*****) Во многихъ случаяхъ, когда дѣйствительно происходитъ обмѣнъ, это обстоятельство легко можетъ быть незамѣчено (если только не обратить на него вниманія) вслѣдствіе того, что не наблюдаютъ дѣйствительной передачи вещественнаго предмета изъ рукъ въ руки. Такъ напр., когда право изданія книги продается издателю, то передаваемое при этомъ не есть одна исписанная бумага, но исключительное *право* печатать и издавать. Тѣмъ не менѣе это есть дѣйствительный обмѣнъ на столько же, какъ и покупка книгъ у книгопродавца. *Introduction to Pol. Econ.* Lect. I.

сдѣлаться богатымъ означаетъ добыть *денегъ*; убыль въ состояніи означаетъ потерю денегъ; богатый человѣкъ тотъ, который имѣетъ много *денегъ*, бѣдный — у котораго ихъ мало. Однимъ словомъ богатство и деньги стали синонимами. Вслѣдствіе этого значенія (говоря словами Адама Смита) всѣ различныя націи Европы старались всѣми средствами собирать золото и серебро, и для этого пытались запретить вывозъ и поощрять ввозъ монеты, и, напротивъ, поощрять вывозъ и затруднять ввозъ другихъ предметовъ необходимости, надѣясь такимъ образомъ произвести то, что называлось «благопріятный балансъ торговли», т. е. такую торговлю, въ которой вывозъ всегда превышалъ бы цѣнностью ввозъ, при чемъ разность уплачивалась бы монетою. Такой образъ дѣйствій можно сравнить съ дѣйствіями того купца, который разставался бы съ своимъ товаромъ только за деньги и, получивъ ихъ, не употреблялъ бы ихъ на уплату рабочимъ и на покупку матеріаловъ, а навсегда пряталъ бы ихъ въ свой сундукъ. Попытки принудить къ такой торговлѣ были на столько же тщетны, на сколько такая торговля оказалась бы неудачною, если бы только ее можно было вести такимъ образомъ. Результатомъ этой системы были мошенничество, наказанія и бѣдность дома, раздоръ и война извнѣ. Она заставила народы смотрѣть на богатство своихъ покупателей, какъ на источникъ потери, а не прибыли, и на выгодный рынокъ — какъ на несчастіе; понуждая ихъ отказываться отъ пользованія особенными преимуще-

ствами климата, почвы или промышленности своихъ сосѣдей, она въ значительной степени способствовала тому, что они не пользовались и своими. Въ теченіи нѣсколькихъ прошлыхъ столѣтій, а можетъ быть и будущихъ, система эта, болѣе всего другого, взятаго въ совокупности, замедлила улучшеніе условій жизни въ Европѣ.

Работа. 3. **Работа.** — Слово это означаетъ какъ самый *процессъ* работы, такъ и *произведеніе* этого процесса. Въ первомъ смыслѣ слово это употребляется, когда говорятъ о задѣльной платѣ, о цѣнѣ работы, во второмъ, — когда говорятъ о собранной работѣ. Означая самый процессъ работы, слово имѣетъ повидимому точно опредѣленный смыслъ — но и въ этомъ случаѣ подвержено нѣкоторой двусмысленности. Опредѣленіе Сэя (*) — «action suivie, dirigée vers un bût» (послѣдовательное дѣйствіе, направленное къ цѣли); у Шторха (**) «action des facultés humaines, dirigée vers un bût utile» (дѣйствіе человѣческихъ способностей, направленное къ полезной цѣли). Оба эти опредѣленія обнимаютъ прогулку ради здоровья, и даже разсказъ пріятнаго собесѣдника.

Большой недостатокъ Адама Смита и всѣхъ вообще англійскихъ экономистовъ состоитъ въ отсутствіи опредѣленій. Можетъ быть ни одинъ англійскій экономистъ не опредѣлилъ работы. Если бы только Адамъ Смитъ сдѣлалъ опредѣле-

---

(*) «Traité etc.», Т. II, стр. 506.

(**) «Cours etc.», Кн. I, гл. IV.

ніе, то онъ по всѣмъ вѣроятіямъ сдѣлалъ бы извѣстное и свойственное ему различіе между «производительными» и «непроизводительными» работниками, такъ какъ трудно представить себѣ опредѣленіе работы, къ одному изъ подраздѣленій которой прилагался бы эпитетъ «непроизводительная», за исключеніемъ *дурно направленной* работы. Съ другой стороны, если Макуллохъ и Миль опредѣлили работу, то врядъ ли они этимъ терминомъ желали обозначить ростъ дерева или улучшеніе вина, стоящаго въ погребѣ.

4. **Капиталъ**. — Слово это, какъ и слѣдуетъ ожидать, употреблялось въ весьма различныхъ смыслахъ вслѣдствіе сложности подразумѣваемыхъ имъ представленій. **Капиталъ.**

Адамъ Смитъ, по обыкновенію, не опредѣляетъ его. Общее значеніе, которое онъ придаетъ ему, можетъ быть обнаружено изъ того, что онъ перечисляетъ виды капитала. Онъ раздѣляетъ капиталъ (*) на *постоянный* и *оборотный*, и къ первому относитъ то, что капиталистъ удерживаетъ, ко второму же — то, съ чѣмъ онъ разстается. Постоянный капиталъ онъ подраздѣляетъ на слѣдующіе раздѣлы: 1) машины, 2) лавки и другія постройки, необходимыя для торговли или производства, 3) улучшеніе почвы, 4) знаніе и искуство. Оборотный же дѣлится имъ такъ: 1) деньги, 2) запасъ товаровъ въ рукахъ продавца ихъ, 3) неоконченный матеріалъ производства, 4) обработан-

(*) Кн. II, гл. I.

ный матеріалъ въ рукахъ производителя или торговца, — какъ напр. обивка въ лавкѣ мебельщика или какая либо галантерейная вещь у ювелира.

Въ слѣдующихъ строкахъ я даю перечень опредѣленій, принятыхъ нѣкоторыми изъ наиболѣе извѣстныхъ экономистовъ:

Рикардо (*) — «та часть богатства страны, которая употребляется на производство; состоитъ изъ пищи, одежды, инструментовъ, сырыхъ матеріаловъ, машинъ и т. п., необходимыхъ для дѣйствія работы».

Мальтусъ (**) — «та часть вещественнаго владѣнія какой либо страны, которая предназначается на употребленіе съ цѣлью полученія барыша».

Сэй (***) — «накопленіе цѣнности, не подлежащей непроизводительному потребленію». Гл. III, «машины, потребности рабочихъ, матеріалъ».

Шторхъ (****) — «основаніе богатства, предназначаемаго на матеріальное производство».

Макуллохъ (*****) — «та часть произведеній промышленности, которую можно прямо обратить на поддержаніе человѣческаго существованія или на облегченіе производства».

Миль (******) — «нѣчто произведенное съ цѣлью

(*) «Principles etc.», стр. 89, въ 3-мъ изданіи.

(**) «Principles etc.», стр. 293.

(***) Traité etc. T. II, стр. 454.

(****) Cours etc. Livre II, гл. I.

(*****) «Principles» etc., стр. 92.

(******) Elements etc., стр. 19, 3 изд.

быть употребленнымъ, какъ средство къ дальнѣйшему производству».

Торренсъ (*) — «тѣ предметы, на которые потрачена работа и которые предназначаются не для непосредственнаго удовлетворенія нашимъ нуждамъ, но для болѣе легкаго полученія другихъ полезныхъ предметовъ».

Ясно, что немногія изъ этихъ опредѣленій въ точности согласны между собою. Адамъ Смитъ (какъ можно заключать по смыслу, такъ какъ онъ не даетъ формальнаго опредѣленія слова) исключаетъ потребности земледѣльца, когда они находятся въ его владѣніи, другіе же (и кажется мнѣ основательно) относятъ и ихъ къ капиталу. Съ другой стороны Адамъ Смитъ относитъ къ нему предметы, которые неспособны къ производительному потребленію, если только они не достигли своихъ потребителей (и въ этомъ онъ вѣроятно правъ). Всѣ другія опредѣленія, кромѣ опредѣленія Мальтуса, которое двусмысленно, несостоятельны въ томъ отношеніи, что они утверждаютъ, что алмазъ и золото, въ которое его могутъ оправить, суть капиталъ до тѣхъ поръ, пока ювелиръ держитъ ихъ отдѣльно, и перестаютъ быть капиталомъ, коль скоро изъ обоихъ вмѣстѣ сдѣлано кольцо; кромѣ того, почти всѣ они положительно исключаютъ изъ этого понятія знаніе и искусство. Наиболѣе вызываетъ возраженій, какъ мнѣ кажется, опредѣленіе Макуллоха, которое, исключая изъ

(*) Production of Wealth, стр. 5.

капитала всѣ оконченныя произведенія ювелира. относитъ къ нему скаковую лошадь.

Впрочемъ и Адамъ Смитъ не всегда одинаково употребляетъ это слово. Такъ въ началѣ второй книги онъ говоритъ, что всякій капиталъ предназначается исключительно на поддержаніе производительной работы. Трудно представить себѣ, какая работа поддерживается тѣмъ, что непроизводительно потребляется.

Рента. Задѣльная плата. Проценты.

5. **Рента. 6. Задѣльная плата. 7. Проценты.** — Адамъ Смитъ впервые раздѣлилъ доходъ на ренту, задѣльную плату и проценты, и его раздѣленіе было всѣми принято. Слѣдующія опредѣленія показываютъ степень точности, съ которою употреблялись эти термины.

Адамъ Смитъ.

1. Рента. То, что платится за предоставленіе права пользоваться произведеніями земли. Кн. I, гл. VI.

2. Задѣльная плата. — Цѣна работы. — Кн. I, гл. V.

3. Проценты. — Доходъ, получаемый съ капитала тѣми людьми, которые распоряжаются имъ или употребляютъ его. — Кн. I, гл. VI.

Сэй. (Traité d'Economie Politique, 4-me Edit.).

Рента. — Доходъ, зависящій отъ производительности земли. Т. II, стр. 169.

2. Задѣльная плата. — Цѣна покупки производительной услуги для промышленности. Т. II, стр. 503.

3. Процентъ. — Часть произведенной цѣнности, возвращаемая капиталисту. — Т. I, стр. 71. — Подраздѣляется на *intérêt*, *profit industriel* и *profit capital*.

Шторхъ (Cours d'Economie Politique. Paris 1823).

1. Рента. Цѣна, платимая за пользованіе земельнымъ угодьемъ. — Гл. I, стр. 354.

2. Задѣльная плата. — Цѣна работы. — Стр. 283.

3. Процентъ. — Возвратъ капиталу раздѣляется Шторхомъ на ренту капиталу и прибыль предпринимателя. Первую онъ дѣлитъ на наемъ — для постояннаго капитала и проценты — для оборотнаго; вторую же онъ разсматриваетъ, какъ состоящую изъ 1) платы за пользованіе капиталомъ, 2) страхованіе за рискъ и 3) плату за безпокойство. Кн. III, Гл. II, XIII.

Сисмонди. (Nouveaux Principes etc.).

1. Рента. Та часть ежегодныхъ произведеній почвы, которая достается владѣльцу земли за всѣми расходами на полученіе ихъ. За тѣмъ онъ дѣлитъ ренту на 1) вознагражденіе за работу земли, 2) цѣна монополіи, 3) избытокъ цѣнности, получаемый владѣльцемъ при сравненіи лучшей земли съ худшею, 4) доходъ съ капиталовъ, уложенныхъ имъ въ землю и которыхъ онъ не можетъ обратно извлечь. — Гл. I, стр. 280.

2. Задѣльная плата. — Цѣна работы. Стр. 91.

3. Процентъ. — Цѣнность, на которую оконченная работа превосходитъ предварительныя, необходимыя для ея производства траты. Преимуще-

ство (выгода) отъ прежней работы. Подраздѣляется на *intérêt* и *profit mercantile*. Стр. 94, 359.

Мальтусъ (Principles etc.).

1. Рента. Та часть цѣнности всѣхъ произведеній земли, которая остается владѣльцу послѣ уплаты всѣхъ расходовъ обработки, включая средній процентъ на затраченный капиталъ. Избытокъ цѣны надъ задѣльною платою и процентами. — Стр. 134.

2. Задѣльная плата. — Вознагражденіе землевладѣльцу за его собственные труды. — Стр. 240.

3. Проценты. — Разность въ цѣнности предварительныхъ затратъ на производство какого либо предмета потребленія и цѣнностью самаго предмета, когда онъ произведенъ. — Стр. 293.

Миль. (Elements etc., 3 ed.).

1) Рента. — Разность между возвратомъ, дѣлаемымъ самой производительной части капитала, потребляемаго на землю, и наименѣе производительною его частью. — Стр. 33.

2. Задѣльная плата. Цѣна части произведенныхъ предметовъ потребленія, принадлежащихъ работнику. — Стр. 41.

3. Проценты. Часть соединенныхъ произведеній работы и капитала, которая получается владѣльцемъ капитала послѣ возвращенія затраченнаго капитала. Часть всего ежегоднаго производства, остающаяся за вычетомъ ренты и задѣльной платы. Вознагражденіе за совокупную работу. — Гл. II, III.

Торренсъ (Corn Trade, 3 ed.).

1. Рента. Та часть жатвы, которая отдается владѣльцу земли за пользованіе землею. — Стр. 130.

2. Задѣльная плата. — Предметы богатства, получаемые работникомъ въ замѣнъ его работы.— Стр. 83.

3. Проценты. — Избытокъ цѣнности оконченной вещи надъ цѣнностью потраченныхъ матеріаловъ, инструментовъ и предметовъ жизненной необходимости. Излишекъ, остающійся за возвратомъ цѣны производства. — Production of Wealth, стр. 53.

Макуллохъ (Principles etc.).

1. Рента. Та часть произведеній земли, которая уплачивается фермеромъ владѣльцу земли за пользованіе естественными и присущими силами почвы. — Стр. 265.

2. Задѣльная плата. — Вознагражденіе, платимое рабочимъ за ихъ услуги. — Essay on Rate of Wages, стр. 1.

3. Проценты.—Избытокъ предметовъ, произведенныхъ вслѣдствіе затраты извѣстнаго количества капитала, надъ этимъ капиталомъ. — Стр. 366.

Рикардо (Principles, etc., 3 ed.).

1. Рента.—Та часть произведеній земли, которая уплачивается ея владѣльцу за пользованіе внутренними и неразрушимыми свойствами земли.— Стр. 53.

2. Задѣльная плата. — Часть произведеній, достающаяся рабочему. — Гл. V.

3. Процентъ. — Часть произведеній, достающаяся капиталисту. — Гл. VI.

Первое замѣчаніе, которое слѣдуетъ сдѣлать относительно этихъ опредѣленій, заключается въ томъ, что рента *земли*, которая составляетъ только *видъ* весьма обширнаго рода, разсматривается какъ родъ, однородные-же съ нею виды или совершенно упускаются, или относятся къ родамъ, къ которымъ они, собственно говоря, не принадлежатъ. Задѣльная плата и проценты выдуманы людьми; они предполагаютъ пожертвованіе удобствомъ или непосредственнымъ пользованіемъ, и находятся въ извѣстномъ отношеніи къ этому пожертвованію, на которое (отношеніе) указываютъ общепринятыя выраженія «размѣръ жалованья», «размѣръ процентовъ» (rate of wages, — of profits); они стремятся къ однообразію. Но есть другой и весьма обильный источникъ доходовъ, который не созданъ людьми, а произведенъ самою природою, — который произошелъ не по волѣ владѣльца, а по случаю, который не предполагаетъ никакой жертвы, не имѣетъ никакого стремленія къ однообразію и къ которому рѣдко прилагается терминъ «размѣръ» (rate).

Доходъ этотъ происходитъ отъ исключительнаго права на нѣкоторыя орудія производства, дающаго возможность болѣе производительно, чѣмъ это бываетъ обыкновенно, затрачивать работу и капиталъ. *Главное* изъ этихъ орудій есть земля. Но всѣ необыкновенныя способности тѣла или ума, — всѣ процессы производства, сохраненію которыхъ

въ тайнѣ покровительствуетъ законъ, всѣ исключительныя преимущества, зависящія отъ положенія и связей, — говоря короче, всѣ орудія производства, недоступныя всѣмъ, доставляютъ доходъ, отличный по своему происхожденію отъ задѣльной платы и процентовъ, и по отношенію къ которому рента земли есть только видъ. Поэтому при классификаціи доходовъ, не слѣдовало разсматривать ренту какъ особый родъ, а смотрѣть на нее какъ на исключительное нарушеніе общаго однообразія задѣльной платы и процентовъ, или же нужно было отнести всѣ случайные источники доходовъ къ одному роду, главный видъ котораго должна была бы составлять рента земли.

Другое замѣчаніе слѣдуетъ отнести къ тому, что почти всѣ опредѣленія процентовъ содержатъ въ себѣ *«вознагражденіе за работу капиталиста»*. Экономисты на континентѣ обратили на это вниманіе и указали въ своемъ разборѣ на составныя части процентовъ. Англійскіе же экономисты рѣдко вдавались въ такой анализъ; недостатокъ же его можно разсматривать, какъ главную причину неясности.

Съ другой стороны, многое изъ того, что, собственно говоря, относится къ процентамъ или къ рентѣ, часто относится къ задѣльной платѣ. Почти всѣ экономисты относятъ людей съ либеральною профессіею къ классу работниковъ. Все существованіе этихъ людей, замѣчаетъ Макуллохъ (*), про-

(*) Principles etc., стр. 228.

исходитъ на счетъ жалованія и они очевидно на столько-же работники, какъ если-бы они ходили за плугомъ. Но нужно имѣть въ виду, что всѣ тѣ люди, занятіе которыхъ требуетъ больше искусства, чѣмъ сколько нужно его обыкновенному работнику, должны были потратить больше или меньше капитала на пріобрѣтеніе этого искусства; образованіе ихъ во всякомъ случаѣ стоитъ что нибудь, начиная съ ремесленника-подмастерья и кончая медикомъ или юристомъ-студентомъ; на эту затрату капитала, какъ и на всякую другую, разсчитываютъ получать проценты, и притомъ же тѣмъ большіе проценты, чѣмъ больше рискъ, т. е. чѣмъ больше сомнительность успѣха въ извѣстномъ дѣлѣ. Поэтому часть и вообще даже большая часть того, что разсматриваютъ какъ плату за его работу, должна быть разсматриваема, какъ проценты на капиталъ, потраченный на приготовленіе человѣка къ этого рода работѣ. Съ другой же стороны всѣ избытки доходовъ, пріобрѣтаемые вслѣдствіе исключительныхъ способностей, благопріятныхъ условій, покровительства (такъ какъ это соотвѣтствуетъ владѣнію земли, праву на патентъ, или другой монополіи или секрету) слѣдовало-бы скорѣе относить къ рентѣ, а не къ процентамъ.

Другимъ обильнымъ источникомъ двусмысленности служитъ то, что слово задѣльная плата (wages) иногда употребляется для выраженія *количества*, иногда же для означенія *отношенія*.

На обыденномъ языкѣ задѣльная плата, жалованіе означаютъ *количество нѣкоторыхъ пред-*

метовъ необходимости, вообще серебра, выдаваемыхъ работнику въ замѣнъ его работы; они падаютъ или подымаются соотвѣтственно уменьшенію или увеличенію этого количества.

На языкѣ же Рикардо они обыкновенно обозначаютъ ту *часть произведеній*, которая принадлежитъ рабочему, предполагая, что эти произведенія дѣлятся между ними и капиталистомъ. Въ этомъ смыслѣ они обыкновенно возвышаются соотвѣтственно уменьшенію всего производства, между тѣмъ, какъ они вообще падаютъ, если употреблять слово въ другомъ смыслѣ. Если-бы Рикардо постоянно употреблялъ слово «задѣльная плата» для означенія *отношенія*, то единственнымъ неудобствомъ, проистекающимъ отъ этого, было бы то, что нужно было бы всегда переводить это слово на обыкновенный языкъ. Но онъ непослѣдователенъ. Когда онъ говоритъ, (*) что «все, что возвышаетъ размѣръ задѣльной платы, понижаетъ проценты на капиталъ», то онъ смотритъ на задѣльную плату, какъ на *отношеніе*; когда же онъ говоритъ (**): «высокая задѣльная плата ободряетъ населеніе», то онъ смотритъ на задѣльную плату, какъ на *количество*. Даже Макуллохъ, отчетливо объяснившій эту двусмысленность, не избѣгъ ея, и она повліяла на его разсужденіе. Въ его прекрасномъ опытѣ «*On the Rate of Wages*» (***)

(*) Principles etc. Стр. 312.
(**) Ibid. Стр. 83.
(***) Стр. 161.

онъ допускаетъ, что «когда задѣльная плата высока, то капиталисту приходится платить сравнительно большую часть произведеній промышленности работнику» — допущеніе, совершенно несовмѣстимое съ тѣмъ смысломъ, который онъ придаетъ вообще этому слову, и который означаетъ *количество* того, что получаетъ работникъ, которое, какъ онъ самъ замѣчаетъ (*), можетъ возвышаться, между тѣмъ какъ его *отношеніе* уменьшается.

Мы обратили здѣсь вниманіе только на немногія двумысленности въ толкованіи выбранныхъ нами семи словъ. Да и слова эти выбраны нами не потому, что бы они были наиболѣе двусмысленны, а потому, что они наиболѣе важны въ политической номенклатурѣ. «Предложеніе и запросъ», «производительный и непроизводительный» и весьма много другихъ терминовъ, относящихся, какъ къ Политической Экономіи, такъ и къ другимъ предметамъ, которые употребляются безъ всякихъ объясненій и относительно которыхъ и не подозрѣваютъ даже, чтобы они нуждались въ такомъ объясненіи болѣе словъ «треугольникъ» или «двадцать», можетъ быть, болѣе подвержены двусмысленности, чѣмъ разобранныя нами слова. Но для цѣлей этого приложенія достаточно указать, для примѣра, на немногіе, наиболѣе важные для различныхъ отдѣловъ знанія термины; такъ

(*) Стр. 365.

какъ эти примѣры достаточны для убѣжденія какъ въ томъ, что слова весьма часто употребляются двусмысленно, такъ и въ томъ, что освобожденіе языка отъ двусмысленностей имѣетъ большую важность.

Приложеніе № 2.

Различные примѣры, для упражненія учащихся.

Въ тѣхъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, которые не имѣютъ силлогистической формы, упражненіемъ для учащагося будетъ служить приведеніе къ такой формѣ. Конечно это относится только къ тѣмъ примѣрамъ, гдѣ разсужденіе правильно, т. е. въ которыхъ нельзя, принявши посылки, отрицать заключеніе. Въ кажущихся-же силлогизмахъ нужно испытать ихъ годность посредствомъ правилъ Логики, которыя при этомъ лучше всего прикладывать въ такомъ порядкѣ: 1) Разсмотрѣть, дано-ли категорическое или гипотетическое доказательство, при чемъ нужно помнить, что гипотетическая посылка не всегда предполагаетъ гипотетическій силлогизмъ, за исключеніемъ только того случая, когда разсужденіе касается самой гипотезы. Если окажется, что силлогизмъ гипотетическій, то нужно прикладывать къ нему правила, относящіяся къ такимъ силлогизмамъ. 2) Если силлогизмъ категорическій, то нужно сосчитать термины. 3) Если ихъ только три, то нужно разсмотрѣть, распредѣленъ-ли средній членъ. 4) Разсмотрѣть, не отрицательны-ли обѣ посылки (т. е. отрицательны-ли онѣ дѣйствительно или только повидимому), и если одна изъ нихъ отрицательна, то отрицательно-ли и заключеніе; или утвердительно-ли за-

ключеніе, когда обѣ посылки утвердительны. 5) Разсмотрѣть, какіе термины распредѣлены въ заключеніи, и тѣ-ли самые термины распредѣлены и въ посылкахъ. 6) Если силлогизмъ не категорическій и не въ первой фигурѣ, то слѣдуетъ свести его на эту форму.

Примѣч. Переводчикъ пропустилъ нѣкоторые примѣры:

1. Никто не свободенъ, кто рабъ своихъ желаній; сенсуалистъ рабъ своихъ желаній: слѣдовательно сенсуалистъ не свободенъ.

2. Никакія націи, кромѣ бѣлыхъ, не цивилизованы; древніе германцы были бѣлы: слѣдовательно они были цивилизованы.

3. Никакія націи, кромѣ бѣлыхъ, не цивилизованы; индусы не бѣлые: слѣдовательно они не цивилизованные.

4. Никакія націи не цивилизованы, кромѣ бѣлыхъ; галлы были бѣлые. слѣдовательно они были цивилизованы.

5. Никто не богатъ, кто не имѣетъ довольно; ни одинъ бѣдный не имѣетъ довольно: слѣдовательно ни одинъ бѣдный не богатъ.

6. Если бы законы противъ папистовъ были приводимы въ исполненіе, то они были бы опечалены; но законы противъ нихъ не приводятся въ исполненіе: слѣдовательно паписты не опечалены.

7. Если принимать всякія свидѣтельства о чудесахъ, то слѣдуетъ вѣрить папскимъ легендамъ; но этимъ легендамъ не слѣдуетъ вѣрить: слѣдовательно не слѣдуетъ принимать никакихъ свидѣтельствъ о чудесахъ.

8. Если оказывается вѣроятнымъ, что присяга не вліяетъ на выполненіе людьми извѣстной обязанности, то обыкновенно даваемыя присяги излишни; если оказывается, что она вліяетъ на нихъ, то слѣдуетъ взять съ каждаго присягу въ томъ, что онъ будетъ вести себя хорошо въ теченіи всей жизни. То или другое изъ этихъ предположеній имѣетъ мѣсто: слѣдовательно, или обыкновенно даваемая присяга излишняя, или не нужно брать съ каждаго присягу, что онъ будетъ вести себя хорошо въ теченіи всей жизни.

9. Немногіе научные трактаты сообщаютъ важныя истины въ ясной и интересной формѣ, не примѣшивая къ нимъ ошибокъ; поэтому, хотя трактатъ, обладающій такимъ превосходствомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, очевидно, что только немногіе изъ научныхъ трактатовъ заслуживаютъ такого вниманія.

10. Мы должны отдѣлять одинъ день изъ семи на исполненіе религіозныхъ обязанностей, если только четвертая заповѣдь обязательна для насъ; но мы обязаны отдѣлять одинъ изъ семи дней на исполненіе религіозныхъ обязанностей: отсюда-же слѣдуетъ, что четвертая заповѣдь обязательна для насъ.

11. Желаніе выиграть на счетъ потери дру-

гого составляетъ нарушеніе десятой заповѣди; поэтому всякая игра, такъ какъ она предполагаетъ желаніе воспользоваться на счетъ другаго, представляетъ нарушеніе десятой заповѣди.

12. Всѣ рыбы, заключавшіяся въ неводѣ, представляли безразличную смѣсь различныхъ родовъ рыбъ; тѣ, которыя были отобраны и сбережены, какъ годныя къ употребленію, принадлежали къ числу рыбъ, заключавшихся въ неводѣ; слѣдовательно отобранныя и сбереженныя какъ годныя къ употребленію рыбы составляли безразличную смѣсь различныхъ родовъ рыбъ.

13. Никто, живущій въ хорошихъ отношеніяхъ съ другимъ, не можетъ ничѣмъ быть оправданъ, если убьетъ его; Брутъ жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ: слѣдовательно приводимыя имъ объясненія не могутъ оправдать его за убійство Цезаря.

14. Тотъ, кто уничтожаетъ человѣка, овладѣвшаго деспотическою властью въ свободной странѣ, оказываетъ услугу своимъ соотечественникамъ; Брутъ уничтожилъ Цезаря, овладѣвшаго деспотическою властью въ Римѣ; поэтому онъ оказалъ услугу римлянамъ.

15. Если добродѣтель зависитъ отъ доброй воли, то и порокъ зависитъ отъ доброй воли; добродѣтель зависитъ отъ доброй воли: слѣдовательно тоже самое относится и къ пороку (Арист. Этика, кн. III.).

16. Ничто, случающееся болѣе рѣдко, чѣмъ ложность свидѣтельства, не можетъ быть хорошо

подтверждено посредствомъ свидѣтельствъ; необыкновенное событіе случается рѣже, чѣмъ ложное свидѣтельство (которое случается весьма часто): поэтому никакой обыкновенный фактъ не можетъ быть хорошо доказанъ свидѣтельствомъ.

17. Свидѣтельство есть родъ доказательства, ложность котораго весьма вѣроятна; доказательства, на основаніи которыхъ большинство людей вѣрютъ въ существованіе египетскихъ пирамидъ, суть свидѣтельства: поэтому доказательства, на основаніи которыхъ большинство вѣритъ въ существованіе пирамидъ, имѣютъ много шансовъ быть ложными.

18. Религія древнихъ грековъ и римлянъ представляла сплетеніе невѣроятныхъ сказокъ и неосновательныхъ суевѣрій, которымъ вѣрила толпа и слабые, и которыя поддерживались болѣе просвѣщенными, вслѣдствіе эгоистическихъ и политическихъ видовъ; то-же самое слѣдуетъ сказать о религіи египтянъ, и о брамическомъ поклоненіи въ Индіи, и о религіи Фо, исповѣдуемой китайцами, и о романтической миѳологической системѣ перувіанцевъ, о суровыхъ кровавыхъ обрядахъ мехиканцевъ, бритовъ и саксовъ; отсюда мы можемъ заключить, что всѣ системы религій, какъ бы онѣ ни отличались между собою, согласуются между собою въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ суть суевѣрія, поддерживаемыя въ толпѣ болѣе образованными классами ради своекорыстныхъ или политическихъ видовъ. (См. Разсужденіе, Гл. I, § 2).

19. Ни одинъ человѣкъ не можетъ обладать властью совершать невозможное; чудо есть невозможность, — поэтому ни одинъ человѣкъ не можетъ обладать властью совершить чудо (См. Прибавл., слово «Невозможно»).

20. A,B и C,D, каждые порознь, равны E,F; слѣдовательно они равны между собою.

21. Невинный совершенно заслуживаетъ защиты отъ наказанія; такъ какъ вы утверждаете, что это лицо не должно быть наказано, то изъ этого слѣдуетъ, что вы убѣждены въ его невинности.

22. Всѣ наиболѣе яростныя гоненія имѣли религіозный характеръ; къ числу наиболѣе яростныхъ гоненій относятся тѣ, которыя происходили во Франціи во время революціи: эти гоненія должны были быть религіозными.

23. Тотъ, кому не возможно поступить иначе, чѣмъ онъ дѣлаетъ, не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія за свои поступки; доброму и щедрому человѣку невозможно дѣйствовать иначе, какъ онъ поступаетъ, когда помогаетъ бѣднымъ: поэтому такой человѣкъ не служиваетъ ни похвалы, ни порицанія за свои поступки (См. Прибавл. слово «Невозможно»).

24. То, что случается каждый день, не невѣроятно; нѣчто, противъ чего вѣроятность, какъ много тысячъ противъ одного, случается каждый день: слѣдовательно ничто, противъ чего вѣроятность, какъ много тысячъ противъ одного, не невѣроятно.

25. Сенсуалистъ желаетъ вѣчно пользоваться

наслажденіями безъ пресыщенія; невозможно вѣчно пользоваться наслажденіями безъ пресыщенія: поэтому сенсуалисту невозможно исполнить свое желаніе.

26. Если принять ученіе Палэя, то тотъ, кто не имѣетъ понятія о будущей жизни, не имѣетъ никакой возможности отличить добродѣтель отъ порока; но кто не имѣетъ возможности отличить добродѣтель отъ порока не можетъ согрѣшить: поэтому, согласившись съ ученіемъ Палэя, никто, не имѣющій понятія о будущей жизни, не можетъ согрѣшить.

27. Основанія справедливости измѣняются; законы природы не мѣняются, — слѣдовательно основанія справедливости не суть законы природы (Арист. Этика, кн. V).

28. Всякій желаетъ счастья; добродѣтель есть счастье: слѣдовательно всякій желаетъ добродѣтели (Арист. Эт. кн. Ш.).

29. Не слѣдуетъ вѣрить исторіи, разскащики которой противорѣчатъ другъ другу; исторія жизни и подвиговъ Наполеона Бонапарта такого рода: слѣдовательно ей не слѣдуетъ вѣрить (См. кн. I, § 3).

30. Когда празднованіе перваго дня недѣли, какъ религіозное воспоминаніе Воскресенія Христова, было впервые введено, то оно было новизною; будучи новизною, оно должно было обратить на себя вниманіе; обративши на себя вниманіе, оно должно было вызвать изслѣдованія относительно дѣйствительности воскресенія; вызвавши изслѣдованія, пришли бы къ признанію этой исто-

ріи за вымыселъ, если-бы она подтверждалась живыми свидѣтелями: слѣдовательно, когда празднованіе перваго дня недѣли и проч. было впервые введено, то пришли бы къ признанію исторіи воскресенія за вымыселъ, если бы она не подтверждалась живыми свидѣтелями.

31. Всѣ чудеса Іисуса Христа наполнили бы болѣе книгъ, чѣмъ сколько можетъ ихъ быть въ мірѣ; событія, передаваемыя евангелистами, суть чудеса Іисуса Христа: слѣдовательно событія, передаваемыя евангелистами, наполнили бы болѣе книгъ, чѣмъ сколько ихъ можетъ содержаться въ мірѣ.

32. Если-бы пророчества Древняго Завѣта были написаны безъ знанія событій временъ Іисуса Христа, то они не могли-бы точно согласоваться съ ними; если бы они вымышлены были христіанами, то они не были-бы сохранены и признаны евреями; между тѣмъ эти пророчества сохранены и признаются евреями и совершенно согласуются съ событіями времени Христа: слѣдовательно они не написаны безъ знанія этихъ событій и не вымышлены христіанами.

33. Изъ двухъ золъ нужно предпочитать меньшее; такъ какъ случайныя смуты составляютъ меньшее зло, чѣмъ суровый деспотизмъ, то ихъ слѣдуетъ предпочитать послѣднему.

34. Теологи утверждаютъ, что человѣкъ долженъ обладать вѣрою для того, чтобы быть угоднымъ божеству, вѣрющій въ басни индусовъ долженъ обладать вѣрою; слѣдовательно такой вѣрую-

щій, согласно съ утвержденіемъ теологовъ, угоденъ божеству.

35. Нельзя допустить, чтобы изъ какого-бы то ни было зла могло выйти добро; всякое наказаніе есть зло: слѣдовательно нельзя допустить, чтобы изъ какого бы то ни было наказанія выходило добро.

36. Раскаяніе хорошая вещь; злодѣи изобилуютъ раскаяніемъ (Арист. Этика кн. IX.): слѣдовательно злодѣи изобилуютъ тѣмъ, что хорошо.

37. Лицо, зараженное моровою язвою (вѣроятно) умретъ (допустимъ, что три изъ пяти зараженныхъ умираютъ); этотъ человѣкъ (вѣроятно) зараженъ моровою язвою (допустимъ и для этого вѣроятность, равную половинѣ): слѣдовательно этотъ человѣкъ (вѣроятно) умретъ. (Какая вѣроятность его смерти? Затѣмъ допустимъ, что вѣроятность для большей посылки не $^3/_5$, а $^4/_7$, а для меньшей— $^2/_3$, то какая будетъ вѣроятность заключенія?).

38. Нужно признать, конечно, что человѣкъ, привыкшій пользоваться свободою, не можетъ быть счастливъ при условіяхъ рабства; но многіе негры могутъ однако быть счастливыми при условіяхъ рабства, потому что они никогда не привыкали пользоваться свободою.

39. Все, внушаемое природою, позволительно; преданность постояннымъ удовольствіямъ въ молодости и любовь къ пріобрѣтенію въ старости внушаются природою (Арист. Ретор. кн. II); слѣдовательно то и другое позволительно.

40. Тотъ лучшій другъ для кого либо, кто

заботится о величайшемъ благѣ для своего друга; добродѣтельный человѣкъ добивается величайшаго блага для себя самого: слѣдовательно добродѣтельный человѣкъ лучшій другъ для самого себя (Арист. Этика, кн. IX).

41. Тотъ, кто утвердился въ привычкѣ къ извѣстнаго рода дѣйствіямъ, не дѣлаетъ самоотверженія при совершеніи такого дѣйствія; хорошій человѣкъ имѣетъ установившуюся привычку къ добродѣтели: слѣдовательно тотъ, кто совершаетъ добродѣтельные поступки съ самоотверженіемъ, не есть хорошій человѣкъ (Арист. Этика, кн. II).

42. Человѣкъ, главное счастье котораго заключается въ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ, не зависитъ отъ капризовъ фортуны; истинный философъ не зависитъ отъ капризовъ фортуны: слѣдовательно истинный философъ относится къ числу людей, главное счастье которыхъ заключается въ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ.

43. Для людей, прилежно занимающихся развитіемъ своего ума, нѣтъ надобности въ поощреніи посредствомъ ученыхъ титуловъ; для лѣнивыхъ и равнодушныхъ къ развитію ума это средство недѣйствительно: поэтому поощреніе посредствомъ ученыхъ титуловъ имъ ненужно, или недѣйствительно.

44. Тотъ, кто долженъ называться актеромъ, не пытается увѣрить своихъ слушателей въ томъ, что онъ выражаетъ дѣйствительно свои мысли и

высказываетъ свои чувства; адвокатъ дѣлаетъ это: слѣдовательно его не приходится называть актеромъ.

45. Тотъ, кто подымаетъ мечъ по приказанію начальника, дѣлаетъ то, что узаконено для христіанина; швейцарцы въ французской службѣ и британцы въ американской службѣ подымали мечъ по приказанію начальника: слѣдовательно они дѣлали то, что узаконено для христіанина.

46. Если Бэконъ правъ, то нельзя находить правильнымъ населеніе новой колоніи выходящими изъ тюрьмы; но мы не должны находить это неправильнымъ, если находимъ благоразумнымъ способъ колонизаціи Новаго Валиса: если этотъ способъ благоразуменъ, то слѣдовательно Бэконъ неправъ.

47. Логику конечно стоитъ изучать, если слѣдуетъ признавать Аристотеля непогрѣшимымъ; но онъ погрѣшимъ — поэтому Логики не стоитъ изучать.

48. Всѣ тѣ занятія полезны, которыя даютъ человѣку преимущества въ жизни или же способствуютъ увеличенію народнаго и частнаго благосостоянія; но курсъ наукъ, изучаемыхъ въ Оксфордѣ, не способствуетъ этому: слѣдовательно онъ не полезенъ.

49. Если выставка преступниковъ и публичныя казни способствуютъ устрашенію другихъ передъ такою же участью, то можно ожидать, что солдаты, дольше всѣхъ служившіе, должны болѣе всѣхъ бояться смерти въ сраженіи; но на самомъ дѣлѣ

оказывается противное: слѣдовательно и первому нельзя вѣрить.

50. Если ссылка не оказываетъ дѣйствія сильнаго наказанія, то она, сама по себѣ, не можетъ считаться пригодною для предупрежденія преступленій; если-же она оказываетъ такое дѣйствіе, то большая часть силы наказанія теряется вслѣдствіе того, что происходитъ на слишкомъ большомъ разстояніи и не можетъ поэтому вліять на чувства или даже дойти до свѣденія большей части тѣхъ, для вразумленія которыхъ она предназначена; но то или другое должно имѣть мѣсто: слѣдовательно ссылка не соотвѣтствуетъ предупрежденію преступленій.

51. Война производитъ зло; слѣдовательно миръ способенъ производить добро.

52. Нѣкоторые предметы великой красоты, повидимому, служатъ только для того, чтобы ласкать зрѣніе; многіе цвѣты обладаютъ великою красотою и поэтому многіе изъ нихъ только и служатъ для того, чтобы ласкать зрѣніе.

53. Человѣкъ, сознательно предающійся распутной жизни, заслуживаетъ строгаго наказанія; тѣ, которые впадаютъ въ излишества отъ дѣйствія своихъ страстей не предаются распутной жизни сознательно: слѣдовательно тѣ, которые впадаютъ въ излишества отъ дѣйствія страстей, не заслуживаютъ строгаго порицанія (Арист. Этика Кн. VII).

54. Трудно воздержаться отъ неумѣренныхъ желаній; подчиняясь постановленіямъ Священнаго Писанія, нужно воздерживаться отъ всякихъ неумѣ-

ренныхъ требованій: слѣдовательно трудно подчиняться постановленіямъ Священнаго Писанія.

55. Всякій честный человѣкъ будетъ воздерживаться отъ осужденія книги, не прочитавъ ее; нѣкоторые составители обозрѣній не воздерживаются отъ этого: слѣдовательно нѣкоторые составители обозрѣній не честны.

56. Если-бы всякое возраженіе противъ какого-либо закона оправдывало-бы измѣненіе установленныхъ законовъ, то никакой законъ не могъ бы быть съ основаніемъ удерживаемъ; но нѣкоторые законы могутъ быть съ основаніемъ удерживаемы: слѣдовательно никакое возраженіе, которое можетъ быть только высказано, не можетъ оправдать измѣненія установленнаго закона.

57. Если-бы можно было придумать какую-бы то ни было полную теорію для объясненія человѣческаго происхожденія Христіанства, то такая теорія была-бы до сихъ поръ уже предложена; но такой теоріи до сихъ поръ еще не предложили: слѣдовательно нельзя придумать такой теоріи.

58. Тотъ, кто доволенъ тѣмъ, что имѣетъ, по истинѣ богатъ; жадный человѣкъ не бываетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ: слѣдовательно ни одинъ жадный человѣкъ не можетъ быть истинно богатъ.

59. Истинное пророчество въ точности согласуется со всѣми обстоятельствами такого происшествія, котораго нельзя было предвидѣть по здравому смыслу; это имѣетъ мѣсто для проро-

чествъ о Мессіи въ Древнемъ Завѣтѣ: слѣдовательно эти пророчества истинныя.

60. Связь между душою и тѣломъ не можетъ быть ни понята, ни объяснена; но ей слѣдуетъ вѣрить: слѣдовательно тому надо вѣрить, что не можетъ быть ни понято, ни объяснено.

61 Такъ какъ у всѣхъ животныхъ съ рогами ноги двукопытыя, то мы должны заключить, что то ископаемое животное, у котораго ноги оказываются двукопытыя, было съ рогами.

62. Не все то золото, что блеститъ; мишура блеститъ: слѣдовательно мишура не золото.

63. Негръ человѣкъ; слѣдовательно убивающій негра убиваетъ человѣка.

64. Пища и питье необходимы для жизни; доходы Вителлія истрачивались на пищу и питье: слѣдовательно доходы Вителлія истрачивались на то, что необходимо для жизни.

65. Ничто не тяжеле платины: перья тяжеле чѣмъ ничто: слѣдовательно перья тяжеле платины.

66. Дитя Ѳемистокла управляло своею матерью, она управляла своимъ мужемъ; онъ управлялъ Аѳинами; Аѳины — Греціею и Греція — міромъ: слѣдовательно дитя Ѳемистокла управляло міромъ.

67. Тотъ, кто называетъ васъ человѣкомъ, говоритъ истину; тотъ, кто называетъ васъ дуракомъ, называетъ васъ человѣкомъ: слѣдовательно тотъ, кто называетъ васъ дуракомъ, говоритъ истину.

68. Только теплыя страны производятъ вино; Испанія теплая страна: слѣдовательно Испанія производитъ вино.

69. Есть климаты, на столько суровые, что холоду бываетъ достаточно для замораживанія ртути; сибирскихъ холодовъ достаточно для замораживанія ртути: слѣдовательно климатъ Сибири на столько суровъ.

70. Дубовая помела есть растительный наростъ, который не есть растеніе; всякій растительный наростъ, который не есть растеніе, обладаетъ волшебными свойствами: слѣдовательно дубовая помела обладаетъ волшебными свойствами.

71. Если часовая стрѣлка часовъ находится на нѣкоторомъ разстояніи (напр. на разстояніи одного фута) впереди минутной стрѣлки, то эта послѣдняя, хотя и движется въ двѣнадцать разъ скорѣе, чѣмъ первая, не можетъ никогда опередить первой; дѣйствительно, пока минутная стрѣлка пройдетъ двѣнадцать дюймовъ, часовая передвинется впередъ на одинъ дюймъ, такъ что стрѣлки будутъ тогда на разстояніи одного дюйма одна отъ другой; пока минутная стрѣлка пройдетъ этотъ дюймъ, часовая передвинется далѣе на $^1/_{12}$ дюйма, такъ что она еще будетъ впереди минутной стрѣлки, и пока минутная стрѣлка пройдетъ эту $^1/_{12}$ дюйма, отдѣляющую ее отъ часовой, послѣдняя уйдетъ впередъ на $^1/_{144}$ дюйма и будетъ снова впереди, хотя разстояніе между стрѣлками и уменьшится, и т. д., и т. д. Очевидно мы можемъ разсуждать такимъ-же образомъ до безконечности: слѣдовательно минутная стрѣлка никогда не опередитъ часовой (это есть одна изъ софистическихъ загадокъ, на которыя указываетъ Олдричъ, у кото-

раго движущіяся тѣла суть Ахплесъ и Черепаха); но ему не удается разрѣшить эту загадку. Онъ предлагаетъ устранить затрудненіе, доказавъ, что въ нѣкоторое данное время Ахилесъ обгонитъ Черепаху, — какъ будто кто либо въ этомъ можетъ сомнѣваться. Задача здѣсь и состоитъ въ томъ, чтобы преодолѣть кажущееся доказательство очевидно невозможнаго; поэтому, показавши, что это очевидно невозможно, мы не рѣшимъ еще задачи.

Мнѣ приходилось слушать, какъ этотъ примѣръ приводили въ доказательство тщетныхъ притязаній Логики, такъ какъ (утверждали) самое совершенное доказательство можетъ привести отъ совершенно вѣрныхъ посылокъ къ нелѣпому заключенію. Но это совершенно несправедливо: приведенный здѣсь примѣръ доставляетъ подтвержденіе всей пользы, зависящей отъ знакомства съ силлогистическою формою: *данное здѣсь кажущееся доказательство не можетъ быть выражено въ такой формѣ.* Всякая попытка къ этому покажетъ совершенное отсутствіе связи между посылками и заключеніемъ.

Примѣчаніе переводчика. Заключеніе не вытекаетъ здѣсь изъ посылокъ, потому что, при принятомъ здѣсь способѣ откладыванія пространствъ, проходимыхъ часовою и минутною стрѣлками, мы, даже при безконечномъ повтореніи такого откладыванія, можемъ удалиться отъ начальнаго положенія минутной стрѣлки только на $^{12}/_{11}$ фута (какъ показываетъ вычисленіе). Поэтому заключеніе, соотвѣтствующее посылкамъ, то, что на про-

странствѣ $^{12}/_{11}$ фута минутная стрѣлка не опередитъ часовой. Относительно того, какъ будутъ двигаться стрѣлки далѣе, мы, при такомъ способѣ сужденія, не можемъ отвѣчать, потому что, при принятомъ здѣсь способѣ откладыванія пространствъ, мы не можемъ перейти за $^{12}/_{11}$ фута отъ начальнаго положенія минутной стрѣлки, и такъ какъ на этомъ пространствѣ минутная стрѣлка не обгоняетъ часовой, то этимъ методомъ и нельзя опредѣлить того мѣста, гдѣ они нагоняютъ другъ друга. При рѣшеніи-же задачи обыкновеннымъ алгебраическимъ пріемомъ все разсужденіе легко укладывается въ форму силлогизма.

72. Воровство есть преступленіе; воровство пользовалось покровительствомъ закона въ Спартѣ: слѣдовательно законы въ Спартѣ покровительствовали преступленію.

73. Всякая курица происходитъ отъ яйца; всякое яйцо происходитъ отъ курицы: поэтому всякое яйцо происходитъ отъ яйца.

74. Юпитеръ былъ сынъ Сатурна; слѣдовательно сынъ Юпитера былъ внукъ Сатурна.

75. Всякая простуда уничтожается теплотою; болѣзнь этого человѣка — простуда; слѣдовательно она должна быть уничтожена теплотою.

76. Вино есть возбуждающее средство; слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждающія средства вредны, вино вредно.

77. Опій ядъ; но доктора совѣтуютъ больнымъ принимать опій: слѣдовательно доктора совѣтуютъ нѣкоторымъ изъ своихъ больныхъ принимать ядъ.

78. То, что мы ѣдимъ, выросло въ полѣ; мы ѣдимъ кусокъ хлѣба: слѣдовательно кусокъ хлѣба выросъ въ полѣ.

79. Можно совершенно обходиться безъ животной пищи (какъ доказываетъ жизнь браминовъ и нѣкоторыхъ монаховъ); можно также обойтись безъ растительной пищи (какъ показываетъ примѣръ эскимосовъ и другихъ); но всякая пища животная или растительная: слѣдовательно можно обойтись безъ всякой пищи.

80. Никакое пустое дѣло не обогатитъ того, кто имъ занимается; разработка рудниковъ не есть пустое дѣло: слѣдовательно разработка рудъ обогатитъ того, кто ею занимается.

81. Наиболѣе голодный ѣстъ наиболѣе; тотъ, кто наименѣе ѣстъ, наиболѣе голоденъ: слѣдовательно тотъ, кто наименѣе ѣстъ, тотъ наиболѣе ѣстъ (См. Aldrich's Compendium: Ошибки, гдѣ этотъ примѣръ правильно разобранъ).

82. Всякое тѣло, находящееся въ движеніи, должно двигаться или въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно есть, или въ томъ мѣстѣ, гдѣ его нѣтъ; ни то, ни другое не возможно: слѣдовательно не существуетъ движенія. (И въ этомъ примѣрѣ Олдричъ невѣрно понимаетъ характеръ трудности задачи; дѣло не въ доказательствѣ того, что само собою очевидно, а въ объясненіи кажущагося доказательства того, относительно чего никто и никогда не сомнѣвался. Трудность задачи здѣсь состоитъ именно въ томъ, что кажущееся доказательство невозможности движенія производитъ замѣшатель-

ство, потому что мы знаемъ, что движеніе возможно. См. Введеніе).

83. Все растительное больше растетъ при ростѣ мѣсяца; волоса растительные: слѣдовательно волоса больше растутъ при ростѣ мѣсяца.

84. Большая часть наукъ, изучаемыхъ въ Оксфордѣ, способствуютъ усовершенствованію ума; всѣ сочиненія особенно замѣчательныхъ писателей древности относятся къ предметамъ, изучаемымъ въ Оксфордѣ: слѣдовательно нѣкоторыя изъ сочиненій наиболѣе замѣчательныхъ писателей древности способствуютъ усовершенствованію ума.

85. Нѣкоторые яды растительные; никакой ядъ не составляетъ полезнаго лекарства: слѣдовательно нѣкоторыя полезныя лекарства не растительныя.

86 Теорія, ссылающаяся на свидѣтельство наблюденія и опыта, будетъ тотчасъ опровергнута, коль скоро окажется ложною; краніологія ссылается на такое свидѣтельство; поэтому, если краніологія есть ложная теорія, то она будетъ скоро опровергнута. (Пусть вѣроятность справедливости одной посылки $^7/_{10}$, а другой — $^4/_5$: какова вѣроятность заключенія и каковы термины силлогизма).

87. Уилксъ былъ любимецъ толпы; любимецъ толпы долженъ умѣть обращаться съ нею; тотъ, кто умѣетъ обращаться съ толпою, долженъ хорошо знать ея характеръ; знающій-же ея характеръ долженъ презирать ее: слѣдовательно Уилксъ долженъ былъ презирать толпу.

88. Чтобы открыть, имѣетъ-ли человѣкъ нравственное чувство, нужно разсматривать его въ

томъ состояніи, когда всѣ способности человѣка наиболѣе развиты; въ цивилизованномъ государствѣ способности человѣка наиболѣе развиты: слѣдовательно для того, чтобы открыть, имѣетъ ли человѣкъ нравственное чувство, нужно разсматривать его въ цивилизованномъ государствѣ.

89. Месть, кража, дѣтоубійство и проч. поддерживались общественнымъ мнѣніемъ въ нѣкоторыхъ странахъ; всѣ извѣстныя намъ преступленія суть месть, кража, дѣтоубійство и проч.: слѣдовательно всѣ извѣстныя намъ преступленія поддерживались общественнымъ мнѣніемъ въ нѣкоторыхъ странахъ. (Paley's Moral Philosophy).

90. Не слѣдуетъ выводить въ поле ни одного солдата, который не вполнѣ способенъ выполнять свое дѣло; только ветераны вполнѣ способны выполнять свое дѣло: поэтому только ветерановъ слѣдуетъ выводить въ поле.

91. Монополія рафинированія сахара выгодна для владѣльцевъ рафинадныхъ заводовъ; монополія хлѣбная выгодна для землевладѣльцевъ, монополія шолковыхъ издѣлій — для фабрикантовъ этихъ издѣлій и т. д. Такимъ образомъ всякое стѣсненіе благопріятно для какого либо класса людей. Всѣ эти классы составляютъ все общество; слѣдовательно система стѣсненій выгодна для общества (См. гл. III, § 11).

92. Есть два рода вещей, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать: чему мы можемъ помочь, и чему не можемъ. (Выразить въ видѣ Дилеммы).

93. Кто считаетъ себя всегда правымъ, тотъ

имѣетъ притязанія на непогрѣшимость; вы всегда считаете правымъ ваше мнѣніе: слѣдовательно вы имѣете притязанія на непогрѣшимость.

94. Никакая человѣческая раса не получала никогда внушенія свыше относительно какой либо отрасли человѣческихъ знаній; дѣйствительно израильтяне, относительно которыхъ говорятъ, что они получили откровеніе относительно религіи, не знали во времена Соломона, что окружность отличается отъ утроеннаго діаметра.

95. Если-бы первоначальная цивилизація человѣческаго рода не была дѣломъ божественнаго наставника, то можно было бы найти примѣры цивилизаціи дикихъ племенъ самихъ собою (Pol. Econ. Лекц. V).

96. Законъ Моисеевъ запрещалъ воровство, убійство и пр.; законъ Моисеевъ уничтоженъ: слѣдовательно воровство, убійство и пр. не запрещены.

97. Земледѣліе изобрѣтено людьми безъ пособія сверхъестественнаго наставника; тоже самое могло случиться и съ обработкою металловъ, съ изобрѣтеніемъ медицины, мореплаванія и пр.; однимъ словомъ, нѣтъ ни одного искусства, свойственнаго цивилизованной націи, которое не могло бы быть изображено помощью естественныхъ способностей человѣка. Слѣдовательно искуства, свойственныя цивилизованной націи могли быть изобрѣтены людьми безъ пособія сверхъестественнаго наставника.

98. Всѣ, находящіе эту женщину невинною,

должны быть противъ наказанія ея; такъ какъ вы противъ наказанія ея, то слѣдуетъ предполагать, что вы находите ее невинною.

99. Если государство имѣетъ право требовать исполненія законовъ (а безъ этого оно не моглобы существовать), то оно должно имѣть право предписывать, какой религіи долженъ слѣдовать народъ. (См. кн. III, § 9).

100. Всякій человѣкъ обязанъ стремиться къ поддержанію *добра* — для человѣчества вообще и во всѣхъ отношеніяхъ; гражданскій чиновникъ (или законодатель) есть человѣкъ: слѣдовательно гражданскій чиновникъ обязанъ стремиться къ поддержанію добра для человѣчества — вообще и во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ какъ религія есть добро и одно изъ лучшихъ, то гражданскій чиновникъ обязанъ настаивать, пользуясь предоставленною ему властью, на исповѣданіи истинной религіи и уничтожать ересь. (См. Essay I о «Kingdom of Christ»).

101. Май мѣсяцъ не содержитъ Р въ своемъ названіи; этой-же буквы не содержатъ названія Іюня, Іюля и Августа; слѣдовательно всѣ теплѣйшіе мѣсяцы не содержатъ Р въ своихъ названіяхъ. (См. кн. IV, гл. I, § 1).

102. Этотъ человѣкъ можетъ быть правъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; тоже самое можетъ быть сказано и объ этомъ человѣкѣ, — и о третьемъ и т. д.: слѣдовательно можетъ быть всѣ они правы въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ.

103. Когда Апостолы были впервые названы

христіанами, то они должны были получить это названіе или отъ вѣрующихъ, или отъ невѣрующихъ евреевъ, или отъ невѣрующихь язычниковъ; но одно изъ этихъ допущеній невозможно, другое же отрицается показаніями Новаго Завѣта: слѣдовательно остающееся предположеніе подтверждается.

Приложеніе № III.

Упражненія въ логическомъ анализѣ.

Многіе относились съ презрѣніемъ къ обыкновенному способу обученія Логикѣ, при которомъ она состоитъ только изъ перечня техническихъ правилъ и одного какого либо приложенія ихъ къ простѣйшимъ примѣрамъ, приведеннымъ уже въ силлогистическую форму, или въ форму, близкую къ ней. Студентъ, желающій научиться прилагать эти правила къ практикѣ, долженъ перейти отъ предыдущихъ примѣровъ къ логическому разбору, согласуясь съ ниже приводимыми указаніями нѣкоторыхъ доказательствъ Эвклида, различныхъ частей сочиненій Аристотеля, разныхъ отдѣловъ «Богатства Народовъ» Адама Смита и другихъ сочиненій философскаго содержанія. Послѣдняя часть § I, гл. V Кн. IV представляетъ также хорошій матеріалъ для короткаго логическаго разбора.

Такъ какъ правила Логики прикладываются къ доказательствамъ только послѣ того, какъ они приведены къ совершенной полнотѣ и изложены въ элементарной формѣ, то полезно будетъ присоединить нѣсколько замѣчаній относительно пріемовъ разбора и приведенія къ такой формѣ всякаго рода доказательствъ, могущаго представиться намъ, — такъ какъ въ этомъ вообще долженъ состоять первый шагъ при попыткѣ прикладывать логическія правила (*).

Будетъ ли подвергаемое разбору состоять изъ цѣлаго трактата, главы или только изъ одного параграфа, во всякомъ случаѣ начинайте съ заключительнаго утвержденія, — т. е. не съ послѣдней высказанной фразы, а съ послѣдняго постановленнаго положенія или съ окончательнаго заключенія, будетъ ли оно высказано явно, или же только подразумѣваемо. Затѣмъ нужно идти обратно ходу разсужденія и опредѣлить, на какихъ основаніяхъ дѣлается это утвержденіе. Найденныя основанія должны быть посылками, а окончательное заключеніе—заключеніемъ силлогизма. Получивши силлогизмъ, можно подвергнуть его разбору на основаніи правилъ Логики.

Если не окажется въ этомъ силлогизмѣ ни какихъ погрѣшностей, то нужно взять каждую изъ его посылокъ отдѣльно и поступать съ нею такъ,

---

(*) Сущность этихъ указаній заимствована мною изъ предисловія къ «Hind's abridged Introduction to Logik».

какъ поступали съ окончательнымъ заключеніемъ. Всякая посылка, вводимая въ силлогизмъ, должна быть или предварительно доказана или же быть очевидною и потому не нуждаться въ доказательствѣ. Если разсматриваемыя посылки не доказываются, то нужно разсмотрѣть, достаточно ли онѣ очевидны для того, чтобы можно было обойтись безъ доказательства; если же онѣ доказываются, то слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ какъ заключеніе, полученное изъ другихъ положеній, служащихъ для нихъ посылками, и потому нужно повторить тоже дѣйствіе, т. е. найти основанія первыхъ посылокъ, другими словами найти положенія, служащія посылкамъ силлогизмовъ, заключенія которыхъ суть первыя посылки. Найденные такимъ образомъ силлогизмы подвергнуть такому же анализу, и затѣмъ, если оказывается нужнымъ, снова смтрѣть на вторыя посылки какъ на заключеніе новыхъ силлогизмовъ и т. д. Если цѣпь разсужденій правильна, то, поступая такимъ образомъ дойдемъ до посылокъ, на которыхъ все основывается, и которыя вообще должны состоять изъ положеній, не нуждающихся въ доказательствѣ. Если же цѣпь разсужденій содержитъ какую либо погрѣшность, то нашъ логическій разборъ приведетъ насъ къ положенію, которое считается очевиднымъ, хотя оно нуждается въ доказательствѣ, или же которое неправильно выведено изъ другихъ положеній (неправильно доказано) (*).

---

*) Для многихъ учащихся будетъ полезно и понятнѣе

Часто случается, что одно положеніе подтверждается нѣсколькими различными доказательствами, въ такомъ случаѣ изслѣдованіе вѣрности посылокъ разбивается на столько же отдѣловъ. Въ математическихъ и другихъ демонстративныхъ разсужденіяхъ этого обыкновенно не бываетъ, такъ какъ абсолютная достовѣрность не допускаетъ степеней. Когда, какъ это часто случается, одной истинѣ можно дать нѣсколько различныхъ доказательствъ, то выбираютъ изъ нихъ простѣйшее и самое ясное, остальныя же отбрасываютъ. При *вѣроятномъ* же разсужденіи часто допускается скопленіе доказательствъ, подтверждающихъ одно и тоже заключеніе, т. е. каждое изъ нихъ доказываетъ, что заключеніе *вѣроятно*. Въ такихъ случаяхъ нужно сперва

представить логическій разборъ ряда доказательствъ въ видѣ дерева, такимъ образомъ.

(Послѣднее заключеніе).

Z есть X,

доказывается черезъ

Y есть X — Z есть Y

Y есть X доказывается черезъ: доказательство, что B есть X и т. д., Y есть B и т. д.; и черезъ доказательство что C есть X и т. д., Y есть C и т. д.

Z есть Y доказывается черезъ: A есть Y (которое пусть допускается); Z есть A, которое доказывается и т. д.

провѣрить каждое доказательство, взятое отдѣльно, и если окажется, что каждое изъ нихъ доказываетъ нѣкоторую вѣроятность заключенія, то нужно будетъ вычислить *сложную* вѣроятность его.

При этихъ вычисленіяхъ помощь, оказываемая Логикою, ограничивается тѣмъ, что сообщаетъ наиболѣе удобную форму показаніямъ вѣроятности. Степень же вѣроятности каждаго предложенія должна быть опредѣляема самимъ разсуждающимъ, и точность его опредѣленій зависитъ поэтому отъ его находчивости и познаній относительно предмета разсужденія, послѣ чего опредѣленіе вѣроятности каждаго частнаго заключенія и *сложной* вѣроятности послѣдняго заключенія становится ариѳметической задачею Помощь, оказываемая правилами Логики для отчетливой постановки различныхъ отношеній, способствуетъ устраненію дальнѣйшихъ затрудненій и не можетъ быть разсматриваема какъ ничтожная тѣмъ, кому приходилось наблюдать запутанность и ошибки, происходящія отъ недостатка такой постановки.

УКАЗАТЕЛЬ

Главныхъ техническихъ терминовъ.

даетъ, что сказуемое извѣстнымъ образомъ содержится въ подлежащемъ.—II, гл. II, § 1 и II, гл. IV, § 1.

Образъ категорическаго силлогизма — опредѣляетъ три предложенія, въ томъ порядкѣ, въ какакомъ они стоятъ, по ихъ качеству и количеству II, гл. III, § 4.

Общій терминъ — I, § 6; II, гл. I, § 3, II, гл. IV, § 6.

Опредѣленіе — II, гл. V, § 6; III, § 10.

Особенность — сказуемое, которое можетъ принадлежать или не принадлежать предмету, отчего сущность вида не измѣняется. II, гл. V, § 4.

Отвлеченіе — II, гл. V, § 2.

Отвлеченный терминъ — II, гл. V, § 1.

Отличіе — II, гл. V, § 4.

Отсутствіе вопроса — ошибка (petitio principii, —begging the question) —III, § 3.

Ошибка — кажущееся доказательство. — II, гл. V, § 4.

Послѣдующее — часть условнаго предложенія, зависящая отъ другой. II, гл. IV, § 6. Прим.

Petitio principii (отсутствіе вопроса) — III, § 3.

Переносное значеніе — III, § 10.

Первичный смыслъ — III, § 10.

Подпротивныя предложенія — частныя положительное и отрицательное — II, гл. II, § 2.

Подлежащее предложенія — тотъ терминъ, относительно котораго что либо утверждается или отрицается, II, гл. II, § 2.

Различіе — II, гл. V, § 3.

Разсужденіе по кругу — ошибка — III, § 3.

Разрушительный — условн. силлогизмъ — II, гл. IV, § 3.

Распредѣленный терминъ — когда онъ употребляется во всемъ объемѣ и обнимаетъ всѣ предметы, имъ обозначаемые, I, § 5; II, гл. III, § 2.

Родъ — II, гл. V, § 3.

Свойство — сказуемое, означающее что либо, существенно соединенное съ сущностью вида — II, гл. V, § 3.

Связка — часть предложенія, утверждающая или отрицающая сказуемое о подлежащемъ. II, гл. I, § 2.

Силлогизмъ — доказательство въ строгой логической формѣ, т. е. такъ, что его убѣдительность видна по самому строенію выраженій и не обращая вниманія на значенія терминовъ. II, гл. III, § 1.

Синкатегорематическія слова — могутъ выражать только часть термина. II, гл. I, § 3.

Сказуемое предложенія — тотъ терминъ, который утверждается или отрицается о другомъ. II, гл. I, § 2.

Сказуемые термины — тѣ, которые могутъ быть утверждаемы о другихъ терминахъ. II, гл. V, § 2.

Слѣдствіе — связь между предыдущимъ и послѣдующимъ условнаго предложенія.

Соритъ — II, гл. IV, § 7.

Сужденіе — второе дѣйствіе ума, связывающее

понятія, добытыя посредствомъ представленія. II, гл. I, § 1.

Существенное опредѣленіе. — II. гл. V, § 6.

Тауматропическая ошибка. — III, § 11.

Тавтологія. — II, гл. V, § 6.

Терминъ — подлежащее или сказуемое предложенія. — II, гл. I, § 2.

Условное предложеніе — утверждаетъ зависимость одного категорическаго предложенія отъ другого. Условный силлогизмъ содержитъ такое предложеніе. II, гл. IV, §§ 3 и 6.

Утвердительное предложеніе утверждаетъ согласіе между подлежащимъ и сказуемымъ. II, гл. II, § 1.

Форма силлогизма. — II, гл. III, § 3.

Фигура силлогизма — означаетъ положеніе средняго термина по отношенію къ крайнимъ терминамъ заключенія — т. е. къ большему и меньшему терминамъ. II, гл. III, § 4.

Частное предложеніе — въ которомъ сказуемое утверждается или отрицается только о части подлежащаго.

Часть — логическіе виды называются частью рода, подъ который они подходятъ, индивидуумы же — частью вида; въ *дѣйствительности* же родъ есть часть вида, и видъ часть индивидуума. II, гл. V, § 5.

Чистое категорическое предложеніе — просто утверждаетъ, что сказуемое содержится или не содержится въ подлежащемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.